This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

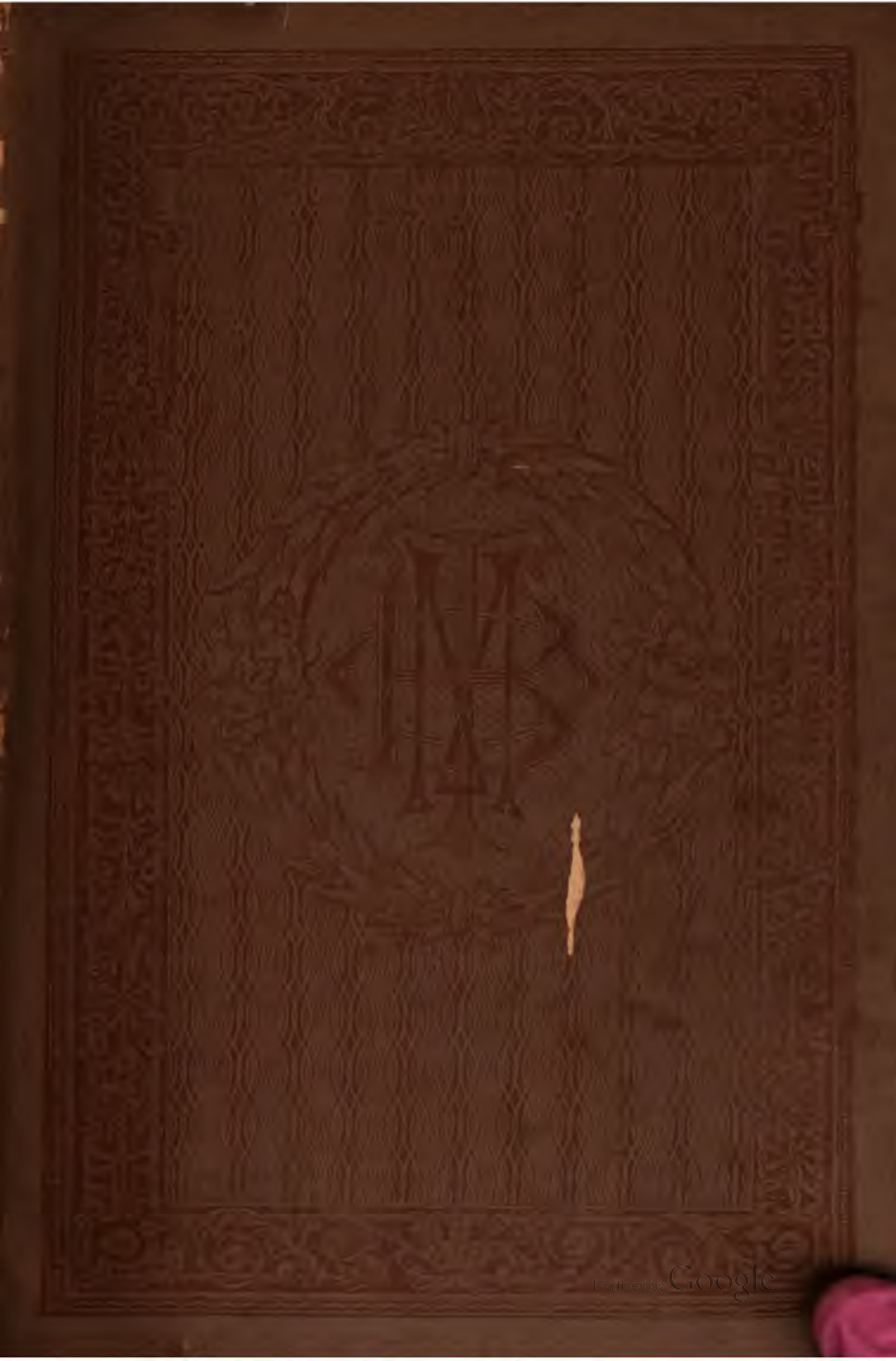
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav
4353.96
[8]

ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Digitized by Google


Digitized by Google

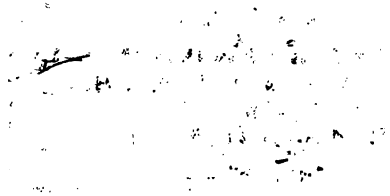
Digitized by Google

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Д. И. СТАХѢЕВА

ТОМЪ ВОСЬМОЙ

Digitized by Google



Digitized by Google

С-78

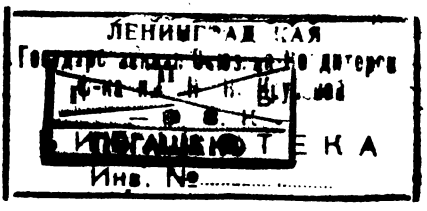
СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Д. И. СТАХѢЕВА

Съ біографіей М. Никольскаго, критическимъ этюдомъ П. В. Быкова и портретами автора.

ТОМЪ ВОСЬМОЙ

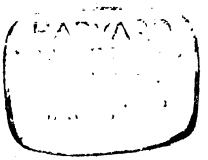
4237



ИЗДАНІЕ
ПОСТАВЩИКОВЪ ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, 18 | МОСКВА, Кузнецкій мостъ 12
1903

Digitized by Google

Slav 4353, 96.1 (8)



Дозволено цензурою. Спб. 15 февраля 1903 г.

Типографія Т-ва М. О. Вольфъ. С.-Петербургъ, В. О., 16 л., д. № 5—7.

Digitized by Google

НЕУГАСАЮЩІЙ СВѢТЪ

РОМАНЪ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

(ПАМЯТИ ДРУГА)

Digitized by Google

Digitized by Google

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

„Кастальскій ключъ волною вдохновенья
Въ степи мірской изгнанниковъ поитъ".
Пушкинъ.

I.

— Никогда имъ не понять меня. Изъ того, что я не получилъ первой золотой и лишенъ возможности закончить свое художественное образованіе заграницей—вовсе не слѣдуетъ обо мнѣ такъ обидно думать. Неужели только тотъ и художникъ, кто прожилъ извѣстное число лѣтъ заграницей. Какая нелѣпость! Да я не одинъ десятокъ насчитаю такихъ, которые застыли на первой золотой и дальше уроковъ рисованія не пошли. И еще болѣе насчитаю такихъ, которые имя и положеніе имѣютъ только потому, что они льстецы и хитрые пролазы. Я этого не могу, не хочу и презираю всякія окольныя дороги. Я на собственныя трудовыя средства поѣду въ Италію, ознакомлюсь съ работами знаменитыхъ мастеровъ, и тогда-то они увидятъ, по своей ли дорогѣ я иду. Да нѣтъ, и тогда они не увидятъ: они слѣпцы. А какъ пристаютъ, наѣдаютъ: «Оставь это невыгодное занятіе. Мы тебѣ найдемъ другое, во сто разъ лучше, и изнурять себя не будешь, и въ довольствѣ заживешь». Какое вамъ до меня дѣло? Я себя изнуряю, я терплю нужду. Ну да—терплю. Но вѣдь отъ васъ я помощи не прошу!

Такъ разговаривалъ самъ съ собою художникъ

Digitized by Google

Александръ Павловичъ Размашиловъ, шагая изъ угла въ уголъ по своей мастерской.

Онъ былъ въ большомъ волненіи. Полчаса тому назадъ онъ, какъ бомба, влетѣлъ въ свою мастерскую, сбросилъ съ себя прямо на полъ осеннее пальто, изъ подкладки котораго мѣстами торчала вата, и сталъ громко говорить и съ такою горячностью, точно старался кого-то въ чемъ-то убѣдить. Онъ то размахивалъ руками, то прижималъ ихъ къ груди, то поднималъ высоко надъ головой и потрясалъ ими. Казалось, онъ игралъ трагическую роль на сценѣ или говорилъ проповѣдь въ католическомъ костелѣ, устрашая овецъ своей паствы грядущими муками ада.

Густые каштановые волосы давно уже разметались по его головѣ во всѣ стороны, галстукъ сбился вбокъ... Да, что галстукъ! Пальто, темненькое, замѣтно уже поношенное, было разорвано отъ воротника до плеча и безпомощно моталось на спинѣ, точно крыло подстрѣленной птицы.

Хмуря брови и гнѣвно по временамъ косясь на двери, которыя открывали изъ передней входъ въ его мастерскую, онъ, повидимому, чего-то побаивался и, кажется, именно того, чтобы какъ-нибудь не открылась сама собой дверь, которую онъ при входѣ заперъ не только на ключъ, но и на крючекъ. Что она могла отпереться, это онъ очень хорошо сознавалъ, стоило только кому-то къ ней подойти и постучать — и онъ бы немедленно отворилъ. Онъ сознавалъ это и хмурился. Вѣрнѣе сказать, онъ сталъ сознавать это, когда пылъ его необычайной возбужденности нѣсколько остылъ.

Взглянувъ на простѣночное зеркало, находившееся въ комнатѣ главнымъ образомъ для того, чтобы черезъ отраженіе въ немъ провѣрять свои работы, онъ, наконецъ, замѣтилъ болтавшійся на спинѣ оторванный клокъ пальто и, трагически поднявъ обѣ руки кверху, воскликнулъ:

— О, проклятая нужда! Долго ли лучшая часть

Digitized by Google

человѣчества будетъ находиться въ твоей презрѣнной власти? Иванъ!—позвалъ онъ, отворяя дверь въ переднюю, и, вдругъ вспомнивъ, что Ивана ни въ какомъ случаѣ ему не дозваться, снова ее затворилъ.

— Гдѣ его докричаться отсюда! Когда не нужно, суется, болванъ, на каждомъ шагу, а теперь вотъ пойди, ищи его по двору... И зачѣмъ я взялъ отдѣльную квартиру? Для меня было совершенно достаточно одной меблированной комнаты,—выбралъ бы гдѣ-нибудь повыше, окнами на сѣверъ — и довольно. Ни заботъ, ни хлопотъ, мебель готовая, дрова тоже, посуда, самоваръ; прислуга починила бы что нужно... Чортъ знаетъ, что мнѣ въ голову лѣзетъ! Какой смыслъ теперь задумываться объ этомъ? Однако-жъ, пальто все-таки починить нужно!.. О, мерзость, мерзость!

Онъ сталъ искать на столѣ между книгами, бумагами, кистями и кусками картоновъ какую-то коробочку съ нитками и иголками.

— Была! помню, навѣрное знаю, что была, на прошлой недѣлѣ самъ лично купилъ, когда пуговица у брюкъ оборвалась... Но куда она положена — это вопросъ. А, наконецъ-то! Вотъ она!.. И я долженъ заниматься такими пустяками,—ворчливо шепталъ онъ, усаживаясь за починку пальто. — Я — художникъ, и вдругъ—чортъ знаетъ что такое! — съ иглой! Бѣжать надо! Бѣжать надо отъ города и его ничтожной суеты.. Поэтъ именно такъ и дѣлаетъ:

«Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ, и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы!..»

Сидя сгорбившись съ иглой въ рукахъ и декламируя стихи, онъ повременамъ укоризненно покачивалъ головой, видимо обвиняя свою судьбу за то, что она такъ враждебно несправедлива къ нему.

— А все—братъ! Этакое грубое существо! Нашелъ за что ухватиться. Ну, вотъ, пока будетъ держаться— и ладно! Какъ ни штопай, все равно—скверно и безъ

Digitized by Google

помощи портного не обойдешься... Пора, въ самомъ дѣлѣ, завести другое и непремѣнно сюртукъ. Какъ только получу деньги — первое дѣло — сюртукъ, по крайней мѣрѣ въ немъ можно куда угодно! Сюртукъ во всякомъ случаѣ вещь солидная, въ особенности, если сшить хорошо и изъ самаго лучшаго сукна.

II.

Надѣвъ пальто и оглянувъ себя въ зеркало, онъ еще разъ рѣшилъ, что починка произведена скверно, и плашмя свалился на диванъ, уставя глаза въ потолокъ. Старый клеенчатый диванъ жалобно заскрипѣлъ, когда онъ рухнулся на него всей тяжестью своего огромнаго тѣла. Онъ былъ высокаго роста, широкоплечій, съ румянцемъ во всю щеку и съ живыми черными глазами, вдумчивыми и глубокими. Чѣмъ болѣе онъ успокаивался, тѣмъ яснѣе сознавалъ, что велъ себя въ разговорахъ съ родными нехорошо, былъ нетерпѣливъ и рѣзокъ въ выраженіяхъ, въ особенности съ братомъ. Ему даже совѣстно стало за то, что онъ обозвалъ его байбакомъ, когда тотъ уговаривалъ его одуматься, и даже разорвалъ свое старенькое пальто, освобождаясь изъ его непрошенныхъ объятій.

— Одуматься,—размышлялъ онъ,—что значитъ на ихъ языкѣ одуматься? Значитъ — оставить любимое дѣло, на которое положено столько трудовыхъ лѣтъ, убить свою душу и жить такъ, какъ они живутъ. Да не могу я такъ жить. И зачѣмъ я къ нему хожу— самъ чортъ не разберетъ! Во сто разъ лучше, свободнѣе и пріятнѣе покормиться гдѣ-нибудь въ трактирѣ, хотя бы въ «Лондонѣ», напримѣръ, на углу Первой линіи и Средняго, или въ «Золотомъ Якорѣ». Тамъ, по крайней мѣрѣ, съ товарищами встрѣтишься, по душѣ поговоришь, если даже иной разъ и выпьешь— что за важность. За то уже навѣрное не услышишь тѣхъ скучно-практическихъ разговоровъ, которые ведутся въ семьѣ брата.

Digitized by Google

Онъ поднялся съ дивана и, остановясь передъ окномъ, сталъ смотрѣть на облака, сквозь которыя, пробивъ ихъ густую сѣрую массу, брызнулъ яркой полосой солнечный свѣтъ и заигралъ на куполѣ колокольни, на желтой стѣнѣ церкви, на снѣгу улицы.

— Эффектно! Очень хорошо. Какой чудесный рефлексъ... А, ну-ка еще!

Схвативъ палитру съ красками и кистями и первый попавшійся подъ руку холстъ, натянутый на подрамникъ, онъ принялся за работу. Солнечный лучъ, на мгновеніе мелькнувшій надъ городомъ, давно уже заволокли темныя тучи — зимніе спутники сѣвернаго неба, но онъ все еще жилъ имъ, чувствовалъ его во всей свѣжести перваго впечатлѣнія и, мѣшая краски, поспѣшно накидывалъ ихъ на холстъ.

— Чудный рефлексъ! Вотъ можетъ выйти вещь. Одинъ моментъ — и какое впечатлѣніе! Удивительно! Вотъ, если такой свѣтикъ пустить въ жанровой картинѣ — прелесть! Хотя бы, напримѣръ, на лицо въ моей картинѣ—чего лучше. Тучи можно сгустить еще больше, можно въ синеву податься, въ самую, что ни на есть чернѣйшую, молнію даже можно немножко припустить, и вдругъ сквозь этакую-то густоту—свѣтикъ и прямо на лицо... Ошеломляющее впечатлѣніе получится!

Стоя около окна и набрасывая краски съ палитры на холстъ, онъ по временамъ взглядывалъ на церковь, видимо оживляя впечатлѣніе и улавливая эффектъ недавняго свѣта на ея колокольнѣ. Въ увлеченіи работой, онъ, казалось, уже забылъ о всѣхъ тѣхъ непріятностяхъ, которыя вынесъ въ этотъ день изъ свиданія съ братомъ. И дѣйствительно, онѣ были забыты во время работы. Онъ даже не замѣтилъ, какъ перешелъ отъ окна къ мольберту и усѣлся около него. Но лишь только работа болѣе или менѣе закончилась и лѣвая рука освободилась отъ палитры, какъ лицо его вновь приняло то же гнѣвное выраженіе, съ какимъ онъ въ этотъ день возвратился въ свою мастерскую.

Digitized by Google

III.

Въ воображеніи его рисовались картины изъ жизни брата. Припомнилась такая сцена:

Братъ возвратился домой изъ конторы и идетъ по комнатамъ съ необыкновенно величественнымъ выраженіемъ лица.

— Ваня! Ваня! что ты? Что съ тобой? Даже головой кивнуть не хочешь?—спрашиваетъ жена, намѣреваясь загородить ему дорогу и широко раскинувъ для этого руки.

— Хе, хе!.. — лукаво подмигиваетъ онъ, дойдя, наконецъ, до своего письменнаго стола, — не мѣшай, жена!

Она въ недоумѣніи пожимаетъ плечами и глазъ не сводитъ съ его лица, на которомъ, въ самомъ дѣлѣ, и чортъ не пойметъ, что выражается.

— А вотъ, сожди немного, и все поймешь!

Онъ важно вынимаетъ изъ бокового кармана бумажникъ, кладетъ его на столъ и, величественно положивъ на него руку, говоритъ:

— Вотъ тутъ всѣ понятія находятся!..

— Да, это я знаю.

— Нѣтъ, не знаешь... ты не знаешь самаго главнаго, то-есть именно того, что у тебя мужъ — молодецъ перваго сорта,—вотъ что! Слушай: сегодня получилъ я отъ хозяина награду за усердную службу, три тысячи рублей,—вотъ я каковъ.

Жена порывисто бросается къ нему на шею и такъ обхватываетъ ее, точно въ самомъ дѣлѣ хочетъ его задушить.

— Умница, Ванечка!.. То-то я смотрю, идешь ты не такъ, какъ обыкновенно, и понять не могу.... Умница!..

Онъ доволенъ, что находитъ себѣ должную оцѣнку, улыбается во весь ротъ.

— Не глупа и ты, другъ мой, Сонюшка! Не глупа! —авторитетнымъ тономъ говоритъ онъ, — вижу, яв-

Digitized by Google

ственно замѣчаю, что разсуждаешь правильно. Слава Богу, и впредь таковыя разсужденія желаю отъ тебя слышать всегда, нынѣ и присно... Ха, ха!

Она всласть чмокаетъ его и въ щеку, и въ лобъ, и въ губы—и оба блаженствуютъ.

— Ахъ, да, погоди,—вдругъ вспоминаетъ мужъ и нажимаетъ пуговку электрическаго звонка, на звонъ котораго въ дверяхъ показывается лакей.

— Принеси, тамъ внизу, въ передней, въ бумагѣ свертокъ... Ну, я тебѣ скажу, Сонечка, и обѣдъ же былъ какой,—говоритъ Иванъ Павловичъ, развертывая поданный безмолвнымъ лакеемъ свертокъ, — уха изъ свѣжихъ стерлядей, да вѣдь изъ какихъ крупныхъ— вотъ какого размѣра,—ей-ей!.. Къ ней пирогъ по-сибирски изъ трехъ рыбъ съ визигой — очаровательная штука! Потомъ какая-то чертовщина изъ мясного съ трюфелями. Это мнѣ не понравилось. И чортъ знаетъ еще что было! И спаржа, и сабайены, и пломбиръ съ фруктами, а вино—хоть купайся въ немъ. Все было роскошно и великолѣпно. Вотъ суди по грушамъ—по три рубля за каждую плачено! Прелесть что это такое — вкусъ, ароматъ, нѣжность, ну — масло, а не груша!.. Я говорю, извините, Поликарпъ Поликарповичъ, у меня семья и такихъ грушъ мнѣ необходимо, по крайней мѣрѣ, пятокъ на выносъ. Хозяинъ такъ и прыснулъ:—Ха-ха-ха!.. Изволь, говоритъ, Иванъ Павловичъ, бери хоть всѣ, потому какъ теперь, говоритъ, годовой отчетъ закончили и барышка Господь послалъ достаточное количество, — можемъ мы тебѣ грушъ этихъ самыхъ отвалить сколько угодно. Свѣжей зернистой икры предложилъ взять на выносъ,—я тебѣ, говоритъ, ложкой въ карманъ накладу. Все равно, говоритъ, деньги заплачены и зря пропадаетъ, а товаръ цѣнный. Смѣется, конечно. Дѣйствительно, свѣжей икры осталось отъ закуски почти полная ваза.

— Неужели никто не ѣлъ? Господи! — этакую то прелесть не ѣсть!

— Какъ не ѣли,—двѣ большихъ вазы опорожнили.

Digitized by Google

Это ужъ съ третьей не могли совладать... Разумѣется, люди тоже не безъ разсудку и приберегали себя къ обѣду.

— Да, ладненько живемъ,—заключилъ Иванъ Павловичъ, окончивъ разсказъ объ обѣдѣ. — Слава Богу, очень даже не худо. Пусть другіе такъ поживутъ.

— Да, Ванечка, пусть поживутъ,—подсказала жена. —Дай Богъ, чтобы дѣточки наши такъ жили. Спаси ихъ, Царь небесный, отъ всякихъ художествъ, чтобы, то-есть, ни музыкантами, ни пѣвцами, ни писателями, ни живописцами они не были.

— Господи! Отчего же я не могу съ такимъ изумительнымъ спокойствіемъ жить?—думалъ Александръ Павловичъ.—Съ какой стати зародились во мнѣ совсѣмъ иныя стремленія, чѣмъ у брата? Казалось, росли мы при одинаковыхъ условіяхъ, и отецъ о нашемъ образованіи не только не заботился, но даже старался уберечь насъ отъ него.

IV.

Онъ закрылъ глаза и перенесся мысленно въ дни своего дѣтства.

Низенькія, маленькія комнаты, тишина кругомъ, дневныя заботы кончились и хозяйственныя распоряженія тоже. Мать стоитъ передъ отцомъ въ грустной задумчивости, приложила къ щекѣ правую руку, лѣвою ее поддерживаетъ подъ локоть. Отецъ сидитъ на сундукѣ, покрытомъ тюменскимъ ковромъ, и, медленно поглаживая свою пушистую, пепельнаго цвѣта, бороду, покачиваетъ головой. Мать спрашиваетъ, когда и куда онъ думаетъ опредѣлить дѣтей, а отецъ молчитъ.

— Скажи ты мнѣ!.. Что же молчишь, точно воды въ ротъ набралъ.

— Все, мать, будетъ въ свою пору,—отвѣчаетъ наконецъ онъ,—и пѣнію время и молитвѣ часъ—все придетъ. Подростутъ, Богъ дастъ, купцы будутъ обстоятельные. Слава Тебѣ, Господи, домикъ у насъ

Digitized by Google

свой, торговля чистая, въ долгъ не отпускаемъ и сами не должаемся. Сумѣютъ сберечь добро — проживутъ вѣкъ спокойно...

— Ты все судишь по-своему, по-старинному, а время-то нонче не прежнее.

— Время, мать, все одно, и ежели человѣкъ хорошо себя содержитъ,—вездѣ ему будетъ мѣсто, хотя бы даже и безъ капиталу.

— А все-таки я тебѣ скажу — поучи ты дѣтей, хорошенько поучи.

— За что это? Опять стало-быть напроказничали? Ахъ, шалуны! Учить надо—это вѣрно! Часто, конечно, не слѣдуетъ, но если ужъ порку задать, то горячую, чтобы до новыхъ вѣниковъ не забыли.

— Да нѣтъ, не то! Погоди, не о томъ я говорю,— возражаетъ мать, отмахиваясь отъ его словъ обѣими руками,—ничего они не напроказили.

— Насчетъ чего же ты?

— Насчетъ ученья, образованности. Надо бы ихъ, чтобы по нонѣшнему времени. Погляди, какъ добрые люди учатъ своихъ дѣтей.

— А какъ? скажи-ка.

На лицѣ отца ироническая улыбка уже обрисовывается съ рѣзкою опредѣленностью.

— Учатъ хорошо...

— То-есть, какъ хорошо?

— Въ чины выводятъ.

— Это не основательно.

— Почему такъ?

— Не-зачѣмъ! не нужно!

— Этого, отецъ, мало... Ты объясни по порядку, отчего другимъ нужно, а намъ не нужно...

— Объяснять тоже нечего и не къ чему. Другіе— сами по себѣ, мы сами по себѣ. Вотъ и весь сказъ.

Мать знаетъ характеръ отца и видитъ по выраженію лица его, что продолжать съ нимъ разговоръ нужно съ осторожностью. Она умолкаетъ и ждетъ, чтобы отецъ самъ заговорилъ.

Digitized by Google

— И чины, я тебѣ скажу,—продолжаетъ отецъ послѣ нѣкотораго молчанія,—и чины, и ученье, и кавалеріи разныя—все пустяки, такъ—тлѣнъ!..

— Для чего же въ такомъ разѣ заведены гимназіи, академіи разныя?—возражаетъ мать.

— Это не наше дѣло!

Въ заключеніе разговора отецъ не спѣша приноситъ изъ своей комнаты Библію, торжественно приподнимаетъ ее и, не менѣе торжественно раскрывъ ея кожей обтянутыя деревянныя крышки, возглашаетъ.

— Внимай, старуха. Я тебѣ отъ писанія прочитаю.

— Опять за то же. Слыхала я.

— Нѣтъ, погоди. Ежели ты завела разговоръ, въ такомъ разѣ должна его довести до конца.

— Будетъ тебѣ.

— Вотъ что говоритъ Соломонъ... Знаешь, кто былъ Соломонъ?..

— Знаю, знаю... Сколько разъ разсказывалъ.

— То-то! Царь былъ, да какой! Мудрѣйшій изъ царей! И это завсегда нужно помнить укуратно. Вотъ что онъ говоритъ: «Во многой мудрости много печали, и кто умножаетъ познанія—умножаетъ скорбь». Чувствуешь?

— Оставь, довольно.

— Святая книга говоритъ.

V.

— Боже мой! Сколько разъ такіе разговоры отца съ матерью повторялись и какъ они мнѣ памятны съ дѣтства. Помню даже подробности обстановки того времени—синее платье матери, шелковый темный платокъ на ея головѣ, помню ея кроткій взглядъ, черныя брови дугой и мелкія, мелкія морщины по всему лицу, помню желтыя крашеные полы въ комнатахъ, блестящіе, какъ зеркало, и на нихъ бѣлые, всегда чистые холщевые половики, образа въ переднемъ углу старинаго письма съ ликами почти коричневаго цвѣта и

Digitized by Google

лампады передъ ними; помню, какъ отецъ въ ситцевой рубахѣ на выпускъ и черныхъ плисовыхъ шароварахъ пьетъ чай съ блюдечка, утвердивъ его на пяти пальцахъ. Помню, какъ, бывало, на бѣломъ половикѣ сѣрый жирный котъ лежитъ вверхъ брюхомъ и лапками своими забавляется, и какъ отецъ осуждаетъ его за такое, будто-бы предосудительное, препровожденіе времени. «Ты не долженъ этого дѣлать, — говоритъ онъ,—у тебя есть настоящія хозяйственныя обязанности, насчетъ, значитъ, крысы и мыши, а ты замѣсто того нѣжишься. Дѣло выходитъ такое, что ты, значитъ, не котъ, а свинья». Отецъ, бывало, шутитъ такъ, а потомъ, вдругъ поднявшись на ноги, громко вскрикиваетъ: «Бр-рысь ты, дармоѣдъ!» Котъ со всѣхъ ногъ кидается изъ комнаты, и слышно потомъ, какъ онъ отфыркивается, скрывшись куда-то въ темный уголъ.

— Вотъ она какова была стариковская жизнь,—думалъ Александръ Павловичъ. — Да, жили по-старинному, ѣли по-долгу и по-многу и вздыхали по временамъ тяжко, въ особенности послѣ ужина. Отецъ даже стоналъ во снѣ и иногда затягивалъ длинное, длинное: «О-о! батюшки-и, ка-ра-улъ», пока мать его не раскачаетъ.—«Господи! страсти какія: приснилося мнѣ, что разбойники деньги у меня отнимаютъ!» Бывало, онъ, разсказывая о страшномъ снѣ, крестится на образа и шепчетъ потомъ молитву: «Господи спаси, Господи защити, Господи сохрани». Зато онъ не томился никакими вопросами жизни и намъ того же желалъ. Можетъ быть, онъ не только на основаніи библейскаго авторитета, но и по собственному житейскому опыту зналъ, что мудрость до добра не доведетъ, и что кивя просто, проживешь лѣтъ со сто», и на этомъ нованіи не далъ кончить гимназическаго курса ни ѣ, ни брату и на четырехъ классахъ ученье обо алъ. Мнѣ-то онъ все-таки не помогъ, и печалей у ня великое множество, если не отъ многой мудрости, отъ многой любви къ искусствамъ. Правду говорятъ

Digitized by Google

старые люди, что кого Богъ чѣмъ накажетъ, тотъ тѣмъ и мучится. Иному и талантъ въ наказаніе, — и это всего чаще. Нѣтъ, тутъ есть что-то фатальное, отъ чего не уберегутъ никакія практическія соображенія родителей. Тутъ на этихъ свойствахъ воспріимчивости души проклятіе какое-то, наказаніе свыше за неизвѣстныя, неизвѣстно кѣмъ и когда совершенныя прегрѣшенія. Вонъ братъ смотритъ на всѣ искусства, какъ гранитный сфинксъ смотритъ каменнымъ окомъ безстрастно и недвижно въ даль пустыни. А меня и музыка, и живопись, и все то, въ чемъ проявляются высшія творческія силы духа, и сама природа,—все это меня трогаетъ, умиляетъ, вызываетъ рыданія, и наша обыденная жизнь кажется въ это время такой жалкой и ничтожной. Ученые говорятъ, что это тоска по идеалу, стремленіе души въ вѣчность, къ тому источнику безначальнаго и безконечнаго бытія, отъ котораго она снизошла на землю и къ которому рвется вновь возвратиться.

VI.

Его вопросъ о томъ, зачѣмъ, онъ, будучи не доволенъ братомъ и порицая его образъ жизни, все-таки не прерываетъ съ нимъ сношеній, имѣлъ давно готовый отвѣтъ, въ которомъ собственно и надобности не было, такъ какъ и самъ онъ, и братъ, и семья его знали содержаніе этого отвѣта. Дѣло въ томъ, что въ семьѣ брата съ нѣкотораго времени, именно послѣ переѣзда съ дачи, появилась молодая дѣвушка въ должности приходящей учительницы. Съ первой же встрѣчи съ нею Александръ Павловичъ сталъ о ней задумываться. Братъ и жена его замѣчали, что и она тоже посматриваетъ на Александра Павловича не безъ задумчивости. Иванъ Павловичъ, какъ практическій человѣкъ, сталъ на этихъ взглядахъ основывать нѣкоторый, не лишенный значенія, планъ.

Онъ думалъ такъ:

Digitized by Google

— Марья Ярославна дѣвушка хорошая и умная, и нрава кроткаго,—что, еслибы въ самомъ дѣлѣ, при ея посредствѣ, брата на ноги поставить? Она дѣвушка бѣдная, живетъ своимъ трудомъ, отца у нея нѣтъ, мать тоже перебивается кое-какъ. Разумѣется, Саша, въ настоящемъ своемъ положеніи, ей не партія: себя не можетъ какъ слѣдуетъ содержать,—гдѣ же тутъ думать о женитьбѣ. Конечно, она все это видитъ и понимаетъ, поэтому и въ чувствахъ своихъ себя ограничиваетъ; но вѣдь видно, что онъ ей по душѣ и она ему тоже. Вотъ если бы удалось этою любовью выбить изъ него блажь—какъ бы это было хорошо. Мѣсто бы я ему досталъ надежное, да что мѣсто! это ужъ, такъ сказать, пустяковое дѣло, парень онъ съ головой, куда умнѣе меня, и начитанный, сбился только немного съ настоящей дороги,—мѣсто можно предоставить такое, что любо-дорого: это все въ нашихъ рукахъ. Главное—уломать его надо, а онъ такой человѣкъ, что ничѣмъ инымъ его, пожалуй, не возьмешь, какъ только вотъ этимъ путемъ,—черезъ любовь, значитъ.

Задавшись мыслію о возможности «хорошаго дѣла», Иванъ Павловичъ сталъ иногда заводить о немъ разговоръ съ молодой дѣвушкой.

Какъ-то разъ послѣ обѣда, сидя въ гостиной на диванѣ и покуривая сигару, онъ ей сказалъ:

— А вѣдь у меня, милая барышня, есть къ вамъ одно дѣльце, очень, примѣрно сказать, тонкаго и деликатнаго свойства... Ужъ вы меня извините, я буду говорить о немъ откровенно, по-русски, знаете, по душѣ.

— Какое дѣло, Иванъ Павловичъ?—изумилась Марія Ярославна и безпокойно оглянула двухъ мальчиковъ, его сыновей, разставлявшихъ тутъ же въ гостиной на коврѣ свои игрушки.

Иванъ Павловичъ былъ бойкій и наблюдательный человѣкъ и сразу замѣтилъ, что испугалъ ее своимъ разговоромъ.

Digitized by Google

— Нѣтъ, вы не то... не такъ меня поняли, ребята тутъ не причемъ... Я къ вамъ имѣю другое дѣло, даже, признаться, нѣсколько тонкаго свойства... Мнѣ... впрочемъ не мнѣ одному, а и Сонечкѣ было бы отъ такого дѣла пріятно; а ужъ о Сашѣ и говорить нечего. Ему бы хорошо... очень хорошо...

— Я не понимаю, Иванъ Павловичъ, о чемъ вы говорите,—отвѣчала она, вспыхнувъ.

— Охъ, понимаете!—прищуривъ глаза, отвѣтилъ онъ и погрозилъ ей пальцемъ. — Задача въ томъ, видите ли,—продолжалъ онъ,—что намъ требуется Сашу образумить, а никакъ не можемъ — упирается. Одна надежда на васъ,—выручайте. Надо человѣка на рельсы поставить, на настоящую дорогу.

— Какой странный разговоръ!—въ смущеніи сказала она и, чтобы скрыть его, заговорила съ дѣтьми по-французски.—Митя! ты старшій, уступи Колѣ...

— Не то, не то, Марья Ярославна,—вы зубы-то не заговаривайте,—продолжалъ Иванъ Павловичъ,—съ дѣтьми успѣете еще наболтаться, позвольте спервоначала разговоръ довести до точки... Я кое-что вижу и даже, можно сказать, довольно основательно. Напрасно вы плечами пожимаете, совсѣмъ это къ дѣлу не идетъ и лучше не притворяйтесь. Стараго воробья, какъ говорится, не проведешь.

Иванъ Павловичъ обдернулъ бѣлый пикейный жилетъ, погладилъ бороду, оглядывая себя въ простѣночное зеркало, и, поправляя концы яркаго цвѣтного галстука, добавилъ:

— Очень бы былъ радъ, ежели бы вы... въ самомъ дѣлѣ взяли его въ руки. Пропадаетъ парень ни за грошъ.

— Отчего?—спросила она, взглянувъ на него исподлобья.

— А оттого, что не дѣломъ занимается, пустяки въ голову забралъ... Не его это дѣло, не по немъ... Судите сами, который уже годъ ни то, ни се. Больше скажу: не только что ни то, ни се, а годъ отъ году

Digitized by Google

хуже... Одно слово—съ рельсовъ сбился и по насыпи претъ, того и гляди, кувыркомъ полетитъ.

— Царь небесный,—воскликнула жена, входя въ это время въ комнату,—какія слова!

— Что тамъ—слова, парень отъ рукъ отбивается, а ты—слова!

Жена тревожно оглянулась назадъ, видимо изъ опасенія, не услыхалъ бы этого разговора Александръ Павловичъ.

— Да, да,—вздохнувъ, добавила она,—очень намъ всѣмъ его жаль...

— Но при чемъ же я?—тихо проговорила Марья Ярославна.

— Хе! хе! по глазамъ вижу,—проговорилъ Иванъ Павловичъ, — что вамъ отвѣта на вопросъ не нужно.

Она совсѣмъ смутилась. Къ увеличенію ея смущенія Александръ Павловичъ показался въ эту минуту въ дверяхъ.

— Гм... гм... что это, братъ, ты, кажется, опять подшучиваешь надъ Марьей Ярославной, — это, наконецъ, ни на что не похоже.

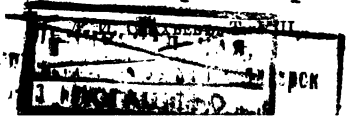
— Въ самомъ дѣлѣ, Ваня, перестань,—вступилась жена,—заводишь Богъ знаетъ какіе разговоры, не то притчами, не то загадками.

Александръ Павловичъ былъ смущенъ не менѣе Марьи Ярославны и, чтобы скрыть свое смущенье, нарочно заволновался сильнѣе.

— Хе, хе! Ты не больно строго говори со мной,—возразилъ братъ, — остынь малость... Вы, Марья Ярославна, все-таки окажите намъ помощь, — продолжалъ онъ, усаживаясь поближе къ Марьѣ Ярославнѣ.— Знаете, что я вамъ на ушко шепну. Вы взгляните на него: вѣдь онъ весь въ вашихъ рукахъ, изъ него вы можете, какъ говорится, веревки вить.

— Оставьте, прошу васъ!..

— Весь его художническій задоръ отъ одного вашего слова прахомъ разсыплется...



Digitized by Google

— Боже мой! Софья Петровна! скажите вашему супругу, чтобы онъ замолчалъ...

Александръ Павловичъ схватилъ брата за руку и потащилъ въ другую часть комнаты.

— Перестань, тебѣ говорятъ, — истуканъ ты безчувственный, что-ли!

Братъ смѣялся, жена его улыбалась, Марья Ярославна не знала, куда глаза дѣвать, а Александръ Павловичъ продолжалъ упрекать брата и именно только для того, чтобы было на что смотрѣть и скрывать свое смущеніе.

VII.

Какъ-то вечеромъ послѣ обѣда онъ, случайно или намѣренно—Богъ его знаетъ, вышелъ изъ квартиры брата въ одно время съ Марьей Ярославной... Онъ вызвался ее проводить на извозчикѣ, ссылаясь, главнымъ образомъ, на то, достойное вниманія обстоятельство, что ему «по дорогѣ». Когда, послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ упрашиваній, она согласилась ѣхать съ нимъ, у него отъ восторга духъ захватило, и первыя пять минутъ пути онъ слова не могъ выговорить. Овладѣвъ потомъ смущеніемъ, онъ заговорилъ о своихъ чувствахъ, о непрестанныхъ думахъ о ней, о тоскѣ, которую испытываетъ, не видя ея, и т. д. Она молчала, опустивъ глаза и, повидимому, тоже отъ волненія, не рѣшалась взглянуть на него, хотя бы даже исподлобья.

— Я человѣкъ прямой, откровенный, — шепталъ онъ уже не робко, а съ страстною горячностью и отъ волненія ежеминутно поправлялъ свою широкополую шляпу, то надвигая ее на лобъ, то сдвигая на затылокъ, — я весь на-лицо, худъ или хорошъ, судите сами. Вы молчите? Дорогая моя, скажите, наконецъ

— Что я могу сказать?

— Скажите: да или нѣтъ... Боже мой! Я же замѣчаю. Неужели вы думаете, я не вижу вашихъ чувствъ. Вы только слово скажите, одно слово — и я

Digitized by Google

ожилъ, у меня крылья выростутъ, я вознесусь превыше звѣздъ небесныхъ! Я чувствую, что при вашей взаимности во мнѣ вспыхнетъ яркимъ пламенемъ такая сила, такая энергія...

— Къ чему?

— Какъ къ чему? Ахъ, Боже мой! Я теперь пришибленъ, придавленъ къ землѣ и все-таки могу работать и написалъ... то-есть уже почти написалъ такую картину, которая... которая должна обратить на себя общее вниманіе.

— А если нѣтъ?

— Какъ нѣтъ? — съ необычайною поспѣшностью возразилъ онъ,—какъ нѣтъ? Что вы сказали? Что значитъ нѣтъ? Вы не любите? Это неправда! Марья Ярославна, слышите, это неправда. Я по глазамъ вижу... Вы, навѣрное, хотѣли сказать другое, то-есть, не о любви, а именно о томъ, что моя картина не обратитъ на себя общаго вниманія. Да! вы это хотѣли сказать?

Она какъ-то вдругъ встрепенулась и стала прислушиваться къ его словамъ, припоминая то, что говорилъ о его художественной дѣятельности его братъ.

— Если вы именно въ этомъ смыслѣ хотѣли сказать: «нѣтъ»,—продолжалъ онъ,—то это еще, конечно, не бѣда, и я вамъ докажу, что вы ошибаетесь, это очень даже скоро будетъ. Это само собою опредѣлится... Главное не это: вы только не убивайте меня, моей энергіи. Мнѣ нужна именно ваша поддержка, и всего мѣсяцъ, много два подождать, — тогда все опредѣлится, все будетъ ясно.

— Что именно?—глухо спросила она, не глядя на него.

— Ясно будетъ мое положеніе. Я кончу картину, одамъ ее, тогда мнѣ уже во сто разъ будетъ легче одолжать свою артистическую дѣятельность: будетъ я. Я начну другую, сложнѣе по задачѣ, смѣлѣе, ьезнѣе. Оживотворенный вашею любовью, я напишу примѣрную вещь, я прославлю въ грядущихъ вѣкъ и себя, и васъ.

Digitized by Google

— Меня?

— Да, и васъ,—черты вашего милаго лица будутъ жить въ моихъ произведеніяхъ.

— Какой вы... самонадѣянный!

— То-есть, какъ это понимать. Въ чемъ моя самонадѣянность, Марья Ярославна? Я васъ спрашиваю, скажите же, въ чемъ вы ее видите? Почему вы молчите? Послушайте, это и обидно, и тяжело. Послушайте. Вы имѣете обо мнѣ совершенно ложныя понятія,—увѣряю васъ.

— Можетъ быть... Конечно... Извините, я сказала необдуманно... Во всякомъ случаѣ, этого говорить не слѣдовало...

Она проговорила эти слова тихо и медленно, съ большими остановками, видимо обдумывая каждое, прежде чѣмъ его произнести. Онъ, выслушивая ихъ, можно сказать, задыхался отъ нетерпѣнія, желая поскорѣе высказать свои возраженія.

— Я не самонадѣянный... Ради Бога, повѣрьте этому, я только откровенный человѣкъ, и что я чувствую, то и говорю. Я чувствую въ себѣ огромныя силы и не скрываю этого. Зачѣмъ я буду скрывать и скромничать? Это было бы притворство, фальшь.

Когда они доѣхали наконецъ до того дома, въ которомъ она занимала комнату, онъ даже испугался Ему казалось, что онъ и сотой доли не высказалъ того, что долженъ былъ высказать. Выйдя изъ саней, она протянула ему руку, смущенно смотря внизъ, и тихо, едва слышнымъ шепотомъ, сказала:

— Прощайте.

— Какъ, прощайте? Вы еще не сказали мнѣ... Это ужасно, Марья Ярославна... Это невозможно... Позвольте, я зайду къ вамъ на пять минутъ.

— Ахъ, нѣтъ.

— Но необходимо же договорить.

— Александръ Павловичъ, — прошептала она, косясь на ворота,—на насъ смотрятъ...

Digitized by Google

— Богъ съ ними, пусть смотрятъ... Пусть весь свѣтъ смотритъ.

— Но, послушайте, вы не одни...

Шляпа его была сдвинута такъ безшабашно набекрень, что дворникъ, стоявшій у воротъ въ бараньей шубѣ съ поднятымъ воротникомъ, давно уже рѣшилъ, что ежели человѣкъ при такомъ морозѣ такъ носитъ шляпу, то либо онъ вывивши, либо не въ своемъ умѣ.

— Пройдемтесь, наконецъ, пѣшкомъ... Ну, что вамъ стоитъ, одинъ кварталъ... Вы не озябли?

— Озябла.

— Ахъ!—тревожно заволновался онъ,—въ такомъ случаѣ, конечно, какая же прогулка. Но мы увидимся? И скоро, разумѣется? И вы мнѣ тогда скажете? Отвѣчайте же, вы скажете?

Въ отвѣтъ на эти вопросы она молча подала ему руку, но, однако же, не удержалась и крѣпко пожала ее.

Когда потомъ, поднявшись на пятый этажъ, она вошла въ свою маленькую комнату, бѣдно и скудно обставленную, лицо ея было блѣднѣе обыкновеннаго, и нижняя губа по временамъ вздрагивала. Не спѣша снимая съ себя шерстяной платокъ, шапочку, пальто, теплыя калоши, она едва-ли сознавала, что именно дѣлаетъ, и смотрѣла все это время куда-то въ неопредѣленное пространство. Когда, наконецъ, пальто было повѣшено на гвоздикъ, она остановилась въ задумчивости по-серединѣ комнаты, тоже едва-ли сознавая, гдѣ стоитъ, и потомъ въ слезахъ кинулась на кровать, уткнувшись лицомъ въ подушку.

— Господи! Какая я несчастная!

VIII.

Разговоръ ихъ, не оконченный при этомъ свиданіи, возобновлялся потомъ нѣсколько разъ въ квартирѣ Ивана Павловича, при всякомъ болѣе или менѣе удобномъ случаѣ. Но она попрежнему была скупа на отвѣты и избѣгала его взглядовъ.

Digitized by Google

— Марья Ярославна, скажите же, наконецъ, — просилъ онъ.

— Я уже сказала... что вы... идеалистъ...

— Что же значитъ идеалистъ, мечтатель, что ли, человѣкъ безъ твердой почвы подъ ногами, да?

— Извините меня... Мнѣ нужно къ дѣтямъ...

Онъ тревожно оглянулся, опасаясь, не услыхалъ бы кто ихъ разговора, и, молитвенно сложивъ руки на груди, зашепталъ:

— Я не мечтатель, увѣряю васъ. Нѣтъ! Это вамъ мой любезный братецъ съ женой наговорили. Это они, навѣрное они, внушили вамъ ложныя понятія о значеніи моей художественной дѣятельности. Подумайте, можно ли ихъ слушать, вы сами видите, они темные люди. Увѣряю васъ, не облака подо мною, а твердая почва, и не воздушные я замки строю. Вы въ этомъ вскорѣ убѣдитесь. Мнѣ нужно только слово ваше— одно слово. Я вамъ всю душу, всѣ силы, всѣ способности, всю энергію мою—все вамъ отдамъ...

Она тоже кидала тревожные взгляды во всѣ стороны, видимо не зная, что дѣлать, говорить или молчать, уйти или оставаться на мѣстѣ; по всѣмъ ея движеніямъ замѣтно было, что она переживаетъ тяжелое душевное состояніе.

— Александръ Павловичъ,—проговорила она наконецъ, — оставьте... Прекратите этотъ разговоръ. Я уже сказала вамъ, что не могу... Повѣрьте, я очень страдаю.

Она готова была опять расплакаться, но удержалась и, нервно подернувъ плечами, точно силясь сбросить съ себя это тяжелое душевное состояніе, громко проговорила, обращаясь къ дверямъ сосѣдней комнаты:

— Дѣти! Коля, Митя! Идите сюда. Что вы там дѣлаете... Ахъ, Боже мой!..

Ея голосъ показался ей самой страннымъ, точно не она говорила, а кто-то другой.

Digitized by Google

Послѣ того, какъ онъ убѣдился въ томъ, что Марья Ярославна не вѣритъ въ его артистическую карьеру, онъ сгорбился какъ-то и осунулся, чему до нѣкоторой степени были, впрочемъ, причиной и усиленныя занятія и стѣсненныя денежныя обстоятельства.

О ней онъ не переставалъ думать. Въ его воображеніи рисовалась она, стройная, средняго роста, брюретка. Онъ чувствовалъ запахъ духовъ ея платка, видѣлъ предъ собой ея красивую головку съ высокой черепаховой гребенкой въ волосахъ, ея шейку съ синенькими на ней жилками и съ характерной ямочкой у начала грудной клѣтки. Черное кашемировое платье съ маленькими золочеными пуговками отъ ворота, тонкая талія, высокая грудь, взглядъ то задумчивый, то вопросительный, то смущенный — все это возникало предъ нимъ со свѣжестью перваго впечатлѣнія, и онъ, какъ художникъ, могъ бы въ эти минуты начертить на память ея портретъ.

— Какая симпатичная, какая скромная, и какъ уклончива,—думалъ онъ о ней,—что за прелесть ручка! Такія ручки можно встрѣтить только на античныхъ статуяхъ, да пожалуй, еще у Кановы,—больше ни у кого. Торвальдсенъ такихъ и во снѣ не видалъ. Вообще соразмѣрность формъ изумительная! Но увы, не въ этомъ дѣло! Она ставитъ рѣшеніе ясно и твердо— и не въ мою пользу. Въ самомъ дѣлѣ, не безумная же она, чтобы связать судьбу свою съ такимъ бездомнымъ бѣднякомъ, безъ имени, безъ средствъ, даже безъ работы. Точно опредѣляя мое положеніе, можно сказать — я нищій. Въ будущемъ — другое дѣло. Въ будущемъ все — и слава, и деньги, и любовь. Въ будущемъ—любовь, — повторилъ онъ, иронически улыбаясь,—ха, ха, какая нелѣпость. Прежде, чѣмъ я успѣю выбраться изъ настоящаго затруднительнаго положенія любовь десять разъ погаснетъ, какъ бы глубоко она ни таилась на днѣ души. И то еще нужно сказать— выберусь ли я.

При этой мысли его даже передернуло.

Digitized by Google

— Она меня любитъ. Это же видно... Господи, не слѣпой же я въ самомъ дѣлѣ. И если даже предположить... Положимъ, невозможное предположеніе... Ну, пусть такъ, если даже она, наконецъ, поймета меня, и сила любви ея возрастетъ настолько, что нарушитъ всѣ ея житейскія соображенія... Положимъ, она рѣшится, наконецъ, связать свою судьбу съ моею,— а мать? Не удержитъ развѣ она ее отъ такого рискованнаго, по ея мнѣнію, шага? Несомнѣнно удержитъ,— она схватится за нее обѣими руками, на колѣна предъ ней упадетъ, будетъ плакать и молить: «Не губи себя!» А все почему? Потому что мое положеніе неопредѣленное, потому что я человѣкъ бѣдный!.. И кто знаетъ, можетъ быть, картина, на которую я возлагаю такія надежды, принесетъ мнѣ неисчислимыя огорченія. О, нѣтъ! нѣтъ! Этого не можетъ быть. За картину-то я, по крайней мѣрѣ, ручаюсь. Что другое тамъ можетъ случиться—не знаю. Но, картина! Боже мой! Да какъ же можно допустить, чтобы картина не удалась. Картина должна произвести ошеломляющее впечатлѣніе. Подожди, любезный братецъ, Иванъ Павловичъ, не то ты запоешь, и вы, Марья Ярославна, да, и вы тоже!.. Подождите!

И, окрыленный надеждами, онъ снова пріободрялся.

IX.

Комната, въ которой онъ ютился съ своими мольбертами, манекенами и гипсовыми слѣпками, была довольно просторная и высокая, но весьма запущенная и грязная. Стекла въ окнахъ были тусклы, потолокъ темносѣраго цвѣта, съ обвалившимся мѣстами карнизомъ; покосившіяся двери визжали и скрипѣли на ржавыхъ петляхъ и т. д. Оживляли ее только этюды, развѣшенные по стѣнамъ и, можно сказать, закрывавшіе ихъ собою. Этюды были не только безъ рамъ, но и безъ подрамниковъ,—прямо холсты, приколотые къ штукатуркѣ стѣны кнопками. Они изображали

Digitized by Google

лѣса, болота, степи и жанровыя сценки, и ветхія, покосившіяся избы. Кромѣ этихъ этюдовъ, не превышавшихъ своими размѣрами полуаршина въ ширину и трехъ четвертей въ высоту, въ комнатѣ находились холсты, уже натянутые на подрамники. Они были разныхъ размѣровъ, и въ аршинъ, и въ полтора, и въ два,—всѣ были повернуты къ стѣнѣ лицевой стороной, и большіе закрывали собою малыхъ и на всѣхъ въ одинаковой степени лежала густымъ слоемъ пыль, какъ доказательство, что хозяинъ давно уже не обращаетъ на нихъ никакого вниманія. Лицевой стороной къ свѣту стояли только на двухъ мольбертахъ двѣ картины и третья на полу, прислоненная къ ножкамъ мольберта, — вещь уже, какъ видно, предназначенная къ сдачѣ по принадлежности. На одномъ мольбертѣ была тоже почти законченная жанровая картина, изображавшая пожилого крестьянина, гнѣвно смотрѣвшаго на мрачныя, черныя тучи, повисшія надъ землей, и злобно сжимавшаго кулаки. Онъ стоялъ на окраинѣ хлѣбнаго поля, на которомъ густые, высокіе колосья ржи были выбиты, свалены, смяты и перепутаны градомъ. Тема, которою задался художникъ, какъ видно, заключалась въ томъ, чтобы выразить въ лицѣ крестьянина его гнѣвъ на силы природы, съ которыми онъ, повидимому, готовъ былъ даже вступить въ бой, если бы только представлялась къ этому какая-либо возможность.

На другомъ мольбертѣ стоялъ подмалёвокъ—портретъ какой-то дамы съ морщинистымъ лицомъ и грушевиднымъ носомъ, сдѣланный бойко, крупными и смѣлыми мазками и безъ сомнѣнія съ натуры, что для каждаго, имѣющаго нѣкоторыя понятія о живописи, егда бросается въ глаза при первомъ же взглядѣ на боту художника.

Стоявшая около мольберта на полу картина была пія съ Бруни «Моленіе о чашѣ», копія съ изумильной картины, чуть ли не единственной въ мірѣ глубокому чувству скорби и молитвеннаго выраже-

Digitized by Google

нія въ лицѣ Христа. Она была тщательно исполнена и указывала на тонкое пониманіе художникомъ своего дѣла.

Рядомъ съ этой комнатой, сосредоточивавшей въ себѣ все художественное достояніе Александра Павловича, была другая, мрачная, съ голыми стѣнами и почти совершенно пустая: — комодъ, умывальникъ, кровать,—все это старое, потертое, давно отжившее свой вѣкъ и годное только на топку печей. Около кровати деревянный некрашеный табуретъ, на немъ мѣдный подсвѣчникъ съ маленькимъ оплывшимъ огаркомъ стеариновой свѣчи и столъ съ бумагами, исчерченными карандашами, и съ десяткомъ книгъ.

Изъ этихъ двухъ комнатъ съ маленькой передней и кухней (которая, кстати сказать, никогда не отоплялась) состояла вся квартира.

Александръ Павловичъ жилъ въ ней съ ранней осени и въ первое время послѣ переѣзда былъ очень радъ, что ему, наконецъ, удалось избавиться отъ меблированныхъ комнатъ и найти квартирку съ окнами на сѣверъ и съ чистымъ свѣтомъ, т. е. такую, противъ оконъ которой на противоположной сторонѣ улицы нѣтъ высокихъ построекъ. Съ начала осени дѣла его пошли, какъ будто, даже и не безъ удачъ. Такъ, напримѣръ, въ первыхъ числахъ сентября онъ написалъ два портрета съ фотографій, по заказу какого-то неимовѣрно тучнаго купца съ Камы, пожелавшаго имѣть изображеніе своихъ умершихъ родителей «для гостиной» и заплатившаго за эту работу щедро, и сдѣлалъ еще три большихъ рисунка для иллюстрированнаго изданія, тоже по заказу и за весьма приличную цѣну. Въ октябрѣ даже особенно посчастливилось — получилъ изъ эстампнаго магазина за двѣ маленькія жанровыя картинки, находившіяся тамъ на коммисіи, болѣе ста рублей и былъ чрезвычайно доволенъ этою продажей, ни чуть не жалѣя, что эстампный магазинъ взялъ при этомъ за посредничество тоже что-то около этой суммы.

Digitized by Google

Со времени продажи этихъ картинокъ огорченія, испытанныя при неудачной работѣ на первую золотую, стали уже утрачивать свой прежній острый характеръ и уступили мѣсто надеждамъ,—впереди, молъ, еще цѣлая жизнь и Богъ дастъ наше отъ насъ не уйдетъ.

Но счастливое время удачъ продолжалось не долго, всего какихъ-нибудь два-три мѣсяца. Къ началу ноября ходъ дѣлъ замѣтно измѣнился, деньги перевелись, заказовъ не стало, и копію «Моленіе о чашѣ» пришлось взять за непозволительно дешевую цѣну. Равнымъ образомъ и дамскій портретъ онъ согласился написать тоже «за пустяки», именно потому, что въ деньгахъ въ это время была у него неотложная нужда.

X.

Сидя за этимъ портретомъ, онъ, такъ сказать, механически исполнялъ его, будучи занятъ думами о картинѣ «Погибшій урожай». По этому случаю произошло даже недоразумѣніе во время работы, едва не окончившееся размолвкой съ заказчицей. Дѣло было такъ. Дама, сидя «на натурѣ» и скучая бездѣйствіемъ, спросила его:

— Скажите пожалуйста, сколько еще сеансовъ нужно вамъ для моего портрета?

— Да-а! Непремѣнно!—утвердительнымъ тономъ отвѣтилъ онъ.

— Что это значитъ «непремѣнно»?

— Старые сапоги...

Лицо дамы нѣсколько удлинилось при этихъ словахъ.

— О чемъ вы говорите?

Онъ промолчалъ, только съ необыкновенною пытливостью посмотрѣвъ на нее, и снова отдался работѣ.

Прошло въ молчаніи минуты три, въ теченіе которыхъ Александръ Павловичъ оглянулъ ее еще нѣсколько разъ съ необыкновенною, какъ ей показалось,

Digitized by Google

подозрительностью. Лицо ея еще удлинилось, и въ глазахъ блеснуло выраженіе безпокойства.

— Владычица!—подумала она,—да онъ, кажется, сердится на меня; ужъ не за то ли, что я долго и настойчиво съ нимъ торговалась... Охъ, ужъ эти господа живописцы, говорятъ о любви къ своему занятію, а сами жадные-прежадные!..

— Вы, можетъ быть, недовольны?—спросила она послѣ нѣкотораго молчанія.

— Гм... Да. Очень можетъ быть...

Онъ молча на нее посмотрѣлъ и на этотъ разъ прямо въ глаза и съ необыкновенною пытливостью.

— Я вамъ прибавлю, если, разумѣется, работа хорошо будетъ исполнена...

— Да, это будетъ лучше...

— Что именно?

Онъ опять нѣсколько времени молча накладывалъ краски на холстъ и потомъ сказалъ.

— Какъ разъ будетъ въ тонъ.

— Да вы въ своемъ умѣ или на васъ иногда находитъ? Вы начинаете заговариваться...

— Случается...

Онъ сказалъ это послѣднее слово на удачу, и на этотъ разъ лицо удлинилось уже не у дамы, а у него самого, и именно послѣ того, какъ онъ взглянулъ на нее и увидѣлъ, что губы у нея дрожатъ отъ гнѣва.

— Сударыня, что съ вами?

Она порывисто поднялась съ кресла, очевидно намѣреваясь прервать сеансъ.

— Позвольте еще только минутъ пятнадцать, много двадцать...

— Но вы Богъ знаетъ что говорите! это, наконецъ, невѣжливо. Я—дама!

— Господи! Да развѣ я въ этомъ сомнѣваюсь!

— Пожалуйста не отшучивайтесь. Я васъ спрашиваю о моемъ портретѣ, а вы говорите о какихъ-то старыхъ сапогахъ.

— Неужели? Простите... Ха! ха!.. Это я отъ са-

Digitized by Google

мозабвенія... Очень ужъ меня одолѣваетъ забота о картинѣ и чѣмъ ближе къ концу работа, тѣмъ мнѣ тяжелѣе...

Случалосъ и такъ, что, отправясь куда-нибудь по дѣлу (заслышавъ, напримѣръ, о возможности получить заказъ), онъ съ полудороги возвращался обратно и, не теряя минуты, садился къ столу, охваченный страстнымъ желаніемъ зачертить поскорѣе то, что такъ живо рисовалось въ его воображеніи.

XI.

Картину «Погибшій урожай» онъ началъ еще съ прошлой зимы, тотчасъ послѣ того, какъ не удалась работа на первую золотую. На нее онъ возлагалъ большія надежды и ни въ какомъ случаѣ не допускалъ мысли о томъ, что ее можетъ постигнуть та же участь, какая выпала на долю программы первой золотой, которую онъ, по свойственной его характеру рѣшительности, продалъ за безцѣнокъ на другой же день послѣ присужденія медалей. Для этой картины онъ много работалъ карандашемъ, прежде чѣмъ за нее приняться, измаралъ сотни листовъ бумаги, отыскивая въ рисункѣ подробности задуманнаго сюжета, много отдалъ времени въ теченіе лѣта на этюды, работая красками на открытомъ воздухѣ, и теперь, когда картина была уже вставлена въ раму, что обыкновенно дѣлаютъ всѣ художники предъ окончаніемъ работы, онъ иногда подолгу стоялъ передъ ней въ задумчивости.

— Выставить или лучше подождать?—спрашивалъ онъ самъ себя,—подождать—пусть отстоится, нарочно отвернуть къ стѣнѣ и не смотрѣть ея мѣсяца два-три. А чѣмъ же существовать въ такомъ случаѣ? И гдѣ ее выставлять потомъ, когда эти три мѣсяца пройдутъ, —особо, одну, что ли, и залъ для этого нанимать? Вздоръ какой! Необходимо окончить ее къ общей выставкѣ, не оставлять же въ самомъ дѣлѣ до выставки будущаго года. А не лучше ли подождать? —думалъ

Digitized by Google

онъ, минуту—спустя, заняться въ это время чѣмъ-нибудь другимъ; заказишки какіе ни на есть исполнять. Надо въ самомъ дѣлѣ закончить все до послѣдней подробности и такъ ее выработать, чтобы нельзя было ничего ни прибавить, ни убавить. Нѣтъ! нѣтъ!.. Годъ ждать—терпѣнья не хватитъ, — возражалъ онъ самъ себѣ,—вещь законченная и задерживать ее не слѣдуетъ можно испортить, засушить, свѣжесть утратится и будетъ отъ нея пахнуть потомъ. Не зачѣмъ заканчивать второстепенныя детали съ особенной тщательностью, крупные, смѣлые мазки еще лучше; что нуждь. въ томъ, что вблизи они грубы. Говорилъ же Рембрандтъ, что картины пишутся не для того, чтобы ихъ нюхать.

Та сосредоточенность, съ которою онъ отдавался своимъ занятіямъ, иногда и въ особенности въ послѣднее время часто нарушалась разными житейскими мелочами, то въ карманѣ не оказывалось денегъ и даже такого малаго количества, чтобы купить осьмушку чаю и фунтъ сахару, и онъ долженъ былъ отрываться отъ работы и терять время на поиски займа, часто не превышавшаго даже одного кредитнаго рубля. Иной разъ случалось такъ, что и рубль есть, и чай, и булки, зато дворникъ говорилъ грубости и выбивалъ его изъ колеи.

— Чортъ тебя побери, обломъ ты этакій, статуя не разумная!—кричалъ онъ на него,—видишь, человѣкъ занятъ, и лѣзешь съ своими грошевыми требованіями.

Дворникъ, исполнявшій у него за небольшую плату кое-какія маленькія порученія, давно уже ворчалъ себѣ подъ носъ, порицая неисправнаго жильца.

— Вотъ такъ-то они, эти самые господа живописцы. Займутъ, значитъ, фатеру, и еще на тебѣ: особнякъ норовитъ, то-есть, чтобы ходъ съ улицы, въ родѣ, какъ напримѣръ, параднаго,—наймутъ, значитъ, а за мѣсто того одна проволочка. Вотъ два мѣсяца теперь на Миколинъ день стукнуло, какъ я не получаю отъ него ни копѣйки. Говорилъ, по два рубля

Digitized by Google

буду давать, какъ есть укуратно. Теперь вотъ четыре рубля гуляютъ.

Иногда безцеремонно выгнанный Александромъ Павловичемъ изъ мастерской дворникъ, посасывая свою носогрѣйку, озабоченно чесалъ затылокъ. Онъ мысленно представлялъ предъ собою грозную фигуру домохозяина, высокаго, костляваго старика съ орлинымъ носомъ и оловянными глазами.

— «Ты, сычъ пучеглазый!—слышался ему сердитый его голосъ, хриплый и прерывающійся кашлемъ,—ты, сова безмозглая, а! тебѣ я говорю или столбу какому приворотному? Кх! кх!.. Ты кого пустилъ на квартиру, безумный,—кого? Крыса ты подпольная,—кого пустилъ?..» Ухъ, злой нашъ хозяинъ, не душевный человѣкъ,—это даже и по обличью его видно. Не даромъ его старость въ три дуги скрючила. И палкой вѣдь грозится, а палка у него какая,—толстенная у него палка и набалдашникъ на ней здоровенный,—должно полагать изъ кости. Ежели онъ такой палкой ожжетъ—долго помнить будешь. Оно правда, нонѣ и мировой есть и все такое, ну, однако, по судамъ таскаться тоже хорошаго не много — мѣсто потеряешь, это вотъ вѣрно! Эхъ, ты, житье! Опять скоро первое число. Разнесетъ онъ меня, закричитъ: «пойди, проси деньги». Александръ Павлычъ тоже закричитъ: «Вонъ, чортъ тебя побери!» Какія теперь у него деньги,—у него не токма что денегъ — дровъ нѣтъ: мерзнетъ, значитъ, какъ естъ!

XII.

Такъ проходили сумрачные зимніе дни. Александръ Павловичъ то сидѣлъ за работой съ утра далеко за полночь, то забрасывалъ ее и пропадалъ по цѣлымъ днямъ изъ квартиры.

— Для какого чорта сидѣть въ холодной конурѣ,—началъ онъ и шелъ къ пріятелю, въ Эрмитажъ или въ Академію Художествъ, или, наконецъ, въ трактиръ, блюдя тамъ въ бильярдной лица его завсегдатаевъ,

Digitized by Google

коротающихъ свою праздную жизнь съ кіями въ рукахъ за водкой и пивомъ.

— Хороши молодцы!—думалъ онъ о нихъ.—Гдѣ тутъ образъ и подобіе Божіе? Вонъ тотъ красный, толстогубый, съ опухшимъ носомъ и оловянными глазами,—на что онъ похожъ? Или вотъ этотъ, прихрамывающій на лѣвую ногу, узколобый, тощій, какъ церковная мышь,—развѣ это человѣкъ. На лицахъ ихъ менѣе выразительности, чѣмъ у засушеннаго астраханскаго судака или у булыжника съ мостовой. А вонъ тотъ тучный, полусонный, съ совиными глазами и синебагровымъ цвѣтомъ лица,—что это такое?—пивной боченокъ, мыльный пузырь гигантскихъ размѣровъ. Какая блаженная улыбка появляется на его одутловатомъ лицѣ, когда онъ прикладывается губами къ кружкѣ пива. Бражничаютъ они здѣсь до полночи и домой уже не идутъ, а бредутъ полусонные, покачиваясь изъ стороны въ сторону. Они, эти скоты, достойные презрѣнья, могутъ изо дня въ день вести такую праздную и пьяную жизнь,—думалъ онъ,—а я, способный, можно сказать, талантливый художникъ,—я не знаю, что буду завтра ѣсть и куда склоню свою безпріютную голову. «Нѣтъ правды на землѣ, но правды нѣтъ и выше!»—ропталъ онъ, возвращаясь въ свою холодную квартиру.

И такъ иногда ясно въ его воображеніи рисовались фигуры трактирныхъ гулякъ, что онъ, не снимая съ себя ни пальто, ни шапки, садился къ столу и зачерчивалъ карандашемъ на бумагѣ ихъ типичныя лица и только тогда оставлялъ свою работу, когда замѣчалъ, наконецъ, что пальцы отъ холода уже отказываются ему повиноваться.

— Терпѣніе! Скромность!—ворчалъ онъ, заваливаясь на кровать,—какія жалкія слова. Терпѣніе—добродѣтель ословъ! Скромность тоже добродѣтель, но только тогда, когда уже нѣтъ у человѣка никакихъ другихъ добродѣтелей. Нѣтъ, чортъ побери, такъ нельзя жить! Но какъ же измѣнить жизнь?

Digitized by Google

И точно нарочно чаще чѣмъ когда-либо и съ неотступною навязчивостью рисовался въ такое время въ его воображеніи милый образъ любимой дѣвушки, и сердце болѣзненно ныло при мысли о томъ, что счастье такъ близко—и невозможно.

Наступало утро, полутемное, холодное, съ однотонными сѣрыми облаками, окутывавшими городъ сыростью, — онъ неохотно вылѣзалъ изъ-подъ одѣяла и ватнаго пальто и думалъ только о томъ, какъ бы поскорѣе куда-нибудь уйти.

Въ такое время дворникъ Иванъ доставалъ для его самовара угли тайными путями и жаловался.

— Вотъ, Александръ Павловичъ, судите сами... насчетъ, тепериче, углей. Покупаю ихъ въ лавочкѣ на свои.

— Чортъ съ тобой, покупай—отдамъ потомъ.

— Когда же, напримѣръ?

— Молчи, болванъ.

Этотъ самый Иванъ, рыжій и малорослый мужиченко съ бойкими глазами, въ такіе дни не только хмурился и ворчалъ себѣ подъ носъ, а прямо таки смотрѣлъ на Размашилова звѣремъ, и если онъ удерживался отъ грубостей, то именно только потому, что боялся Александра Павловича, зная по опыту, что онъ человѣкъ горячій и, пожалуй, можетъ при случаѣ убить.

XIII.

Когда дѣла Александра Павловича принимали благопріятный оборотъ,—и онъ самъ, и квартира его преобразовывались: на мольбертахъ появлялись новые холсты, въ печахъ весело трещали дрова, лампы горѣли и въ мастерской, и въ спальной; рефлекторъ отъ большой лампы, висѣвшей на треножникѣ около мольбертовъ, отражалъ яркій свѣтъ на картины, и за столомъ около самовара не было такъ пустынно, какъ въ дни безденежья.

Въ такое время у него находили пріютъ тѣ изъ

Digitized by Google

товарищей, которые въ свою очередь переживали въ эти дни денежныя затрудненія. Они спорили, кричали, волновались, размахивая руками; слышались слова: «перспектива, композиція, мазокъ» и т. д. Слышались и такія слова: протестъ, обличеніе, сатира.

Нужно замѣтить, что какъ въ картинѣ «Погибшій урожай», такъ и во всѣхъ наброскахъ и эскизахъ Размашилова мотивы были между собою сродны— вражда, ревность, мщеніе, — дальше и глубже этого онъ не шелъ. Напримѣръ: отецъ и сынъ стоятъ одинъ противъ другого съ искаженными отъ злобы лицами; отецъ нахмурилъ брови и сжимаетъ кулаки, у сына губы дрожатъ отъ гнѣва,—вотъ-вотъ схватятся другъ другу въ волоса. Или: купецъ, въ лисьей шубѣ и бобровой шапкѣ, подпоясанный синимъ кушакомъ, стоитъ по срединѣ комнаты, сдвинувъ шапку на-бекрень, и съ презрѣніемъ смотритъ на жену, которая, видимо, ругаетъ его и уже засучиваетъ рукава утренняго платья, готовясь къ дракѣ. Въ переднемъ углу яркій свѣтъ отъ лампады предъ образами, а въ дверяхъ, ведущихъ въ сосѣднія комнаты, куча дѣтей съ искаженными отъ страха и плача лицами. Или еще такой, напримѣръ, набросокъ: лошадь, усталую, тощую, изнуренную непосильнымъ грузомъ, мужикъ бьетъ жердью по головѣ, ноги ея подкашиваются, въ глазахъ предсмертная истома, а у него пѣна на губахъ отъ злобы и лицо звѣрское.

Эти наброски вызывали иногда споры о значеніи искусства. Тѣ изъ молодыхъ художниковъ, которые были погрубѣе стояли на сторонѣ такихъ сюжетовъ и горячо восхищались ими.

— Вотъ она,—говорили они,—настоящая правда. Это сама жизнь, яркая, не прикрашенная, во всей своей наготѣ. Отъ такихъ сюжетовъ даже и покойный Перовъ не отказался бы.

Другіе, постарше и поумнѣе, возражали противъ такихъ восторговъ и ставили вопросъ о томъ, что такое настоящая правда и насколько она пригодна для

Digitized by Google

искусства. Иной изъ гостей, чаще самый юный и пылкій, старался взять верхъ надъ всѣми и кричалъ, размахивая обѣими руками, какъ веслами.

— Не то, не то... Погодите, дайте сказать. Главное — въ обличеніи пороковъ и недостатковъ жизни. Главное именно—правда самая откровенная, протестующая правда. Дайте же договорить... Погодите... Ахъ, Господи! Вотъ, подумаешь, какой неугомонный народъ!

Красный отъ волненія, онъ приставалъ къ товарищамъ, хваталъ ихъ за руки и продолжалъ кричать:

— Искусство! Что такое искусство?.. Дѣло вотъ въ чемъ... Да погодите же. Слушайте, я говорю, что и наука, и искусство—это одно и то же, однѣ цѣли у нихъ. Понимаете?

— Тише! Что ты какъ кричишь... Глухихъ же между нами нѣтъ.

— Ахъ, не то! Я говорю, что главная цѣль, какъ въ наукѣ, такъ и въ искусствѣ—искать истину, карать пороки и въ особенности въ такой странѣ, какъ Россія, странѣ дикой и невѣжественной...

Подъ такой шумъ и говоръ Размашиловъ любилъ работать, и какъ это ни странно, работа у него шла всего успѣшнѣе именно въ такое время. Иногда и онъ, заинтересовавшись товарищескими разговорами, вставлялъ въ нихъ свое слово.

— Однако, братцы, погодите, — возражалъ онъ,— въ искусствѣ главная цѣль все-таки—само искусство.

— Вѣрно сказано—но это еще не все.

— Въ этомъ все.

— Что ты говоришь, помилуй! Въ одномъ словѣ искусство — глубочайшее значеніе. Если оно касается живописи, то значитъ и рисунокъ, и композиція, и перспектива, и краски, и сюжетъ картины, и отношеніе къ нему художника — весь его духовный, такъ сказать, обликъ.

— Сюжетъ не причемъ.

— Какъ это мило! Да въ сюжетѣ именно и сила вся. Кто читалъ «Эстетическія отношенія искусства

Digitized by Google

къ дѣйствительности»? Слышите, я спрашиваю, кто читалъ?

— Ну, я, напримѣръ, читалъ. Что же изъ этого?

— Какъ что? Тамъ все объяснено.

— Нашелъ на что ссылаться. Именно пальцемъ въ небо попалъ. Да вѣдь въ этой книжонкѣ отъ перваго до послѣдняго слова все сущій вздоръ.

— Какъ вздоръ? Чернышевскій и Прудонъ—вздоръ! О, голова съ мозгомъ!

— Не знаю, у кого голова съ мозгомъ, у того ли, кто ссылается на Прудона (Господи прости, не къ ночи будь сказано), или у другихъ, которые читали и Лессинга, и Тэна, и пожалуй еще кое кого въ этомъ родѣ...

— Позвольте, братцы, кто что читалъ — это въ сторону. «Всѣ мы учились по-немногу!»

— Да что онъ хвалится. Терпѣть не могу! За это, знаете, попросту говоря, надо въ рожу—вотъ что!

— Попробуй.

— Тише, господа! Довольно. Этого не полагается. Кричать можно сколько угодно, но — руки прочь. И если «въ рожу»—это ужъ совсѣмъ не убѣдительно!..

XIV.

Объ Иванѣ и говорить нечего. Онъ въ дни благосостоянія Александра Павловича появлялся въ мастерской по первому же звонку, который былъ проведенъ изъ передней прямо въ его конуру подъ воротами, и самымъ первобытнымъ способомъ. Стоило только дернуть веревку, какъ тотчасъ же надъ его кроватью раздавался звонъ поддужнаго колокола и такъ громко что онъ иногда, испуганный имъ, вскакивалъ съ своей скамьи, точно угорѣлый, и не зналъ, въ которую сторону нужно ему кинуться.

Иногда къ такому его душевному состоянію прибавлялся еще новый испугъ отъ крика въ мастерской

Digitized by Google

Александра Павловича, и онъ вбѣгалъ туда совершенно угорѣлый.

— Дѣло дрянь,—рѣшалъ онъ,—стало быть, у нихъ драка.

Онъ останавливался въ дверяхъ, тревожно бѣгалъ глазами по лицамъ гостей, стараясь подмѣтить, кто кого ударилъ, и въ воображеніи его уже рисовалась непріятная картина сношеній съ подлежащими властями.

— Что же это они... крику много, а драки нѣтъ,—недоумѣвалъ онъ,—должно полагать, деньги получили гдѣ-нибудь и раздѣлиться по чести не могутъ. Не иначе. Зря кричать имъ тоже не изъ чего.

Александръ Павловичъ, замѣтивъ его приходъ, пользовался имъ, какъ благопріятнымъ случаемъ для порученія.

— Слушай ты, рыжій-красный, человѣкъ опасный, — какого чорта ты ждешь тамъ у притолки,— шагай ближе!

— Извольте, Александра Павлычъ, куда угодно поставьте, я себя завсегда сумѣю установить въ должной препорціи...

— Это, братъ, въ сторону. Препорціи твои пусть при тебѣ и остаются, а вотъ бѣги-ка поскорѣе въ лавочку. Вотъ желтенькая канареечка — вали во всю мочь за сахаромъ и сухарями, и сливокъ захвати...

— Въ моментъ, Александра Павлычъ, то-есть вотъ какъ, одна четь минуты—и готово дѣло.

Въ такіе дни онъ часто появлялся въ мастерской, улыбающійся, скулы его широкаго лица ярко почему-то лоснились, вѣки щурились, оставляя только узенькія полоски, изъ которыхъ сверкали мышиные глазки. Иногда онъ, замѣчая добродушное настроеніе Александра Павловича, позволялъ себѣ дѣлать отзывы о его работахъ. Такъ, однажды, смотря на картину Погибшій урожай», онъ сказалъ:

— Это, стало быть, Миколай Угодникъ.

— Почему ты такъ думаешь?

— А то кто же? Онъ должно, не иначе! Пѣшій

Digitized by Google

онъ. На конѣ ежели-бы,—ну, тогда другой разговоръ. Тогда Егорій. Егорій всегда на конѣ, на бѣломъ...

— Уменъ ты, Иванъ!

— Это точно что такъ. Дѣйствительно, Александра Павлычъ, правду надо сказать, разсудокъ у меня... признаться... имѣетъ размѣры обширные.

— Это и видно.

Однажды онъ своими замѣчаніями о картинѣ вызвалъ взрывъ смѣха. Картина изображала хлѣбное поле, озаренное яркими лучами солнца. (Это былъ одинъ изъ этюдовъ для «Погибшаго урожая».) Иванъ, будучи въ пріятномъ душевномъ настроеніи, по случаю полученія денегъ отъ Александра Павловича, подошелъ къ картинѣ, около которой группой стояли товарищи Размашилова, и тоже сталъ ее хвалить.

— Хорошо Александра Павлычъ рисуютъ, на рѣдкость, можно сказать. Очень великолѣпно.

— Ты тутъ зачѣмъ?

— Я самоваръ приволокъ, Александра Павлычъ, кипитъ — страсть! Надо заваривать, а то уйдетъ, ей Богу!

— Самоваръ — другое дѣло. А ты все-таки препорціи своей не забывай, — иначе, понимаешь, вотъ что будетъ.

Размашиловъ показалъ ему свой огромный кулакъ.

— Это я довольно хорошо понимаю...

— А самъ лѣзешь туда, гдѣ тебя не спрашиваютъ.

— Я хвалю, Александра Павлычъ, очень одобряю.

— Хвалишь, а спросить—не знаешь, что на картинѣ написано. Ну, говори, что она изображаетъ?

— Картина эта... къ примѣру сказать, — замялся Иванъ и вдругъ выпалилъ, — это гробъ Господень, надо быть.

— Ха-ха! Что такое?

Иванъ нѣсколько смутился, но скоро оправился и добавилъ:

— Полагать надо,—золотой гробъ Господень.

— Одолжилъ.

Digitized by Google

— А нѣшто не ладно? Можетъ, я маху далъ?— усомнился Иванъ, вопросительно оглядывая гостей и удивляясь ихъ общему смѣху.

— Какъ не ладно! Вѣрно. Въ самую точку попалъ.

— Нѣтъ, должно, не то. Всѣ смѣетесь. Признаться, я подумалъ, народу не нарисовано, святости тоже не видать, а желтаго много, ярко таково,—стало быть—гробъ Господень.

Таковъ былъ Иванъ въ своемъ понятіи о живописи, которую представить себѣ не могъ иначе, какъ только въ видѣ иконописи.

XV.

— Александръ Павлычъ! Что-жъ это такое!.. Господи! столько времени стучу, достучаться не могу! Къ вамъ гость идетъ, Кондратъ Григорьевичъ.

— Сейчасъ! Ни кричи,—слышу.

Кондратій Григорьевичъ Несмѣловъ, собратъ по искусству, былъ тощій человѣкъ средняго роста, лѣтъ сорока, съ лицомъ пепельнаго цвѣта, тусклыми глазами и тонкимъ носомъ. Спокойный и медлительный во всѣхъ своихъ движеніяхъ, онъ говорилъ тоже не спѣша и вяло какъ-то, точно ему было лѣнь ворочать языкомъ. На немъ было надѣто что-то сѣренькое, длинное и широкое, мѣшкомъ висѣвшее на его костлявой фигурѣ, но все чистенькое, свѣжее, сшитое изъ хорошаго матеріала.

Размашиловъ, несмотря на то, что выскочилъ отпереть дверь въ одномъ бѣльѣ и въ туфляхъ на босую ногу и поспѣшно убѣжалъ въ спальную, — не могъ удержаться отъ восклицанія.

— А-га, Кондратій Григорьевичъ, какъ ты расфрантился! Вотъ что значитъ хозяйственный умъ!

— Я встаю рано, а ты спишь до полдня: стало быть лѣнишься!

— Не все ли равно! Какая работа возможна при такомъ свѣтѣ: съ утра сумерки!

Digitized by Google

— Положимъ, что это правда; но все-таки кое-что можно дѣлать и съ лампой. Я вотъ съ шести утра на ногахъ...

— Что-о? — крикнулъ Размашиловъ изъ своей спальни,—я не слышу, говори громче.

Несмѣловъ подошелъ къ мольберту, на которомъ стояла картина «Погибшій урожай», и сѣлъ около нея. Размашиловъ, не слыша болѣе его голоса, выглянулъ изъ сосѣдней комнаты, отирая полотенцемъ мокрое послѣ умыванья лицо, и спросилъ:

— Какъ находишь? Теперь лучше, а? По-моему теперь лучше, въ десять разъ лучше, — продолжалъ Размашиловъ, снова появляясь въ дверяхъ въ разстегнутомъ жилетѣ и незавязанномъ галстукѣ, — цвѣтъ кафтана я перемѣнилъ, сдѣлалъ, какъ видишь, вмѣсто коричневаго сѣроватый: это мягче, не такъ рѣзко выдѣляется изъ общаго тона. И сапоги тоже другіе, похуже взялъ,—это правдивѣе будетъ. Вонъ, видишь, въ углу валяются и кафтанъ, и сапоги. Нарочно купилъ: за такую гадость пришлось платить чортъ знаетъ сколько, и два дня потерялъ на это—по рынкамъ шлялся, искалъ. А нельзя! Самъ знаешь, это не иконопись,—безъ натуры какая работа.

Несмѣловъ кашлянулъ разъ, другой, прикрывъ ротъ рукою, но ни слова не сказалъ.

— Теперь и въ лицѣ больше выразительности, въ углахъ рта сильнѣе злоба. Волосы, замѣчаешь, я тоже нѣсколько еще всклокочилъ, а руки, видишь? сдѣлалъ жилистѣе, это гораздо лучше: силы больше, видно, что человѣкъ рабочій. Именно это тотъ крестьянинъ, про котораго поэтъ говоритъ: «Уснулъ, потрудившійся въ потѣ, уснулъ, поработавъ землѣ». Поработалъ честно и не вознагражденный—раздраженъ, озлобленъ... Я, знаешь, что хочу — прорвать тучи и пустить полоску солнечнаго свѣта. У меня есть уже набросокъ. И пущу прямо на лицо, на глаза... Посижу, чортъ побери, еще, зато будетъ впечатлѣніе.

Несмѣловъ продолжалъ смотрѣть на картину. Онъ

Digitized by Google

смотрѣлъ, нельзя сказать, чтобы совсѣмъ безучастно, но какъ-то вяло и сонно. Едва-ли изъ словъ Размашилова, продолжавшаго, не умолкая, говорить, онъ слышалъ половину ихъ, а если и слышалъ, то не придавалъ имъ ровно никакого значенія. Онъ даже замурлыкалъ себѣ подъ носъ какой-то мотивъ и, не спѣша, поднявшись со стула, зашагалъ по комнатѣ, сгорбившись какъ-то по-стариковски.

— Кондратій Григорьевичъ! Что же ты ничего не говоришь о картинѣ?

— Что же я буду говорить, когда ты слова не даешь сказать. Сколько разъ я пробовалъ тебѣ объяснять...

— А! ты опять о сюжетѣ. Я съ тобой не согласенъ. Идею картины я выстрадалъ. Это лицо, полное злобы и гнѣва, сто разъ рисовалось въ моемъ воображеніи и мучило меня безсонницей; я сто разъ хватался за карандашъ, чтобы зачертить его на бумагѣ, въ досадѣ и бумагу рвалъ, и карандаши ломалъ и снова принимался за него, пока, наконецъ, не уловилъ въ немъ то, что нужно... Скажи, по совѣсти, развѣ это лицо не живое? Ты, конечно, догадываешься, что въ немъ выражается протестъ, безсильный и злобный, конечно, отъ безсилія и злобный. По-моему тутъ есть отношеніе къ мифу о падшемъ ангелѣ, или, напримѣръ, къ мифу о Прометеѣ. Ты согласенъ?

Несмѣловъ стоялъ передъ нимъ, заложивъ руки за спину и не сводя задумчиваго взгляда съ его лица.

— Что ты на меня уставился, точно корова на новыя ворота?

— Грубое сравненіе.

— Да это же правда. Ты именно такъ странно мотришь, точно на лицѣ моемъ Богъ вѣсть какіе зоры нарисованы...

XVI.

— Неугомонный ты говорунъ, — сказалъ Несмѣловъ,—помолчи минутку. Я къ тебѣ пришелъ съ хо-

Digitized by Google

рошимъ предложеніемъ. Дѣло вотъ въ чемъ. Ты слушай основательнѣе и безъ толку меня не перебивай. Мнѣ предлагаютъ иконостасъ... т.-е., вѣрнѣе сказать, я уже взялъ подрядъ. Дѣло срочное, одному не справиться. Хочешь работы?

— А-а! — уныло протянулъ Размашиловъ,—иконостасъ! Не знаю, что тебѣ и сказать на это. Скучная, черная и неблагодарная работа.

— Этого не говори. Тысяча могла бы тебѣ перепасть, а то и съ хвостикомъ.

— Оно конечно... Но вѣдь это значитъ убивать въ себѣ художника, писать безъ натуры, подчиняться условнымъ, безжизненнымъ формамъ... Тысяча? Что мнѣ тысяча! Если ужъ за деньгами гнаться, я въ другомъ мѣстѣ больше найду. Я хочу служить своему призванію, а не образа писать. Можно, положимъ, взять и образную работу, но какую?.. За хорошій образъ и тысячи мало... Да не въ деньгахъ дѣло, главное—была бы работа по душѣ, чтобы и натурѣ, и фантазіи было мѣсто.

— Фантазіи! Извини, другъ, мнѣ о фантазіяхъ разговаривать некогда,—возразилъ Несмѣловъ,—надо ковать желѣзо, пока горячо. Прощай!

— Погоди. Скажи же о картинѣ.

Несмѣловъ остановился у картины, еще разъ что-то помурлыкалъ себѣ подъ носъ и потомъ проговорилъ:

— Ничего, хорошо... Вообще работа добросовѣстная...

— Я бью на ошеломляющее впечатлѣніе, чтобы и рисунокъ, и письмо, и, главное—выразительность,—все чтобы изумляло до восторга.

— Хе, хе,—тихо засмѣялся Несмѣловъ.

— Чему ты смѣешься? Говори, развѣ видишь недостатки?..

— Гм... Сказать этого не могу. Напротивъ, вижу много достоинствъ, и если въ самомъ дѣлѣ тучи удачно прорвешь и рефлексъ дашь—пятнышко выйдетъ очень

Digitized by Google

хорошенькое... Вообще, впечатлѣніе и теперь уже есть... Но извини, другъ, до восторговъ все-таки еще далеко.

Размашиловъ по обыкновенію забѣгалъ по комнатѣ и, размахивая обѣими руками, сталъ возражать...

— Погоди! Помолчи съ минутку хотя. Дай и мнѣ слово сказать; я вѣдь тебя старше и ты долженъ меня слушаться... хе хе! Слушай же. Играетъ, напримѣръ, дѣвица на фортепіано.

— Это еще что за притча?

— Ахъ! Нетерпѣливый!

— Хорошо! Ври больше.

— Играетъ она вѣрно, нотка въ нотку,—продолжалъ Несмѣловъ,—и сила чувства у ней, гдѣ нужно, есть, и бѣглость, и чистота оттѣнковъ въ самыхъ даже отчаянныхъ аллегро,—а слышно, что играетъ ученица. Сядетъ артистъ—и ожили звуки, затрепетали клавиши подъ его магическими пальцами, и съ первой же ноты ясно, что онъ мастеръ своего дѣла. Уже не за бѣглостью и чистотой оттѣнковъ игры слѣдитъ слушатель, нѣтъ, онъ уже охваченъ идеей звуковъ, слышатся ему въ нихъ и восторги, и слезы, и рыданія, и самъ онъ уже плачетъ тѣми святыми слезами, которыя, какъ высшій даръ небесъ, даются иногда смертному.

— Но позволь спросить, смыслъ басни сей каковъ?

— Ахъ, да,—смыслъ? Ты спрашиваешь—смыслъ?—другимъ тономъ спросилъ Несмѣловъ и исподлобья покосился на Александра Павловича,—я полагаю, ты его и безъ поясненій уразумѣлъ. Не качай, пожалуйста, такъ убійственно головой. Не уразумѣлъ? Врешь: притворяешься. Ну, хорошо, такъ и быть, я договорю. Смыслъ басни таковъ, что артисту пьеса служитъ, а не онъ ей, и художнику рисунокъ тоже подчиняется покорно:—какъ онъ его ни повернетъ — вездѣ будетъ онъ у него и вѣренъ, и полонъ жизни, зрителя заставитъ забыть о себѣ. А вотъ у насъ дѣшныхъ другое дѣло: мы рабы рисунка, а не хо-

Digitized by Google

зиева его, мы за нимъ со страхомъ и трепетомъ слѣдимъ, а не распоряжаемся имъ смѣло и свободно...

— О! Вонъ оно куда пошло,—воскликнулъ Размашиловъ,—значитъ, ты хочешь сказать, что мы не артисты, что мы служимъ искусству послушно, робко, — говоря словами Пушкина, «какъ алжирскій рабъ, какъ песъ цѣпной»?

При этихъ словахъ въ лицѣ Размашилова мелькнуло выраженіе недовольства. Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, повидимому, рѣзкое, но удержался и съ натянутой улыбкой добавилъ:

— А ты краснорѣчивъ, Кондратій Григорьевичъ, ей-ей, краснорѣчивъ! Признаюсь, не ожидалъ, чтобы при твоей нѣсколько—не сердись, пожалуйста,—сонной фигурѣ можно было предположить въ тебѣ такую оживленность.

— Эхъ-хе хе!—вздохнулъ Несмѣловъ,—мы, братъ, тоже когда-то залетали съ своими мечтами за облака, а потомъ спустились и смирнехонько сѣли на свой шестокъ. Образа стали писать!.. Да!.. Однако, прощай, пора. Мнѣ, знаешь, некогда о поэзіи-то: у меня вѣдь четверо ребятъ. Да!.. Съ поэзіей-то пожалуй и безъ хлѣба насидишься. Вотъ что!.. А жаль, другъ, очень жаль: на тебя, признаться, я разсчитывалъ... И тебѣ, ей Богу, не худо бы въ самомъ дѣлѣ поостыть...

— Нѣтъ, не могу и не хочу. Тонуть, такъ ужъ лучше же въ морѣ, чѣмъ въ лужѣ.

Когда Несмѣловъ ушелъ, Александръ Павловичъ долго стоялъ предъ своей картиной.

— Завидуетъ,—подумалъ онъ,—и какъ свысока! Много! А тебѣ не много? Съѣхалъ къ сорока годамъ на образа и — уснулъ. «Сядетъ артистъ — и ожили звуки!» Стало быть, я не артистъ? Ха-ха! Какая новость. Нѣтъ, господинъ Несмѣловъ, погодите: вы еще не такъ вытянете свой длинный носъ, когда я окончу картину. Кто изъ насъ артистъ, объ этомъ исторія пока умалчиваетъ!

Digitized by Google

Несмѣловъ, спускаясь съ лѣстницы, думалъ о немъ:

— Дай Богъ нашему теленку волка поймать. Горячъ больно и хочетъ смаху взбѣжать на самую вершину. Шалишь! Еще десять разъ отъ усталости языкъ высунешь. Талантливъ — слова нѣтъ, а въ головѣ-то пока все еще вѣтеръ свиститъ. «Падшій ангелъ! Прометей!» Экъ куда хватилъ! Погоди, другъ, уходишься и поумнѣешь. Богъ дастъ, въ свое время смирнехонько сядешь себѣ въ уголокъ и будешь выписывать ликъ какого-нибудь иже во святыхъ отца нашего, который, говоря словами «Иконописнаго подлинника», «подобіемъ сѣдъ, исподъ у него багрянъ, а риза прозелень».

XVII.

Чѣмъ меньше оставалось времени до открытія выставки, тѣмъ нетерпѣливѣе и раздражительнѣе становился Александръ Павловичъ. Картину считалъ онъ совершенно законченной и даже пересталъ ее показывать товарищамъ,—пусть, молъ, она ихъ тамъ на выставкѣ при всей честной публикѣ ошарашитъ. Послѣ того какъ ему удалось, по его мнѣнію, необыкновенно удачно прорвать тучи и бросить лучъ свѣта на гнѣвное лицо крестьянина, онъ почувствовалъ себя выше ростомъ и еще съ большею, чѣмъ прежде, надменностью сталъ откидывать голову назадъ, шагая по панелямъ петербургскихъ улицъ.

— Довольно!—утѣшалъ онъ самъ себя,—дѣло доведено до надлежащаго окончанія, и цѣль, можно сказать, вполнѣ достигнута. Да! Правду сказалъ кто-то изъ скульпторовъ, что въ каждомъ кускѣ мрамора находится статуя, надо только ее оттуда вынуть. Именно надо вынуть, и ваятель вынетъ, отобьетъ лишній мраморъ, сколько нужно, по чувству — и оживоренная фигура явится изъ вѣковой тьмы холоднаго амня на свѣтъ Божій. Такъ и у меня въ безжизненомъ кускѣ полотна скрывался мой герой, и я его живилъ. Больше я къ нему не прикоснусь, ни одного

Digitized by Google

мазка не положу, ни одной черты ни въ чемъ не измѣню. Вещь законченная и испортить не долго... Какъ, однако, время медленно идетъ: завтра только еще пятнадцатое число, а выставка должна открыться двадцать седьмого. Послѣдній день пріема картинъ еще почти что чрезъ недѣлю. Какое дьявольское терпѣніе нужно—ждать. Досаднѣе всего, разумѣется, то, что время безполезно тратится — ни за какое дѣло приняться не могу... Гм! Двадцать седьмого! А если еще отсрочатъ? Нѣтъ! Какъ можно! Публикація уже была — и не отсрочатъ. Конечно, я до послѣдняго дня пріема картины туда не отдамъ.

Онъ надѣялся, вѣрнѣе сказать, былъ увѣренъ, что, въ виду несомнѣнныхъ, по его мнѣнію, достоинствъ его картины, ей дадутъ на выставкѣ видное мѣсто, и что успѣхъ ея во всякомъ случаѣ обезпеченъ. Деньги за нее онъ считалъ уже у себя въ карманѣ и примѣривался къ нимъ съ разныхъ сторонъ.

— Если назначить двѣ тысячи,—думалъ онъ,—нѣтъ, этого много; тысячу пятьсотъ довольно. Положимъ, тысячу пятьсотъ маловато: первая большая вещь, и надо бы подороже, по крайней мѣрѣ хотя бы тысячу семьсотъ пятьдесятъ. Но пусть будетъ для ровнаго счета полторы тысячи. Эту сумму дадутъ, конечно, дадутъ. Если сравнить, напримѣръ, за сколько была продана въ прошломъ году картина Филимонова, или хотя бы Веретенникова, то за мою надо взять ужъ ни какъ не меньше двухъ тысячъ. Развѣ возможно сравнивать Веретенникова и Филимонова со мной. Нѣтъ, ужъ какъ угодно, а меньше тысячи пятисотъ я ни въ какомъ случаѣ не возьму. Гм... гм... А если не дадутъ? Если будутъ давать только тысячу?.. Не можетъ быть! За такую-то вещь да тысячу? Не отдамъ! Рѣшительно говорю, не отдамъ... Ну, если даже допустимъ (въ крайнемъ, разумѣется, случаѣ), допустимъ тысячу... Да нѣтъ! нѣтъ! Это было бы со стороны покупателей безсовѣстно! Третьяковъ, напримѣръ, — неужели онъ будетъ торговаться? Солдатенковъ, Ба-

Digitized by Google

рановъ и другіе московскіе толстосумы — да, они, пожалуй, будутъ... Но чтобы Третьяковъ? Гм... Меньше все-таки тысячи пятисотъ рублей я не возьму. Слава Богу, теперь не прежнее время, и въ публикѣ уже развивается художественный вкусъ.

Теперь Марья Ярославна рисовалась въ его воображеніи совсѣмъ уже не такой задумчивой и молчаливой, какою онъ ее встрѣчалъ въ квартирѣ брата. Закрывъ глаза, онъ вслушивался въ звуки милаго голоса и чувствовалъ, что голова у него кружится и сердце замираетъ.

И братъ, Иванъ Павловичъ съ своей «Сонюшкой» рисовались теперь въ его изображеніи совсѣмъ другими людьми — довольными его успѣхомъ и раздѣляющими вмѣстѣ съ нимъ его славу. По молодости лѣтъ и по свойственной ему добротѣ и довѣрчивости къ людямъ, онъ не допускалъ и мысли о томъ, что есть на свѣтѣ зависть, гордость, неудовлетворенное тщеславіе и тому подобныя прелести, которыхъ въ людяхъ въ значительной степени больше, чѣмъ въ животныхъ.

Восторги публики, похвалы знатоковъ, отзывы печати и, можетъ быть (чего на свѣтѣ не бываетъ!) пріобрѣтеніе картины въ царскіе покои — все это теперь представлялось ему въ заманчивомъ видѣ, нетерпѣливо ожидалось и радовало, и раздражало, и волновало.

— Ужъ если въ царскіе покои возьмутъ, такъ тогда и на двѣ тысячи можно разсчитывать,—думалъ онъ и распредѣлялъ, куда и сколько въ такомъ случаѣ издержитъ на пріобрѣтеніе разныхъ необходимыхъ ему вещей, сколько уплатитъ долговъ, сколько оставитъ на путешествіе (разумѣется, съ женой), если на первый разъ и не за границу, то во всякомъ случаѣ на Кавказъ или въ Крымъ.

XVIII.

Славу и извѣстность онъ уже предвкушалъ, слыша, какъ иногда въ разговорахъ о предстоящей выставкѣ

Digitized by Google

и въ газетныхъ отмѣткахъ упоминалось между прочими экспонентами и его имя. Однажды у Доминика онъ стоялъ въ толпѣ около буфета,—вдругъ слышитъ, кто-то говоритъ:

— А знаешь что? На дняхъ открывается выставка картинъ..

— Да, въ самомъ дѣлѣ!.. Она обыкновенно каждый годъ именно около этого времени бываетъ.

— Много, будто бы, интереснаго ожидается. Говорятъ, по жанру есть замѣчательная вещь... Мнѣ передавалъ одинъ изъ медалистовъ академіи.

— Чья же это?

— Не помню... Новая фамилія. Его вторая золотая, если ты не забылъ, обращала на себя вниманіе года три тому назадъ. Помнишь «Бракъ въ Канѣ Галилейской». Чудесная вещь. Я хотѣлъ ее пріобрѣсти и прозѣвалъ. И не дорого можно было заплатить... Вообще, вѣдь самъ знаешь, эти програмныя работы—кому онѣ нужны? А между ними встрѣчаются иногда прекрасныя вещи. Вотъ хоть бы этого взять... какъ его фамилія—рѣшительно изъ головы вонъ. Машиловъ... Мачиловъ... не могу припомнить.

— Размашиловъ?—поправилъ собесѣдникъ.

— Да, такъ.

У Александра Павловича сердце замерло и въ вискахъ застучало.

— Да, его вторая золотая меня часто безпокоитъ. Получилъ ли онъ первую, не знаю. А теперь у него, будто бы, изумительная картина. Одна фигура во всей картинѣ, но, судя по разсказамъ, замѣчательной выразительности..

Размашиловъ прислушивался, не смѣя взглянуть на лица разговаривавшихъ, и когда они уже отошли, онъ все еще стоялъ неподвижно на своемъ мѣстѣ и все еще ждалъ, не скажутъ ли они еще чего-нибудь лестнаго.

— Позвольте, господинъ... Что же вы встали тутъ...

Digitized by Google

— Виноватъ...

Онъ отошелъ въ сторону, ища глазами тѣ два лица, разговоръ которыхъ такъ его заинтересовалъ.

— А-га! Вотъ оно наше время подходитъ! Выступаемъ, такъ сказать, на арену общественной дѣятельности! Пора! Давно пора! Мнѣ уже двадцать восемь лѣтъ! Конечно, пора. Но кто они, эти два почтенные господина?—спрашивалъ онъ себя, — несомнѣнно, они знатоки въ живописи и навѣрное значительнаго положенія люди. Взглядъ какой у того, который сказалъ: «давай Богъ!»—умный взглядъ. Вѣроятно онъ страстный любитель искусствъ и всѣ европейскія галлереи по нѣсколько разъ уже осматривалъ и до тонкости изучилъ. Вѣроятно, и Дрезденская галлерея и Флорентинскія палаццо, и Римъ, и прочія и прочія злачныя мѣста ему знакомы, какъ свои пять пальцевъ. Можетъ быть, онъ даже и за моими работами слѣдитъ и вообще интересуется. Да ужъ не онъ ли это нынѣшней осенью въ эстампномъ магазинѣ мои двѣ маленькія картинки купилъ? Навѣрное, онъ.

Когда, наконецъ, картина была отвезена на выставку и установлена на мѣсто, ему почему-то вдругъ показалось, что ея достоинства не такъ велики, чтобы могли сразу, какъ думалъ онъ ранѣе, «ошарашить» и знатоковъ, и любителей. Въ мастерской, въ бѣдной обстановкѣ, среди маленькихъ этюдовъ, она казалась ему и размѣрами больше, и достоинствами значительно выше, чѣмъ теперь на выставкѣ среди множества другихъ картинъ, окружавшихъ ее со всѣхъ сторонъ. Онъ даже подмѣтилъ (можетъ быть и отъ излишней своей подозрительности), что кто-то изъ собратовъ по искусству, проходя мимо нея, не безъ надменности окосился въ ту сторону, гдѣ онъ стоялъ, и презрительно скривилъ губы, точно хотѣлъ этимъ сказать, то не придаетъ его работѣ никакого значенія. Эта надменность показалась ему обидной.

Digitized by Google

— Еще и чванится,—подосадовалъ онъ,—а чѣмъ, спросить? Тѣмъ развѣ, что цѣлую жизнь уроками перебивается, и все одинъ и тотъ же сюжетъ «Закатъ солнца въ лѣсу» пишетъ.

Въ дѣйствительности никто изъ собратовъ никакихъ взглядовъ въ его сторону не кидалъ; каждый былъ занятъ заботами о своей картинѣ и, подобно ему, переживалъ мучительныя сомнѣнія, можетъ быть, даже значительно большія, чѣмъ онъ.

Выставка еще не была открыта и кое-гдѣ еще слышались стуки молотковъ и крики рабочихъ, устанавливавшихъ послѣднія картины и околачивавшихъ коричневымъ каленкоромъ деревянныя ихъ подставки. Въ залахъ на полу и на подоконникахъ лежали еще груды бумагъ, коленкору, бичевокъ и страннаго вида тряпья, въ которое, вѣроятно, закутывались картины во время переноски ихъ на выставку изъ квартиръ художниковъ. Кое-гдѣ около картинъ замѣчались группы зрителей, проникавшихъ на выставку ранѣе ея открытія по протекціи художниковъ. Между ними Размашиловъ замѣтилъ двухъ-трехъ такихъ, около которыхъ нѣкоторые изъ художниковъ увивались съ особеннымъ вниманіемъ. Замѣтилъ онъ и такихъ, которые, наоборотъ, сами съ нескрываемою угодливостью ухаживали за художниками. Первые были—лица, прикосновенныя къ печати, вторые — фотографы. Лица, прикосновенныя къ печати, держали себя съ сознаніемъ собственнаго достоинства,—въ нашей, молъ, власти и похвалить, и обругать; фотографы были смиренны и смотрѣли робко, боясь, не выскользнулъ бы изъ ихъ рукъ открывающійся заработокъ.

Двое пріятелей стояли около какого-то пейзажа и вели разговоръ «по душѣ»; глаза у обоихъ были сонные и рѣчь не совсѣмъ связная.

— Ты пойми, вникни, — лепеталъ одинъ,—мы всѣ другъ о другѣ должны,—вотъ что! Ясно ли тебѣ это?

— Въ совершенствѣ полномъ ясно.

— Ну вотъ, такъ и направляй стопы свои. Ты,

Digitized by Google

слѣдовательно, долженъ меня въ газетѣ поддерживать, а я обязанъ съ тебя портретъ написать рѣдкостный...

— Во весь ростъ...

— Непремѣнно!.. Миша! Слушай...

— Ну, слушаю... Ну...

— Ты вотъ смотри, — вотъ она нашего друга, Игнатья, картина. Видишь? Ничего вѣдь, а? Очень даже ничего — и только. А надо, братъ, похвалить. Хоро-о-шій человѣкъ! Душа! Да гдѣ онъ, чортъ его побери!.. Вчера говорилъ, что къ двѣнадцати будетъ здѣсь. Условились, чтобы отсюда вмѣстѣ въ «Лондонъ». Похвали, Миша! Онъ душе-евный парень, бездарный, но душевный!..

Миша не совсѣмъ твердо держался на ногахъ и видимо по этой причинѣ положилъ правую руку на плечо друга.

— Можно! Похвалимъ! Отчего не похвалить!.. Но вотъ что я тебѣ скажу: когда я былъ въ Версальской галлереѣ...

Онъ возвысилъ тонъ голоса для того, чтобы и другіе, бывшіе въ залѣ, могли слышать о томъ, что онъ былъ въ Версальской галлереѣ. Въ это время случилась съ нимъ и его другомъ маленькая непріятность. Кто-то изъ властей выставки, проходя мимо, замѣтилъ ихъ дружескія объятія и сказалъ:

— Господа! Это неприлично!

— Par-r-don! — отвѣтилъ посѣтитель Версальской галлереи,—позвольте мнѣ самому знать, что прилично и что неприлично...

— Миша! Тише... этого нельзя!—зашепталъ товарищъ.

— Ты ошибаешься!.. Да. Выставка еще не открыта!

Онъ снялъ руку съ плеча друга и, покачнувшись нѣсколько въ сторону, сталъ ему нашептывать, кидая нѣвные взгляды по тому направленію, куда удалился аспоряднтель выставки.

Digitized by Google

— Погоди! Дай срокъ!.. Онъ меня узнаетъ... Я ему покажу себя!..

XIX.

Одинъ изъ фотографовъ, очевидно имѣющій отношеніе къ какому-то иллюстрированному изданію, держался развязнѣе своихъ собратовъ, тоже чувствуя себя какъ-бы представителемъ печати. Низенькій, черноволосый, съ бронзовымъ цвѣтомъ лица и большими карими глазами, безпокойно сновавшими во всѣ стороны, онъ съ озабоченнымъ видомъ шмыгалъ по заламъ, кого-то разыскивая.

Наконецъ онъ отыскалъ нужнаго ему человѣка и подошелъ къ нему. При этомъ значительная часть его развязности утратилась.

— Я давно уже васъ высматриваю, достопочтеннѣйшій и многоуважаемый Григорій Гавриловичъ.

— Что вамъ?—сухо спросилъ тотъ, нахмурясь и недружелюбно косясь на него.

Григорій Гавриловичъ Енотовъ былъ художникъ съ большимъ именемъ, большого роста и мрачнаго вида.

Фотографъ съ заискивающей улыбкой что-то проговорилъ ему и тревожно оглянулся направо и налѣво, видимо побаиваясь, нѣтъ ли по близости конкуррента.

Енотовъ ничего ему не отвѣтилъ, будучи занятъ тѣмъ, что въ залъ въ это время четверо рабочихъ внесли на головахъ его картину саженнаго размѣра. Онъ сталъ наблюдать за ея постановкой на мѣсто. Остановясь посреди зала, широко разставивъ ноги и упершись обѣими руками въ бока, онъ отдавалъ распоряженія рабочимъ.

— Стой! стой! Довольно приподнимать! — командовалъ онъ,—подай немного влѣво, — вотъ такъ! Ну довольно... Довольно, говорю, черти! Много далъ.. Ахъ, проклятый! Подайся вправо чуточку. Вотъ такъ Ну, будетъ,—ни вершка больше. Закрѣпляй!

Digitized by Google

Онъ оглянулъ залъ направо и налѣво, любопытствуя знать, какія картины экспонентовъ ближайшіе сосѣди его картинѣ, и, видимо, остался ими доволенъ, такъ какъ тонкія сухія губы его при этомъ изобразили нѣчто похожее на улыбку. По потомъ, когда онъ взглянулъ на окно и убѣдился, что оно приходится какъ разъ противъ его картины, лицо его приняло озабоченное выраженіе.

— Нѣтъ, ребята! Погодите... — возвысилъ онъ голосъ, обращаясь къ рабочимъ,—погодите, говорю... Не уходите. Эй, ты, какъ тебя, Егоръ или Кузьма, слышишь! Какъ тебя зовутъ?

— Веденей.

— Ну, Веденей, или дубина — чортъ съ тобой. Слушай! бѣги къ Александру Алексѣевичу, знаешь Александра Алексѣевича?

— Знаю-съ...

— Бѣги... Онъ тамъ гдѣ-нибудь, въ тѣхъ комнатахъ. Позови его сюда, скажи, что я прошу, и поскорѣе.

«Чортъ знаетъ, что за безобразіе»,—ворчалъ Енотовъ, хмурясь,—«вчера еще говорилъ, чтобы отъ окна нѣсколько отступить»...

Вскорѣ явился приглашенный имъ Александръ Алексѣевичъ, малорослый и мясистый старичекъ лѣтъ за пятьдесятъ, необыкновенно живой и расторопный. Шелъ онъ по залѣ мелкими, торопливыми шагами и размахивалъ при этомъ въ тактъ обѣими руками. Онъ былъ такъ гладко выбритъ, что пухлыя щеки его лоснились, точно отполированныя.

— Что же это, батенька, а?—встрѣтилъ его вопросомъ Енотовъ, — скажите на милость, что это? Такъ ельзя!..

— Что такое? Что такое? — озабоченно повторилъ сколько разъ Александръ Алексѣевичъ, въ недоумѣ- повертываясь во всѣ стороны и ища глазами ота на то, чего «такъ нельзя».

— Да развѣ вы не видите... Боже мой!.. Картина

Digitized by Google

моя какъ разъ противъ окна... Развѣ это можно? По крайней мѣрѣ, надо на два аршина подвинуться вправо или влѣво.

— Но, гм... гм... Какъ же быть?

При этихъ словахъ Александръ Алексѣевичъ задумчиво почесалъ въ затылкѣ и исподлобья покосился потомъ на огромную фигуру Григорія Гавриловича. Онъ явно затруднялся насчетъ выхода изъ такого непредвидѣннаго положенія; но потомъ, оглянувъ картины, стоявшія въ сосѣдствѣ съ картиной Енотова, сразу оживился.

— Знаете что... — торопливо заговорилъ онъ,— видите ли что... Надо вотъ какъ... Мы сейчасъ изъ этого затруднительнаго положенія выскочимъ... Вотъ надо что... эти двѣ картины передвинуть вотъ сюда,— понимаете? такъ вотъ... А эти—сюда... Ничего!.. Мы выскочимъ, отлично выскочимъ!.. Потѣснимъ немножко вашихъ сосѣдей. Не бѣда! Пословица говоритъ: «въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ». Я знаю, претензіи никто не заявитъ. Это я очень хорошо знаю! Сосѣди ваши— народъ смирный, добрѣйшій народъ...

Онъ торопливо сталъ отдавать приказанія рабочимъ, самъ даже принималъ участіе въ передвиженіи картинъ и покрикивалъ.

— Ну-ка еще немного. Ну-ка! Ну, что? — возвысилъ онъ вдругъ голосъ, выглядывая изъ-за оборотной стороны какой-то картины.—Слышите! Я васъ спрашиваю, Григорій Гавриловичъ, хорошо ли такъ? Довольно, или еще подвинуть?..

— Довольно!

— Ну, вотъ и чудесно! Что и требовалось доказать!..

Черезъ минуту Александръ Алексѣевичъ былъ уж въ другой комнатѣ и шепотомъ кому-то разсказывалъ стрѣляя глазами въ ту сторону, откуда слышался вс еще чѣмъ-то недовольный голосъ Енотова.

— Претензій, дружище, множество, можно ск зать—сверхъ мѣры и предѣловъ.

Digitized by Google

Онъ закрылъ мясистыми, коротенькими руками себѣ лицо и, усиленно покачавъ головой, добавилъ:

— За грѣхи Господь наказываетъ!

XX.

Фотографъ терпѣливо ждалъ, пока Енотовъ наблюдалъ за постановкой картины, и потомъ, видя, что онъ успокоился, подошелъ къ нему и опять сталъ о чемъ-то говорить.

— Ну?—переспросилъ тотъ,—что же дальше?

— А дальше именно то, что такую, можно сказать, первую картину на выставкѣ, ея, такъ сказать, гордость...

— Вотъ что я вамъ скажу, — вдругъ перебилъ Енотовъ,—вы не виляйте хвостомъ, терпѣть этого не могу, говорите короче, проще и яснѣе. Вамъ что нужно? Вамъ нужно снять съ моей картины фотографію для гравюры, да?

— Точно такъ...

Енотовъ что-то коротко и глухо отвѣтилъ, и такъ этимъ отвѣтомъ удивилъ фотографа, что онъ отступилъ отъ него, широко раскрывъ глаза.

— Возможно ли?

— А то какъ же?

Фотографъ зашепталъ страстнымъ шепотомъ.

— Помилосердуйте! развѣ возможно расходоваться еще и на плату художнику за право помѣщенія его картины въ изданіи?

— Съ какой стати я буду давать это право безплатно? Какая мнѣ выгода теперь, когда уже картина продана.

— Господи! Какая же и когда ваша картина бываетъ не продана. Шутить изволите. Вы во сто разъ лучше меня знаете, въ чемъ ваши выгоды. Мнѣ у васъ учиться надо.

— Учитесь. Вотъ на первый урокъ за право напечатанія заплатите.

Digitized by Google

— Помилуйте! Не бывалое дѣло. Въ Европѣ за это сами художники платятъ...

— Глупые платятъ, умные берутъ.

— Извините. Конечно, и такъ случается, — дѣло житейское. Но примите во вниманіе, журналы имѣютъ при этомъ расходъ — и фотографія, и гравюра, и печать... Позвольте, дайте договорить. Вы сами изволите очень хорошо знать, что для васъ это—реклама... Конечно, теперь, когда вы, такъ сказать, на вершинѣ славы, реклама сама за вами мчится... Позвольте, позвольте,—только два слова.

Онъ еще разъ пугливо оглянулся и, понизивъ тонъ, продолжалъ:

— При этомъ статья будетъ о вашей картинѣ, разумѣется самого восторженнаго содержанія.

— Гм... гм...—многозначительно кашлянулъ Енотовъ, усматривая въ сказанныхъ словахъ нѣчто уже достойное вниманія.

— Нашъ журналъ, вы изволите знать, самый распространенный...

— Вашъ журналъ! — рѣзко возразилъ онъ,—развѣ вы его издаете?

— Не я, конечно... Гдѣ мнѣ. Это я только для краткости рѣчи. Вамъ извѣстно, кто издаетъ.

— То-то. Такъ вы и говорите. А то: нашъ журналъ!

Енотовъ нахмурился, потеръ себѣ лобъ, видимо что-то соображая, потомъ тряхнулъ головой такъ, что длинные и густые волосы его еще большими, чѣмъ прежде, космами разметались на ней, и спросилъ:

— А кто будетъ писать статью?

Фотографъ странно какъ-то сморщился и пожалъ плечами, очевидно затрудняясь отвѣтомъ, но вдругъ оживился, обрадовавшись счастливой мысли, осѣнившей его въ это опасное мгновеніе.

— Статью, если угодно, можете поручить напи сать кому пожелаете... подъ вашу диктовку... К нечно, вамъ больше, чѣмъ кому-либо другому, изв

Digitized by Google

стно, въ чемъ главныя достоинства вашей картины... А то можно прислать вамъ предварительно корректуру на просмотръ

Енотовъ опять потеръ лобъ и продолжалъ молчать.

— Портретъ вашъ... если, конечно, позволите, можно при этомъ... На первой страницѣ, — добавилъ фотографъ.

— Портретъ?.. Гм... Гм... Знаю я ваши милые портреты: такую рожу награвируете, что взглянуть будетъ страшно...

— Помилуйте! Да мы въ Парижѣ гравировать пошлемъ. Что вы, Господь съ вами—мы все стараніе употребимъ, чтобы было безукоризненно.

Енотовъ помолчалъ и потомъ, махнувъ рукой, сказалъ:

— Ну, чортъ съ вами—позволяю. Корректуру мнѣ непремѣнно—слышите?

Фотографъ чуть не подпрыгнулъ на обѣ ноги. Его безпокойные глаза еще быстрѣе забѣгали въ своихъ ямочкахъ; онъ хотѣлъ протянуть знаменитому художнику обѣ руки, чтобы пожать въ нихъ его одну руку, хотя бы даже лѣвую, но Енотовъ или не замѣтилъ этого движенія, или не хотѣлъ его замѣтить и отошелъ отъ него, не прощаясь.

XXI.

Размашиловъ смотрѣлъ недружелюбно и на фотографовъ, и на газетныхъ сотрудниковъ, подозрѣвая ихъ во враждебныхъ отношеніяхъ къ своей картинѣ. Тутъ же еще до открытія выставки онъ уже почувствовалъ болѣзненный уколъ въ сердце, видя, что ни тѣ, и другіе вовсе не хотятъ замѣчать его картины. Онъ недружелюбно относился и къ знаменитому художнику не только за то, что фотографъ такъ за нимъ ухаживалъ, но и за то, что Енотовъ не сказалъ о его картинѣ ни слова ни за, ни противъ, несмотря на то,

Digitized by Google

что Размашиловъ настойчиво просилъ его высказать о ней свой отзывъ.

— Отзывъ, знаете, теперь къ чему?—отвѣтилъ онъ.—Вещь уже на выставкѣ. Другое дѣло ранѣе, въ мастерской...

— Ранѣе я не могъ и не рѣшался васъ утруждать.

— Напрасно. Свой своему, знаете, поневолѣ врагъ и охотно свинью подложитъ... Хо! хо!

Енотовъ громко, густымъ басомъ засмѣялся и не безъ любопытства посмотрѣлъ на Размашилова: ну-ка, молъ, что ты за птица, я еще до сихъ поръ на тебя не обращалъ вниманія.

— Но все-таки... Я бы очень желалъ знать ваше мнѣніе.

— Гм... Мнѣніе! Что въ немъ путнаго? Знаете, по этому случаю можно сказать: «Что въ мнѣніи тебѣ моемъ?» Картины вѣдь я не куплю и рекомендовать ее тоже никому не буду: это не въ моихъ правилахъ.

— Но я интересуюсь не въ этомъ смыслѣ...

— То-есть, значитъ, съ точки зрѣнія чистаго искусства?

— Именно.

— Да, бываетъ и такъ, впрочемъ больше... по недоразумѣнію, по молодости лѣтъ... Вообще, я такъ думаю, что вы только на половину дѣло сдѣлали.

— Какъ на половину?—тревожно спросилъ Размашиловъ.

— А то какъ же? Хо-хо!—засмѣялся опять Енотовъ,—первая половина,—продолжалъ онъ,—картину написать,—это не суть важное дѣло, а вторая половина—продать ее. Ну, вотъ это дѣло серьезное и для этого надо имѣть большой талантъ. Надо, знаете, учиться у господина Завидовскаго. Онъ въ этомъ великій мастеръ. Онъ для того, чтобы удачно продать большую картину, напишетъ двадцать маленькихъ и раздаритъ нужнымъ людямъ. Да! Ну, вотъ они и воздѣйствуютъ гдѣ нужно. Такъ-то, другъ, учитесь!

Digitized by Google

Енотовъ дружески тронулъ раза два Размашилова по плечу и добавилъ:

— Ничего! Главное не падайте духомъ!

Онъ подошелъ къ его картинѣ, посмотрѣлъ на нее минуты двѣ молча и потомъ сказалъ:

— Что жъ... Ничего... Гм... Не худо... даже можно сказать и очень... Да!.. что жъ... Оборветесь разъ, другой, пять разъ оборветесь, десять, наконецъ,— что же за важность! Придетъ пора, и на вашей улицѣ будетъ праздникъ.

— Будетъ!.. Но когда же? послѣ того, какъ десять разъ оборвешься—тогда, что-ли?—подумалъ про себя Размашиловъ.

Вслухъ проговорить этихъ словъ у него не хватило силы.

— Всякому, знаете, овощу свое время!—добавилъ Енотовъ и, по обыкновенію, не давая руки, ушелъ отъ Размашилова.

— Что же это: не худо, говоритъ, и очень...—спрашивалъ самъ себя Размашиловъ,—и оборветесь, говоритъ... Что же это за притчи?

Выраженіе лица его вдругъ измѣнилось, въ глазахъ появилось что-то тревожное, губы сжались и въ переносьѣ между бровями легла рѣзкая, глубокая морщина.

Вечеромъ, въ бильярдной трактира «Лондонъ», гдѣ коротали свои безпечальные дни, съ кіями въ рукахъ, его пьяные завсегдатаи, онъ долго и задумчиво смотрѣлъ на нихъ и теперь уже не порицалъ ихъ за безполезное времяпровожденіе, напротивъ, готовъ былъ похвалить:—такъ тяжело отразились на его душевномъ состояніи впечатлѣнія и встрѣчи этого дня.

Завсегдатаи продолжали свои обычныя занятія— пили, закусывали, играли на бильярдѣ. Толстякъ, полуразвалясь на диванѣ и не выпуская изъ пухлыхъ рукъ кружки съ пивомъ, высказывалъ то одобреніе, то порицаніе товарищамъ-игрокамъ.

Digitized by Google

— Слабо! Вяло... По-дѣтски... А! Вотъ это ударъ! Молодецъ! Хвалю! Позволяю тебѣ перенестись духомъ своимъ въ жизнь средневѣковаго рыцарства и возгласить: «И славили герольды мой ударъ». Жаль, ничего подобнаго теперь нѣтъ, а потому предлагаю тебѣ рюмочку очищеннаго!..

Размашиловъ, смотря на нихъ, думалъ:

— Свиньи, собственно, но безгрѣшныя.

Утромъ онъ проснулся рано и долго не могъ придти въ себя. Впечатлѣнія и встрѣчи предыдущаго дня перепутались у него со сновидѣніями. Знаменитый художникъ Енотовъ вдругъ почему-то оказался ожирѣвшимъ кулакомъ-купцомъ; фотографъ, котораго онъ видѣлъ предъ нимъ наканунѣ въ почтительной позѣ покорнѣйшаго слуги, превратился въ контрабандиста; подгулявшій Миша съ пріятелемъ своимъ приняли образъ уличныхъ карманщиковъ, а трактирные завсегдатаи превратились въ счастливыхъ пастушковъ, смотрящихъ на Божій міръ взглядомъ новорожденнаго младенца.

Онъ долго протиралъ глаза, пугливо осматриваясь въ темнотѣ предразсвѣтной поры, когда только-только еще начинали выдѣляться изъ мрака ночи сѣроватыми пятнами оконные просвѣты въ его квартирѣ.

— Чортъ знаетъ, что за гадость на душѣ,—ропталъ онъ, тревожно ворочаясь на кровати, — точно я къ смертной казни приговоренъ. Фу, чортъ побери! Надо, наконецъ, встряхнуться. И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь Енотонъ не папа же непогрѣшимый!.. И эти представители печати — не они же, наконецъ, всевластные рѣшители моей судьбы. О, какъ они мнѣ сразу въ одинъ день всѣ опротивѣли.

XXII.

Въ день открытія выставки, рано утромъ, когда еще публики на ней было немного, по заламъ группами расхаживали молодые люди, останавливались пе-

Digitized by Google

редъ нѣкоторыми картинами, разговоривая о ихъ достоинствахъ и недостаткахъ. Всѣ они были ученики Академіи Художествъ. Тѣ, которые были постарше, говорили больше, указывая на то или другое мѣсто картины, о которой шла рѣчь, и при этомъ каждый разъ дѣлали пальцемъ кругъ на указываемомъ мѣстѣ, какъ бы желая опредѣлить его границы. Размашиловъ пришелъ на выставку тоже съ самаго ранняго часа и бродилъ по ней, дѣлая видъ, что осматриваетъ картины своихъ собратовъ, въ дѣйствительности же думая только о томъ, какая участь постигнетъ его картину. Изъ товарищескихъ разговоровъ и изъ всѣхъ слышанныхъ имъ до открытія выставки отзывовъ онъ вынесъ пока только одно убѣжденіе, что художники съ большими именами говорятъ уклончиво, что-то какъ будто не договариваютъ и чаще всего сводятъ разговоръ на общія мѣста, а остальные всѣ непремѣнно завидуютъ и потому относятся къ нему сдержанно.

Чрезъ нѣсколько времени съ нимъ встрѣтился Несмѣловъ.

— А, Саша!—привѣтствовалъ онъ,—вотъ и я, братъ, забрелъ сюда, признаться, по дорогѣ, заходилъ къ мастеру, доски цинковыя заказывалъ подъ образа—ну, думаю, все равно надо же зайти—зайду теперь, пока время свободное есть. Обошелъ я. Ничего, есть кое-что интересное. Ты доволенъ?—спросилъ онъ Размашилова.

— Чѣмъ?

— Какъ чѣмъ—мѣстомъ?

— Развѣ можно быть довольнымъ!—заволновался онъ, кидая грозные взгляды направо и налѣво,—помилуй, меня поставили чортъ знаетъ какъ: съ одной стороны огромная картина Елкина, — положимъ, пейзажъ, однако, какой пейзажъ,—вѣдь онъ убиваетъ мою картину, а съ другой—жанръ Енотова—ну, гдѣ мнѣ съ такими тузами равняться. Они не только меня, кого угодно забьютъ.

— Чудакъ ты, Размашиловъ! —возразилъ Несмѣловъ.

Digitized by Google

—Гордиться нужно такимъ сосѣдствомъ, а ты жалуешься! Ты пойми, тебя, слѣдовательно, цѣнятъ, когда ставятъ въ первой залѣ на виду. Лучше развѣ, ослибы тебя запрятали въ дальній уголъ, куда никто не заглядываетъ!..

— А, все вздоръ, и Енотовъ правду говоритъ, что главная задача художника продать картину... Гдѣ бы ни поставили, лишь бы хорошую цѣну взять...

— Хорошую?—переспросилъ Несмѣловъ.

— Конечно...

— Что жъ — бываетъ,—задумчиво сказалъ Несмѣловъ и потомъ, помолчавъ, по обыкновенію, довольно долго, спросилъ.

— Имѣешь въ виду покупателя?

— Нѣтъ еще. Откуда ему быть. Самъ знаешь, сегодня только первый день выставки.

— Это не причемъ. Другіе умѣютъ продать до выставки и не только не оконченныя работы, а даже еще и не написанныя. Большіе есть мастера на это.

Размашиловъ вздохнулъ и замолчалъ. Несмѣловъ пытливо на него посмотрѣлъ.

— Ну, ничего... Богъ дастъ, дѣло обойдется. Нынче на счетъ продажи картинъ все-таки легче, чѣмъ прежде: есть посредники, они подвинчиваютъ публику, обѣщай побольше за коммисію, будутъ картину твою похваливать погорячѣе. Для каждой картины, говорятъ, есть свой дуракъ, который ее непремѣнно въ свое время купитъ. И насчетъ газетныхъ отзывовъ приложи стараніе.

— Этого я не умѣю и не могу. Противно!

— Поздравляю. Да ты откуда пріѣхалъ? Развѣ можно такъ разсуждать? Назвался груздемъ—полѣзай въ кузовъ. Другое дѣло,—если ты не ищешь ни славы, ни денегъ, а работаешь безкорыстно, именно только по призванію,—тогда можешь, конечно, на все махнуть рукой. Будь спокоенъ: слава за тобой не побѣжитъ, а если и побѣжитъ, такъ очень не спѣша и догонитъ тебя развѣ только послѣ смерти.

Digitized by Google

— Ты такъ думаешь?

— Да! Видалъ ты, напримѣръ, на Аничковомъ мосту работы Клодта? И въ Лѣтнемъ саду памятникъ Крылову тоже, разумѣется, видалъ. А извѣстно ли тебѣ, кто работалъ для Клодта человѣческія фигуры, сдерживающія коней, и фигуру самого Крылова? Ты, какъ человѣкъ, прикосновенный къ искусствамъ, долженъ знать, что знаменитый баронъ Клодтъ былъ великій мастеръ только своего дѣла—лошади, и человѣческія фигуры въ его работахъ исполнялись не имъ, а безвѣстнымъ скульпторомъ, о которомъ ты, конечно, не слыхивалъ, тогда какъ онъ, по достоинству своихъ работъ, занимаетъ мѣсто рядомъ съ Пименовымъ. Фамилія его Крейтанъ. Не слыхивалъ?

— Никогда!

— Онъ былъ родственникъ Клодта по женѣ, былъ преданъ всей душой искусству, славы не искалъ, и она за нимъ тоже не гналася. Такъ, напримѣръ, на стѣнахъ Исаакіевскаго собора фигура Христа, несущаго крестъ, тоже имени его не сохранила. Вотъ тебѣ и воздаяніе по заслугамъ...

Публики набралось на выставку уже такъ много, что Размашилову съ Несмѣловымъ пришлось отойти отъ картинъ въ сторону, чтобы не загораживать собою пути. Размашиловъ хмурился, теръ лобъ, вообще, видимо былъ въ тревожномъ состояніи духа. Несмотря на это, онъ не могъ удержаться, чтобы не взглянуть по временамъ въ ту сторону, гдѣ стояла его картина.

— Извини, Саша,—добавилъ Несмѣловъ,—можетъ быть и Крейтанъ, подобно тебѣ, говорилъ, что «противно» заискиваніе у газетъ и т. п.

— Да, конечно, похвальнѣе быть отъ всего этого въ сторонѣ...

— То-есть, отъ заискиваній?

— Да, конечно... Я даже склоненъ думать, что и въ искусства не худо уйти подальше.

— Это уже, извини, разочарованіе и несвоевре-

Digitized by Google

менное. Зачѣмъ такъ говорить: у тебя еще цѣлая жизнь впереди.

— Ахъ, перестань! Я, кажется, съума сойду.

XXIII.

Число посѣтителей выставки съ каждымъ днемъ увеличивалось, но, несмотря на это, картина Размашилова оставалась почти никѣмъ незамѣченной. Точно всѣ сговорились и съ оскорбительнымъ равнодушіемъ относились къ ней. Подойдутъ, взглянутъ на мрачную фигуру озлобленнаго крестьянина и немедленно же обращаютъ вниманіе на другія сосѣднія картины. Размашиловъ замѣчалъ это равнодушіе и, конечно, досадовалъ—вотъ, молъ, какова эта темная масса,—попробуй, вразуми ее... Разъ, однако же, удалось ему увидѣть, какъ остановились около его картины два старика, и услышать ихъ разговоръ! Одинъ былъ въ военномъ мундирѣ, съ сѣдыми бакенбардами, другой въ черномъ сюртукѣ, тоже сѣдой.

— Что это?—спросилъ военный, обращаясь къ черному сюртуку. Господинъ въ сюртукѣ пожалъ плечами и ничего не отвѣтилъ.

Размашиловъ стоялъ въ сторонѣ у окна и едва скрывалъ свое волненіе. Онъ, можетъ быть, даже рѣшился бы объяснить недоумѣвающимъ зрителямъ «идею» картины, еслибы въ это время военный самъ не заговорилъ.

— Какъ это мелко и необдуманно взято. Гнѣвъ, злоба — противъ кого? Возьми — печаль, тоску, даже отчаяніе — не говорю уже о покорности и смиреніи предъ силами природы — изобрази только одну скорбь, безсильную, безпомощную—и ожила бы картина.

Господинъ въ черномъ сюртукѣ опять пожалъ плечами.

— Да, не зрѣло по сюжету... Молодъ, вѣроятно, и мелко плаваетъ... Но, посмотрите, какъ много

Digitized by Google

рошаго въ подробностяхъ,—и пейзажъ, и постановка фигуры, и даль поля...

— Главнаго нѣтъ!—возразилъ военный,—напиши онъ ее въ сто разъ лучше, даже до обмана живо изобрази все, и тогда она будетъ фальшива въ основаніи, въ самомъ существѣ дѣла...

И оба пошли дальше.

У Размашилова руки похолодѣли, голова закружилась, и онъ едва справился съ своимъ волненіемъ.

— Тоже разсуждаютъ! Смиреніе, покорность... Молодъ,—мысленно роптalъ онъ.—Эхъ вы, старики! Да развѣ художественное произведеніе можно такъ разбирать? Вы разбирайте и оцѣнивайте то, что вамъ даютъ, а не то, что бы вы хотѣли видѣть...

Вечеромъ, пересматривая въ «Лондонѣ» газеты, онъ, наконецъ, прочелъ отзывы и о своей картинѣ. Въ одной газетѣ было сказано, что смятая рожь на его картинѣ написана невѣрно, земля черная, а градины, будто бы, несоразмѣрно велики. Въ другой критикъ, очевидно, просвѣщенный и «напутешествованный» человѣкъ, основательно усвоившій послѣднее слово науки, разсуждалъ по поводу картины «Погибшій урожай», что въ нашъ вѣкъ телеграфовъ, телефоновъ, желѣзныхъ дорогъ и даже воздухоплаванія, непремѣнно слѣдуетъ обратить вниманіе на то, въ какомъ безпомощномъ положеніи находится у насъ сельское хозяйство и принять противъ градобитья надлежащія мѣры. Въ третьей газетѣ была тоже статья о выставкѣ,—и въ ней «Миша» расхваливалъ картины пріятелей и ставилъ ихъ наравнѣ съ картиной знаменитости. Въ заключеніе статьи онъ добавилъ, что между прочимъ, «поставленъ въ необходимость» сказать правдивое слово объ одномъ изъ распорядителей выставки, собственно въ томъ смыслѣ, что «онъ въ высшей степени грубъ и дерзокъ въ обращеніи съ публикой и рискуетъ получить въ возможно непродолжительномъ времени непріятности». Словомъ—Миша показалъ себя въ настоящемъ свѣтѣ.

Digitized by Google

Размашиловъ смялъ газеты и швырнулъ ихъ на столъ такъ, что трактирный слуга, стоявшій около дверей, кинулся къ нему съ такою поспѣшностью, точно съ цѣпи сорвался.

— Господинъ Размашиловъ, извините, — этого не полагается.

— Чего именно?

— Газеты мять. Помилуйте! Съ насъ тоже спрашиваютъ...

— Кто спрашиваетъ, что?

— И хозяинъ, и публика... вообще.

Размашиловъ взялъ его обѣими руками за лацканы фрака и такъ сталъ его трясти, что у того голова задрожала, точно у игрушечной куклы.

— Еслибы я тебя не жалѣлъ,—трагическимъ прошепталъ онъ при этомъ,—тебѣ бы не жить!

— Что вы! Опомнитесь! Развѣ такъ можно?

Лакей испуганно оглянулъ залъ, въ которомъ въ это время никого изъ посѣтителей не было, и потомъ долго смотрѣлъ вслѣдъ ушедшему Размашилову.

— Когда это онъ успѣлъ такъ опьянѣть?—недоумѣвалъ онъ, — пришелъ, кажись, трезвый. Кто ему подавалъ? Должно быть, на ходу, у буфета, какъ слѣдуетъ зарядился.

XXIV.

Въ этотъ вечеръ онъ до полночи одиноко бродилъ по набережной Большой Невы, безцѣльно смотря то на огоньки газовыхъ фонарей на Адмиралтейской и Англійской набережныхъ, то на отдаленныя ихъ точки за Зимнимъ дворцомъ, гдѣ линія ихъ, пересѣкая Неву черезъ Троицкій мостъ, тянулась длинной полосой по противоположному ея берегу. На темной синевѣ нео рисовался едва замѣтнымъ силуэтомъ высокій шпиц Петропавловскаго собора, а за нимъ вдали блистал яркими звѣздочками электрическіе огоньки на Литей номъ мосту. Со стороны Финскаго залива сгущали

Digitized by Google

надъ городомъ мрачныя тучи и, казалось, тамъ въ концѣ набережной, гдѣ уже не было видно ни одного огонька — казалось, тамъ не только ея конецъ, но и конецъ свѣта, мрачное преддверіе ада съ его темными силами. Тучи надвигались, застилая собою ту часть небесной синевы, гдѣ мерцали еще звѣзды. Видѣлъ Размашиловъ, какъ потускнѣлъ и спрятался въ тучахъ Марсъ, какъ одна за одной тускнѣли и погасали звѣзды Ріона; мысленно онъ былъ не тамъ и не представлялъ себя путешествующимъ вмѣстѣ съ ними, какъ совѣтуетъ въ своихъ «Размышленіяхъ» императоръ Маркъ-Аврелій, благочестивый язычникъ, перенесшій въ жизни много огорченій, скорбей и заботъ.

Онъ въ сущности ни о чемъ не думалъ и ни на что окружающее не обращалъ вниманія. Такъ какіе-то обрывки мыслей, оторванные клочки впечатлѣній, безъ начала и конца, случайно возникали въ его головѣ и безслѣдно исчезали, замѣняясь другими. Вспоминались дни дѣтства, огородъ на задворкахъ какой-то дачи съ клумбами, садовой клубники, изгородь, заросшая крапивой, высокія, тонкія жерди, по которымъ тянулся вверхъ хмѣль. Видѣлъ онъ себя подъ палящими лучами солнца на огородной грядѣ, высматривающимъ въ яркомъ свѣтѣ и тѣняхъ ея зелени малахитовый огурчикъ, точно нарочно отъ него прятавшійся. Вспоминался дворъ отцовскаго дома, лужи дождя и то невыразимое наслажденіе, съ которымъ онъ когда-то бѣгалъ босыми ногами по этимъ лужамъ и визжалъ отъ восторга; бабушка, старая-престарая, сгорбившаяся въ дугу, воскресла въ его воображеніи молящеюся по ночамъ при свѣтѣ лампады передъ образами, и припоминались ея слова, слышанныя имъ тогда, въ тѣ давно прошедшіе дни безпечнаго дѣтства: «Охъ, Саша, больно ты востёръ. Не прыгай такъ бойко. Вѣкъ пережить—не поле перейти. Помни, сказано: «Отроча благо, изъ млада учися, во всякомъ дѣлѣ Господу молися. Рано кто отъ сна возставъ, Бога славитъ, души и тѣла той въ жизни сей здравитъ».

Digitized by Google

Воспоминанія обрывались, перепутывались одно съ другимъ, исчезали и снова возникали. Сгорбленная старушка уступила мѣсто какой-то цвѣтной наволочкѣ на его дѣтской подушкѣ, рисункомъ которой онъ, когда-то, Богъ вѣсть сколько лѣтъ тому назадъ, любовался. Потомъ вдругъ почему-то вспомнились недавнія впечатлѣнія, тихіе вечера прошедшаго лѣта, когда, живя на Сиверской станціи Варшавской желѣзной дороги, онъ, бывало, просиживалъ на берегу рѣки далеко за полночь, слѣдя за прихотливыми перемѣнами луннаго свѣта на водѣ, на песчаномъ обрывѣ горы, на облакахъ, то сгущавшихся въ большія массы, то разсѣивавшихся легкими и тонкими слоями по небесному своду.

Не хотѣлось думать только о настоящемъ днѣ, о картинѣ, ея критикахъ,—вообще о переживаемой дѣйствительности. Почему? Онъ и самъ едва-ли бы могъ отвѣтить на этотъ вопросъ. И странно: какъ только ходъ мысли его случайно получалъ такое направленіе, при которомъ не далеко было до думъ о судьбѣ картины, какъ онъ тотчасъ же съ тревожною поспѣшностью старался думать о другомъ.

Въ концѣ концовъ онъ все-таки усталъ самъ себя обманывать и сразу, такъ сказать, всей грудью столкнулся съ непріятными воспоминаніями. Точно остріемъ меча кольнуло его въ сердце при мысли о тѣхъ мечтахъ, которыми онъ утѣшалъ себя, назначая большую цѣну за картину. Вслѣдъ за этимъ нахлынули воспоминанія о томъ, какъ онъ намѣревался устроить свою жизнь въ будущемъ, какъ надѣялся жениться на любимой дѣвушкѣ, поѣхать за границу.

Возвратясь въ мастерскую, онъ до утра пролежалъ неподвижно на диванѣ, смотря въ одну точку на потолкѣ и тяжело по временамъ вздыхая.

Прошелъ еще день, скучный, томительно долгій день, проведенный въ мастерской въ полнѣйшемъ отчужденіи отъ всего міра. Дворникъ Иванъ стучался утромъ въ двери раза два, пробовалъ окрикивать: — «Живы ли, Александра Павлычъ, ась?»—но отвѣта не

Digitized by Google

получилъ и не безъ задумчивости шелъ въ свою конуру, по-своему объясняя причины молчанія Размашилова.

— Урѣзалъ, стало быть, вчера здорово,—рѣшилъ онъ,—теперь и отоспаться не можетъ.

Когда потомъ, уже во второмъ часу дня, онъ еще разъ попробовалъ постучаться къ нему въ двери и окрикнуть его, — услышалъ, наконецъ, отвѣтъ:

— Уходи ты, животное!

— Услужить желаю вамъ, Александра Павлычъ, видитъ Богъ, отъ всего сердца.

— Ничего мнѣ не нужно.

— Ка-а-къ? А самоварчикъ? Нѣшто безъ чаю останетесь?

— Уйди, пока цѣлъ!

— Что жъ... Ежели такъ, оно, конечно, лучше уйти,—заговорилъ онъ и, уходя, уже окончательно рѣшилъ: — съ похмѣлья томится, это навѣрняка и толковать нечего; значитъ, безъ чаю прямо ударится въ трактиръ на поправку.

XXV.

Потянулись одинъ за однимъ скучные, однообразные дни. Работа опротивѣла, на выставку не только не хотѣлось идти, но даже вспомнить о ней было невыносимо. Въ первые пять-шесть дней по ея открытіи, онъ все еще по временамъ не то чтобы жилъ надеждой на продажу картины, а такъ немножко все-таки еще задумывался,—можетъ быть, молъ, кто-нибудь и купитъ,—и по временамъ справлялся у коммисіонера, не было ли покупателя; но потомъ махнулъ на все рукой и впалъ въ мрачное состояніе духа.

Большую часть дня онъ проводилъ въ томъ, что хаживалъ по мастерской, заложивъ руки за спину сгорбившись такъ, точно на спинѣ его лежалъ тяжелый грузъ.

— Куда дѣваются всѣ эти сотни, пожалуй, даже тысячи картинъ послѣ выставки? Кому онѣ нужны?—

Digitized by Google

спрашивалъ онъ самъ себя.—Въ Россіи—искусства! Зачѣмъ, для кого они въ ней нужны? Десятокъ, два, много три любителей—и только. Иконопись—да. Это дѣло надежное, и имъ кормиться можно. Портреты съ фотографій за двѣ красненькихъ, пейзажъ аршиннаго размѣра въ пять рублей цѣной—это тоже дастъ кусокъ хлѣба, не большой, положимъ, но все же дастъ, хотя и за него хватаются со всѣхъ сторонъ сотни жадныхъ рукъ. Иконопись! Ха-ха!.. Какая иконопись! Въ Россіи художественной работы образа никому не нужны и цѣнить ихъ некому.

Онъ хмурился, бросалъ направо и налѣво гнѣвные взгляды и сжималъ кулаки. Такое его душевное состояніе имѣло много общаго съ тѣмъ, которое онъ изобразилъ въ лицѣ крестьянина на картинѣ «Погибшій урожай». Какъ будто тогда, во время работы надъ этой картиной, онъ уже заранѣе переживалъ тѣ мрачныя, тяжелыя чувства, какія переживалъ теперь.

— Чортъ побери всю эту публику, которая ничего не понимаетъ, всю эту живопись, наконецъ, которая въ Россіи ни для кого не составляетъ духовной потребности... Мщеніе, чортъ возьми!.. Но кому мстить? Какъ мстить? О, какъ оскорбительно и невыносимо тяжко это безсиліе!

Такъ онъ шипѣлъ, бранился и ропталъ.

Въ думахъ его, однако, замѣчались большія несообразности. То онъ находилъ, что самое лучшее—бросить живопись и послѣдовать совѣту брата, то круто поворачивалъ въ совершенно противоположную сторону.

— Нѣтъ, чортъ съ ними, съ ихъ довольствомъ и праздною жизнью! Не могу, не хочу и никогда не измѣню своему призванію. Лучше служить ему,—рѣшалъ онъ,—служить, хотя бы даже и проклиная его, и все-таки служить, сознавая въ глубинѣ души, даже въ самыя ужасныя минуты проклятій, что проклинается не призваніе, не святое служеніе ему, а только вызванныя имъ неудачи и огорченія. Я вѣрю, я знаю,

Digitized by Google

я убѣжденъ и никогда не поколеблюсь въ томъ, что между мною и страстью моей нѣтъ разлуки, что она не можетъ оборваться даже и при послѣднемъ вздохѣ: тогда душа моя, освободившись, наконецъ, изъ оковъ жизни этого сквернаго міра, унесетъ съ собою въ загробный міръ и эту страсть со всѣми другими высокими дарами Божества.

Такія возвышенныя понятія онъ самъ же потомъ и не далѣе, какъ чрезъ полчаса, много черезъ часъ времени, осмѣивалъ и порицалъ, находя ихъ вздорными.

Едва-ли будетъ ошибка, если сказать, что, отдаваясь когда-то беззавѣтно своему призванію, онъ не всѣ корабли сжегъ и что въ душѣ его, можетъ быть на самой, такъ сказать, глубинѣ, таились имъ самимъ несознаваемыя, сокровенныя думы о возможности отступленія и поворота на другую дорогу. Въ такомъ случаѣ къ нему могло быть примѣнено слово св. писанія, что взявшійся за плугъ и оглядывающійся назадъ—не работникъ.

XXVI.

Въ одну изъ тяжкихъ минутъ мрачный демонъ сомнѣній овладѣлъ, наконецъ, имъ.

— Умереть или бросить живопись,—думалъ онъ,—умереть — покончить жизнь, «сномъ тяжелымъ прекратить наслѣдство тѣла—тысячи мученій», или только умереть для искусства. Не все ли равно и какая разница въ томъ и другомъ видѣ смерти? Какая же внѣ искусства возможна для меня жизнь?.. Однако, живутъ люди, да еще какъ живутъ... Хуже они меня, что-ли?.. Братъ, напримѣръ... Да онъ во сто разъ меня умнѣе и во сто разъ лучше понимаетъ задачи жизни...

Онъ подошелъ къ этюдамъ, висѣвшимъ на стѣнѣ, постоялъ около нихъ, посмотрѣлъ, вздохнулъ глубокимъ вздохомъ и потомъ, взглянувъ (можетъ быть даже случайно) на топившуюся въ это время печь,—вдругъ

Digitized by Google

порывисто, съ необыкновенною быстротой сорвалъ со стѣны нѣсколько этюдовъ и швырнулъ ихъ въ огонь. Не успѣло еще пламя охватить ихъ, какъ онъ сталъ срывать со стѣны другіе этюды и кидать ихъ въ печь. Порывистость и точно какая-то даже озлобленность замѣчалась въ его движеніяхъ и съ каждымъ новымъ киданіемъ этюдовъ въ огонь все болѣе и болѣе усиливалась. Онъ учащенно дышалъ, продолжая метаться по комнатѣ отъ стѣны къ печкѣ. Потомъ, когда на стѣнахъ не осталось уже ни одного этюда, въ печь полетѣли подрамники, кисти, ящикъ съ красками. Два мольберта съ двухъ, трехъ сильныхъ его движеній, обратились въ обломки и запылали въ печи.

Не видя болѣе враждебныхъ предметовъ осужденныхъ имъ на сожженіе, онъ вдругъ вспомнилъ, что самый главный врагъ его, нанесшій ему столько нравственныхъ пытокъ и мученій, благополучно и невредимо поставаетъ себѣ на выставкѣ и — растерялся, видимо колеблясь, бѣжать ли за нимъ, тотчасъ же, не теряя ни одной минуты, чтобы немедленно предать его огню, или же отложить эту казнь до слѣдующаго дня.

— Бѣжать, взять, схватить и немедленно уничтожить,—рѣшилъ онъ.

Захлопнувъ заслонку печи, разгорѣвшейся до небывалой жары, онъ поспѣшно накинулъ на себя пальто, вышелъ и крикнулъ извозчика.

Полчаса спустя, картина «Погибшій урожай» была уже въ его квартирѣ и скомканная, изрѣзанная ножемъ, брошена въ огонь.

— Кончено! Кончено! — шепталъ онъ, смотря на пылавшій въ печи огонь и вдругъ, закрывъ лицо обѣими руками, зарыдалъ.

XXVII.

На другой день онъ отправился къ брату.

Тяжелая сцена свиданія его съ братомъ была до такой степени проникнута чувствомъ глубочайшей

Digitized by Google

скорби, что даже самъ Иванъ Павловичъ, смотрѣвшій на все съ точки зрѣнія торговаго дѣльца, учащенно замигалъ при этомъ и какъ-то странно скривилъ губы.

— Ничего, братъ, обойдется... Понимаю, ей-ей, понимаю... какъ передъ Истиннымъ говорю... обойдется!

Александръ Павловичъ долго не могъ слова проговорить и только потомъ, когда, наконецъ, глухія рыданія его затихли, онъ, опустившись на близъ стоявшій стулъ, едва слышнымъ шепотомъ проговорилъ:

— Ударъ! Жестокій ударъ... Какъ перенести!..

— Все же ты рѣшился и — покончилъ. И расчудесно. Смаху! Это вотъ самое настоящее дѣло... Ничего, все Богъ дастъ оботрется и обожмется. Конечно, скорбь и все такое иное прочее... Ну, что дѣлать, безъ этого нельзя. А все-таки, по душѣ скажу, большое мужество ты обнаружилъ, на рѣдкость. Даже удивительно! По-моему—ты герой и самый, какъ есть, настоящій! Честное слово!

Герой, однако, сидѣлъ, опустивъ голову, и по временамъ вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ. Уже ночей десять онъ провелъ въ безпокойномъ состояніи, спалъ урывками, просыпаясь чуть не каждые полчаса, въ послѣднюю же ночь и совсѣмъ не смыкалъ глазъ.

Иванъ Павловичъ окидывалъ по временамъ его сгорбившуюся фигуру пытливымъ взглядомъ и съ большою осторожностью слѣдилъ за собой, опасаясь, какъ бы не сказать чего-нибудь лишняго, неумѣстнаго, могущаго потревожить наболѣвшія раны брата; онъ слѣдилъ не только за тѣми словами, которыя въ это время произносилъ, но и за тѣмъ тономъ, какимъ они произносились. Въ глубинѣ души его уже шевелилось чувство самодовольнаго сознанія, что «я, молъ, все-таки былъ правъ, когда говорилъ» и т. д., но этого чувства онъ ничѣмъ не выразилъ.

— Ничего! Ей-ей обойдется! Мало ли чего въ жизни не бываетъ. Въ лучшемъ видѣ обойдется!

И опять-таки, какъ великій практикъ, онъ сразу

Digitized by Google

понялъ, что именно нужно сдѣлать для того, чтобы «облегчить скорбь».

— Э! Кто тамъ? Петръ!—крикнулъ онъ.

Явился безмолвный лакей.

— Подай сюда... именно сюда, въ кабинетъ, два стакана чаю и коньякъ...

Александръ Павловичъ изумленно взглянулъ на него.

— Послушай, братъ... зачѣмъ это?..

— Умолкни! не твоего разсужденія это дѣло!— шутливымъ тономъ бросилъ ему Иванъ Павловичъ и обратился опять къ лакею:

— Ты попроворнѣе... насколько возможно прибавь... чтобы полный ходъ... слышишь?

Онъ подозвалъ его къ себѣ поближе пальцемъ и, понизивъ тонъ голоса, добавилъ:

— Притвори двери, и чтобы сюда никого.

— Слушаю.

— И ежели барыня спроситъ, кто у меня,—уклонись отъ отвѣта. Разумѣешь?

Лакей утвердительно кивнулъ головой и поспѣшно скрылся за дверью.

Потомъ, когда чай и коньякъ въ надлежащемъ количествѣ «пошли въ дѣло», Иванъ Павловичъ сказалъ:

— Вотъ что, другъ... слушайся: худа не будетъ, ей-ей. Службу тебѣ предоставимъ въ настоящемъ видѣ и все такое... Ну, чокнемся!

Иванъ Павловичъ не чувствовалъ и тѣни опьяненія отъ выпитаго вина, но, видя, что Александра Павловича вино стало замѣтно оживлять, заговорилъ съ нимъ веселѣе, какъ-будто и самъ тоже «въ куражѣ».

— Другъ Саша, пойми... Все-таки дѣло дѣломъ, и безъ денегъ никакъ невозможно. Вотъ на первый разъ получай... Потомъ сочтемся. Ну, допивай — и поѣдемъ сейчасъ же.

— Куда?

— Не разговаривай!..

— Да куда!.. Скажи, однако...

Digitized by Google

— Надѣвай пальто! Ежели ты къ намъ, значитъ, въ монастырь поступаешь—подчиняйся уставу. Сказано ѣдемъ—и конецъ! Надѣвай пальто!

Опытный онъ былъ человѣкъ и зналъ, когда, какъ и что нужно дѣлать. Онъ въ этотъ же день на своей собственной лошади закрутилъ брата по Петербургу; самъ ему и комнату нанялъ, и въ парикмахерскую съ нимъ заѣхалъ, и въ магазинѣ готоваго платья побывалъ, и въ ресторанъ еще разъ завернулъ «подогрѣться», словомъ—не оставлялъ его одного ни на минуту; пожалуй, молъ, чего Боже сохрани, опять «скувырнется». И такъ велика и предупредительна была его заботливость о душевномъ состояніи брата, что, когда имъ пришлось проѣзжать по той улицѣ, гдѣ помѣщалась выставка картинъ, онъ точно вдругъ вспомнилъ о чемъ-то нужномъ и озабоченно крикнулъ кучеру:

— Поверни налѣво въ проулокъ!

— Куда это?—спросилъ Александръ Павловичъ.

— Извини... тутъ мнѣ нужно... только на одну секунду!..

Онъ дѣйствительно забѣжалъ въ какую-то лавочку, что-то такое спросилъ изъ приличія и замаскировалъ свой планъ.

На основаніи тоже «практическихъ соображеній» онъ намѣренно не обѣдалъ въ этотъ день дома, именно для того, чтобы отклонить Александра Павловича отъ свиданія съ женой и Марьей Ярославной. Онъ сознавалъ, что «струны натянуты туго, и надо дѣйствовать съ разсудкомъ».

XXVIII.

Благодаря такому образу дѣйствій, онъ такъ поставилъ дѣло, что сердечныя раны Александра Павловича, съ минуты его свиданія съ нимъ, не были болѣе отревожены никѣмъ и ничѣмъ. Онъ удержалъ его даже и отъ поѣздки на прежнюю квартиру.

— Знаешь что, заѣдемъ пока ко мнѣ въ контору...

Digitized by Google

на полчасика. Ты тамъ газеты просмотришь, я слова два-три скажу помощнику, а потомъ пообѣдаемъ вмѣстѣ—и къ тебѣ на новую квартиру чай пить. Расчудесное дѣло! Незачѣмъ тебѣ и заглядывать въ твою прежнюю берлогу... И самъ знаешь, какая тамъ, напримѣръ, пріятность. По-моему, къ чорту ее разъ навсегда.

— Помилуй! Надо же разсчитаться... и, наконецъ, имущество... все же кое-что есть.

— Все устроимъ.

— Неудобно это...

— Смирись, говорю тебѣ... Помнишь, какъ бабушка говаривала: «смиреннымъ Господь благодать даетъ».

Онъ завезъ его въ контору, въ которой служилъ, усадилъ у себя въ кабинетѣ съ газетой, а самъ занялся дѣлами. Въ теченіе часа у его стола перебывало до десятка разныхъ лицъ: нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ усаживалъ около себя въ кресло и говорилъ съ ними почтительно, а провожая ихъ, самъ отворялъ имъ двери кабинета, съ нѣкоторыми же говорилъ развязно, бойко размахивая руками и даже тыкая ихъ указательнымъ пальцемъ въ грудь; а нѣкоторыхъ прямо бралъ обѣими руками за плечи и поворачивалъ лицомъ къ дверямъ.

— Окончательно говорю,—заключалъ онъ съ ними разговоръ, — слышите, вотъ — Богъ, вотъ—порогъ—и больше ни копѣйки!

Будучи, казалось, занятъ дѣлами, какъ говорится, по горло, онъ по-временамъ все-таки успѣвалъ кидать пытливые взгляды въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ братъ. Потомъ, когда, наконецъ, разговоръ съ посѣтителями былъ оконченъ, онъ поднялся съ кресла, энергически потеръ себѣ руки, одну о другую, и сказалъ:

— Слава Богу... На сей разъ довольно... Ну, Саша, заставилъ я тебя поскучать. Знаю, тебѣ не до газетъ... что дѣлать, извини... Теперь, давай-ка, займемся твоими дѣлами...

Digitized by Google

— Нѣтъ, погоди... Пожалуйста... Послѣ какъ-нибудь... теперь пока я не могу...

— Да что ты тревожишься? ты думаешь, я о твоей будущей службѣ или насчетъ чего-нибудь по сердечной части. Что ты, Богъ съ тобой! Развѣ я безъ понятія! Есть, братъ, пока другія дѣла, которыя безотлагательно нужно кончить...

— Что такое?..—отвѣтилъ Александръ Павловичъ, пожавъ плечами.

— А вотъ сейчасъ поймешь.

Онъ подавилъ кнопку электрическаго звонка и потребовалъ къ себѣ артельщика. Немедленно вслѣдъ за этимъ въ комнату вошелъ артельщикъ, краснолицый, скуластый, въ длиннополомъ сюртукѣ и въ сапогахъ «бутылками». Войдя, онъ тряхнутъ волосами въ видѣ поклона и остановился у дверей, не говоря ни слова.

— А, Егоръ, это ты. Хорошо. Ты парень съ головой и толковѣе другихъ. Именно тебя и надо... Слушай, Саша,—обратился онъ къ брату,—давай карточку.

— У меня нѣтъ карточки...

— Гм... Гм... — кашлянулъ Иванъ Павловичъ,— это, впрочемъ, не суть важно. Давай-ка ключъ отъ твоей квартиры... Егоръ, запиши адресъ... Васильевскій, пятая, уголъ Средняго... номеръ... Ну, вотъ такъ, хорошо. Вотъ тебѣ, Егоръ, ключъ, и дѣйствуй. Саша!.. у тебя какъ разсчетъ съ квартирой, по книжкѣ? Да? Хорошо, очень хорошо, прекрасно!.. Гм... Еще вопросъ, гдѣ она, здѣсь при тебѣ или тамъ гдѣ-нибудь въ шкафу, въ комодѣ, въ письменномъ столѣ?

— Квартирная книжка, положимъ, у меня здѣсь...

За симъ послѣдовала самая подробная инструкція тельщику: отдай за квартиру столько-то, дворнику олько-то, въ томъ числѣ ему на чай, итого по кварному разсчету такая-то вотъ сумма. Потомъ найми возчика-ломовика (цѣна, приблизительно, такая, но е-таки поторгуйся, лишняго не давай). Забери вещи... ванчикъ тамъ, шкафъ, комодъ и проч. (На дрова

Digitized by Google

бы ихъ надо, ну да, впрочемъ, это потомъ.) Свали ихъ на ломовика. За симъ тщательно уложи и свяжи въ узлы все остальное. Осмотри потомъ, не осталось ли чего въ квартирѣ, гдѣ-нибудь въ углу, за дверью, въ передней, понимаешь? и поѣзжай. Диванъ, комодъ и прочее громоздкое свали у насъ въ товарномъ амбарѣ: ничего, пусть пока полежатъ, тамъ мѣста квартиръ на сто хватитъ, а остальное все отвези по слѣдующему адресу—вотъ на, получай. Ну-съ, хорошо. За симъ тамъ въ комнатѣ, то-есть вотъ по этому новому адресу, размѣсти все куда слѣдуетъ, въ порядкѣ, книги, напримѣръ, на столъ, а туфли, тамъ, сапоги и т. п., разумѣется, въ свое мѣсто. Смотри не перепутай. Отъ васъ станется. Насчетъ книгъ, вообще, у насъ это возможно, какъ разъ сунемъ куда-нибудь въ неподходящее мѣсто. Такъ вѣдь, Саша, правду я говорю? Хе, хе! Ну, Егоръ, понялъ ли? Значитъ, дѣйствуй. Въ шесть вечера, ровно въ шесть, мы будемъ на новой квартирѣ, и чтобы самоваръ кипѣлъ на столѣ. Горничной на первый разъ ткни въ зубы пару рублей, они оживятъ ее въ значительной степени. Чувствуешь?

Артельщикъ утвердительно кивнулъ головой.

— Ну, отчаливай съ Богомъ!

Когда онъ исчезъ за дверьми, притворивъ ихъ за собой безъ шуму и стуку, Иванъ Павловичъ не безъ удовольствія посмотрѣлъ ему вслѣдъ. «Парень не безъ сообразительности», подумалъ онъ о немъ.

— Вотъ, Саша, видишь, какія безотлагательной надобности дѣла у тебя объявились... А ты говоришь—послѣ. Какъ можно, зачѣмъ? Не люблю «послѣ»; люблю «теперь, сейчасъ, немедленно»... Это вотъ жизнь, самая что ни на есть настоящая, такъ сказать, въ котлѣ кипимъ. Эй, кто тамъ? Подавайте пальто. Идемъ Саша!

— Позвольте два слова,—обратился въ это время къ Ивану Павловичу одинъ изъ служившихъ въ конторѣ, держа въ рукахъ пачку съ бумагами.

Digitized by Google

— Что такое? Въ чемъ затрудненіе?

Иванъ Павловичъ былъ уже въ верхнемъ пальто и въ шляпѣ. Служащій, держа въ рукахъ перо и бумаги, сталъ что-то ему объяснять. Иванъ Павловичъ нахмурился, взялъ отъ него бумаги и, не снимая шляпы, озабоченно началъ ихъ просматривать, стоя у притолки въ передней.

— Ну и что же? Въ чемъ же вопросъ? Удивительно! Гм... Гм... Именно такъ и нужно высчитать, и срокъ, и сумму.

— Оспаривать, пожалуй, будутъ, — замѣтилъ служащій, — разница при такомъ разсчетѣ получается большая, пожалуй рублей до семисотъ.

— И расчудесно! Въ томъ вся задача. Будутъ оспаривать—уступимъ, а можетъ быть и не будутъ...

— Ну, Саша, кончено! Ты готовъ?

Александръ Павловичъ ни слова не отвѣтилъ. Онъ стоялъ въ передней, упорно смотря въ полъ.

Иванъ Павловичъ быстро окинулъ его пытливымъ взглядомъ.

— Что это ты... завялъ?

Александръ Павловичъ встрепенулся.

— Поѣдемъ къ тебѣ,—тихо проговорилъ онъ.

— Не терпится... Хочешь видѣть... Гм... гм... ее?

— Къ чему вопросъ!

Въ тонѣ отвѣта его послышалось раздраженіе.

— Саша, успокойся! — прошепталъ Иванъ Павловичъ.—Пойми, теперь ѣхать резону нѣтъ, неудобно. Я понимаю, дружище, — добавилъ онъ, наклоняясь къ его уху,—понимаю довольно, можно сказать, явственно. Но погоди, съ женскимъ поломъ надо отложить разговоръ до завтра, потому, мы теперь въ растрепанныхъ чувствахъ. И наконецъ того, самъ знаешь, женщины народъ, нельзя сказать, чтобы настоящій, съ ними во всякомъ дѣлѣ надо осторожно. Такъ-то, другъ!— заключилъ Иванъ Павловичъ, взявъ его за плечи обѣими руками, — поѣдемъ теперь куда слѣдуетъ по нашему положенію.

Digitized by Google

— Да куда же, Боже мой!..

— Какъ куда? Чудакъ ты удивительный. Адмиральскій часъ давнымъ-давно наступилъ и безъ куска кулебяки на сей разъ никакъ невозможно.

XXIX.

Комната, въ которой Александръ Павловичъ поселился, была высокая, просторная, свѣтлая, съ тюлевыми занавѣсами и мягкой мебелью. Обивка мебели была того же цвѣта и рисунка, какой имѣла портьера, за которой помѣщалась кровать съ мраморнымъ умывальникомъ; полъ былъ застланъ ковромъ. На письменномъ столѣ все разложено и разставленно въ порядкѣ, въ подсвѣчникахъ свѣчи, у чернильницы перья, справа и слѣва по стопкѣ книгъ, посрединѣ стола чистая бумага, и на ней карандашъ, даже очиненный. Платье, бѣлье, вещи—все было размѣщено по своимъ мѣстамъ. Отъ прежняго художественнаго безпорядка и слѣдовъ не осталось, подрамники, кисти, свинцовые флаконы, стклянки съ масломъ, — все это, имѣвшее, вмѣстѣ съ пылью и грязцой, право безпрепятственнаго существованія во всѣхъ мѣстахъ его прежней квартиры, теперь отошло въ область преданія.

И самъ Александръ Павловичъ былъ теперь другой: не тотъ красивый и статный молодой человѣкъ съ смѣлымъ и бойкимъ взглядомъ и свободными манерами. Бороду онъ подстригъ коротко, по-модному, съ козлинымъ кончикомъ на подбородкѣ; широкополую шляпу замѣнилъ котелкомъ; вмѣсто прежняго чернаго галстуха, всегда, бывало, небрежно завязаннаго, на немъ былъ галстухъ яркаго цвѣта, съ жемчужной булавкой, приколотой сбоку, какъ это требуется условіями моды; платье на немъ было новенькое, съ иголочки, и держался онъ иначе, не попрежнему: то какъ-то особенно подергивалъ плечами, то голову откидывалъ назадъ, то вдругъ ни съ того, ни съ сего щурилъ глаза, точно отъ близорукости и крутилъ усы. Словомъ, человѣкъ

Digitized by Google

корчилъ изъ себя что-то и ломался. По первому взгляду каждый встрѣчный могъ дать о немъ самый невыгодный отзывъ, именно въ томъ смыслѣ, что все въ немъ фальшиво до непріятности. Но стоило повнимательнѣе всмотрѣться въ него, и становилось ясно, что человѣкъ подвинчиваетъ себя, храбрится и силится перебороть какое-то гнетущее его чувство, которое, подавляемое въ душѣ, прорывалось во взглядѣ его впалыхъ глазъ.

Это было чувство раскаянія и упрека самому себѣ за то, что впалъ въ малодушіе, струсилъ, бѣжалъ съ поля сраженія. Казалось, въ такія минуты его мучили мысли о томъ, что онъ рабъ лѣнивый и лукавый, что онъ именно тотъ взявшійся за плугъ и оглядывающійся назадъ пахарь, о которомъ говорится въ Евангеліи, и что слова матери къ сыну о томъ, чтобы онъ не возвращался съ поля битвы домой иначе, какъ «со щитомъ или на щитѣ», къ нему не относятся.

Такія мысли непрошенныя повременамъ врывались въ его душу и хозяйничали тамъ по-своему, безпокоя и терзая ее. Подъ вліяніемъ ихъ, вся его напускная бодрость пропадала, и онъ, казалось, готовъ былъ сорвать съ себя въ такія минуты не только жемчужныя булавки и цвѣтные галстухи, но даже и голову свою, съ обстриженными по-модному волосами, разбить о стѣну новой квартиры.

Но онъ не давалъ развиваться такимъ мыслямъ и вступалъ съ ними въ борьбу, иногда съ большимъ даже успѣхомъ.

— Нѣтъ! я не рабъ лѣнивый и лукавый. Вздоръ это, ошибка. Я не малодушіе обнаружилъ, не трусость, не боязнь за то, что меня принесутъ не со щитомъ, а только на щитѣ; напротивъ, я обнаружилъ большую нравственную силу: я понялъ, что надо сдѣлать крутой и безповоротный шагъ отъ прежней фальшивой дороги къ новой—и сдѣлалъ его, и пойду по новой дорогѣ, сначала, съ азбуки пойду по ней. Нѣтъ, то не безсиліе, а обиліе силы: развѣ я не знаю, не

Digitized by Google

понимаю, какія тернія ожидаютъ меня на этомъ новомъ пути; напротивъ, я уже чувствую, какъ они начинаютъ меня покалывать, но я ихъ преоборю. Всѣ эти подозрительныя улыбки служащихъ въ конторѣ брата, ихъ взаимныя между собою переглядыванья, двусмысленныя пожиманія плечами—все это я съ перваго же дня моей новой службы къ чорту послалъ и посылаю, и буду посылать. А на это развѣ одного малодушія и трусости достаточно? Нѣтъ, лѣнивый и лукавый рабъ не я, а кто-нибудь другой попроще и подешевле. Правду говоритъ братъ, что я обнаружилъ геройство. О, у него умная голова, онъ насквозь видитъ человѣка, и послѣ первыхъ же двухъ-трехъ словъ, сказанныхъ съ нимъ, знаетъ ему цѣну. А какая память, какая смѣтливость, неутомимость. Именно, въ котлѣ кипитъ, какъ онъ самъ сказалъ о себѣ. Молодецъ, одно слово.

Онъ вспомнилъ, какъ въ первый день посѣщенія конторы служащій докладывалъ брату о разницѣ въ разсчетахъ на семьсотъ рублей, и улыбнулся.

— Изворотливость,—похвалилъ онъ,—и дальновидность какая. «Ну, не удастся — не надо, а можетъ быть и удастся». И правильно... Зачѣмъ пошелъ, то и ищи и въ нравственныя тонкости не вдавайся. А тамъ, въ томъ кругу, который я только-что оставилъ, очень, что-ли, вдаются въ нравственныя тонкости? Какъ же, чего и говорить, ангелы непорочные. И знаменитый господинъ Енотовъ, и десятки другихъ, не менѣе его способныхъ затоптать въ грязь кого угодно, лишь бы подороже продать свой «товаръ» — все это безкорыстные труженики, у которыхъ вездѣ и всегда на первомъ планѣ искусство и его высшія задачи. Какой вздоръ! Да и кому теперь какое дѣло до высшихъ задачъ искусства, другой теперь вѣкъ, другіе люди и другія у нихъ потребности. Да, было время, когда художники отдавались съ безкорыстнымъ увлеченіемъ своей работѣ, и матеріальная сторона дѣла была у нихъ на заднемъ планѣ, но зато были же тогда и цѣ-

Digitized by Google

нители, не разбогатѣвшее невѣжество, а дѣйствительные знатоки дѣла, сами въ душѣ художники, отдававшіе заслуженную награду каждому мастеру—справедливую оцѣнку. Съ матеріальной стороны работа его тогда вознаграждалась, можетъ быть, въ тысячу разъ меньше, чѣмъ вознаграждается теперь, но зато во столько же разъ выше цѣнилась она, какъ художественное произведеніе, и во столько же разъ была дороже для художника такая именно оцѣнка. А теперь что? Теперь какой-нибудь выскочка, случайный богачъ, которому вся цѣна, если отдѣлить его отъ его денегъ, ломаный грошъ, — заказываетъ для своего дворца въ сто тысячъ работу и цѣнитъ ее только со стороны денегъ—и кичится именно только тѣмъ, что сто тысячъ рублей отвалилъ за нее. И художникъ, разумѣется, очень хорошо понимаетъ свое положеніе, знаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и весь поглощенъ только одной задачей—сорвать сто тысячъ и послать потомъ къ чорту и картину свою, и заказчика.

Такъ утѣшалъ себя Александръ Павловичъ, подтверждая справедливость той мысли, что никто никого такъ хорошо не обманетъ, какъ самого себя.

Замѣчательно въ этомъ случаѣ было то, что именно въ тѣ самыя минуты, когда онъ, казалось, неотразимыми доводами убѣдилъ себя и успокоилъ насчетъ того, что всѣ связи его съ искусствомъ разъ навсегда и безповоротно порваны—въ тѣ именно минуты онъ, самъ того не замѣчая, чертилъ на листѣ бумаги человѣческія фигуры одна другой типичнѣе.

— Нѣтъ, нѣтъ, не такъ...—поправлялъ онъ самъ себя, увлекшись, наконецъ, работой,—у того, у толстяка, который сидѣлъ въ кабинетѣ брата въ креслѣ около письменнаго стола и сопѣлъ на всю комнату, носъ былъ шире, вотъ такъ. Вотъ! И глаза больше на-выкатѣ, вотъ такъ. А ухо одно больше другого и нѣсколько пониже. Вотъ, вотъ, именно такъ. Похожъ! Нѣтъ, вотъ этотъ еще типичнѣе: въ особенности подбородокъ и губы... Какъ это у него? Вотъ такъ, ка-

Digitized by Google

жется... Да. Удивительно характерное лицо: именно все выраженіе въ губахъ и въ подбородкѣ. А глаза какіе маленькіе, вкрадчивые и носъ тонкій. Нѣтъ, это недостаточно еще, не все,—говорилъ онъ самому себѣ, хмуря брови и издали вглядываясь въ рисунокъ,—нѣтъ, вотъ тутъ, вотъ въ этомъ мѣстѣ около лба нужно взять посильнѣе. Да. Вотъ такъ. Теперь похожъ,—настоящая Лиса Патрикѣевна.

Спустя нѣсколько времени онъ вдругъ, точно очнувшись отъ сна, схватился обѣими руками за голову, потомъ гнѣвно швырнулъ карандашъ на полъ, бумагу изорвалъ въ мелкіе куски и, сжавъ ихъ въ кулакѣ, тревожно сталъ оглядывать комнату, отыскивая мѣсто, куда бы ихъ подальше запрятать. Онъ точно боялся, не увидалъ бы ихъ кто-нибудь.

— Чортъ знаетъ, глупость какая!..—бормоталъ онъ, —разумѣется, никогда не нужно такимъ вздоромъ заниматься... Вотъ еще! Бросилъ—и кончено!

XXX.

Какое впечатлѣніе производилъ онъ въ новомъ своемъ видѣ (вѣрнѣе—не въ своемъ видѣ) на Марью Ярославну—сразу трудно опредѣлить. Ея разговоръ съ нимъ при первой встрѣчѣ послѣ того, какъ онъ оборвалъ всѣ связи съ искусствомъ, былъ, согласно плану Ивана Павловича, спокойный, сдержанный, безъ восклицаній и удивленій, какъ будто все то, что произошло, есть явленіе самое заурядное, ничѣмъ не выдающееся изъ рамокъ обыденной жизни.

Они встрѣтились у брата въ столовой, молча другъ другу поклонились и во все время обѣда не обмѣнялись ни однимъ словомъ. Когда послѣ обѣда всѣ перешли въ гостиную, и дѣти, по обыкновенію, стали играть на коврѣ, а Иванъ Павловичъ, полуразвалясь на диванѣ, сталъ курить сигару, Александръ Павловичъ утратилъ, наконецъ, надежду, что Марья Яро-

Digitized by Google

славна заговоритъ съ нимъ первая и спросилъ, обращаясь къ ней.

— Вы, Марья Ярославна, на меня не сердитесь?

Она изумленно взглянула на него.

— Отчего же вы такъ упорно отмалчиваетесь?

— О чемъ же говорить?

— Да хотя-бы о той перемѣнѣ, которую вы во мнѣ видите. Несомнѣнно же вы видите... Наконецъ, не можетъ быть, чтобы вы не знали до сихъ поръ, какъ круто и съ какою твердою рѣшимостью я порвалъ всѣ свои связи съ прошлымъ... Вы не могли этого не слышать. Я знаю, въ газетахъ даже кто-то изъ отмѣтчиковъ, жадныхъ ко всякому вздору, настрочилъ обо мнѣ, что я не въ мѣру самолюбивъ, не въ мѣру задоренъ, что я отступникъ... измѣнилъ знамени... Вы, конечно, слышали...

— Ничего не слышала... Дѣти! Дѣти! что такое? зачѣмъ вы опять ломаете...

Къ дѣтямъ она обратилась, какъ къ надежной защитѣ отъ того смущенія, которое ею овладѣвало.

Иванъ Павловичъ при этихъ словахъ покосился на нее, кашлянулъ и, не выпуская изо рта сигары, сказалъ брату.

— Ты, дружище, барышню не тревожь. Видишь, она раскраснѣлась, какъ маковъ цвѣтъ.

— Я? Съ чего это вы взяли, Иванъ Павловичъ.

— Съ того ли, съ этого ли—все равно. Тревожить попапрасну нечего. Мало ли тамъ что борзописцы пишутъ—какое ей дѣло. Да и ты тоже хорошъ, обращаешь вниманіе на газетный вздоръ. Извѣстно, тоже люди, пить-ѣсть хотятъ: пятачекъ за пятачкомъ, глядишь, рублишка два-три перепадетъ—и на недѣлю человѣкъ пропитаніе имѣетъ... А ежели ты желаешь съ барышней разговоръ настоящій вести, такъ я лучше пойду...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!—поспѣшно проговорила Марья Ярославна,—между нами какіе же секреты...

На этоть разъ она еще больше вспыхнула, раскрас-

Digitized by Google

нѣвшись до ушей, но Иванъ Павловичъ, не желая увеличивать ея смущенія, поднялся съ дивана и, заложивъ руки въ карманы, сталъ смотрѣть въ окно, какъ будто увидалъ тамъ что-то очень любопытное.

Такова была встрѣча Александра Павловича съ Марьей Ярославной послѣ сожженія картины. Нужно замѣтить, что и безъ наставленій Ивана Павловича она не иначе бы отнеслась къ совершившейся въ жизни Александра Павловича перемѣнѣ, какъ именно съ осторожною сдержанностью.

Другое дѣло—Софья Петровна. Та могла заахать, забросать восклицаніями, въ ладоши даже захлопать при появленіи Александра Павловича, если бы ее заблаговременно не предупредилъ насчетъ этого мужъ, т. е. въ томъ именно смыслѣ, что никакихъ восклицаній не нужно. Софья Петровна даже обидѣлась и упрекнула его за то, что онъ «очень много себѣ позволяетъ».

— Нѣтъ, ужъ ты, Соня, сдѣлай милость, капризовъ не разводи и пожалуйста ни въ какія разсужденія не вдавайся...

— Да что это, Господи! часъ отъ часу не легче: того нельзя, другого нельзя... На что это похоже,— визгливо возразила она.

Иванъ Павловичъ этотъ взрывъ протеста сумѣлъ, однако, со свойственнымъ ему тактомъ, сократить до желаемыхъ предѣловъ и внушительнымъ шепотомъ разсказалъ ей о напряженномъ душевномъ состояніи брата.

Ничего подобнаго внушать Марьѣ Ярославнѣ не было надобности.

Когда потомъ Иванъ Павловичъ заговорилъ съ ней о братѣ и о его «намѣреніи», она какъ будто удивилась и смущенно потупила очи, хотя въ дѣйствительности очень хорошо знала, что этотъ разговоръ непремѣнно долженъ былъ, при тѣхъ или другихъ условіяхъ, начаться, и ждала его не только каждый день, а можно сказать, каждый часъ. Скрытная, сдержан-

Digitized by Google

ная, умѣвшая управлять движеніями своей души, при самомъ тревожномъ ея состояніи, она, повидимому, робко исподлобья бросала недоумѣвающіе взгляды на Ивана Павловича, а сама между тѣмъ думала о томъ, почему же этотъ разговоръ ведетъ съ ней Иванъ Павловичъ, не тотъ человѣкъ, который въ немъ непосредственно заинтересованъ. Зачѣмъ ему понадобился посредникъ?—спрашивала она сама себя.

— Ну-съ, барышня, вотъ въ какомъ положеніи дѣло,—заключилъ Иванъ Павловичъ,—я свое сказалъ, теперь очередь за вами.

— Я не знаю...

— То-есть какъ это понимать?

Она потупилась и замолчала.

Софья Петровна, бывшая при этой сценѣ, въ порывѣ восторга обняла ее и поцѣловала.

— Вы—милая и достойная дѣвушка! Я очень рада за васъ... Не скрывайтесь,—вамъ Саша нравится, да? Ахъ, какъ я рада... Вы будете счастливы!

— Благодарю васъ, Софья Петровна... Но кто знаетъ, чѣмъ все это кончится...

Иванъ Павловичъ при этихъ словахъ нахмурился.

— Вы, барышня, того... вы меня извините,—сказалъ онъ,—вамъ выходитъ судьба, счастливая линія—значитъ, благодарите Господа Бога. Это самое главное. На всякъ часъ объ этомъ надо помнить. Саша, знаете сами, женихъ рѣдкостный. Знаете, конечно, и то, что по нонѣшнимъ временамъ дѣвицамъ большое затрудненіе и за женихами хоть гоняйся—убѣгаютъ. Поэтому мой совѣтъ — парня понапрасну не томите. Оно, бываетъ, у васъ, то-есть промежду женскаго пола, это водится—помучить. Только, знаете, скажу вамъ по душѣ—не дѣлайте такъ, нехорошо и къ вамъ вовсе не идетъ.

XXXI.

Когда ей пришлось остаться, наконецъ, съ глазу на глазъ съ Александромъ Павловичемъ, и онъ поста-

Digitized by Google

вилъ вопросъ, такъ сказать, ребромъ, требуя рѣшительнаго отвѣта на свое предложеніе, она и тутъ уклонилась.

— Я съ своей стороны что же могу сказать,—отвѣтила она, потупляя глаза,—я не знаю... какъ мамаша...

Такой отвѣтъ заставилъ его привскочить съ кресла.

— Я не мамашѣ вашей дѣлаю предложеніе, а вамъ, Марья Ярославна,—громко возразилъ онъ.

Сознавая въ то же время, что такое возраженіе неприлично, грубо, обидно, онъ быстро понизилъ тонъ голоса и страстно зашепталъ, схватившись обѣими руками за голову.

— Я истомленъ, измученъ... Вы не можете представить, какія невѣроятныя душевныя терзанія я пережилъ за это послѣднее время!.. Наконецъ, и это самое главное, я такъ много думалъ объ этой осуществившейся теперь рѣшительной минутѣ въ моей жизни, что не могу спокойно говорить, волнуюсь и даже,— сами вы замѣчаете,—способенъ закричать. Не мучьте меня, не томите... При чемъ тутъ мамаша. Скажите, согласны вы, да? Принимаете мое предложеніе? Я говорилъ вамъ, что теперь уже не можетъ быть вопроса о матеріальной сторонѣ дѣла: я получилъ обезпеченное мѣсто. Вы знаете объ этомъ, вы знаете, наконецъ, что я человѣкъ энергичный, смѣлый, способный къ работѣ...

Онъ говорилъ, по обыкновенію, много, горячо и настойчиво требовалъ отвѣта, но однако же отвѣтъ былъ одинъ:

— Ахъ, какой вы... я не знаю...

Онъ сѣлъ съ ней рядомъ на диванъ и хотѣлъ взять ее за руки, но она отъ него отодвинулась.

— Ахъ, пожалуйста... Къ чему это?

— Какъ къ чему? Подумайте, что вы говорите Это же не шутка... Я вамъ предложеніе дѣлаю. Братъ вамъ говорилъ...

— Зачѣмъ вы такъ... черезъ него... Это меня см тило...

Digitized by Google

— Господи! Не все ли равно... Я самъ не могъ... Вы видите, въ какомъ я душевномъ состояніи... Наконецъ—какая разница: я же теперь самъ лично вамъ говорю... Я душу мою вамъ отдаю навсегда... Съ вами хочу пройти весь мой жизненный путь...

Онъ хотѣлъ взять ее за руки, но она съ такимъ повидимому испугомъ взглянула на него, что онъ невольно понизилъ тонъ рѣчи и присмирѣлъ. Но однако же не надолго. Въ концѣ концовъ, она какъ отъ него ни отодвигалась въ уголъ дивана, какъ ни прятала рукъ, онъ ими овладѣлъ и поцѣловалъ ее въ губы.

Она вырвалась изъ его объятій.

— Послушайте. Къ чему это? Зачѣмъ вы уклоняетесь? Вы же согласны быть моей женой... я по глазамъ вижу...

Она помолчала, видимо колеблясь, говорить ли то, что думалось ей въ это время, или промолчать.

— Чего вы страшитесь?

— Ахъ, Боже мой! Мало ли чего! Припомните, съ какою горячностью вы увѣряли меня въ вашей беззавѣтной, какъ вы тогда говорили, преданности искусству, а теперь...

— Что вы... зачѣмъ объ этомъ?..—болѣзненно почти простоналъ онъ, вдругъ почувствовавъ, что она задѣла его за самое больное мѣсто.—Не говорите такъ... Къ чему? Развѣ можно напоминать... и даже въ видѣ укора. Умоляю васъ, не дѣлайте этого. То было увлеченіе, необдуманное... грубая ошибка. Я поправлю ее, я еще молодъ, и у меня цѣлая жизнь впереди... Но ради Бога, ради моей любви къ вамъ не трогайте прошлаго... никогда...

Тонъ его рѣчи при этомъ такъ измѣнился, что она даже встревожилась.

— Я виновата, я сдѣлала большую оплошность,— мущенно проговорила она.

Прошла минута молчанія.

— Я такъ не могу,—опять помолчавъ, сказала она,— ъ-есть безъ благословенія мамаши.

Digitized by Google

— Но она согласится, конечно. Вы навѣрное уже говорили съ ней. Почему вы не отвѣчаете, Марья Ярославна. Говорили вы съ мамашей?

— Нѣтъ!—тихо отвѣтила она, исподлобья взглянувъ на него и чуть замѣтно улыбнувшись.

— Удивительный вы народъ—женщины. Это невыносимо! Неужели вы думаете, я повѣрю тому, что вы съ мамашей еще не говорили обо мнѣ. Навѣрное говорили... И, конечно, мамаша соглашается. Да? Правда это? Отвѣчайте же.

— Мамаша хочетъ, чтобы съ вами... лично... поговорить...

Она проговорила эти слова тихо, почти шепотомъ и смотря въ полъ, а сама въ то же время думала: «Какой несносный! Ну чего онъ меня не цѣлуетъ».

XXXII.

Были переговоры и съ мамашей. Не только Александру Павловичу пришлось съ ней говорить, но и Иванъ Павловичъ былъ привлеченъ къ этому разговору. Онъ вмѣстѣ съ братомъ посѣтилъ ее въ маленькой ея комнатѣ на Петербургской сторонѣ.

Мамаша Маріи Ярославны оказалась старушка стойкая въ своихъ родительскихъ правахъ. Она хотѣла имѣть свѣдѣнія о томъ, какое и когда получилъ Александръ Павловичъ мѣсто, какого рода у него теперь занятіе, какое количество рублей онъ имѣетъ за нихъ въ годъ, можно ли ждать и когда именно прибавки и т. п. Она была маленькаго роста, тощая съ морщинистымъ лицомъ, напоминавшимъ хорошо высушенный старый грибъ. Голова ея не совсѣмъ твердо держалась на плечахъ и повременамъ замѣтно покачивалась, и глаза были тусклы, но духомъ она была крѣпка и родительскими правами своими не безъ основаній гордилась.

— У меня три дочери, два сына, женатые и семейные, и давнымъ давно я уже бабушка; всѣ дѣтки у

Digitized by Google

меня хорошія и всѣ трудятся. Манечка, какъ кончила, такъ съ перваго же мѣсяца все по урокамъ—и не переводятся, вотъ ужъ третій годъ. Слава Богу! Лизанька—та по пѣнію. Думали, пѣвицей будетъ, голосъ превосходный,—но не удалось. Что дѣлать! Теперь она въ институтѣ учительницей: комнатка у ней тамъ отдѣльная, хорошенькая такая комнатка, полное, конечно, содержаніе; это уже само собой разумѣется, и деньгами каждый мѣсяцъ пятнадцать рублей. Очень хорошо. Танечка—въ частной конторѣ двадцать получаетъ и тоже который уже годъ. Про сыновей уже и говорить нечего: одинъ-то уже статскаго совѣтника чинъ имѣетъ—такой серьезный, брови густыя и какъ нахмуритъ ихъ,—ну, какъ есть генералъ! Младшій—адвокатъ; этотъ попроще, живчикъ такой бойкій и вертлявый, шутникъ и балагуръ: гдѣ онъ—тамъ и веселье, всѣхъ разсмѣшитъ; а по дѣламъ своимъ, говорятъ, очень въ уваженіи. Вотъ пойди ты, суди по наружности. Да, скажу вамъ, когда мужъ мой померъ, убивалась я, думала: какъ подниму такую семью на ноги, пенсіону всего тридцать восемъ рублей съ копѣйками—и плакала, плакала. А вотъ Господь все устроилъ...

Такъ иногда разсказывала старушка про свою семью, набожно крестясь при этомъ, и отирала морщинистой рукой слезы.

Иванъ Павловичъ, выслушавъ такое ея повѣствованіе, сказалъ:

— Богъ-то Богъ, но и самъ, какъ говорится, не будь плохъ! Да-а!.. Похлопотали, я полагаю, тоже и вы довольно порядочно, поднимая дѣтокъ на ноги...

— Ужъ и не говорите! — отмахнулась старушка бѣлыми руками, — безъ хлопотъ гдѣ же! Поотоптала, рѣшница, не мало на своемъ вѣку лѣстницъ, не мало было и горя, и обидъ, и всего, всего... А все-таки кажу—Господь укрѣплялъ.

— О васъ,—обратилась она къ Ивану Павловичу,—ашенька мнѣ много хорошаго передавала и о су-

Digitized by Google

пругѣ вашей. Супругу вашу... Софья Петровна кажется?

— Вѣрно.

— Видѣла я ее, какъ же! И дѣтокъ видала... Очень мнѣ понравились всѣ.

— А самъ-то я каковъ на вашъ взглядъ?—улыбаясь, спросилъ Иванъ Павловичъ.

— Хорошій, вижу, что хорошій? Хе! хе!—весело отвѣтила старушка,—вотъ только братецъ-то вашъ оказывается...

— Похуже? — перебилъ Иванъ Павловичъ, — это вѣрно: куда ему со мной равняться!..

— Нѣтъ... я не о томъ... Извините,—не безъ смущенія возразила старушка,—я хочу сказать, что вотъ онъ, братецъ-то вашъ, врагъ мнѣ...

— Что вы говорите?—вспыхнувъ, спросилъ Александръ Павловичъ,—какой же я вамъ врагъ?

— Господи!—всплеснула руками старушка,—дочь у меня человѣкъ хочетъ отнять—и онъ мнѣ не врагъ! Да еще, Боже ты мой, стращаетъ, что того и гляди въ другой городъ увезетъ...

— Возможное дѣло! — подсказалъ Иванъ Павловичъ,—отъ нихъ, отъ этихъ самыхъ молодыхъ людей, всего можно ждать.

— Да, батюшка... Врагъ вы мой... Хе-хе!.. И давнишній врагъ. Много я уже о васъ слышала отъ Манечки. Она, спасибо ей, никогда отъ меня ничего не скрываетъ... И не безъ слезъ бывало... Да. Знаю я, все знаю...

XXXIII.

Вѣнчался Александръ Павловичъ не въ Петербургѣ, а гдѣ-то за Лугой, въ маленькой сельской церкви и очень на этомъ настаивалъ. По этому случаю были даже нѣкоторыя разногласія и пререканія между родственниками; въ особенности былъ недоволенъ братъ Марьи Ярославны, статскій совѣтникъ, желавшій

Digitized by Google

праздновать свадьбу сестры съ подобающею ей, какъ дочери дворянина, обстановкой.

Когда Александръ Павловичъ послѣ свадьбы посѣтилъ съ молодой женой недовольнаго статскаго совѣтника, — услышалъ отъ него въ нѣкоторомъ родѣ внушеніе, хотя и сглаженное похвалами.

— Это хорошо, молодой человѣкъ, что вы старшимъ почтеніе оказываете,—сказалъ онъ ему,—это очень хорошо, и вамъ въ заслугу зачтется, но принимая во вниманіе то обстоятельство, что вы мнѣнія моего не уважили и обвѣнчались, можно сказать, секретно,—я долженъ вамъ замѣтить, что это въ высшей степени оскорбительно...

Александръ Павловичъ чуть было не вспылилъ, но молодая жена во-время дернула его за фалду фрака— и визитъ кончился благополучно.

Въ послѣднее время въ немъ вообще стало замѣтно больше сдержанности и спокойствія. Онъ пересталъ уже закручивать кончики усовъ въ ниточку, пересталъ презрительно щуриться и корчить изъ себя надменнаго и всѣми недовольнаго господина; цвѣтные галстуки замѣнилъ чернымъ и жемчужную булавку отдалъ женѣ.

— Саша! Что ты это? Отчего самъ не хочешь носить?—спросила жена.

— Не нужно, другъ мой, лишнее это, и мнѣ ей Богу противно... Ну, какой я франтъ—подумай!..

Вообще во всемъ онъ сталъ проявлять болѣе простоты и скромности. Молодая жена тѣмъ сильнѣе имъ очаровывалась, что проявленіе такихъ именно сторонъ въ его характерѣ было ей по душѣ. Часто, сидя съ нимъ на диванѣ, она вглядывалась въ его глаза и цѣловала потомъ ихъ, приговаривая:

— Да какой же ты, Саша, хорошій!

— А развѣ ты меня считала до сихъ поръ дурнымъ?

— Нѣтъ. Зачѣмъ такъ: за дурнаго я бы и не пошла; ты лучше, чѣмъ прежде...

— Почему?

— Такъ лучше. Задорный былъ прежде! У, какой...

Digitized by Google

Кипятокъ: тотъ не хорошъ, этотъ гадокъ... Мнѣ всегда было и досадно, и обидно, когда ты, бывало, заговоришь самонадѣяннымъ тономъ...

— Перестань, дружокъ... не напоминай!

Онъ глубоко вздохнулъ и послѣ нѣкотораго молчанія сказалъ:

— Да! Пора сумасбродства миновала. Теперь и на жизнь, и на отношенія къ людямъ приходится смотрѣть уже иначе.

Но когда онъ задумалъ шляпу замѣнить фуражкой и еще болѣе приблизиться къ тому классу людей, въ среду которыхъ онъ попалъ,—Марья Ярославна замахала обѣими руками.

— Нѣтъ, Саша! Ни за что! Помилуй, что ты! У тебя такое лицо, такое... вовсе не купеческое и вдругъ — фуражка и съ козырькомъ... Не хочу! Не хочу!..

Она повисла у него на шеѣ и до тѣхъ поръ не оставляла ея, пока онъ ей не далъ обѣщанія носить шляпу.

— Милый мой!—проговорила она, взявъ его обѣими руками за голову и цѣлуя въ лобъ, въ глаза, въ щеки,— всему есть мѣра: нынче и купцы фуражекъ не носятъ, развѣ только ужъ самые, какъ говорится, закоренѣлые.

На счетъ фуражекъ и Иванъ Павловичъ тоже соглашался съ мнѣніемъ Марьи Ярославны.

— Оно точно,—сказалъ онъ,—фуражка, положимъ, что жъ... не въ ней сила, а только дѣйствительно нынче ужъ она не по времю, все пошло больше на счетъ шляпы. Это вѣрно.

Онъ съ своей стороны посматривалъ на брата тоже не безъ любопытства и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе утѣшался, глядя на него.

— Парень въ силу входитъ. Это хорошо. Дѣлецъ изъ него выйдетъ настоящій, основательный дѣлец

Послѣ свадьбы молодые прожили въ Петербур всего мѣсяца три и выѣхали въ Москву. Александ Павловичъ, служившій подъ начальствомъ брата Петербургскомъ отдѣленіи торговаго дома «Поликар

Digitized by Google

Подберезинъ съ сыновьями», былъ переведенъ по рекомендаціи брата въ Москву, въ главную контору, въ видахъ дальнѣйшаго повышенія по службѣ. Все устроилось, повидимому, хорошо, благопріятно, къ общему удовольствію всѣхъ. На проводинахъ Иванъ Павловичъ выпилъ даже такъ изрядно, что покачивался, чего съ нимъ до сихъ поръ не бывало.

Обнимая брата на прощанье, онъ сказалъ:

— Вотъ видишь ли... то-есть, значитъ, ежели ты въ состояніи понять... Вотъ, пойми, когда покойный батюшка, царство ему небесное...

При этихъ словахъ онъ немножко покачнулся, но тотчасъ же нашелъ равновѣсіе и, пріосанившись, продолжалъ.

— Ты слушай! когда, значитъ, покойный батюшка кончался, онъ мнѣ прошепталъ, ти-и-хо, чуть-чуть слышно прошепталъ: ты, говоритъ, Иванъ, старшій братъ и будь, говоритъ, Александру, примѣрно, замѣсто отца... Вотъ. Это совершилось во-очію, да! Разумѣешь?..

— О, конечно!..

— Поцѣлуй! Понимаешь, теперь ты на рельсахъ. Держись твердо. Вникай!.. Ну, съ Богомъ!..

Братья крѣпко поцѣловались.

Когда поѣздъ тронулся, всѣ провожавшіе замахали платками и шляпами, желая молодымъ счастливаго пути и счастливой жизни.

Братъ Марьи Ярославны, присяжный повѣренный, жиденькій, тонконогій франтъ, въ перчаткахъ сиреневаго цвѣта и съ золотымъ пэнснэ, былъ, подобно Ивану Павловичу, тоже въ значительномъ подпитіи и долго крутилъ въ воздухѣ, шляпой, восклицая:

— Дай Богъ счастія, здоровья, славы!..

— Что слава — вздоръ; деньги при умѣ ежели — го сила!—подсказалъ Иванъ Павловичъ, кладя на его ощія плечи свою массивную руку.

— Однако у васъ и рука!—замѣтилъ присяжный овѣренный.

Digitized by Google

— Ты думаешь, тяжела? Не вѣрь. Рука первый сортъ! Вотъ увидишь какъ братъ съ моей легкой руки въ гору пойдетъ.

— Дай Богъ!..

Всѣ были довольны и радостно настроены. Только старшій братъ, статскій совѣтникъ, былъ задумчивъ, хотя и онъ тоже находился подъ вліяніемъ винныхъ паровъ. Онъ былъ гладко выбритъ, причесанъ, приглаженъ, носилъ бакенбарды котлетками. Вицмундиръ на немъ былъ новенькій съ иголочки и «Станиславъ» на груди его также блестѣлъ новизной, какъ и свѣтлыя пуговицы вицмундира. Онъ никакой восторженности не выражалъ и только по временамъ, смотря на удаляющійся поѣздъ, трогалъ себя за подбородокъ, какъ бы желая удостовѣриться, въ достаточной ли степени хорошо онъ выбритъ.

— Гм... да!—думалъ онъ, щуря сѣрые глаза, имѣвшіе нѣсколько сонное выраженіе,—на будущій годъ получу дѣйствительнаго. Каждый разъ, когда я, подобно имъ, поѣду, — въ газетахъ напечатаютъ: такой-то вотъ дѣйствительный статскій совѣтникъ выѣхалъ, а потомъ, когда возвращусь, опять напечатаютъ: такой-то дѣйствительный статскій совѣтникъ прибылъ.

При такомъ пріятномъ настроеніи мыслей онъ пріосанился и подернулъ плечами.

— Ничего!—сказалъ онъ вслухъ.

— Что именно?—спросилъ присяжный повѣренный.

Статскій совѣтникъ имѣлъ неосторожность открыть ему сокровенныя думы свои. Въ отвѣтъ на нихъ братъ захохоталъ.

— Конечно, лестно! Въ стихахъ даже есть: «И только лишь въ газетахъ осталось: — выѣхалъ въ Ростовъ!» Ха, ха!

— Болванъ!—злобно прошипѣлъ старшій братъ и повернулся къ нему спиной.

Конецъ первой части.

Digitized by Google

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Главная контора торговаго дома «Поликарпъ Подберезинъ съ сыновьями» занимала большое помѣщеніе въ отдѣльномъ флигелѣ собственнаго дома Подберезиныхъ у Спиридонія на Крутыхъ горкахъ, въ Медвѣжьемъ переулкѣ, въ приходѣ «Четырнадцати тысячъ младенцевъ, избіенныхъ въ Вифлеемѣ». Длинный двухъ-этажный флигель казарменной архитектуры выходилъ фасадомъ на двѣ улицы и былъ сверху до низу набитъ народомъ: тутъ жили и служащіе въ конторѣ, и приказчики, и артельщики, тутъ же помѣщались, въ трехъ большихъ комнатахъ верхняго этажа и конторскіе столы, шкафы съ книгами, ящики, сундуки и корзины съ образцами разнаго сорта товаровъ и т. п. Въ нижнемъ этажѣ было помѣщеніе для кухни, кучеровъ, дворниковъ, прачекъ и иныхъ служащихъ мужскаго и женскаго пола.

Домъ, гдѣ жили сами хозяева, стоялъ въ глубинѣ двора, опираясь задней стѣной въ стѣны больницы «Всѣхъ скорбящихъ» и имѣя справа и слѣва тоже двухъ-этажные флигеля, занятые амбарами и кладовыми съ широкими, окованными листовымъ желѣзомъ, дверями и съ массивными на нихъ замками. Въ общемъ вся постройка напоминала основательно построенный тюремный замокъ, какіе у насъ въ Россіи служатъ

Digitized by Google

обыкновенно украшеніемъ каждаго болѣе или менѣе населеннаго города. Въ домъ Подберезина можно было проникнуть только черезъ ворота подъ длинными полутемными сводами того флигеля, гдѣ помѣщалась контора. У воротъ обыкновенно дежурилъ дворникъ, на обязанности котораго было наблюденіе за тѣмъ, чтобы они во-время были открыты и закрыты и чтобы чужой «шатающій» народъ по двору не болтался.

Такъ называемый парадный подъѣздъ къ хозяйскому дому былъ внутри двора и, прежде чѣмъ до него добраться, нужно было сначала проникнуть въ ворота подъ вышеупомянутые полутемные своды флигеля и потомъ уже, проѣхавъ черезъ весь дворъ, увидѣть, наконецъ, на массивныхъ дверяхъ подъѣзда мѣдную пластинку съ надписью: «Поликарпъ Подберезинъ съ сыновьями». Подъѣздъ былъ свободный, широкій и длинный съ торцовой настилкой и съ навѣсомъ на чугунныхъ, въ видѣ кіріатидъ, колоннахъ. Съ обѣихъ его сторонъ было по два фонаря, зажигавшихся, впрочемъ, только въ особые высокоторжественные дни; обыкновенно зажигался только одинъ изъ фонарей и по возможности свѣтилъ настолько, что въ темную осеннюю ночь до дверей подъѣзда все-таки можно было добраться безъ особыхъ затрудненій. По фасаду дома и въ особенности его парадному подъѣзду, можно было безошибочно заключить, что домъ этотъ, когда-то, во времена вѣчно достойной памяти Фамусовыхъ, былъ барскій и кто-нибудь изъ нихъ давалъ въ немъ пиры «нельзя богаче, отъ Рождества и до поста». Видъ тюремнаго замка онъ принялъ, сравнительно, въ недавнее время, а именно, когда Поликарпъ Подберезинъ съ сыновьями купилъ его «съ укціону» и сжалъ съ обѣихъ сторонъ двухъ-этажными флигелями.

Во флигелѣ на дверяхъ конторы тоже была пр бита мѣдная пластинка съ надписью: «Контора торг ваго дома Поликарпъ Подберезинъ съ сыновьями». этого подъѣзда тоже былъ навѣсъ, крытый листовы желѣзомъ, разумѣется, уже безъ всякихъ поддерж

Digitized by Google

вающихъ его киріатидъ, такъ какъ Поликарпъ Подберезинъ съ сыновьями былъ человѣкъ,—по его собственному, впрочемъ, мнѣнію, — хозяйственный и тратить денегъ «на пустяки» будто бы не любилъ. Вечерами у дверей конторы зажигался фонарь на томъ основаніи, что дѣла у Поликарпа Подберезина съ сыновьями были большія, и онъ желалъ, чтобы многочисленные посѣтители его конторы пользовались нѣкоторыми удобствами, — желалъ собственно изъ опасенія, чтобы не пошла о немъ по городу «мораль».

Несмотря на то, что дворъ имѣлъ саженъ двадцать длины и столько же ширины, въ немъ съ утра до вечера было тѣсно: ломовики-извозчики, скуластые и широкоплечіе, съ темными загорѣлыми лицами, привозили ежедневно товары и сваливали ихъ, за недостаткомъ помѣщенія въ амбарахъ, во дворѣ подъ навѣсами, иногда даже подъ открытымъ небомъ, другіе, подобные имъ, пріѣзжали съ пустыми телѣгами и выѣзжали потомъ со двора, наваливъ на нихъ груды тюковъ съ товарами. Приказчики, артельщики, поденные рабочіе копошились тутъ, какъ муравьи, одни вели счеты грузамъ, записывали ихъ въ тетради, повѣряли по накладнымъ, другіе складывали рогоженные тюки, ящики и мѣшки одинъ на другой, образуя посреди двора горы грузовъ и окутывая ихъ со всѣхъ сторонъ рогожами на случай дождя. Скрипъ возовъ, грохотъ колесъ по каменной настилкѣ двора, споры и перебранка извозчиковъ слышались тутъ съ утра до вечера, въ особенности въ горячее торговое время, совпадавшее съ началомъ и прекращеніемъ пароходнаго движенія по Волгѣ, Окѣ и Камѣ, т.-е. весной и осенью.

Случалось и такъ, что къ крикамъ и спорамъ, вызваннымъ скопленіемъ во дворѣ ломовыхъ извозчиковъ, присоединялся рѣзкій и сердитый крикъ подберезинскихъ кучеровъ и подкучеровъ, требовавшихъ ороги для проѣзда собственнаго экипажа хозяина. Старшій кучеръ, пузатый и красный, съ серебряной

Digitized by Google

сережкой въ ухѣ, возсѣдая на козлахъ коляски въ бѣлыхъ замшевыхъ перчаткахъ, косилъ налитыми кровью глазами направо и налѣво и хриплымъ голосомъ требовалъ отъ извозчиковъ дороги. Иногда, случалось, самъ хозяинъ, тоже тучный и по выраженію лица похожій на своего кучера, неожиданно появлялся во дворѣ среди извозчиковъ и тоже кричалъ, топалъ ногами и, не стѣсняясь выраженіями, требовалъ дороги своему экипажу.

— Да я васъ, будьте вы трою распрокляты! Да я васъ, мужичье вы этакое сиволапое!

Самъ онъ, разумѣется, сиволапымъ мужикомъ себя не считалъ и серебряной сережки въ ухѣ не носилъ, хотя, по правдѣ сказать, при случаѣ пожалуй и не прочь бы былъ ее надѣть, какъ вѣрное средство отъ лихорадки.

Брань его пугала не только извозчиковъ, поспѣшно сдергивавшихъ при его крикахъ съ кудластыхъ своихъ волосъ обтрепанныя шапки, но и его приказчиковъ, кидавшихся съ карандашами и тетрадями въ рукахъ къ извозчичьимъ телѣгамъ, чтобы наивозможно больше выказать готовности услужить хозяину и наивозможно скорѣе открыть путь его степенству, пожелавшему прокатиться «для воздуху».

II.

Въ Москвѣ представители торговаго дома «Поликарпъ Подберезинъ съ сыновьями» были извѣстны давно и пользовались расположеніемъ торговаго люда за аккуратность въ дѣлахъ, твердость въ своемъ словѣ и безпримѣрную честность. Тогда, лѣтъ тридцать пять, а то и всѣ сорокъ тому назадъ, ихъ торговый домъ не имѣлъ въ Москвѣ никакой недвижимости, и какъ сами хозяева, такъ и ихъ главные довѣренные, управляющіе и приказчики появлялись въ Москвѣ наѣздомъ, живя по мѣсяцамъ въ подворьяхъ, то на Старомъ Посольскомъ и Ильинкѣ, замѣчательномъ, даже и въ

Digitized by Google

го время, необыкновеннымъ обиліемъ грязи во дворѣ, на лѣстницахъ, въ корридорахъ и въ самыхъ «номерахъ», то на Никольской въ Шереметьевскихъ номерахъ, отличавшихся сравнительно съ Посольскимъ нѣкоторой чистотой и большимъ благоустройствомъ.

Жизнь они вели скромную, не только о коляскахъ и каретахъ никогда не задумывались, но даже и извозчичью «гитару» нанимали только въ крайнихъ случаяхъ, когда, напримѣръ, никакихъ другихъ болѣе дешевыхъ способовъ передвиженія вблизи не оказывалось. Они хотя и имѣли лисьяго мѣха шубы и бобровыя шапки, но надѣвали ихъ только по праздникамъ, напримѣръ: идя въ церковь Божію или оправляясь «подъ благословеніе» къ преосвященнѣйшему владыкѣ. Архіерейское благословеніе они высоко цѣнили и при каждомъ удобномъ случаѣ старались имъ воспользоваться, въ особенности при проѣздѣ чрезъ такія епархіи, которыхъ архіереи славились благочестивой жизнью. Ученость, краснорѣчіе, торжественность и пышность архіерейскаго служенія,—все это вмѣстѣ съ басистыми протодьяконами и стройнымъ хоровымъ пѣніемъ имѣло въ глазахъ ихъ болѣе чѣмъ второстепенное значеніе, а первое, главное, они придавали простотѣ, благочестію и монашеской жизни архипастырей, сознавая, такъ сказать, сердцемъ, въ чемъ заключаются истинныя задачи христіанства.

День они начинали обыкновенно съ посѣщенія храма Божія и послѣ ранней обѣдни пили чай въ трактирѣ. Въ отдаленное время, когда они только что стали знакомиться съ Москвой и понемногу развивать свое торговое дѣло, въ трактиръ они приходили съ своимъ чаемъ и платили въ немъ только за кипятокъ, а въ ородахъ, въ которыхъ имъ приходилось останавли-аться (тогда о желѣзныхъ дорогахъ шли лишь одни азговоры и пароходныя сообщенія были рѣдки), они ъ гостиницахъ номеровъ не занимали, а платили олько по десяти копѣекъ съ тарантасика «за постоя-ое», т.-е. за то, что экипажъ ихъ стоялъ ночь во

Digitized by Google

дворѣ гостиницы; въ этомъ же тарантасикѣ и сами они ночевали. Утромъ, по обыкновенію, они шли прежде всего къ ранней обѣднѣ, умывшись во дворѣ гдѣ-нибудь около колодца или водовозной бочки, служили напутственный молебенъ и потомъ уже, напившись чаю и заплативъ, по обыкновенію, только за кипятокъ, продолжали свой путь.

Такъ годъ отъ году дѣла ихъ развивались, капиталъ увеличивался, торговая извѣстность расширялась, но они продолжали попрежнему останавливаться въ душныхъ и тѣсныхъ номерахъ подворья, попрежнему обѣдали «гдѣ подешевле» и пили чай въ трактирѣ, хотя уже въ это время платили не за одинъ только кипятокъ, но и за чай и сахаръ.

Въ это время въ Москвѣ завелись разные эрмитажи, славянскіе базары и т. п., но все это шло мимо представителей торговаго дома «Поликарпъ Подберезинъ съ сыновьями», несмотря на то, что дѣла ихъ уже достигли милліонныхъ оборотовъ, и сами они давно уже принарядились въ енотовыя шубы.

Расхаживая въ длинныхъ сюртукахъ по новымъ помѣщеніямъ и не безъ любопытства осматривая ихъ, они степенно поглаживали бороды и говорили:

— Хорошо. Можно сказать, превосходно! Пріятно посмотрѣть... Только дѣло въ томъ, что для насъ такая обстановка—не рука, не подходящая статья: мы, признаться, привыкли попроще.

Купцы изъ новыхъ и въ особенности тѣ ихъ нихъ, которые были полегкомысленнѣе, осуждали ихъ за отсталость, совѣтовали идти «наравнѣ съ вѣкомъ», давать дѣтямъ образованіе и вообще «идти впередъ».

— То-есть, какъ это понимать, къ примѣру?— спрашивали они, пронизывая совѣтниковъ пытливымъ взглядомъ, — съ какимъ вѣкомъ и куда идти? Дорога здѣсь, на землѣ, одна — въ вѣчность, въ лоно Отца Небеснаго.

— Объ этомъ что говорить,—всѣ помремъ, а все-таки нельзя же не заботиться о земномъ.

Digitized by Google

Представители торговаго дома,—ихъ было двое,—родные братья, оба ревностные и вѣрные сыны церкви, ставили вопросъ ребромъ.

— О земномъ?—возражали они,—а кѣмъ сказано: «ищите прежде царствія Божія и правды его, и все временное само приложится?» Кѣмъ? Знаете? Хорошо. И если знаете, то неужели сомнѣваетесь въ справедливости этихъ словъ. И если не сомнѣваетесь, то какой же возможенъ между нами споръ?

Отъ ихъ строгихъ пронизывающихъ взглядовъ легкомысленные собесѣдники путались на первыхъ же словахъ.

— Позвольте-съ... мы не объ этомъ. Это самособой... Мы только, значитъ, насчетъ того, что ученье—свѣтъ.

— Ученье ученью рознь: отъ одного — свѣтъ, а отъ другого—тьма.

— Помилуйте! Статочное ли дѣло... Какая же тьма?

— Непроглядная. Да-съ! Страхъ Божій забываютъ, любовь къ труду презираютъ, высматриваютъ, гдѣ бы полегче, на готовые бы хлѣба, на казенное мѣстечко. Не для просвѣщенія ума учатся, нѣтъ, а только для того, чтобы въ бары выскочить. По-нашему только то ученье хорошо, изъ котораго работникъ выходитъ, труженикъ, полезный для своего отечества и твердый боецъ за Христову правду. Вотъ эта—наука вѣчная и никакая ваша современность ея не обгонитъ.

— Да-съ... Оно, конечно... Это вы точно такъ... Да-съ!

Собесѣдники и не рады были, что въ подобный разговоръ впутались, и искали случая, какъ бы только выбраться изъ затруднительнаго положенія.

— Вотъ упорный народъ!—заключали они, освободившись, наконецъ, отъ разговора съ братьями Подберезиными.

— Какая односторонность! Какое нетерпѣніе, гнѣвное и раздражительное къ каждому слову, сказанному

Digitized by Google

противъ ихъ... А у самихъ только и рѣчей—смиреніе, покорность...

А братья Подберезины, выпроводивъ ихъ отъ себя, произносили о нихъ короткій приговоръ.

— Пустыя головы!

Не такъ смотрѣли на нихъ люди стараго закала, раздѣлявшіе ихъ взгляды и дававшіе должную оцѣнку каждому ихъ слову. Не такъ относились къ нимъ и тѣ изъ власть имѣющихъ, которыхъ Господь не обидѣлъ разумомъ. Они знали, слышали, сами имѣли случаи видѣть, что это — столбы прочные, что это— самородки, твердые въ своихъ правилахъ жизни, вѣрные отеческимъ преданіямъ, и никакія современныя науки ума имъ не прибавятъ и не убавятъ.

Нельзя сказать, чтобы они экономничали отъ скупости. Напротивъ. Съ увеличеніемъ торговыхъ дѣлъ увеличивалась и ихъ благотворительность: они строили церкви во всѣхъ тѣхъ городахъ, гдѣ имѣли торговыя дѣла, поправляя тѣ ихъ нихъ, которыя нуждались въ ремонтѣ, поддерживали бѣдные монастыри, и слава о нихъ, какъ о щедрыхъ благотворителяхъ (о которой они никогда, однако же, не заботились) тоже росла съ каждымъ годомъ.

Но вотъ пришелъ часъ воли Божіей, и старые представители торговаго дома «Поликарпъ Подберезинъ съ сыновьями» сошли въ могилу. Ушли они изъ этого міра тихо, почти радостно, съ твердымъ, испытаннымъ сознаніемъ, что во многомъ богатствѣ много заботъ, а счастья такъ же мало, какъ и въ бѣдности.

— Ну, дѣтушки,—говорили они, чувствуя приближеніе смертнаго часа, — мы поработали, теперь ваша очередь. Къ дѣлу мы васъ, какъ могли, по нашему разумѣнію, приготовили и отъ солдатчины избавили. Живите по-Божьи и держитесь правилъ святыхъ отцовъ,—въ этомъ вся наука и для земной жизни, и для небесной.

Digitized by Google

III.

Выступили на сцену дѣтушки, племянники, дочери, внуки и во главѣ ихъ главный преемникъ, самовластный распорядитель судьбами торговаго дома, Поликарпъ Поликарповичъ Подберезинъ. Онъ былъ хотя и не первой молодости, но еще весьма далекій отъ мысли о томъ, что все на этомъ свѣтѣ прахъ и суета, напротивъ,—жадный къ этой суетѣ и полный всяческихъ желаній, начиная отъ увлеченій рысистыми лошадями, породистыми собаками, ружьями самоновѣйшей системы, экипажами, картинами, всякой роскошью до цѣнныхъ десятитысячныхъ брилліантовъ включительно.

Сдержанный при старикахъ и волей-не-волей подчинявшійся ихъ правиламъ жизни, онъ послѣ ихъ смерти сразу развернулся и, подобно ребенку, который тянется ко всему, что увидитъ, сталъ кидаться на все: на пальцы навздѣвалъ колецъ съ крупными брилліантами и изумрудами, женѣ надарилъ брилліантовъ безъ счету и крупныхъ, и среднихъ, и темныхъ, и свѣтлыхъ. Лошадей сталъ перемѣнять рыжихъ на черныхъ, черныхъ на сѣрыхъ, сѣрыхъ на караковыхъ и т. д. Увидалъ зеленаго попугая—купилъ, огромную золоченую клѣтку ему завелъ; увидалъ радужнаго—купилъ, а зеленаго изгналъ въ контору, гдѣ онъ своимъ крикомъ и свистомъ не давалъ никому покоя. Нужно было удивляться, до какой степени были терпѣливы обитатели конторы, что могли впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ выносить постоянный крикъ хищной птицы—и не пришибить ея. На кухнѣ, внизу, подъ комнатами конторы, черная кухарка, женщина болѣзненная и нервная, взвизгивала при крикѣ попугая и иногда, измученная имъ, вечерами даже впадала въ истерику.

— Матушка ты моя, барыня-сударыня,—взвыла она, наконецъ, добравшись до хозяйки дома и кинувшись ей въ ноги, — пожалѣй ты меня, родненькая: извелась я отъ этой самой заморской птахи, моченьки

Digitized by Google

моей нѣтъ, какъ засвиститъ, окаянная, такъ у меня подъ сердце и подкатитъ...

Слезы ли черной кухарки, валявшейся передъ хозяйкой на полу со сбившимся съ головы платкомъ, или иныя какія обстоятельства помогли,—неизвѣстно, но такъ или иначе, а зеленый попугай издохъ.

Занятый исключительно самъ собою, Поликарпъ Поликарповичъ ничего этого не замѣчалъ, и въ особенности въ первые годы послѣ смерти стариковъ вочстину не зналъ покоя въ погонѣ за новинками. Статуя, фарфоръ, бронза, ковры, цвѣты,—словомъ, за все онъ хватался жадными руками, воображая найти въ этомъ что-то насыщающее душу и не замѣчая, при своей младенческой простотѣ, что хватается только за пустое мѣсто. И не только въ Москвѣ, на Кузнецкомъ, на Ильинкѣ, Петровкѣ и Тверской чуть не каждый магазинъ былъ ему хорошо знакомъ,—за границей во Франціи, въ Германіи, Италіи, Австріи, онъ только и зналъ одно удовольствіе ходить по магазинамъ и покупать все, что бросится на глаза. Во Флоренціи въ галлереяхъ Питти и Уфичи, въ Римѣ—въ Ватиканѣ, въ Венеціи—у гробницы Тиціана,—словомъ, вездѣ онъ былъ занятъ одною думою, нельзя ли тутъ что-нибудь купить.

— А что, другъ,—обращался онъ къ переводчику,—нельзя ли, а?

— Невозможно-съ...

— Почему? Я бы хорошую цѣну далъ.

— Ничего здѣсь продажнаго нѣтъ...

— Неужели ни за какую цѣну?

— Ни за какую нельзя.

— Удивляюсь!

Гдѣ-то на желѣзной дорогѣ во время проѣзда по Южной Италіи онъ увидалъ на платформѣ продавщицу съ корзинкой, въ которой было два, три бутерброда, нѣсколько грушъ, кисточка винограда и стклянка съ виномъ.

— Матреша! купимъ?—обратился онъ къ женѣ.—

Digitized by Google

Эй, переводчикъ, дѣйствуй! Гдѣ ты, слышишь? Торгуйся, спрашивай, почемъ цѣна.

— Ну, что ты, Поликарпъ,—стала отговаривать «Матреша»,—посмотри, вѣдь это же все нехорошее. У насъ въ вагонѣ довольно всякаго добра—и вино, и виноградъ, и груши...

— Ничего, ничего, Матреша, мы потомъ выбросимъ...

Главное — только бы купить, въ этомъ была для него вся прелесть—прелесть новизны.

Даже книги,—ужъ что, казалось бы, для него въ нихъ интереснаго, — и тѣ увлекли его! купилъ сразу томовъ двѣсти, сдѣлалъ для нихъ роскошные переплеты, поставилъ на каждомъ томѣ свой штемпель: «Поликарпъ Подберезинъ съ сыновьями», и засимъ не только не помѣстилъ ихъ въ должномъ порядкѣ въ книжные шкафы, а просто уложилъ ихъ въ одинъ, подобно тому, какъ укладывался у него въ сундукахъ всякій товаръ, и заперъ на ключъ.

Когда контору онъ перевелъ изъ провинціальнаго города (гдѣ вѣкъ свой жили прежніе представители торговаго дома) въ свой собственный домъ, пріобрѣтенный въ Москвѣ, какъ сказано выше, съ аукціона, старикъ-конторщикъ обратился было къ нему съ просьбой — попользоваться книгами, онъ руками замахалъ и тономъ, не допускающимъ возраженія, сказалъ:

— Нельзя! Книги въ дорогихъ переплетахъ...

IV.

Въ первое время московскій торговый людъ и къ нему сталъ-было такъ же относиться, какъ относился огда-то къ его предшественникамъ, но такія отношенія продолжались не долго. Въ два-три года его самостоятельной дѣятельности о немъ установилось въ Москвѣ уже другое мнѣніе, совершенно противоположное тому, которымъ пользовались его предшественники.

Digitized by Google

Дѣло, заведенное ими, онъ продолжалъ, казалось, въ томъ же порядкѣ, въ какомъ оно существовало при нихъ; но только въ словѣ своемъ и въ отношеніяхъ своихъ къ лицамъ, съ которыми ему приходилось имѣть разсчеты, онъ оказался другимъ человѣкомъ, дешевымъ и легковѣснымъ.

Въ этомъ случаѣ его могутъ характеризовать два маленькіе случая.

Съ кѣмъ-то онъ повздорилъ, по обыкновенію, разумѣется, изъ-за денежныхъ интересовъ и, со свойственной ему надменностью, выпалилъ:

— Эхъ, батенька, перестаньте городить вздоръ. Ваши слова—вода.

И въ отвѣтъ на это услыхалъ:

— Да, можетъ быть, слова мои и вода, но чистая, а ваши—грязная.

— Ка-а-къ?

— Да вотъ такъ: вы обѣщались сдѣлать то-то и то-то и не исполнили, честью увѣряли въ томъ-то и въ томъ-то—и обманули и честь свою загрязнили...

— Я обманулъ? Я не исполнилъ?—закричалъ Поликарпъ Поликарповичъ, побагровѣвъ отъ гнѣва.—Какъ ты смѣешь!.. Вонъ, чтобы и духу твоего здѣсь не было!..

Другой случай былъ съ лѣснымъ дворомъ, которому онъ, по обыкновенію, не доплатилъ по счету за доставленный лѣсъ столько, сколько ему вздумалось. Хозяинъ лѣсного двора, получивъ чрезъ своего приказчика такой разсчетъ, поморщился и сказалъ:

— Мы сами виноваты. Впередъ будемъ умнѣе.

Когда потомъ, спустя недѣлю, другую, онъ чрезъ телефонъ потребовалъ, со свойственнымъ ему порывомъ и торопливостью, новой доставки лѣса, то услыхалъ отвѣтъ самого хозяина, случайно оказавшагося у телефона.

— Кто говоритъ? Никакъ это ты самъ, Поликарпъ Поликарповичъ, говоришь?

— Я, самъ я. Немедленно прошу прислать лѣсу...

Digitized by Google

— Прислать-то я, пожалуй, и пришлю, только не тебѣ, господинъ Подберезинъ.

— Что такое? Почему не мнѣ?

— А потому, что ты довѣрія не заслуживаешь. Пришли сначала деньги, иначе тебѣ нѣтъ вѣры.

Онъ отскочилъ отъ телефона съ такою быстротой, точно его змѣя ужалила, и метался въ этотъ день по дому, по конторѣ и по двору, какъ угорѣлый, придираясь къ приказчикамъ, къ работникамъ и артельщикамъ, даже въ коровникъ нѣсколько разъ забѣгалъ, распекая старуху, доившую коровъ, за то, что она, будто-бы, не умѣетъ исполнять своего дѣла, какъ слѣдуетъ, и только «даромъ деньги беретъ».

Подобные уроки, получаемые имъ отъ жизни, не оказывали, однако же, на него никакого дѣйствія, и онъ, сорвавъ гнѣвъ на подчиненныхъ, утѣшалъ потомъ самъ себя однимъ словомъ:

— Наплевать!

Иногда случалось, послѣ подобнаго урока завалится въ кабинетѣ на кушетку и, уткнувшись лицомъ въ подушку, ворчитъ про себя:

— Э! Чортъ съ ними! Я при моемъ капиталѣ ни отъ кого не завишу. Мало ли грубостей иной разъ наслушаешься! А все-таки онъ грубіянъ, и я его, подлеца, когда-нибудь и самъ тоже отдѣлаю подъ орѣхъ. Свинья этакая! Мнѣ, Поликарпу Подберезину, смѣетъ такія пули отливать. Нѣтъ, погоди, я тебѣ самъ отолью!.. Напишутъ, разбойники, счетъ въ три-дорога имъ и плати! Шалишь, стара штука!

И этотъ же самый человѣкъ, заводившій ссоры изъ-за десяти рублей, способенъ былъ въ минуту добраго душевнаго порыва безвозмездно помочь человѣку, дать ему двѣ-три тысячи рублей въ подарокъ на поправленіе разстроившихся дѣлъ.

Но для того, чтобы воспользоваться такимъ его душевнымъ порывомъ, надо было умѣть поймать его во-время, что, пожалуй, представляло не меньше трудности, чѣмъ схватить чорта за хвостъ.

Digitized by Google

V.

Занятія въ конторѣ «Поликарпъ Подберезинъ съ сыновьями» и движеніе грузовъ во дворѣ его тюремнаго замка начинались обыкновенно послѣ ранней обѣдни. Вѣрнѣе сказать, начало бодрствованія обитателей тюремнаго замка наступало съ того момента, какъ только раздавался съ колокольни «Четырнадцати тысячъ младенцевъ» первый ударъ колокола къ ранней обѣднѣ.

Заслышавъ его, служащіе въ конторѣ, потягиваясь и почесываясь, поднимались съ своихъ постелей, поочередно умывались у общаго умывальника и спѣшили одѣваться къ утреннему чаю, чтобы успѣть покончить съ нимъ до окончанія обѣдни. Сторожъ, имѣвшій «особое помѣщеніе» на деревянной скамьѣ около воротъ, заслышавъ церковный звонъ, тоже оставлялъ свое ложе, но уже не потягиваясь и не почесываясь, а прямо, сразу вскакивалъ на обѣ ноги и начиналъ почему-то пугливо оглядываться. Потомъ, нѣсколько оправившись, онъ принимался за свой утренній туалетъ, расчесывалъ бороду природнымъ гребнемъ — пятью пальцами собственной рукой, приглаживалъ на головѣ волосы, поправлялъ шапку,—вообще старался придать себѣ болѣе или менѣе благообразный видъ, доподлинно зная, что ему «въ загривокъ не попадетъ», такъ какъ запоръ на воротахъ цѣлъ, слѣдовательно по службѣ его все обстоитъ благополучно. Благодаря спокойному положенію дѣлъ, онъ поводилъ въ такія минуты плечами, поочередно тѣмъ и другимъ, терся спиной о каменныя стѣны воротъ и задумывался о личныхъ потребностяхъ.

— Надо бы того... въ баню...

Но взглядъ его невольно косился въ сторону, откуда вскорѣ долженъ былъ появиться Поликарпъ Поликарповичъ. Зналъ онъ, что если хозяинъ пойдетъ въ церковь къ ранней обѣднѣ, то непремѣнно покосится на него, проходя подъ мрачными сводами воротъ, и по

Digitized by Google

жалуй даже ругнетъ для порядку, въ особенности, когда не той ногой съ постели встанетъ. Помнилъ онъ и такіе случаи, когда дѣло одной руганью не ограничивалось.

Бывало, напримѣръ, такъ.

Идетъ хозяинъ по широкому двору, поглядываетъ на тяжелые замки кладовыхъ, на высокія груды товаровъ, лежащихъ подъ рогожами посрединѣ двора, и, вслушиваясь въ церковный звонъ, творитъ крестное знаменіе, а войдя подъ мрачные своды воротъ, вдругъ дѣлается мрачнѣе ночи.

— Ты чего продѣлываешь, болванъ, а?

— Что такое, Поликарпъ Поликарповичъ, мнѣ, признаться невдомекъ...

— Невдомекъ? А! тебѣ невдомекъ?!

За симъ раздавался подъ сводами звонкій ударъ по щечины, разъ-два, и опять слышалось:

— Тебѣ, растакой, сякой, невдомекъ?

— Виноватъ! Отецъ-родной, явите божескую милость...

Разъ-разъ!

— Не утруждайте себя занапрасно... Оно дѣйствительно оплошалъ я маненечко, такъ надо говорить, что ослабши былъ...

Сторожъ уже зналъ, за какіе грѣхи ему «попало», и покорно сносилъ «поученіе», только морщился при этомъ на оба глаза и просилъ хозяина «не утруждать себя».

Случалось, проходя подъ сводами, хозяинъ спрашивалъ его:

— Ну, что, какъ?

— Все благополучно, Поликарпъ Поликарповичъ, все, значитъ, какъ слѣдуетъ...

— То-то. Ежели еще разъ дозволишь себѣ только убы обмакнуть въ рюмку,—сейчасъ въ шею и на погъ не пущу!

— Ни Боже мой!

— И при томъ, слышишь, наблюдай, чтобы ребята ворота ночью ни ногой....

Digitized by Google

— Какъ же можно, помилуйте!.. Ежели вы разъ, значитъ, навсегда строго-настрого внушили,—могу ли я, напримѣръ, послаблять...

— То-то! Чтобы, помни, не кумиться, не дружиться ни съ кѣмъ. Ты этого не должонъ...

— Само собой! Могу ли я, ежели мнѣ внушено!..

— А кучера какъ?

Тонъ рѣчи хозяина при такомъ вопросѣ понижался, глаза подозрительно косились въ сторону конюшенъ и брови хмурились.

— Выпиваютъ?

— Не замѣчалъ этого...

— Говори прямо, на чистоту,—слышишь! Выпиваютъ?

— Вотъ сейчасъ мнѣ на этомъ самомъ мѣстѣ сквозь землю провалиться,—не замѣчалъ!

Въ одинъ изъ такихъ допросовъ Поликарпъ Поликарповичъ услышалъ, что два подкучера ночью по двору «болтались», выпивши были, и онъ, прежде чѣмъ идти въ церковь, учинилъ съ ними короткую расправу, самолично вошелъ въ ихъ конуру, оттаскалъ обоихъ за волосы, надавалъ имъ, сонным еще и пьянымъ, оплеухъ и ушелъ въ церковь. Оба побитые до того были этимъ поражены, что стали другъ друга бить, пока имъ другіе не объяснили, наконецъ, въ чемъ дѣло.

Это «поученіе», однако же, имѣло совсѣмъ другія послѣдствія, чѣмъ поученія, дѣлаемыя сторожу. Побитые пригрозили хозяину судомъ и получили на мировую вдвоемъ «сотельную».

Между дворней по этому случаю были большіе разговоры, конечно, втихомолку и въ дальнемъ уголкѣ. Старшій кучеръ, покуривая носогрѣйку и отплевываясь сквозь зубы, говорилъ, что «молодцы ребята, не дали себя въ обиду»; лакей, степенный, гладко выбритый и всегда чисто одѣтый старичекъ, находилъ, что «обида осталась обидой и деньгами ее окупить нельзя», а сторожъ, сидя у воротъ и созерцая тяже-

Digitized by Google

лый на нихъ запоръ, рѣшилъ, что оба подкучера дураки: «не худому хозяинъ учитъ и ежели побилъ, значитъ, того заслужили; неужели станетъ занапрасно утруждать себя?»

VI.

Когда колокольный звонъ къ обѣднѣ смѣнялся звономъ «во вся», и хозяинъ, пройдя подъ сводами своего тюремнаго замка, уходилъ въ церковь, находившуюся какъ разъ противъ воротъ его дома,—въ конторѣ въ это время всѣ служащіе были уже за чаемъ, и главный конторщикъ, имѣвшій для своей семьи особое помѣщеніе во флигелѣ, былъ уже въ комнатахъ, гдѣ помѣщались конторскіе столы, и молча покуривалъ папироску, угрюмо шагая изъ угла въ уголъ.

При звонѣ къ «достойно» контора спѣшила покончить свои дѣла съ чаемъ и принималась за дѣла хозяйскія, зная, что служба скоро «отойдетъ» и хозяинъ, возвратясь изъ церкви домой, можетъ немедленно потребовать того или другого изъ служащихъ предъ свои свѣтлыя очи. Случалось и такъ, что, заигравшись съ вечера въ карты, онъ къ обѣднѣ не ходилъ и въ столовую, гдѣ ожидалъ его всегда на славу вычищенный самоваръ, не заглядывалъ, а прямо изъ спальни, наскоро умывшись и накинувъ на плечи шелковый халатъ, направлялся въ контору и сразу погружался въ свои дѣла такъ глубоко, что жена, бывало, посылала за нимъ изъ большого дома то горничную, то лакея, приглашая его къ чаю, и посланные слышали по десяти разъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: . .

— Сейчасъ! Ахъ, наказаніе съ этими женщинами! Сказано, сейчасъ, какого же вамъ еще, прости Господи, дьявола нужно! Сейчасъ приду! . . . .

Прислуга, возвратившись въ комнаты, докладывала хозяйкѣ:

— Говорятъ, что сейчасъ, только сомнительно. Серчаютъ очень, даже, извините, барыня, ругаются нехорошими словами...

Digitized by Google

Жена его, женщина нрава неспокойнаго и самовластнаго, бывало, руки ломаетъ, закидываетъ ихъ то за голову, то широко размахиваетъ ими въ воздухѣ и кричитъ на всю столовую.

— Господи! Мать Пресвятая Богородица Иверская! Что это за пытка за такая! И зачѣмъ я за него замужъ пошла, измочалитъ онъ меня, какъ есть измочалитъ! Святители Христовы! Когда же всему этому предѣлъ положится! Убирайте самоваръ! Убирайте! Знать ничего не хочу—пусть пьетъ чай въ конторѣ!..

Она была, что называется, женщина безъ выдержки, готовая, какъ говорится, глаза выцарапать каждому, кто осмѣлится ей въ чемъ-нибудь противорѣчить. Несмотря на то, что мужъ держался старинныхъ правилъ и былъ убѣжденъ, что съ бабами нужна строгость, а то съ ними «не сообразишь», но при его порывистомъ характерѣ строгость его была короткая, не успѣетъ вспылить, какъ тотчасъ же, встрѣтивъ сильный отпоръ, спасуетъ; только, бывало, рукой отмахнется отъ визгливаго крика жены и убѣжитъ въ контору.

Иногда слово «сейчасъ», десятокъ разъ повторенное, оканчивалось тѣмъ, что ему подавали чай въ конторѣ, и онъ, не вставая съ мѣста, просиживалъ за столомъ главнаго конторщика часа по три.

Вызывалась ли необходимостью такая самоличная и усиленная дѣятельность — этого нельзя сказать; вѣрнѣе — она была въ зависимости отъ расположенія его духа: дѣлаю, что хочу, и занимаюсь тѣмъ, чѣмъ интересуюсь. Его самоличное вмѣшательство въ конторскія дѣла часто было даже во вредъ ихъ послѣдовательному, спокойному ходу. Онъ, напримѣръ, идя изъ церкви, вдругъ вспомнитъ о какомъ-нибудь заинтересовавшемъ его счетѣ и даже ускоритъ шагъ и въ контору войдетъ озабоченный.

— Вотъ что, слушайте-ка,—спрашиваетъ онъ старика-конторщика,—оставьте пока ваши бумаги...

Конторщикъ съ перомъ въ рукѣ, карандашемъ за

Digitized by Google

ухомъ, обложенный со всѣхъ сторонъ бумагами, не сразу понимаетъ значеніе словъ хозяина и вопросительно смотритъ на него, мысленно будучи еще погруженъ въ содержаніе разсматриваемыхъ бумагъ.

— Вамъ я говорю, слышите!

— Я сію минуту... Спѣшное дѣло.

— Ничего, подождетъ. Оставьте. Скажите мнѣ вотъ что, какая сумма по счету... по декабрьскому... кажется, славяно-румынской мануфактуры... Помните, по тому самому, въ которомъ разница при вычисленіи процентовъ получилась на тысячу пятьсотъ сорокъ восемь рублей, — скажите мнѣ, какая тамъ была общая сумма?

Конторщикъ былъ человѣкъ старый, сѣдой и сутуловатый, съ рѣзкими, крупными морщинами на лбу и у переносья. Онъ былъ ровнаго и спокойнаго характера, привыкшій къ неожиданностямъ хозяйскихъ вопросовъ, и умѣлъ сохранять невозмутимое состояніе духа въ минуты гнѣвнаго раздраженія.

— Какая общая сумма? Тысячу пятьсотъ сорокъ восемь рублей разницы?.. Гм... Гм...

Конторщикъ глубокомысленно хмурилъ лобъ, какъ бы стараясь припомнить что-то.

— Можно справиться... Вотъ я сейчасъ покончу съ этими бумагами и справлюсь...

— Да оставьте ихъ, говорю вамъ... И какъ это вы ничего не помните? Удивляюсь! Черезъ ваши руки каждая бумага проходитъ—и не помните...

— Сейчасъ!

Бумаги откладывались въ сторону и иногда такія спѣшныя, изъ-за которыхъ задерживался въ это время во дворѣ срочный грузъ, и начиналось отыскиваніе счета, заинтересовавшаго хозяина, счета, иногда такого, о которомъ онъ самъ не могъ точно сказать, къ какому времени онъ относится и въ бумагахъ какихъ именно отдѣленій его слѣдуетъ искать. Когда его не могли отыскать въ одномъ отдѣленіи, обращались за помощью въ другое. Тамъ для этого тоже откладыва-

Digitized by Google

лись спѣшныя дѣла, и иногда трое, четверо служащихъ принимались за переборку старыхъ счетовъ.

— Какъ это вы не помните! — ворчалъ хозяинъ, теряя терпѣніе и принимаясь самолично за переборку бумагъ.

При его нетерпѣніи и торопливости, бумаги, сложенныя номеръ къ номеру, расшвыривались по столамъ и стульямъ, образуя безпорядочныя груды, а онъ все больше и больше волновался, начиналъ бормотать что-то себѣ подъ носъ, сначала тихо и сдержанно, а потомъ уже совсѣмъ громко и ясно.

— Старѣете, батенька, старѣете... Такъ нельзя! У васъ всегда долженъ быть готовъ отвѣтъ на каждый мой вопросъ.

При такихъ рѣчахъ старикъ-конторщикъ такъ закашливался, точно у него въ горлѣ застряла кость, но въ отвѣтъ на замѣчанія хозяина не произносилъ ни слова.

Счетъ, наконецъ, находили.

— Ну вотъ, вотъ—онъ самый! Да, онъ! Къ чему же было перерывать чуть не весь архивъ конторы,— вотъ именно эту пачку и нужно было взять.

Конторщикъ молчалъ, подчиненные его тоже. Хозяинъ смотрѣлъ счетъ и, удовлетворивъ свое любопытство, передавалъ его конторщику.

— Хорошо. Вѣрно... А мнѣ почему-то вдругъ представилось, что въ немъ ошибка...

Иногда случалось, тотчасъ же вслѣдъ за этимъ онъ привскакивалъ съ кресла и такъ поспѣшно, точно его въ это время кто-то ткнулъ снизу.

— Ахъ, да! Чуть не позабылъ. Эй, артельщикъ... Павловъ... Спиридоновъ... Эй, кто тамъ есть?.. А это ты, Алексѣй. Хорошо. Вотъ что,—слушай внимательнѣе. Сейчасъ иди туда, понимаешь... Одной минуты не теряй...

— Куда прикажете, Поликарпъ Поликарповичъ?

— Фу, какой ты безтолковый! Иди немедленно к Замоскворѣцкому... Теперь который часъ? Полови-

Digitized by Google

третьяго? Такъ, вѣрно. Ну, значитъ, надо спѣшить, возьми по этому случаю извозчика... Нѣтъ, погоди. Пойдемъ ко мнѣ въ кабинетъ, тамъ я тебѣ передамъ, что нужно... Впрочемъ, нѣтъ, не надо. Погоди: время терпитъ. Ты чѣмъ теперь занятъ? Свѣряешь фактуры? Отлично. Продолжай, и когда кончишь, приди ко мнѣ въ кабинетъ.

Охваченный своими соображеніями, онъ быстро направлялся къ выходу изъ конторы, и всѣ служащіе думали, что вотъ-вотъ онъ сейчасъ уйдетъ, но онъ, дойдя до выходныхъ дверей, вдругъ останавливался, что-то обдумывая, и потомъ кричалъ.

— Эй, артельщикъ... Кто тамъ? Петровъ, Спиридоновъ... Ахъ, да, ихъ нѣтъ—ну, все равно, иди ты, Алексѣй...

— Я сію минуту... Послѣднюю фактуру свѣряю...

— Бросай все!.. Тебѣ говорятъ или столбу какому безчувственному! Иди за мной!

Когда, наконецъ, онъ оставлялъ контору, уходя въ свой кабинетъ чрезъ корридоръ, соединявшій большой домъ съ флигелемъ, старикъ-конторщикъ вздыхалъ во всю грудь, точно съ плечъ его сваливалась въ это время огромная тяжесть.

VII.

Корридоръ, соединявшій большой домъ съ флигелемъ, оканчивался дверью въ парадную переднюю, изъ которой однѣ двери открывали входъ въ залъ, другія—въ кабинетъ самого Поликарпа Поликарповича. Эта часть его тюремнаго замка, отъ кабинета до конторы, была самая оживленная. Цѣлый день по ней новали довѣренные и артельщики и даже иногда самъ нъ, по свойственной ему суетливости, метался по направленію отъ конторы къ кабинету и обратно съ тревожной озабоченностью. По утрамъ, послѣ ранней обѣдни, въ полдень передъ завтракомъ, въ пять часовъ передъ обѣдомъ и потомъ передъ вечернимъ чаемъ отъ

Digitized by Google

восьми до девяти по этой проторенной дорожкѣ бѣгали горничныя, посылаемыя женой Поликарпа Поликарповича, Матреной Яковлевной, въ контору, звать его въ столовую. Онѣ разъ по десяти въ день проклинали и его самого, и Матрену Яковлевну, и весь его, какъ онѣ называли, сумасшедшій домъ за то, что въ немъ нѣтъ ни въ чемъ порядка и нѣтъ прислугѣ покоя ни день, ни ночь. Возвращаясь въ комнаты, онѣ не разъ видали, какъ кривилось отъ злобы лицо «самой», и какъ она, разодѣтая въ шелкъ и бархатъ, помѣщански размахивала руками и визжала на весь домъ, жалуясь на мужа. Онѣ злорадно посмѣивались надъ ней, сидя потомъ у себя въ дѣвичьей, и хихикали, припоминая ея визгливые возгласы.

— Барыня тоже,—пересуживали онѣ,—разодѣнется въ парижскія платья,—сказывала, хвалилась,—у Вора ли, у Ворта ли какого ей шили ихъ, а отъ нашей сестры ни чуточку не отличается. Навздѣваетъ на себя брилліантовъ и въ уши, и на грудь, и на пальцы, и ходитъ дура-дурой по комнатамъ отъ одного зеркала къ другому. Сама на себя любуется, а если по правдѣ сказать,—ступить по-господски не умѣетъ. Въ позапрошлый разъ сродственникъ изъ Петербурга пріѣхалъ, а она замѣсто того, чтобы его въ голову, али въ високъ поцѣловать, какъ у настоящихъ господъ водится, вытаращила на него глаза и какъ алебастра какая каменная стоитъ. Туда же за господами, книжку читаетъ. «Хорошій тонъ» называется. Богъ ее знаетъ, что за книжка за такая, только едва-ли въ пользу ей. Ужъ ежели насчетъ вѣры настоящаго понятія не имѣетъ и крестится двумя перстами, такъ гдѣ же ей хорошую книжку понять! И какая задорная — не приведи Богъ! Намедни съ мужемъ у подъѣзда разцапалась, и рветъ, и мечетъ, не понравилось, вишь ты, что коляску подали не ту, которая ей больше по вкусу. Самъ-то не будь плохъ, дернулъ ее за руку таково хорошо, что такъ и присѣла на заднія ноги. Двѣ недѣли потомъ дулись другъ на друга, не разговаривали.

Digitized by Google

Горячъ онъ, самъ-то, это дѣйствительно, только настоящей строгости въ немъ нѣтъ и такъ надо сказать, что неумѣнъ. Очень довольно искусно она его со всѣхъ сторонъ обходитъ, и за границу сманиваетъ который уже разъ, все будто «для желудка», а замѣсто того— одинъ обманъ.

Старичекъ-лакей тоже по нѣскольку разъ въ день сѣменилъ по корридору мелкими, нетвердыми уже шагами, идя въ контору «докладывать» по приказанію «самой», что кушать подано или что экипажъ уже цѣлый часъ ждетъ у подъѣзда. Поликарпъ Поликарповичъ ему, точно такъ же, какъ и всѣмъ въ домѣ, безъ различія пола и возраста, посылалъ въ отвѣтъ обычную брань:

— Дуракъ, пошелъ вонъ!

— Мнѣ что-жъ... Какъ вамъ будетъ угодно.

— Не видишь, что ли, что я занятъ.

— На то есть воля ваша...

— Старый хрѣнъ...

— Я не отъ себя, какъ вамъ объ этомъ очень довольно хорошо извѣстно-съ... И сами изволите знать, ежели барыня посылаютъ, могу ли я ослушаться...

— Ну, ну, безъ разговоровъ. Уходи, пока цѣлъ.

— Слушаю-съ. Только барыня наказывали...

— И барынѣ скажи, что она дура и не только какъ обыкновенно всегда дура, но на сей разъ даже и сверхъ обыкновенія...

Старичекъ, возвратясь въ столовую, «докладывалъ»:

— Ругаются-съ...

— А что вѣдь и въ самомъ дѣлѣ можетъ быть очень занятъ, мало ли дѣловъ у него,—заключала Матрена Яковлена, когда находилъ на нее «хорошій стихъ», звала гувернантку къ обѣду.

Являлась «мадамъ», тихая, послушная овечка, въ ромъ шерстяномъ платьѣ, съ значительной сѣдиной жиденькихъ волосахъ, учившая дѣтей только тогда столько времени, сколько и когда находила нужнымъ ѣлить для этого «сама». Дѣти, видя, что отца нѣтъ

Digitized by Google

въ столовой, съ шумомъ и крикомъ лѣзли къ столу, споря изъ-за мѣстъ, мальчики угощали одинъ другого тумаками, залѣзали подъ столъ, хватали маленькихъ сестеръ за ноги, сестры визжали, мать улыбалась во весь ротъ, любуясь веселостью своихъ дѣтокъ, гувернантка ежеминутно краснѣла до ушей, пугаясь, что вотъ-вотъ дѣти сдернутъ со стола скатерть, и вся посуда полетитъ на полъ.

— Довольно, шалуны, уймитесь... Вамъ говорятъ, уймитесь!—съ напускною строгостью увѣщевала мать, и только угроза ея, что отецъ сейчасъ придетъ, унимала ихъ и заставляла пугливо оглядываться на двери той комнаты, изъ которой могла появиться грозная фигура отца, нерѣдко съ отеческой безцеремонностью угощавшаго ихъ пинками.

Въ этомъ же корридорѣ, идя по направленію отъ хозяйскаго кабинета въ контору, частенько вздыхали и роптали столяры, водопроводчики, позолотчики и т. п. мастеровой людъ, которыхъ Поликарпъ Поликарповичъ, по обычаю, обижалъ и обсчитывалъ при разсчетѣ и обсчитывалъ вовсе не изъ жаланія присвоить себѣ чужой рубль, а такъ просто, по капризу, по личному самодурству, обусловливаемому, конечно, недостаткомъ чувства справедливости и душевной чистоты.

Нужно однако же сказать, что хотя и не часто, но бывали же случаи, что, идя изъ хозяйскаго кабинета по корридору къ конторѣ, для того, чтобы выйти во дворъ чрезъ черный ходъ, счастливый мастеровой отъ восторга иногда ногъ подъ собой не чувствовалъ и громогласно хвалилъ хозяина, помахивая въ воздухѣ полученными кредитками.

— Вотъ человѣкъ благодѣтельный! Именно можно сказать, ангельской доброты! Не видывалъ такого ни когда, сейчасъ мнѣ на этомъ самомъ мѣстѣ сквозь землю провалиться! Отвалилъ мнѣ вмѣсто пятнадцати двадцать пять! И не то, чтобы по ошибкѣ. Нѣтъ! А прямо отъ души: на, говоритъ, тебѣ, пользуйся!.. Каковъ? Ну, гдѣ этакого добряка еще встрѣтишь: Вся

Digitized by Google

Москву обойди отъ Хамовниковъ до Рогожской заставы—не найдешь!

VIII.

Кто имѣлъ надобность въ личномъ свиданіи съ Поликарпомъ Поликарповичемъ, тотъ, идя къ нему, долженъ былъ на всякій случай захватить съ собой большой запасъ терпѣнія. Иной дѣловой человѣкъ, просидѣвъ въ его конторѣ въ напрасномъ ожиданіи часъ и другой, просилъ напомнить о себѣ Поликарпу Поликарповичу и слышалъ иногда въ отвѣтъ:

— Не могутъ принять..

— Какъ не могутъ? Онъ же просилъ подождать.

— Не знаю-съ... Завтра просятъ пожаловать.

Дѣловой человѣкъ руками разводилъ отъ изумленія.

— За что же я два часа потерялъ?.. А? Нѣтъ, его родитель, его дядюшка, его старшій братецъ,— дай имъ, Господи, царство небесное и вѣчный покой!— нѣтъ, они такъ не дѣлывали...

Онъ недружелюбно косился на лакея, на служащихъ въ конторѣ, точно они тоже были предъ нимъ виноваты, и, уходя, сердито ворчалъ про себя.

А Поликарпъ Поликарповичъ, въ это время съ необыкновенною озабоченностью, имѣя тысячные бриллианты на пальцахъ, подбиралъ гдѣ-нибудь въ кладовой искривленные, ржавые гвозди и выправлялъ ихъ топоромъ, разговаривая съ кучеромъ или съ работникомъ, принесшимъ ему топоръ.

— Вотъ онъ, гвоздь-то, видишь, такъ зря валяется, ни на что не годенъ, а выправишь его—можетъ въ дѣло пойти за первый сортъ.

— Оно точно что такъ, Поликарпъ Поликарповичъ, каждая, значитъ, дрянь, примѣрно, въ хозяйствѣ можетъ другой разъ очень довольно хорошо пригодиться.

Работникъ услужливо придвигалъ ему ржавые гвозди и старался выказать этимъ свое усердіе, сознавая,

Digitized by Google

разумѣется, очень ясно, что и хозяинъ, и онъ вмѣстѣ съ нимъ занимаются пустяками.

— Гвоздь—что? Пустяки вѣдь ему цѣна, а тутъ гвоздь, тамъ гвоздь,—продолжалъ Поликарпъ Поликарповичъ,—вотъ, глядишь, и два уже стало...

— Это что говорить... Это правильно...—поддакивалъ собесѣдникъ.

Иногда поддакиванье его выходило такъ неудачно, что Поликарпъ Поликарповичъ вдругъ перемѣнялъ тонъ и громко съ необыкновенною притомъ торопливостью обрывалъ его на полусловѣ.

— Чего ты тутъ, дуракъ, толчешься? Мало ли тамъ во дворѣ всякаго дѣла!..

— Я... помилуйте... я сейчасъ...

И съ видомъ мокрой курицы неудачный собесѣдникъ скрывался съ глазъ хозяина.

Такъ сберегая ржавые гвозди, Поликарпъ Поликарповичъ при одномъ изъ удачныхъ ударовъ топоромъ разбилъ тысячный брилліантъ на своемъ пальцѣ и замѣнилъ его другимъ.

— Этотъ будетъ получше и подороже,—хвалился онъ, показывая новый камень,—главное, вода въ немъ необыкновенной чистоты...

Толстая хозяйка кондитерской на Кузнецкомъ мосту не разъ говаривала ему въ шутку:

— Ужъ извините, Поликарпъ Поликарповичъ, я когда-нибудь у васъ этотъ перстень отниму, очень онъ меня привлекаетъ...

— Хо-хо!..—самодовольно смѣялся Поликарпъ Поликарповичъ, забирая коробки конфектъ, которыя, по обыкновенію, покупалъ оптомъ, коробокъ по десяти сразу.

Выйдя изъ кондитерской, онъ иногда вдругъ, какъ говорится, ни съ того ни съ сего, вступалъ въ споръ съ извозчикомъ, упрекая его за то, что онъ дорого проситъ...

— Да я тебя... разбойникъ ты этакой... скотина...

Digitized by Google

— Не лайся, купецъ... нехорошо... Нѣшто это порядокъ!..

Извозчикъ иной разъ оказывался неизмѣримо благоразумнѣе его и въ отвѣтъ на его брань только головой покачивалъ, а онъ, не сойдясь въ цѣнѣ на пять копѣекъ, тащился въ гору съ грудой коробокъ и связокъ пѣшкомъ, пока, наконецъ не выторговывалъ столь привлекательный для него пятачекъ.

Случалось и такъ, что дѣловой гость сидитъ въ кабинетѣ и ждетъ его, а онъ вдругъ куда-то исчезнетъ изъ дому, да такъ проворно, что никто и не замѣтитъ, только сторожъ подъ арками воротъ ахнетъ, вдругъ увидѣвъ его уже садящимся на дрожки извозчика.

Гость, наконецъ, теряетъ терпѣніе и уходитъ.

Проходитъ полчаса, часъ, а его все нѣтъ. Въ конторѣ, въ корридорѣ, въ передней, у барыни въ спальной начинаютъ перешептываться.

— Гдѣ хозяинъ?

— Уѣхали.

— Какъ уѣхали? Съ которымъ кучеромъ? Всѣ кучера дома... Ушли, стало быть, пѣшіе...

Сама Матрена Яковлевна плечами пожимаетъ.

— И куда это его, Господи! Царица Небесная? куда это его вдругъ дернуло передъ обѣдомъ. Пойдите, дѣвки, узнайте въ конторѣ.

А изъ конторы старикъ-конторщикъ посылаетъ своихъ подчиненныхъ въ большой домъ, узнать отъ Матрены Яковлевны, не знаетъ ли она, гдѣ хозяинъ, по неожиданному отсутствію котораго во дворѣ съ товарами не знаютъ, что дѣлать. Семья въ томленіи ожидаетъ его возвращенія, обѣденный столъ давно накрытъ, и старичекъ-лакей тоскливо посматриваетъ по временамъ въ окно и вздыхаетъ.

Вдругъ раздается въ передней громкій продолжительный звонокъ, по которому весь домъ узнаетъ, что вернулся «самъ». Матрена Яковлевна идетъ по направленію къ передней сердитая, но, замѣтивъ въ его рукахъ связки покупокъ, смѣняетъ гнѣвъ на милость.

Digitized by Google

— Что это, Поля... Побойся Бога... какъ не грѣхъ!.. Всѣ проголодались!..

— Удивительное дѣло! Зачѣмъ вы меня ждете? Разъ навсегда вамъ сказано, не ждите: я человѣкъ дѣловой, мало ли у меня всякихъ заботъ...

— Все же, подумай, пріятно ли безъ тебя за столъ садиться.

Слѣдомъ за матерью выбѣгаютъ въ переднюю дѣти, которыхъ скромная гувернантка не въ силахъ болѣе удерживать въ столовой. Раздаются ихъ звонкіе голоса:

— Папа! папа! конфекты!..

— Папа! Лошадку мнѣ... Ты, папа, давно ужъ обѣщалъ лошадку... Гдѣ лошадка?

Маленькая дочка, одѣтая, какъ куколка, тоже тянется съ рукъ жирной и красной кормилицы на встрѣчу отцу и лепечетъ что-то, тоже, очевидно, насчетъ подарковъ.

— Сейчасъ, миленькіе мои, сейчасъ... И тебѣ, пташечка, и вамъ, сыночки мои, всѣмъ сейчасъ...

Онъ въ хорошемъ расположеніи духа и потому говоритъ съ дѣтьми нѣжно, подражая ихъ дѣтскому говору. Вслѣдъ за нимъ старичекъ-лакей несетъ въ кабинетъ связки съ игрушками и сластями.

— Папа! папа!..

— Стопъ машина—тихій ходъ!—строго говоритъ онъ дѣтямъ, кинувшимся къ покупкамъ.

— Что это еще такое?—съ удивленіемъ возражаетъ Матрена Яковлевна.

— Тяни назадъ! Нельзя!..

— Что за новости! Почему нельзя?

— Не новости, а изстари такъ заведено, чтобы сначала честь-честью—обѣдъ, а потомъ уже и раскупорка товаровъ. Не нами это заведено, не нами и кончится.

— Папа! — раздаются плаксивые голоса.

— Да позволь ты имъ... Господи!—вступается Матрена Яковлевна.

Digitized by Google

— Зачѣмъ ихъ баловать, пусть привыкаютъ къ терпѣнію...

— Нашелъ время!.. Подумай, они теперь за обѣдомъ и ѣсть ничего не будутъ.

— Голу-у-бчикъ, папочка!..

— Отстаньте! Ну васъ!..

— Ахъ, Поля, какой ты, право, странный...

— Выдумывай больше!..

— Да какъ же, помилуй! Ты дразнишь дѣтей, до слезъ ихъ доводишь...

— Толкуй съ тобой!.. Стало быть, опять не угодилъ?

Слышатся вздохи, слезливыя восклицанія. Любимецъ матери худосочный большеголовый мальчуганъ, прячетъ заплаканное лицо въ складкахъ ея платья, отецъ замѣчаетъ, какъ вздрагиваетъ его дѣтская костлявая спина, и смѣняетъ гнѣвъ на милость.

— Ну, хорошо! хорошо!.. Будь по-вашему!..

Слышатся вздохи, слезливыя восклицанія, потомъ радостный визгъ и вслѣдъ за тѣмъ поцѣлуи. Чмокаются такъ, что въ дальнихъ комнатахъ слышно; радужный попугай, находящійся въ одиночномъ заключеніи въ большомъ залѣ, начинаетъ проворно метаться по своей золоченой клѣткѣ и кричитъ.

— Эй, кто тамъ! Артельщикъ! Гдѣ артельщики, чортъ васъ побери!..

Дѣти заливаются веселымъ смѣхомъ, довольные и крикомъ попугая, и полученными игрушками, которыя они несутъ въ столовую и усаживаютъ рядомъ съ собою за обѣдъ.

IX.

Разумѣется, не всѣмъ дѣловымъ людямъ выпадала печальная участь высиживать по цѣлымъ часамъ въ кабинетѣ Поликарпа Поликарповича въ терпѣливомъ ожиданіи, пока онъ къ нимъ выйдетъ. Иной счастливый человѣкъ не успѣетъ въ кабинетъ войти, какъ

Digitized by Google

Поликарпъ Поликарповичъ уже летитъ къ нему на встрѣчу.

— А, ваше почтеніе!.. Давно ожидаю... Очень радъ! Покорнѣйше прошу, пожалуйте, садитесь... Ну-съ! Въ чемъ дѣло?

— Да вотъ-съ, такъ и такъ... Желалъ бы продать...

— Отлично! Цѣна какъ?

— Да вотъ... если бы можно...

— Хорошо!.. Превосходно!..

И сразу, въ пять-шесть минутъ, покончитъ дѣло, иногда такое большое, что его въ сотню тысячъ рублей не уложить. Гость встаетъ, хочетъ уходить, и самъ онъ уже готовъ съ нимъ проститься, какъ вдругъ его осѣняетъ мысль.

— А чайку стаканчикъ?

— Покорнѣйше благодарю... Признаться, пилъ уже разовъ съ десятокъ сегодня...

— Ничего, ничего! Еще стаканчикъ можно! Эй, кто тамъ есть! Артельщикъ! Чаю!.. Скажи, чтобъ немедленно!..

— Да-съ, хорошо-съ...—восторгался гость,—очень пріятно съ такими людьми дѣло имѣть... Скоро, справедливо, безъ всякихъ хитростей и проволочекъ...

— Намъ иначе невозможно!—пояснялъ Поликарпъ Поликарповичъ,—дѣло большое, и пустяки размазывать некогда...

— Дѣло ваше, конечно, кто-жъ не знаетъ... На всю, можно сказать, имперію извѣстны.

— Да вотъ какъ,—вдругъ воодушевляясь, возвышалъ тонъ Поликарпъ Поликарповичъ,—вотъ какое дѣло: еженедѣльныхъ вѣдомостей, которыя изъ Сибири присылаютъ, не успѣваю перечитывать. Да-съ! Иногда засиживаюсь за ними до утра!..

Гость простодушно дивится его разсказамъ о томъ какіе непосильные труды онъ несетъ, а онъ, еще болѣе воодушевляясь, говоритъ:

— Нельзя иначе! Никакъ невозможно!.. Сказано не даромъ: «свой глазъ—алмазъ, чужой—стекло».

Digitized by Google

Къ чаю предлагалъ онъ сигары, папиросы, потомъ приказывалъ подать вина, накрыть столъ для закусокъ,—словомъ, вдругъ развертывался весь, какъ говорится, на распашку и угощалъ, какъ Крыловскій Демьянъ, съ неотступною настойчивостью.

— Еще рюмочку!

— Увольте... Не могу... Я по возможности старался угодить вамъ... Больше, вѣрьте совѣсти, не могу.

— Ну, одну... Для меня!.. Поймите! Неужели вы изъ уваженія къ хозяину не можете выпить... Вы обязательно должны выпить!..

Потомъ тоже ни съ того, ни съ сего вдругъ приказывалъ подать шампанскаго.

— Позвольте... Что же это? — изумлялся гость, разводя руками.

— За ваше здоровье! Ура!.. Покорнѣйше прошу... Ура!..

— Скажите хотя, по какому же это случаю такое необыкновенное обиліе угощеній, можетъ быть, у васъ сегодня праздникъ какой-нибудь семейный?

— Праздникъ, праздникъ... Ха-ха!.. Покорно прошу, пожалуйте... Я, знаете, страдаю затрудненнымъ пищевареніемъ, а шампанское отъ него помогаетъ... Пожалуйте, пожалуйте...

— Но... гм... гм... причемъ же я тутъ?

— Э! Что толковать... Выпьемъ и еще выпьемъ!.. Вижу и очень, можно сказать, явственно, что вы хорошій человѣкъ,—ну, значитъ, и выпьемъ... Напьемся, какъ слѣдуетъ, основательно!.. Ур-р-ра!..

Къ слову сказать, онъ къ выпивкѣ пристрастія не имѣлъ, а вотъ такъ, вдругъ ни съ того, ни съ сего прицѣпится къ какому-нибудь случаю и нагрузится до низъ положенія. И Боже сохрани, если жена будетъ уговаривать не пить,—онъ вдвое больше выпьетъ.

— Молчи и не тревожь...

— Да вѣдь знаешь, очень хорошо знаешь, какъ тебѣ вредно...

Digitized by Google

— Знаю и—пью, и буду пить, именно потому и буду, что ты тревожишь меня...

Такъ, впрочемъ, онъ проявлялъ свою самостоятельность во всѣхъ дѣлахъ: стоило только сказать слово возраженія — нарочно сдѣлаетъ по-своему и иногда даже не въ маленькихъ домашнихъ дѣлахъ, а въ такихъ торговыхъ, гдѣ отъ его капризовъ получался явный убытокъ не въ одну тысячу рублей.

— Сказано, — дѣлать, какъ я хочу, и — дѣлать! Я хозяинъ, и убытки мои, и барыши мои!..

Осторожный Пахомъ Алексѣевичъ, одинъ изъ его крупныхъ довѣренныхъ, давно уже приноровился къ его характеру и во всемъ соглашался съ хозяйскимъ мнѣніемъ. Стоитъ, бывало, передъ хозяиномъ въ вытяжку, маленькія рученки свои жметъ одну въ другой и твердитъ одно:

— Какъ вамъ будетъ угодно! Какъ прикажете!

Но и въ такихъ случаяхъ иногда тоже бывали нѣкоторыя недоразумѣнія.

— Что ты затвердилъ одно!—возражалъ Поликарпъ Поликарповичъ, — твоего мнѣнія спрашиваютъ, а не поддакиванья... Я тебѣ четыре тысячи въ годъ развѣ за поддакиванье буду платить... Говори свое мнѣніе.

Въ такихъ случаяхъ Пахомъ Алексѣевичъ начиналъ усиленно мигать, кусалъ себѣ усы, тревожно переступалъ съ ноги на ногу, видимо находясь въ нерѣшительности, говорить ли, или лучше помолчать.

Случалось такъ, что и скажетъ, и услышитъ въ отвѣтъ:

— А вѣдь ты правъ, ей Богу, правъ! Сдѣлаемъ по-твоему.

Зато случалось услышать и такой отвѣтъ:

— Дуракъ ты, Пахомъ Алексѣевъ, какъ есть круглый дуракъ!

— Какъ угодно...

Пахомъ Алексѣевичъ дѣлалъ полоборота направо всѣмъ корпусомъ и уходилъ въ контору. И только тамъ, уединившись въ дальнемъ углу съ кѣмъ-нибудь

Digitized by Google

изъ сослуживцевъ и пожимая плечами, порицалъ хозяйскія неправильныя, по его мнѣнію, распоряженія.

Бывало и такъ, что въ то самое время, когда дѣловой человѣкъ шелъ уже по корридору, приближаясь къ дверямъ его кабинета, онъ вдругъ увлекался чѣмъ-нибудь, случайно подвернувшимся ему подъ руку, и забывалъ о немъ.

— Тамъ господинъ ждетъ,—докладывалъ лакей.

— Какой господинъ?

— Давеча вы приказали принять... Черненькій такой, сухощавый... онъ въ кабинетѣ.

— Когда давеча?

— Часъ тому назадъ.

— Не помню... Ну—чортъ съ нимъ. Не суть важная птица, пусть подождетъ.

Подвернувшееся подъ руку дѣло, иногда не стоившее, какъ говорится, выѣденнаго яйца, поднимало на ноги чуть не всю контору.

— Морозовъ? Гдѣ Морозовъ? Позвать сюда Морозова, чтобы немедленно явился! — строго требовалъ Поликарпъ Поликарповичъ.

— Что это такое, а? Я васъ спрашиваю, будьте вы всѣ троюраспрокляты, что это за безпорядокъ! Горѣлка у лампы въ буфетной комнатѣ опять испорчена! Подать сюда Морозова, — гдѣ онъ, чортъ его возьми, копается?!

X.

Морозовъ былъ служащій безъ опредѣленныхъ занятій, человѣкъ, такъ сказать, на особомъ положеніи, мясистый, бѣлокурый, лѣтъ за тридцать. Онъ немного чему-то учился въ частномъ пансіонѣ, имѣлъ нѣкоторыя понятія о буквѣ ѣ, ариѳметику зналъ настолько основательно, что могъ приводить дроби къ одному знаменателю, чего никакъ не могъ уразумѣть Поликарпъ Поликарповичъ и сердился каждый разъ, когда въ какомъ-либо счетѣ попадались дроби.

Digitized by Google

— Эй, ты, ариѳметикъ, считай,—приказывалъ онъ Морозову.

Его онъ совалъ всюду и на немъ нерѣдко вымещалъ разныя свои неудачи и ошибки. Поѣдетъ на биржу, его возьметъ съ собой, но, увлекшись по дорогѣ какой-нибудь ничтожной ребяческой покупкой, пропуститъ время биржи и накинется на Морозова:

— Ты чего смотрѣлъ? Ты зналъ, что пора на биржу, ты видѣлъ, что я глупостями занимаюсь? Теперь изъ-за тебя, чортъ тебя подери, время пропущено... Ты не понимаешь развѣ, какія могутъ быть послѣдствія, — цѣна была подходящая, а завтра она, можетъ быть, упадетъ.

— Помилуйте, Поликарпъ Поликарповичъ, при чемъ же я тутъ... Развѣ я смѣю вамъ напоминать. Вѣдь ужъ не одинъ разъ бывало, какъ вы меня за мои напоминанія огорашивали... даже при постороннихъ.

— Мало ли что бывало. Ты очень-то много не возражай. Мужикъ! Что за важность, если даже я тебя и огорошу,—не великъ человѣкъ... Ишь ты какая знатная персона!.. Твоя обязанность все-таки всегда напомнить, ежели видишь, что не такъ... Нѣтъ у тебя головы, что-ли!

Морозовъ иной разъ и хотѣлъ бы возразить, что у самого Поликарпа Поликарповича тоже есть голова на плечахъ, но онъ зналъ, что возражать опасно, и потому предпочиталъ отмалчиваться.

Онъ былъ, такъ сказать, адъютантомъ Поликарпа Поликарповича, «пѣшій адъютантъ», какъ звали его въ конторѣ. Онъ служилъ въ торговомъ домѣ Подберезиныхъ уже лѣтъ шесть, возбуждая удивленіе во всѣхъ своихъ знакомыхъ изумительнымъ терпѣніемъ и выносливостью. Родной его братъ, архитекторъ находившійся по роду своихъ занятій въ болѣе независимомъ, чѣмъ онъ, положеніи, слушая его разсказы о Поликарпѣ Поликарповичѣ, часто отплевывался и съ изумленіемъ разводилъ руками.

Digitized by Google

— Тьфу, какая гадость! И ты все это переносишь?

— Переношу.

— И даже не худѣешь! Напротивъ,—брюшко уже отращиваешь.

— Что-жъ дѣлать! Куда дѣваться-то? Онъ ругается, дуритъ, а я въ это время думаю: «чортъ съ тобой,— собака лаетъ, вѣтеръ носитъ». Этимъ только и успокаиваю себя. Хорошо, что я три года прослужилъ въ солдатахъ: если бы не эта служба — не выдержать бы мнѣ здѣсь... Понять не могу, шальной онъ какой-то, и чѣмъ старше, тѣмъ хуже дѣлается... А вѣдь не глупый человѣкъ, напротивъ, очень иногда бойко соображаетъ; между тѣмъ часто за такія мелочи хватается, что любому дураку въ пору. Прошлый разъ Пахому Алексѣевичу на бильярдѣ десять рублей проигралъ,—на диванъ завалился тутъ же въ бильярдной и цѣлый часъ сопѣлъ въ носъ и вздыхалъ, точно цѣлаго состоянія лишился.

Морозовъ исполнялъ по дѣламъ Поликарпа Поликарповича всевозможныя порученія: ему довѣрялись деньги иногда сотнями тысячъ рублей для вклада въ банкъ или для полученія отъ кого-нибудь изъ кредиторовъ торговаго дома, ему же поручалось купить какую-нибудь ничтожнѣйшею мелочь въ родѣ, напримѣръ, мелковъ для игры въ карты. Онъ долженъ былъ всегда быть готовымъ идти съ хозяиномъ на прогулку, которая, какъ водится, сопровождалась покупкою въ какомъ-нибудь магазинѣ вещей, не нужныхъ ни самому хозяину, ни его женѣ, ни дѣтямъ, и послѣ которой онъ, возвратясь домой и развертывая вещи, спрашивалъ Морозова:

— Морозовъ! Скажи пожалуйста, на какой такой ледметъ эта глупость годится?

— Не знаю, Поликарпъ Поликарповичъ.

— Нѣтъ, ты по совѣсти скажи, на чистоту скажи, чѣмъ я это купилъ?

Морозовъ, какъ опытный человѣкъ, обтерпѣвшійся службѣ у Поликарпа Поликарповича и изучившій

Digitized by Google

его характеръ, сдержанно улыбался при такой милостивой его бесѣдѣ.

Нерѣдко онъ садилъ его за карточный столъ играть по дорогой въ преферансъ, кончавшійся иногда тремя, а то и пятью стами рублей.

— Эй, Морозовъ? Гдѣ онъ? Эй! Иди сюда. Слушай. Ты, братъ, садись за болвана, ты его можешь вполнѣ замѣнить... Ха-ха!—смѣялся онъ при этомъ.

— Помилуйте, Поликарпъ Поликарповичъ... какъ же я могу садиться за такую дорогую игру.

— Садись, тебѣ говорятъ!

Морозовъ подавлялъ тяжелый вздохъ и садился. Онъ давно зналъ, что положеніе его въ этомъ случаѣ безвыходное: выигрывать будетъ, гнѣвъ хозяина вызоветъ, а при проигрышѣ услышитъ отъ него насмѣшки и издѣвательства.

— Эхъ, ты, мужикъ! Играть-то не умѣешь, а садишься...

— Да развѣ я...

— Молчи!

Справедливость требуетъ сказать, что Поликарпъ Поликарповичъ въ годъ раза два-три вознаграждалъ Морозова за его карточные проигрыши и вознаграждалъ безъ всякаго съ его стороны объ этомъ напоминанія. Морозовъ, разумѣется, очень хорошо зналъ, что напомнить объ этомъ невозможно: не только ничего не получишь, но еще и упрековъ наслушаешься, и потому терпѣливо ждалъ, когда на Поликарпа Поликарповича найдетъ «добрая полоса».

Морозову же приходилось составлять компанію хозяйскому гостю у стола съ закуской въ тѣхъ случаяхъ, когда хозяинъ по нездоровью пить не могъ, а гость настаивалъ, чтобы съ кѣмъ-нибудь ему выпить и чокнуться рюмками.

— Морозовъ! Гдѣ Морозовъ? Слышишь—пей!

— Я, Поликарпъ Поликарповичъ, тоже нездоровъ и ей Богу не могу!..

— Пей, тебѣ говорятъ! Статуй!

Digitized by Google

И гость нерѣдко такой же попадался безцеремонный, какъ Поликарпъ Поликарповичъ, и тоже повторялъ заплетающимся уже языкомъ.

— Именно статуй! Ежели тебѣ хозяинъ говоритъ, значитъ, ты и должонъ чувствовать!.. Ну, будь здоровъ,—давай чокнемся!

По поводу испорченной горѣлки у лампы Морозову, конечно, улыбаться было уже неудобно, такъ какъ онъ видѣлъ, что хозяинъ «осатанѣлъ», и губы его кривятся отъ злобы. На строгій его вопросъ о томъ, почему горѣлка опять испорчена, онъ твердо отвѣчалъ:

— Я не знаю!

— Какъ не знаешь? Кто же знаетъ? Ты отдавалъ поправлять? Конечно, ты,—кто же другой? Развѣ такъ поправляютъ? Немедленно, сію же минуту иди къ ламповщику и чтобы безплатно исправилъ. Вотъ разбойники, какъ грабятъ, а! Двугривенный взялъ, а за что, спросить? Мошенники! Требуй, чтобы немедленно при тебѣ же исправилъ и безплатно. Мѣдной копѣйки не давай!..

— Я не отдавалъ, — оправдывался Морозовъ, — я даже не знаю, какому мастеру отдавали.

— Какъ не знаешь? Кто же знаетъ? Эй! Артельщикъ! Петровъ, Спиридоновъ! Гдѣ они, свиньи, запропастились! Позвать сюда!..

Прислуга бѣжала во дворъ къ товарнымъ складамъ, гдѣ артельщики и рабочіе, какъ муравьи, копошились, принимая и отправляя грузы, и испуганно кричала:

— Алексѣй! Эй, ребята... Петровъ!.. Иди скорѣе въ буфетную, хозяинъ зоветъ... Проворнѣе идите— очень сердится на что-то...

— Что такое тамъ опять, Господи!

— Кто отдавалъ ламповую горѣлку поправлять?— грозно спрашивалъ Поликарпъ Поликарповичъ появившихся артельщиковъ, — какому мастеру отдавали?

Digitized by Google

Слышите, васъ спрашиваю, олухи вы этакіе! Развѣ такъ починиваютъ!..

Слѣдствіе о ламповой горѣлкѣ затягивалось. Артельщики, оторванные отъ дѣла, смущались, переглядывались одинъ съ другимъ, не зная, что отвѣчать хозяину на его строгіе вопросы, и боясь, какъ бы не подвести кого-нибудь изъ товарищей неудачнымъ отвѣтомъ.

Въ кабинетѣ, между тѣмъ, гость, ожидавшій свиданія съ Поликарпомъ Поликарповичемъ, терялъ послѣднее терпѣніе, вздыхалъ продолжительными тяжелыми вздохами и выглядывалъ по-временамъ въ переднюю.

— Не можешь ли, старичекъ, напомнить обо мнѣ,— просилъ онъ лакея.

Старичекъ-лакей съ видимымъ смущеніемъ смотрѣлъ на носки своихъ безукоризненно вычищенныхъ сапогъ и тихо отвѣчалъ:

— Уйти бы вамъ лучше...

— То-есть какъ это?.. Я не понимаю... Я столько времени ждалъ.

— Лучше будетъ...

— Да почему же?

— Огорченіе у нихъ... Вотъ сейчасъ только-что случилось...

— Что такое? Какое огорченіе? Заболѣлъ кто въ семьѣ?

— Нѣтъ, всѣ, слава Богу, здоровы... Только сами они очень огорчены... Теперь у нихъ изъ-за ламповой горѣлки большія непріятности по дому.

Старичекъ тревожно оглядывался въ ту сторону, откуда слышался громкій хозяйскій голосъ, и шепотомъ повторялъ:

— Все равно-съ, даже ежели они васъ и примутъ, ничего хорошаго не выйдетъ.

XI.

Гость, имѣвшій надобность лично видѣться съ Поликарпомъ Поликарповичемъ, конечно, волей-неволей

Digitized by Google

вооружался терпѣніемъ и ждалъ, и приходилъ на другой день, и на третій и т. д. Поликарпъ Поликарповичъ ни мало не стѣснялся этимъ.

— Ну, вотъ еще важная птица,—говорилъ онъ,—придетъ и десять разъ!..

Кого онъ считалъ важными птицами—трудно сказать. Извѣстно въ этомъ отношеніи только то, что представители крупныхъ московскихъ торговыхъ фирмъ, попробовавшіе было въ первые годы его самостоятельной дѣятельности завести съ нимъ личное знакомство, скоро отъ него отшатнулись.

— Эй, Морозовъ,—приказывалъ онъ, напримѣръ, своему пѣшему адъютанту,—поѣзжай немедленно къ господину Z и передай, что я желаю его видѣть, скажи, что я могу его принять... Гм... гм... Ну, хоть въ одиннадцать съ четвертью...

Онъ озабоченно смотрѣлъ при этомъ на часы, ни мало, разумѣется, не подозрѣвая, что чрезъ двѣ-три минуты забудетъ не только объ этой четверти двѣнадцатаго, но даже и о всѣхъ своихъ дѣлахъ и старательно начнетъ подбирать старыя доски и щепы гдѣ-нибудь на заднемъ дворѣ своего тюремнаго замка.

Морозовъ, конечно, безпрекословно ѣхалъ, куда ему приказывалъ онъ, и возвращался съ скромнымъ отвѣтомъ:

— Нездоровы... извиняются... очень жалѣютъ, что не могутъ быть.

Въ такой редакціи Морозовъ передавалъ отвѣтъ господина Z; въ дѣйствительности, отвѣтъ былъ другого содержанія.

— Скажите, господинъ Морозовъ, вашему неучу,—отвѣчалъ Z,—что я три раза имѣлъ неосторожность ходить съ нимъ въ личныя сношенія и больше не желаю. Довольно. Можетъ вести переговоры чрезъ ртельщиковъ, ихъ общество ему какъ разъ подходящее.

Въ отвѣтѣ Морозова, Поликарпъ Поликарповичъ, о простодушію своему, не замѣчалъ ничего фальшиаго и озабоченно говорилъ, выслушавъ его.

Digitized by Google

— Эхъ, досадно, надо бы повидаться... Боленъ, говоришь?

— Да-съ, очень... въ халатѣ... и въ лицѣ перемѣна...

— Жаль! Жаль! Хорошій человѣкъ!

— Я, говоритъ, съ величайшимъ удовольствіемъ пріѣду,—продолжалъ врать Морозовъ, — какъ только чуточку поправлюсь... Долгомъ сочту, говоритъ, посѣтить достопочтеннѣйшаго Поликарпа Поликарповича.

— Такъ и сказалъ?

— Такъ точно—слово въ слово.

— Да. Онъ умный человѣкъ, очень умный. Это вѣдь сейчасъ видно, съ двухъ словъ...

Съ карточными партнерами случались тоже подобныя объясненія.

— Извиняются,—передавалъ Морозовъ,—очень жалѣютъ, что не могутъ воспользоваться вашимъ любезнымъ приглашеніемъ.

— Фу, какая гадость! Почему не могутъ? Что такое тамъ у нихъ?..—волновался Поликарпъ Поликарповичъ, любившій играть въ карты.

— Не могутъ-съ... Буренкинъ на именины къ кому-то приглашенъ, невозможно, говоритъ, отказаться, а Хаджиазамбековъ на похоронахъ,—бабушка какая-то, или тетушка вчера умерла!..

Въ дѣйствительности отвѣтъ партнеровъ былъ другого содержанія.

— Нѣтъ, большое спасибо, братъ,—отвѣчали они Морозову, — ну его къ чорту и съ преферансомъ вмѣстѣ:—споритъ, кричитъ, грубости говоритъ, даже карты рветъ,—кому это пріятно? Играйте съ нимъ вы, его подчиненные, если ужъ свыше вамъ такое наказаніе назначено.

И, дѣйствительно, партія Поликарпа Поликарповича въ преферансъ, въ концѣ-концовъ, свелась на игру только съ своими приказчиками, которые, уходя по окончаніи ея въ свои углы, перешептывались:

Digitized by Google

— Турецкій паша! Какъ есть настоящій султанъ Махмутъ персидскій, только головъ не рубитъ.

Тѣ вечера считали они счастливыми, въ которые Матрена Яковлевна сманивала его въ театръ. Онъ, разумѣется, отговаривался, даже бранился, но иногда все-таки не могъ не сдаться на ея упрашиванья.

— Ну, слава Богу, кажется, уѣхалъ!—вздыхали въ конторѣ.

Въ ложѣ онъ сначала ѣлъ конфекты, фрукты, мороженое, лимонадъ, шелъ потомъ въ буфетъ и тащилъ съ собою пѣшаго адъютанта.

— Морозовъ! Выпьемъ грушевой воды?

— Съ удовольствіемъ.

Потомъ вдругъ, Богъ знаетъ съ чего, онъ совершенно неожиданно предлагалъ:

— А знаешь что?.. Выпьемъ по рюмкѣ водки? Отлично!.. Эй, слушай ты, господинъ,—наливай!

— Гм... гм... Мнѣ бы, знаете, Поликарпъ Поликарповичъ, не хотѣлось...

— Ну, разговаривай—пей!

Возвратясь въ ложу, онъ заваливался на диванъ и потомъ хвалился:

— Подъ музыку очень хорошо спится. Начальство у насъ въ Москвѣ умное, понимаетъ, гдѣ какую мебель надо ставить. Вѣрно! Безъ дивана въ оперѣ пропасть человѣку надо!..

XII.

Въ конторѣ Подберезина уже знали, что къ нимъ ѣдетъ изъ Петербургскаго отдѣленія родной братъ Ивана Павловича Размашилова, письменно и лично имъ рекомендованный Поликарпу Поликарповичу.

Иванъ Павловичъ, какъ дальновидный человѣкъ и большой мудрецъ въ житейскихъ дѣлахъ, посылая въ контору оффиціальное извѣщеніе о выѣздѣ брата, особо отъ себя написалъ еще при этомъ главному конторщику, дружески прося его оказать вниманіе брату.

Digitized by Google

Онъ зналъ, что служить на глазахъ у Поликарпа Поликарповича—не легкое дѣло, и потому просилъ старика-конторщика «поддержать парня добрымъ совѣтомъ», имѣя въ виду пристроить его въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени на самостоятельное мѣсто въ одномъ изъ губернскихъ отдѣленій торговаго дома.

Александръ Павловичъ, пріѣхавъ въ Москву, остановился въ гостиницѣ и, тоже согласно указанію брата, пошелъ къ Поликарпу Поликарповичу послѣ ранней обѣдни и не прямо къ нему въ большой домъ, а сначала во флигель, чтобы предварительно увидѣться съ главнымъ конторщикомъ и поступить согласно его совѣту. Иванъ Павловичъ имѣлъ при этомъ въ виду именно то обстоятельство, что можетъ быть въ часъ прихода брата хозяинъ будетъ не въ духѣ, и конторщикъ, имѣя, разумѣется, объ этомъ всегда вѣрныя свѣдѣнія, можетъ посовѣтовать отложить свиданіе до болѣе благопріятной минуты.

На старика-конторщика Александръ Павловичъ произвелъ хорошее впечатлѣніе. Иного, впрочемъ, онъ и произвести не могъ, такъ какъ въ послѣднее время въ его обращеніи со всѣми стала замѣчаться спокойная сдержанность, нѣкоторая даже почтительность, безъ тѣни притомъ какого-либо заискиванія или угодливости.

Старикъ-конторщикъ, много на своемъ вѣку видавшій и знавшій цѣну людямъ, замѣтилъ, что, кромѣ спокойствія и сдержанности, есть въ немъ еще что-то такое странное, не поддающееся опредѣленію, нѣчто особенное, никогда до сихъ поръ еще ни въ комъ имъ не замѣченное. То казалось, какъ-будто мысль какая-то, глубокая и мрачная, прорывается по временамъ сквозь улыбку Александра Павловича, и въ выраженіи глазъ его вдругъ какъ будто мелькнетъ что-то скорбное, то опять они какъ-то особенно оживляются и видна въ выраженіи ихъ спокойная увѣренность и твердость духа. Старый конторщикъ уловилъ даже

Digitized by Google

два-три вздоха, которые Александръ Павловичъ старался скрыть при разговорѣ съ нимъ.

— Итакъ, вы къ намъ?—переспросилъ онъ, пытливо вглядываясь въ его лицо.

— Да, какъ видите.

— Что жъ... Хорошее дѣло. Фирма старинная, почетная... занятій много есть и такъ сказать... хе... хе... на разные вкусы.

Оба помолчали нѣкоторое время.

— Долго вы были въ петербургскомъ отдѣленіи?—спросилъ потомъ конторщикъ.

— Недолго... съ полгода.

— А раньше? Тоже были гдѣ на службѣ, или такъ... можетъ оканчивали курсы наукъ?

— Да, я учился,—уклончиво отвѣтилъ Александръ Павловичъ.

— Извините—много разспрашиваю. Старики—народъ любопытный, хе, хе! Въ университетѣ были?

— Нѣтъ... я въ академіи былъ...

— Въ духовной?—поспѣшно переспросилъ старикъ, точно вдругъ чему-то обрадовался.

— Нѣтъ, я былъ въ академіи художествъ...

— Во-о-отъ что!—протянулъ онъ и задумчиво поникъ головой, но, впрочемъ, тотчасъ же и пріободрился.

— Что жъ... не всѣмъ быть живописцами.

— Да я, къ сожалѣнію, увлекся... и времени, и трудовъ много потратилъ... безполезно...

— Ну, это послѣднее слово ваше, извините,—невѣрно. Безполезно ничего не проходитъ. Я такъ полагаю, что всякія огорченія, ошибки, разочарованія, всякіе такъ сказать житейскіе удары и толчки — все на пользу. Такъ по-моему. Что жъ дѣлать—живопись ваша не удалась, значитъ, такъ тому и быть. Пути разные и кому что дано. По торговой части, конечно, спокойнѣе и вѣрнѣе... Вы еще молодой человѣкъ и успѣете наверстать. И дай Богъ вамъ. Видите ли,—добавилъ онъ, опять помолчавъ нѣкоторое время,—бра-

Digitized by Google

тецъ вашъ мнѣ пишетъ, и вотъ поэтому я... дамъ вамъ одинъ совѣтъ...

Онъ понизилъ тонъ рѣчи, оглянулся на сосѣдній столъ, гдѣ сидѣли его подчиненные, и предложилъ Александру Павловичу пересѣсть на другое кресло, поближе къ его письменному столу.

Изъ смежной комнаты слышался громкій разговоръ какихъ-то двухъ бородачей въ длиннополыхъ сюртукахъ, широко размахивавшихъ руками.

— Войдетъ! Какъ не войти, безпремѣнно войдетъ, съ удовольствіемъ войдетъ!—увѣрялъ одинъ.

— Не войдетъ, я говорю. Ни за что не войдетъ,— возражалъ другой.

— Толкуй!

— Да, толкуй. Говорю, что не войдетъ и—не войдетъ.

Споръ шелъ о вмѣстимости баржъ, въ которыя предполагалось нагрузить въ Нижнемъ-Новгородѣ товары, назначавшіеся въ сплавъ внизъ по Волгѣ.

Къ этому спору прислушивался одинъ изъ служащихъ въ торговомъ домѣ, очевидно человѣкъ не изъ мелкихъ по занимаемому въ немъ положенію. Онъ сидѣлъ въ креслѣ, положивъ ногу на ногу, и попыхивалъ папироской, переводя поочередно взглядъ то на одного бородача, то на другого. Глаза у него были свѣтлосѣрые, почти бѣлесоватаго цвѣта, но не вялые и сонные, напротивъ, чрезвычайно бойкіе и живые, бѣгавшіе въ своихъ ямочкахъ, точно испуганныя мыши. Малорослый и тщедушный съ лысиной во всю голову, онъ утопалъ въ мягкомъ креслѣ, и лысина его была почти наровнѣ со спинкою кресла. Вслушиваясь въ споры бородачей, продолжавшихъ оставаться въ тѣсныхъ предѣлахъ только двухъ словъ «войдетъ» и «не войдетъ», онъ очевидно потерялъ терпѣніе, и, бойко вскочивъ съ кресла, самъ тоже замахалъ обѣими руками.

— Да что вы затвердили, какъ попугаи, одно и то же,—возразилъ, онъ, говоря съ сильнымъ удареніемъ

Digitized by Google

на букву о,—объясняйте обстоятельнѣе! Ну, сколько вмѣщаетъ баржа грузу?

— Да развѣ въ грузѣ дѣло, ваша милость, не резонно изволите, сударь, толковать. Да!.. Ежели бы въ грузѣ, — какой разговоръ тогда. Самая, значитъ, сила въ емкости, сколько войдетъ; въ ней, выходитъ, тепериче самый корень. Вотъ оно что! Товаръ, сами изволите знать, озойный, неукладистый.

Одинъ изъ бородачей вдругъ почему-то съ чрезвычайнымъ одушевленіемъ возвысилъ голосъ.

— Войдетъ, говорю, сейчасъ умеретъ, войдетъ.

— Ну, что ты кричишь? Ахъ, дура голова!— укоризненно замѣтилъ другой.

— Самъ ты, быкъ толстолобый, громче меня кричишь!..

— Уймитесь!.. Что вы это!—возразилъ «его милость»,—услышитъ хозяинъ, онъ вамъ накладетъ въ шею...

— Это не можетъ быть!..

— Натоптали сапожищами своими...

— Объ этомъ, ваша милость, въ разсужденіе входить вовсе не слѣдуетъ, потому грязь важности никакой не составляетъ, ее, къ примѣру сказать, и вычистить можно. Надо говорить-то дѣло, а не о грязи этой самой.

— Ну, ну, говорите, что ли,—некогда мнѣ тутъ съ вами валандаться. Сказано вамъ, что ежели грузъ не войдетъ, нижегородская контора неволить не будетъ...

— А ежели войдетъ?

Съ этими словами оба бородача и «его милость» вошли въ ту комнату, гдѣ сидѣлъ старикъ-конторщикъ съ Александромъ Павловичемъ. Разговоръ споривших нѣсколько подался впередъ и теперь уже шелъ о томъ, будетъ ли «неволить» контора. Александръ Павловичъ, взглянувъ на ихъ лица, вдругъ о чемъ-то задумался.

— Такъ вотъ какія дѣла!—сказалъ конторщикъ, обращаясь къ нему.

Digitized by Google

— Да, да!—поспѣшно встрепенулся онъ и тряхнулъ волосами.

— Вы о чемъ это такъ задумались?

— Я?.. Нѣтъ... такъ что-то... Заглядѣлся, признаюсь, на этихъ двухъ бородачей...

— Громко говорятъ—это вѣрно,—не кстати подсказалъ старикъ, — привыкайте. Это у насъ бываетъ. Случается, и порядочно побранятся, до драки, впрочемъ, не доходитъ... хе... хе!.. И такъ вотъ какія дѣла! — продолжалъ онъ, обращаясь къ прерванному разговору,—братецъ вашъ, Иванъ Павловичъ—старинный мой пріятель, душевный онъ человѣкъ, настоящій, кряжистый человѣкъ, всякое слово у него на счету, не то что какъ у другихъ... Гм... Гм...

Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но удержался и только покосился исподлобья на бородачей.

— Какой же вы мнѣ совѣтъ хотите дать?—спросилъ Александръ Павловичъ.

— Хоро-о-шій! Хе! Хе!.. Притомъ короткій и ясный, и весь онъ только въ одномъ словѣ: молчите. Что бы хозяинъ ни говорилъ, вздоръ ли, не вздоръ ли—молчите. Въ этомъ у насъ вся сила...

При этихъ словахъ старикъ подавилъ тяжелый вздохъ и замолчалъ.

Александръ Павловичъ чуть-чуть пожалъ плечами.

— Но если возраженіе можетъ быть полезно для дѣла?

— Никакихъ «если» здѣсь не полагается... Пойдемте-ка, я покажу вамъ путь къ кабинету нашего владыки.

Когда они вышли въ корридоръ, старикъ наклонился къ уху Александра Павловича и добавилъ:

— Кипятокъ онъ у насъ... Хе... хе!.. Помните мой совѣтъ... Да-съ!.. Хозяинъ-то, знаете, всегда вѣдь умнѣе мастера: дѣла, молъ, хотя и не знаю, а бранить за все могу...

Digitized by Google

XIII.

Казалось бы, Александру Павловичу въ настоящемъ его положеніи нельзя было ни о чемъ другомъ думать, какъ только о предстоящемъ свиданіи съ хозяиномъ, а онъ, напротивъ, какъ только разстался со старикомъ-конторщикомъ, такъ тотчасъ же, самъ того не замѣчая, задумался о выразительности лицъ тѣхъ двухъ бородачей, которые вели въ конторѣ споръ о вмѣстимости баржъ. Густая свѣтлорусая борода одного, толстыя губы, красный широкій носъ и его сѣдыя, повисшія брови другого, на лицо котораго, смуглое и загорѣлое, съ гнѣвнымъ взглядомъ впалыхъ глазъ, падалъ яркій свѣтъ изъ окна, — оба рисовались въ его воображеніи и уже въ картинѣ: старикъ въ кольчугѣ, на головѣ шлемъ съ желѣзной стрѣлой между бровей, въ глазахъ сила и твердая рѣшимость, а другой, свѣтлорусый, тоже въ боевой одеждѣ, но видимо малодушный, сомнѣвающійся, даже трусъ, — оба на полѣ битвы; на второмъ планѣ уже кипитъ бой, сверкаютъ мечи и щиты, вдали лѣсъ, съ сильно колеблющимися отъ вѣтра вѣтвями, небо въ тучахъ, и молнія рѣдкими изломанными линіями прорѣзываетъ ихъ.

— Какую гамму чувствъ можно разыграть! — думалъ онъ, не замѣчая, что уже миновалъ корридоръ и отворилъ дверь въ переднюю большого дома.—Однако, что это я... не кстати такъ... Фу, какая нелѣпость!..

Передъ нимъ стоялъ старикъ-лакей и вопросительно смотрѣлъ на него.

— Вы къ кому-съ изволите... къ Поликарпу Поликарповичу,—спросилъ онъ,—или, можетъ статься, къ самой-съ... къ Матренѣ Яковлевнѣ... изъ магазина какого?

Александръ Павловичъ при его вопросѣ уже въ достаточной степени овладѣлъ своими думами.

— Я, голубчикъ, къ самому... Доложите, изъ петербургскаго, молъ, отдѣленія...

— Слушаю-съ...

Digitized by Google

— Что это со мной опять! давно ничего подобнаго не бывало...

— Подождите... Нѣту въ ихъ кабинетѣ... Вышли куда-то... Можетъ, у барыни въ комнатахъ... Я сейчасъ... Вотъ здѣсь присядьте... Сію минуту доложу...

Старичекъ ушелъ, но его добродушное, озабоченное выраженіе лица, его торопливая, замѣтно уже не твердая походка, складъ спины, сгорбившейся отъ лѣтъ, и легкій, едва замѣтный, наклонъ головы къ лѣвому плечу при каждомъ его шагѣ,—все это, не прошенное и не подмѣчаемое, сразу само собой запечатлѣлось въ памяти Размашилова. Онъ, только что осудившій себя за непозволительныя будто бы и нелѣпыя мечтанія, готовъ былъ, самъ того не замѣчая, взяться за карандашъ,—попадись только онъ въ это время ему подъруку,—и начертить характерную фигуру добродушнаго старичка. Пока его не было въ передней, онъ уже успѣлъ дать ему мѣсто въ новой картинѣ. Онъ одѣлъ его въ платье протестантскаго пастора, концы бѣлаго галстука широко раскинулъ на груди, далъ ему въ руки книжку въ бархатномъ, яркомалиноваго цвѣта переплетѣ и придалъ его старческимъ глазамъ молитвенное выраженіе. Но при дальнѣйшихъ подробностяхъ картины, когда въ воображеніи его только что образовались своды храма, рисунокъ рѣшетки каѳедры, на которой онъ поставилъ проповѣдника, распятіе за его спиной и масса человѣческихъ головъ внизу, — все вдругъ разсѣялось при первыхъ же звукахъ шаговъ, тронувшихъ чуткій слухъ его въ эту минуту. Онъ, можно сказать, самъ не замѣтилъ, какъ эта картина вдругъ сложилась въ его воображеніи и какъ она сразу разсѣялась. Онъ даже не осудилъ себя за то, что вновь увлекся непозволительными мечтами, такъ онѣ были кратковременны и потому, конечно, какъ бы непредосудительны.

— Поликарпъ Поликарповичъ въ столовой,—сказалъ старичекъ-лакей, входя въ переднюю,—вотъ пожалуйте чрезъ залъ въ гостиную, а тамъ направо дверь и —

Digitized by Google

сами увидите ихъ, чай кушаютъ... васъ туда приказали позвать...

И должно быть Александръ Павловичъ понравился старичку — такъ добродушно онъ ему улыбнулся, показывая рукою на дверь, ведущую въ залъ.

Проходя чрезъ залъ и гостиную, онъ замѣтилъ, что по стѣнамъ ихъ развѣшены картины, и почувствовалъ, какъ при видѣ ихъ сердце его болѣзненно сжалось. Онъ старался не смотрѣть на нихъ и, проходя по ковру, которымъ былъ застланъ полъ въ гостиной, силился намѣренно удержать свое вниманіе на его рисункѣ. Любопытство, однако же, въ немъ жило, и его побѣдить ему не удалось. Онъ, можно сказать несмотря, узналъ нѣкоторыя изъ нихъ, по крайней мѣрѣ самыя крупныя, видѣнныя имъ когда-то на петербургскихъ выставкахъ. Нужно замѣтить, что Поликарпъ Поликарповичъ какъ въ живописи, такъ и вообще во всѣхъ родахъ искусствъ, былъ человѣкъ темный и, выражаясь образно, плавалъ со страхомъ, стараясь держаться самаго мелкаго мѣста, чтобы ближе къ берегу; и вотъ, чтобы не ошибиться, онъ, имѣя нѣкоторое пристрастіе къ картинкамъ, покупалъ только патентованныя произведенія съ крупными именами: тутъ, молъ, я не ошибусь.

Дверь изъ гостиной въ столовую была затворена. Размашиловъ, подойдя къ ней, въ нерѣшительности остановился и, взявшись за ея ручку, продолжалъ смотрѣть на коверъ. Онъ чувствовалъ себя въ такомъ неловкомъ и странномъ положеніи, какого еще никогда ему не приходилось испытывать: со всѣхъ четырехъ сторонъ окружали его художественныя произведенія, которыя онъ несомнѣнно хотѣлъ осмотрѣть, и не какъ-нибудь мимоходомъ, бѣгло, а обстоятельно, не спѣша, со всѣми подробностями, и отъ которыхъ, переборая свое желаніе, намѣренно сторонился. За дверью же, ручку которой онъ готовъ былъ нажать, ожидала его неизвѣстность, непріятная, досадная и, можетъ быть, даже, судя по впечатлѣнію, вынесенному изъ разго-

Digitized by Google

вора съ конторщикомъ, обидная, на которую, однакоже, онъ шелъ и сознавалъ, что идетъ добровольно.

— Да, если я не захочу, кто меня здѣсь удержитъ? Вотъ еще новость! «Ребенокъ, что ли я, или въ поступкахъ своихъ не воленъ?»—мелькнуло у него въ головѣ, и съ этой ободряющей мыслью онъ отворилъ дверь въ столовую.

XIV.

Поликарпъ Поликарповичъ сидѣлъ за столомъ въ шелковомъ халатѣ яркозеленаго цвѣта и пилъ какую-то минеральную воду. Отпивая ее изъ стакана маленькими глотками, онъ морщился и вздыхалъ. За самоваромъ, окруженнымъ со всѣхъ сторонъ посудой, банками съ вареньемъ, фигурными корзинками съ печеньемъ и конфектами, сидѣла Матрена Яковлевна въ утреннемъ капотѣ.

— Ну-ка, насыпь мнѣ стаканчикъ чайку,—сказалъ Поликарпъ Поликарповичъ, отдвигая отъ себя бутылку съ минеральной водой.

— Что это, Поля, побойся Бога,—возразила Матрена Яковлевна, — послѣ воды-то да чай. Этого не полагается...

— Толкуй! насыпь, говорятъ...

— Нѣтъ, извини... Я тебѣ не потатчица; не хочешь слушаться докторовъ—воля твоя, только ужъ я исполнять капризы твои не намѣрена...

Она гнѣвно поднялась изъ-за стола и ушла...

Поликарпъ Поликарповичъ ругнулъ ее вслѣдъ и пересѣлъ поближе къ самовару, налилъ себѣ стаканъ чаю, попробовалъ печенья и варенья, потомъ сталъ ѣсть конфекты и, наконецъ, закричалъ громко и сердито:

— Эй! кто тамъ есть... зачѣмъ сюда этой разной дряни наставили? Убирайте немедленно... Слышите, чтобы никогда впередъ этого не было... Сказано вамъ разъ навсегда, чтобы не подавать...

— Вы изволили сами приказать,—отвѣтилъ слуга

Digitized by Google

— А теперь говорю—не подавать, и кончено...

— Слушаю-сь... Только въ позапрошлый разъ тоже изволили такъ распорядиться, а потомъ вновь приказали.

— А ты не разсуждай... Твое дѣло молчать. Болванъ!..

Въ это время дверь изъ гостиной растворилась, и Александръ Павловичъ вошелъ въ столовую.

— Вамъ что надо? — рѣзко спросилъ Поликарпъ Поликарповичъ, успѣвшій уже потерять то хорошее расположеніе духа, въ которомъ за минуту передъ тѣмъ находился.

Александръ Павловичъ смутился отъ его гнѣвнаго вопроса, но не настолько, чтобы растеряться въ отвѣтѣ..

— А-а! — протянулъ Поликарпъ Поликарповичъ и началъ опять ворчать на слугу, недовольный болѣе всего тѣмъ, что варенье и печенье и конфекты такъ предательски его одурачили.

— Никогда чтобы этого не было... Чортъ васъ побери, — говоришь вамъ, точно идоламъ какимъ безчувственнымъ... Собаки!.. Вотъ теперь подъ ложечкой давитъ... Ослы!

Слуга упорно молчалъ, убирая со стола провинившіяся сласти.

Александръ Павловичъ стоялъ противъ стола, за которымъ сидѣлъ Поликарпъ Поликарповичъ, и ждалъ, пока онъ съ нимъ заговоритъ, но Поликарпъ Поликарповичъ точно не замѣчалъ его неловкаго положенія и продолжалъ ворчать на слугу.

— Да, за что же ты, Поля, его бранишь,—возразила Матрена Яковлевна, выходя изъ сосѣдней комнаты, —развѣ хорошо это,—самъ объѣшься, а другіе виноваты...

— А ты молчи!

— Да, съ чего же я буду молчать... Господи, помилуй. Раба я что-ли какая наемная?..

— Уходи, уходи! Дура пустоголовая!—нетерпѣливо озразилъ онъ.

Digitized by Google

Матрена Яковлевна, подобно самому Поликарпу Поликарповичу, тоже не смущалась тѣмъ, что ихъ взаимныя пререканія слышитъ посторонній человѣкъ. Она продолжала высказывать свои упреки, которыхъ Поликарпъ Поликарповичъ не выдержалъ, и закричалъ на нее такъ, что сѣренькая гувернантка, подходившая въ это время къ дверямъ столовой изъ корридора, быстро повернула назадъ, схвативъ обоихъ мальчиковъ за руки. Испуганныя дѣти послушно подчинились ей, зная уже по опыту, что въ подобныя минуты поздравлять папу и маму съ добрымъ утромъ, хотя бы даже и на нѣмецкомъ языкѣ, неудобно. Легонькая утренняя размолвка грозила перейти въ шумную ссору, если бы не прервалъ ея артельщикъ, появившійся изъ дверей корридора въ ту минуту, когда Матрена Яковлевна, съ посинѣвшими и дрожавшими отъ злобы губами, хотѣла закричать на мужа. Артельщикъ, видя хозяина въ гнѣвѣ, отступилъ было шагъ назадъ, но Поликарпъ Поликарповичъ остановилъ его вопросомъ:

— Тебѣ что надо?

— А тотъ... Поликарпъ Поликарповичъ, самый этотъ, значитъ, лошадиный лѣкарь, къ которому посылали...

— Ну, что же онъ говоритъ?

— Онъ самъ пришелъ...

Поликарпъ Поликарповичъ хотѣлъ было крикнуть: «гони его вонъ», что подчасъ съ нимъ бывало, но на этотъ разъ ходъ мыслей его почему-то вдругъ принялъ другое направленіе.

— А, пришелъ! Веди его въ конюшню... Я сейчасъ!—озабоченно отвѣтилъ онъ и торопливо направился къ дверямъ сосѣдней комнаты.

— Ахъ, да... Вы...—спохватился онъ, остановивъ вопросительный взглядъ на Александрѣ Павловичѣ, стоявшемъ въ это время около стѣны нѣсколько сторонѣ отъ обѣденнаго стола,—вы вотъ что... видите ли,—поспѣшно заговорилъ онъ,—мнѣ теперь не время. Впрочемъ, подождите здѣсь, я сейчасъ приду, сюда же именно и приду...

Digitized by Google

Онъ ушелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ была ихъ общая съ Матреной Яковлевной спальня. Туда же ушла вслѣдъ за нимъ и Матрена Яковлевна, и въ первыя минуты по уходѣ ихъ доносились оттуда ихъ голоса, утратившіе уже значительную часть своего гнѣвнаго тона. Александръ Павловичъ услышалъ даже нѣсколько отдѣльныхъ фразъ.

— Что же ты его оставилъ въ столовой? Шелъ бы онъ лучше въ контору, чего ему здѣсь торчать.

— Нельзя, нельзя... Мнѣ нужно съ нимъ обстоятельно поговорить... Я сейчасъ приду.

Размашиловъ понялъ, что вспылившіе супруги уже примирились и ведутъ мирный разговоръ именно о немъ; но вскорѣ за симъ разговоръ прекратился, и въ комнатахъ послѣ недавняго крика возстановилась такая мертвая тишина, что слышно было, какъ въ золоченой клѣткѣ попугай шепотомъ самъ съ собою разговаривалъ: «Нѣтъ ужъ извини, чортъ тебя побери, семь въ червяхъ тебѣ не выиграть, безъ двухъ, это вѣрно, будь здоровъ, Максимъ Поповъ, съ сыновьями»...

XV.

Поликарпъ Поликарповичъ какъ только вышелъ во дворъ, такъ тотчасъ же погрузился, такъ сказать, не только по-уши, но совсѣмъ съ головой въ самую глубь своихъ торговыхъ дѣлъ. Во дворѣ шла обычная суета—на одной сторонѣ выростали груды тюковъ съ товарами, только что привезенными во дворъ, на другой тюки укладывались на возы. Приказчики, артельщики и рабочіе съ озабоченными лицами сновали по двору отъ однихъ амбаровъ къ другимъ и когда замѣтили, что самъ Поликарпъ Поликарповичъ въ своемъ, хорошо знакомомъ имъ, шелковомъ, яркозеленаго цвѣта, халатѣ, появился во дворѣ, забѣгали еще проворнѣе. Онъ бойкимъ взглядомъ оглянулъ дворъ, груды товаровъ, извозчичьи возы, крикнулъ къ себѣ одного приказчика, взялъ отъ него какія-то бумаги и, быстро

Digitized by Google

просмотрѣвъ ихъ, молча передалъ обратно, потомъ прошелъ въ амбары, на что-то разгнѣвался и затопалъ ногами. Минуты двѣ-три спустя, изъ конторы на зовъ его пришелъ кто-то изъ довѣренныхъ, очевидно, человѣкъ уже достаточно вѣскій по занимаемому имъ въ торговомъ домѣ положенію, и на раздражительные, торопливые его упреки сталъ ему что-то отвѣчать не спѣша и не волнуясь. Отвѣты его сначала, повидимому, раздражили Поликарпа Поликарповича, возвысившаго еще болѣе голосъ, но по мѣрѣ того, какъ они становились все тверже и увѣреннѣе, раздражительность его утихала; потомъ онъ потребовалъ отъ одного изъ суетившихся во дворѣ приказчиковъ какія-то бумаги, тутъ же въ амбарѣ на грудахъ товарныхъ тюковъ сталъ просматривать ихъ, обращаясь съ вопросами къ вызванному изъ конторы длинному и сухощавому довѣренному. При просмотрѣ бумагъ потребовалась какая-то еще бумага изъ конторы, довѣренный предложилъ, чтобы не отвлекать людей отъ дѣла, пойти Поликарпу Поликарповичу вмѣстѣ съ нимъ туда и тамъ докончить просмотръ. Тамъ, въ конторѣ, за однимъ дѣломъ выростало другое, за другимъ третье...

У конюшни между тѣмъ стоялъ ветеринаръ и ворчалъ на артельщика, уговаривавшаго его подождать хозяина.

— Не могу я больше ждать. Пойди и доложи ему, что я ухожу...

— Да я вѣдь ужъ докладывалъ, говоритъ, сейчасъ...

Ветеринаръ нервно подернулъ плечами и пошелъ по направленію къ воротамъ, потомъ остановился, снялъ шляпу, вытеръ вспотѣвшій лобъ носовымъ платкомъ и, вернувшись къ конюшнѣ, гдѣ стоялъ обезпокоенный его раздражительностью артельщикъ, сказалъ ему:

— Я въ сумерки зайду...

Въ столовой томился ожиданіемъ Александръ Павловичъ и тоже вытиралъ себѣ лобъ платкомъ и не одинъ уже разъ.

Digitized by Google

— Напрасно вы здѣсь его ждете,—сжалилась, наконецъ, надъ нимъ Матрена Яковлевна,—шли бы лучше въ контору.

— Но мнѣ назначено ожидать именно здѣсь...

— Мало ли что онъ назначилъ... Дѣлъ-то у него—гора, не вы одинъ... Идите, говорю, тамъ скорѣе на глаза попадетесь, а то здѣсь пожалуй до вечера продежурите...

Александръ Павловичъ, идя по корридору въ контору, на этотъ разъ уже ни о какихъ новыхъ картинахъ не задумывался. Онъ злился и мысленно посылалъ къ чорту и себя, и брата, и жену свою, и этого вдругъ ставшаго ему ненавистнымъ хозяина. Ему теперь только стало ясно, какая страшная бездна легла между нимъ и его прежней свободной, ни отъ кого, кромѣ самого себя, независимой, жизнью. Онъ понялъ, что не тогда былъ имъ сдѣланъ первый шагъ на новое поприще жизни, когда онъ отдался во власть брата и подъ его руководствомъ сталъ служить чуждому ему дѣлу, а только теперь, сегодня, дѣлается этотъ шагъ, и понялъ, до какой степени онъ труденъ. Тамъ, у брата, сразу, въ первый же день службы, ему было дано опредѣленное занятіе: сиди, считай чужіе доходы, повѣряй вѣрность вычисленій въ счетахъ и не думай о хлѣбѣ насущномъ: онъ обезпеченъ. Хотя и было иногда и скучновато, и сердце о чемъ-то тосковало, мысли уносились Богъ знаетъ въ какую даль,—но возвращался онъ къ женѣ — скука исчезала, и мысли успокоивались. Такъ шли дни за днями. И онъ, и она строили уже новые планы о томъ, какъ въ недалекомъ будущемъ улучшать свою жизнь, какъ повысится онъ въ служебномъ положеніи, будетъ получать больше жалованья... Теперь вдругъ все это, рисовавшееся въ озовомъ цвѣтѣ, сразу куда-то обрушилось въ проасть, мрачную и бездонную...

Въ конторѣ ему опять пришлось ждать разговора ь Поликарпомъ Поликарповичемъ, уже цѣлый часъ дѣвшимъ, сгорбивъ спину, за письменнымъ столомъ, ь нахмуреннымъ выраженіемъ лица.

Digitized by Google

— Богъ мой,—думалъ онъ,—Маша теперь тамъ, въ гостиницѣ, бѣдняжка, тревожится... Ну, что бы ему стоило на одну минуту оторваться отъ своихъ проклятыхъ дѣлъ и сказать мнѣ два слова: «Идите, молъ, пока съ миромъ къ женѣ». Братъ еще говоритъ про него, что онъ безпримѣрной доброты. Въ чемъ же и когда она у него выражается? Можетъ быть въ годъ разъ его, такъ сказать, прорветъ, и онъ, на удивленіе всѣхъ своихъ знакомыхъ, отдѣлитъ десятокъ тысячъ на какое-нибудь благотворительное дѣло. Да развѣ это доказательство доброты? Это только тщеславіе или порывъ сердца къ добру и порывъ-то, можетъ быть, даже не чистый, не любовью къ ближнему вызванный, а захворалъ—испугался и сталъ хвататься обѣими руками за Бога. Эти богачи до чрезвычайности жизнелюбивы... Чортъ ихъ знаетъ, прости Господи, что за интересъ такой особенный они находятъ въ подобномъ существованіи. Съ утра до вечера суетятся, считаютъ, повѣряютъ, волнуются, и все только для того, чтобы къ деньгамъ, которыхъ и безъ того у нихъ много, еще прибавить и насколько возможно больше.

Изъ комнаты, въ которой сидѣлъ за письменнымъ столомъ Поликарпъ Поликарповичъ, долетали до слуха Александра Павловича его сердитыя по временамъ вскрикиванья: «Нельзя такъ дорого платить. Сдѣлайте скидку со счёта», или: «Эй, артельщикъ, проворнѣй. Спишь, что-ли, каналья?» Чѣмъ дольше тянулось время ожиданія, тѣмъ тягостнѣе становилось состояніе духа Александра Павловича и тѣмъ безсердечнѣе дѣлался въ глазахъ его Поликарпъ Поликарповичъ. Онъ уже считалъ его тупымъ, черствымъ эгоистомъ, которому нѣтъ никакого дѣла до людскихъ страданій, и, заглядывая по временамъ въ двери той комнаты, гдѣ онъ сидѣлъ, проклиналъ самого себя за безхарактерность. Думалось ему, что самое лучшее, что онъ можетъ сдѣлать теперь, это — надѣть верхнее платье и уйти, не сказавъ ни съ кѣмъ ни слова, и потомъ, возвратясь въ номеръ гостиницы, немедленно собрать свои вещи

Digitized by Google

и уѣхать обратно въ Петербургъ. «Что, въ самомъ дѣлѣ, церемониться,—думалъ онъ,—не найду я себѣ куска хлѣба, что-ли, и если жена будетъ возражать, отговаривать,—прикрикну на нее, какъ слѣдуетъ—и замолчитъ. Ужъ, конечно, она не завизжитъ такъ, какъ эта... какъ её Матрена, что ли... Шутъ бы ихъ побралъ совсѣмъ и вмѣстѣ съ ихъ отчествами. При такомъ богатствѣ, при такой роскоши въ домѣ, среди, можно сказать, образцовыхъ произведеній искусства, живописи, скульптуры, такое невѣжество, ссоры, взаимные упреки, грубые, противные»... Но пять, шесть минутъ спустя, ходъ мыслей его измѣнялъ свое направленіе, и онъ думалъ уже о томъ, что, во-первыхъ, нѣтъ ему никакого дѣла до невѣжества хозяевъ, до ихъ взаимныхъ перебранокъ, что не для этого онъ пріѣхалъ въ Москву, чтобы разбирать чужіе недостатки; а во-вторыхъ, что если ужъ онъ имѣлъ твердость порвать всѣ нити съ прежней жизнью, то, конечно, не для того, чтобы при первыхъ же неудачныхъ шагахъ по новому пути повернуть назадъ. Но спустя нѣсколько времени онъ опять начиналъ волноваться, досадовалъ и мялъ руки одну въ другой, точно на нихъ хотѣлъ вымѣстить свою досаду.

Шагая изъ угла въ уголъ въ ожиданіи той минуты, когда Поликарпъ Поликарповичъ поднимется изъ-за стола, чтобы тотчасъ же показаться къ нему на глаза, онъ какъ-то забылся на нѣсколько времени и, заглянувъ потомъ въ двери сосѣдней комнаты, къ удивленію своему, увидѣлъ, что кресло, въ которомъ сидѣлъ Поликарпъ Поликарповичъ, опустѣло, и занимавшіеся въ этой комнатѣ служащіе уже не сидятъ молча на своихъ мѣстахъ, скрипя перьями и щелкая костяшками на счётахъ, а расхаживаютъ по комнатѣ и громко разговариваютъ. Оказалось, что Поликарпъ Поликарповичъ уже успѣлъ побывать въ большомъ домѣ и, быстро переодѣвшись, куда-то уѣхалъ. Старикъ-конторщикъ, увидѣвъ Александра Павловича, оглянулъ его долгимъ, задумчивымъ взглядомъ и сказалъ:

Digitized by Google

— Вы, насколько могу догадаться, не успѣли съ хозяиномъ поговорить?

— Да... Прождалъ долго и напрасно...

— Что дѣлать. Потерпите. Привыкать надо...

Александръ Павловичъ хотѣлъ ему сказать: «не хочу я привыкать», но овладѣлъ собой и только глубоко вздохнулъ.

— Могу ли по крайней мѣрѣ уйти на нѣкоторое время въ гостиницу?—спросилъ онъ, помолчавъ,—тамъ у меня жена томится въ неизвѣстности...

— На этотъ вопросъ трудно отвѣтить,—сказалъ конторщикъ,—можно, конечно, и уйти, но по-моему лучше подождать... Возвратится онъ и вдругъ о васъ вспомнитъ, а васъ нѣтъ—и могутъ выйти... недоразумѣнія.

Старикъ сдержанно улыбнулся и не безъ пытливости посмотрѣлъ опять на Александра Павловича.

— А по-моему, вотъ что,—добавилъ онъ потомъ,—извините, хе... хе... По-моему, хорошо бы вы сдѣлали, если бы послали къ супругѣ вѣсточку, записку, напримѣръ, хотя краткаго содержанія, такъ и такъ, молъ, дѣла задерживаютъ, а впрочемъ, все благополучно... По-моему, это было бы для васъ и для супруги вашей облегченіемъ. Вы гдѣ остановились? А, въ Сѣверовосточной! Это близехонько—два шага отсюда. Ну, вотъ, мы сейчасъ это дѣло и оборудуемъ, пошлемъ мальчика. Вотъ вамъ бумага, перо, садитесь и пишите.

— Спасибо!—прошепталъ Александръ Павловичъ и горячо пожалъ руку старика.

XVI.

Хозяинъ скоро вернулся. Когда въ контору дошла объ этомъ вѣсть со двора, то служащіе усомнились и приняли ее за шутку. Кто-то изъ нихъ сказалъ:

— Шалишь, братъ, стара штука! Не надуешь, и сами мы тоже довольно хорошо образованы.

Digitized by Google

— Да ты взгляни въ окно, — посовѣтовалъ товарищъ, — тогда и хвались своею образованностью.

И дѣйствительно, къ большому подъѣзду подкатила коляска, и самъ Поликарпъ Поликарповичъ вышелъ изъ нея. Служащій, увидѣвъ это, отшатнулся отъ окна, чтобы какъ-нибудь грѣхомъ не попасться на хозяйскіе глаза, и вопросительно взглянулъ на старика-конторщика, — что же, молъ, это такое значитъ, пожалуй опять онъ сюда ввалится и просидитъ за столомъ часа два. Конторщикъ тоже не безъ смущенія отнесся къ этому извѣстію, такъ какъ тоже всегда былъ доволенъ, слыша, что хозяинъ выѣхалъ со двора и слѣдовательно не будетъ мѣшать конторскимъ занятіямъ. Обыкновенно бывало такъ, что если Поликарпъ Поликарповичъ выѣзжалъ со двора, то уже носился по городу часа два, три, и лошадь взмылитъ до того, что отъ нея, какъ говорится, паръ столбомъ валитъ; изъ-за этого даже ссоры у него съ Матреной Яковлевной выходили: она жалѣла лошадей и любила, чтобы онѣ были всегда толстыя, печь-печью. Теперь вдругъ онъ возвратился, такъ сказать, въ непоказанное время. Конторщикъ, убѣдившись въ достовѣрности извѣстія о неожиданномъ возвращеніи хозяина домой, снялъ очки, тщательно протеръ ихъ кусочкомъ замши, которая на этотъ случай всегда у него хранилась въ письменномъ столѣ, потомъ надѣлъ ихъ и тотчасъ же снялъ и сталъ снова тереть замшей. Александръ Павловичъ пристально всматривался въ его лицо и догадывался по его выраженію, что онъ чѣмъ-то весьма озабоченъ. Протеревъ еще разъ очки и надѣвъ, онъ снова ихъ снялъ и бережно положилъ на столъ.

— Нѣтъ, тутъ что-то не такъ, — сказалъ онъ и вышелъ изъ-за стола, — что-нибудь да не ладно...

Онъ ни къ кому собственно не обращалъ своихъ словъ и говорилъ самъ съ собою.

— Либо опять какая-нибудь путаница у него вышла по дѣламъ, либо что другое...

Digitized by Google

— Паренекъ, слышь, Мишутка!—крикнулъ онъ, смотря на двери сосѣдней комнаты.

На зовъ его появился востроглазый мальчикъ, лѣтъ четырнадцати, одѣтый въ темненькое пальтецо, на его ростъ сшитое, и остановился у дверей, вопросительно смотря на конторщика.

— Сбѣгай-ка въ большой домъ, узнай тамъ отъ Семена, понимаешь, такъ поосторожнѣе, каковъ хозяинъ—въ духѣ ли...

Мальчикъ бойко тряхнулъ головой и побѣжалъ черезъ черную лѣстницу во дворъ, слышно было даже, какъ онъ скакалъ по лѣстницѣ, спрыгивая черезъ нѣсколько ступенекъ сразу. Не прошло и пяти минутъ, какъ онъ снова появился въ той комнатѣ, гдѣ сидѣлъ конторщикъ, и, запыхавшись, сказалъ:

— Семенъ говоритъ, что хозяинъ пріѣхалъ самъ не свой...

— То-есть, что значитъ, самъ не свой?

— Зеленый, говоритъ...

— Какъ это?

— Такъ, говоритъ, позеленѣло лицо у него и темное стало...

— Нездоровъ, что-ли?

— Да, нездоровъ, говоритъ... Легъ въ постель и за докторомъ послалъ...

— Такъ бы ты и сказалъ сразу, а то говоришь Богъ знаетъ что... Ну, теперь вы,—обратился старикъ къ Александру Павловичу, — смѣло можете идти къ супругѣ. Сегодня, значитъ, онъ уже не выйдетъ въ контору и къ себѣ никого не приметъ.

— Часто онъ хвораетъ?

— Случается... Мнителенъ, между нами сказать, и неостороженъ, и насчетъ погоды, и въ пищѣ, даже до чрезвычайности...

Когда вечеромъ Александръ Павловичъ опять пришелъ въ контору, узнать на всякій случай, въ какомъ положеніи обстоятъ тамъ дѣла, его встрѣтилъ на лѣстницѣ кто-то изъ служащихъ и на вопросъ его

Digitized by Google

махнулъ рукой съ какою-то особенною оживленностью.

— Поправляется, да?

— Ну, его! Слегъ, говорятъ, окончательно.

Служащій странно какъ-то улыбнулся, скрививъ губы въ сторону. Размашилову показалось, что онъ какъ будто нѣсколько заплетаетъ языкомъ.

— Дай Богъ, чтобы хорошенько похворалъ...— продолжалъ онъ, — измучилъ насъ, какъ есть измытарилъ. Помилуйте, у другихъ контора, какъ слѣдуетъ быть, занятія отъ такого-то часу до такого, а у насъ, какъ ему вздумается. Онъ выспится себѣ послѣ обѣда и сидитъ въ конторѣ до часу ночи, и мы всѣ должны сидѣть. Это не служба. Это Сибирь, настоящая, можно сказать, каторга. Конечно, нужда пляшетъ и плачетъ .. Хе! хе!

Служащій опять какъ-то странно скривилъ ротъ, и Размашиловъ, взглянувъ въ его глаза, убѣдился, что онъ выпилъ лишнее.

Въ конторѣ между служащими тоже замѣчалось что-то такое, чего онъ не видѣлъ во время утренняго ея посѣщенія. Никто не сидѣлъ на обычномъ своемъ мѣстѣ, всѣ были на ногахъ и, раздѣляясь на группы, оживленно о чемъ-то разговаривали, только одинъ старикъ-конторщикъ оставался за своимъ письменнымъ столомъ и, держа въ зубахъ карандашъ, просматривалъ какія-то бумаги. Тутъ въ числѣ конторскихъ служащихъ были, какъ видно, и старшіе и младшіе; старшіе образовали свои кружки, младшіе—свои. Тутъ былъ и Морозовъ, «пѣшій адъютантъ», только что вернувшійся изъ большого дома и разсказывавшій что-то въ кружкѣ старшихъ служащихъ, очевидно, о болѣзни хозяина, и лысый довѣренный, который утромъ этого дня управлялъ спором бородачей, и тотъ длинный и сухощавый, спокойно и твердымъ тономъ оспаривавшій во дворѣ часъ тому назадъ запальчивые упреки хозяина.

Теперь этотъ хозяинъ, по словамъ Морозова, ле-

Digitized by Google

жалъ пластомъ поперекъ двуспальной кровати и, не смотря на всѣ доводы и упрашиванія Матрены Яковлены, не хотѣлъ лечь, какъ слѣдуетъ, головой на подушки.

— Точно ребенокъ,—разсказывалъ Морозовъ,—капризничаетъ, хнычетъ, даже ногами по-дѣтски болтаетъ...

— Да что съ нимъ такое?

— Что! Конечно, все то же. Вчера вечеромъ за ужиномъ наѣлся не въ мѣру, и водку пилъ, и вино, и пиво... Понять нельзя, что это за странный человѣкъ, лѣчится и массажемъ и гимнастикой, принимаетъ лѣкарства и въ то же время за картами до утра просиживаетъ, когда это въ особенности строго ему запрещено.

— Не очень еще прихватило, — замѣтилъ конторщикъ, не отрываясь отъ своихъ бумагъ,—когда покрѣпче прихватитъ, капризы-то оставитъ...

— Нѣтъ, должно быть порядочно,—подсказалъ Морозовъ,—глаза такіе стали мутные и темныя пятна подъ ними. Одинъ докторъ былъ уже, но не понравился, послалъ за другимъ...

Разговоръ перешелъ на обсужденія достоинствъ и недостатковъ хозяина. Тѣ приказчики, которые были помоложе и получали маленькое жалованье, никакихъ достоинствъ въ немъ не признавали и находили одни только недостатки: «ни чорта не понимаетъ, а говоритъ обо всемъ свысока, запятыя въ бумагахъ ставитъ, а грамматики въ глаза не видывалъ». Тѣ же изъ служащихъ, на лица которыхъ жизнь уже положила глубокія морщины и посеребрила волосы, отзывались о заболѣвшемъ хозяинѣ не безъ похвалъ, находя, что другой на его мѣстѣ, не зная цѣны деньгамъ и получивъ ихъ такъ много безъ труда, безобразничалъ бы неизмѣримо хуже, любовницъ бы завелъ всякихъ національностей и всякихъ профессій, и пѣвичекъ, и танцорокъ, и мѣнялъ бы ихъ раза по два, по три въ годъ, какъ дѣлаютъ это другіе, случайно разбогатѣвшіе са-

Digitized by Google

врасы. Могъ бы онъ увлечься, говорили они, и чванствомъ, знакомства бы съ знатными и сильными міра сего завелъ, директорскихъ и предсѣдательскихъ мѣстъ въ разныхъ коммисіяхъ и правительственныхъ учрежденіяхъ нахваталъ бы себѣ, за чинами бы погнался, все это съ его деньгами такъ легко и доступно, — и важничалъ бы, выпячивая напоказъ грудь, увѣшенную орденами.

— Надо, братцы, Бога благодарить, что у такого человѣка служимъ,—заключилъ высказывавшій похвалы хозяину,—Богъ дастъ, поправится и еще послужимъ.

Подпившій приказчикъ, Щукинъ по фамиліи, стоявшій въ кучкѣ молодыхъ служащихъ, прислушивался къ высказываемымъ похваламъ и, легонько покачиваясь, улыбался, кривя ротъ на сторону.

— Что вы это... того... ублажаете хозяина...—заговорилъ онъ, дѣлая шагъ впередъ, — и такъ не хорошо...

— Почему?—снисходительнымъ тономъ спросилъ пожилой довѣренный.

— А потому, что вы все... только отрицательно разсуждаете...

— Какъ это отрицательно?

— Да такъ, очень просто... Вы говорите, что вотъ этого въ немъ дурного нѣтъ и того дурного нѣтъ, а что же въ немъ хорошаго?

— Въ каждомъ человѣкѣ есть хорошее, не во всякомъ только оно сразу видно...

— Въ немъ нѣту...

— Будто бы?

— Вѣрно говорю. Онъ ни копѣйки не въ состояніи заработать, какая же ему послѣ этого цѣна... А меня упрекаетъ, пьяница, говоритъ... Положимъ, я пью, но на свои, на трудовыя, а если бы ему родители (царство имъ небесное и вѣчный покой, хорошіе, справедливые были люди), еслибы, значитъ, они ему не оставили богатства, куда бы онъ годился?

— Однако, тише!—замѣтили ему.

Digitized by Google

— Отчего тише?.. Позвольте освѣдомиться, какое вы имѣете полное право на это? Я—служащій и вы—служащій,—все равно, одна цѣна.

— Едва-ли... Кажется, есть разница.

— Ну, довольно... Щукинъ, уйди: нехорошо, — войдетъ кто посторонній, увидитъ, не похвалитъ, пожалуй, еще хозяину скажетъ... Обязательно уходи!

Въ это время старикъ-конторщикъ окончилъ какія-то выкладки на щетахъ и, отодвинувъ отъ себя груды бумагъ, поднялся изъ-за письменнаго стола.

— Да что это? Всѣ побросали свои занятія? Ребята! — обратился онъ къ молодымъ, — развѣ такъ можно... Хозяинъ чуточку прихворнулъ,—вы и лапки сложили. Онъ вотъ, того и гляди, вскочитъ, какъ встрепанный, и въ халатѣ прибѣжитъ за какой-нибудь справкой.

Молодые служащіе стали расходиться по своимъ мѣстамъ, нѣкоторые не безъ тревоги оглянулись на двери, открывавшія входъ въ корридоръ, соединявшій флигель съ большимъ домомъ, — вдругъ представивъ себѣ, что хозяинъ въ самомъ дѣлѣ еще не настолько расхворался, чтобы можно было пренебрегать своими занятіями. Только одинъ подвыпившій Щукинъ остался посреди комнаты и, легонько покачиваясь, отвѣтилъ:

— Не очень-то вы меня испугаете... Сдѣлайте одолженіе... я найду себѣ мѣсто вездѣ... Да!.. Слава Богу!..

Старшіе служащіе тоже неодобрительно отозвались о небрежномъ отношеніи молодыхъ къ своимъ обязанностямъ, но замѣчаніе конторщика до нѣкоторой степени отразилось и на ихъ разговорѣ, такъ что, когда онъ подошелъ къ нимъ, чтобы принять въ немъ участіе, они уже стали между собою перебрасываться короткими вопросами о хозяйскихъ дѣлахъ.

— Товаръ отъ фирмы «Кожевниковъ и Багратіоновъ» принятъ ли? Весь принятъ? Это вотъ хорошо. Завтра, значитъ, его сдадимъ на желѣзную дорогу. А телеграмму изъ Рыбинска, господа, какъ же, а? Не-

Digitized by Google

обходимо ее представить хозяину. Довѣренный спрашиваетъ разрѣшенія...

— Какъ же теперь представлять? Слышали, говорятъ про него, что онъ ногами дрягаетъ...

— Однако, надо же этотъ вопросъ разрѣшить... Цѣна можетъ быть упадетъ...

— Морозовъ, сходите къ нему съ телеграммой... Можетъ, дастъ какое распоряженіе.

Морозовъ пошелъ въ большой домъ и вскорѣ вернулся, кинувъ съ нескрываемой досадой телеграмму на столъ.

— Ну, что?

— Ругается, чего же больше отъ него ждать...

— А что, въ самомъ дѣлѣ, если расхворается и, Боже сохрани, умретъ,—большія перемѣны произойдутъ...

— Какія же особенныя?

Одинъ изъ пожилыхъ довѣренныхъ при этихъ словахъ улыбнулся и сказалъ:

— Слышали, вонъ, какъ подпившій Щукинъ разсуждаетъ, найду, говоритъ, себѣ мѣсто; такъ и мы... ха-ха! Наше дѣло такое, кому ни служить, лишь бы деньги платили.

Во дворѣ между тѣмъ продолжалась обычная суета, и въ конторскихъ комнатахъ время отъ времени появлялись то свои приказчики и артельщики съ тѣми или другими вопросами по дѣламъ, то чужіе. Получивъ отвѣты, они медлили уходить и шепотомъ спрашивали.

— Самъ-то, будто не того... слегъ, сказываютъ. Правда, что-ли?

— Ну, ну, идите. Прихворнулъ человѣкъ, что за важность,—со всякимъ случается.

Довѣренные и старикъ-конторщикъ, и Морозовъ черезъ нѣсколько времени стали совѣтоваться о томъ, что если хозяинъ къ утру не поправится, то какъ поступить съ тѣми дѣлами, которыя требовали немедленнаго разрѣшенія. Александръ Павловичъ съ грустною

Digitized by Google

задумчивостью вглядывался въ лицо то того, то другого, смотря потому, кто горячѣе говорилъ.

Лысый и малорослый довѣренный размахивалъ руками и страстно, съ увлеченіемъ, старался доказать необходимость какого-то неотложнаго распоряженія, напирая главнымъ образомъ на то, что еще вчера хозяинъ хотѣлъ его исполнить, но увлекся другими дѣлами и сегодня вечеромъ непремѣнно, покончилъ бы съ нимъ, если бы не захворалъ. Длинный и сухощавый, напротивъ, говорилъ спокойно, но твердымъ убѣдительнымъ тономъ, и основывалъ свои доводы не на томъ, что былъ или не былъ намѣренъ хозяинъ сдѣлать распоряженіе, а на самомъ существѣ дѣла. Въ подтвержденіе своихъ доводовъ онъ загибалъ на лѣвой рукѣ пальцы одинъ за другимъ и потомъ, загнутые три, показалъ лысому довѣренному. Изъ доводовъ его слѣдовало, что предполагаемаго распоряженія, о которомъ шелъ споръ, дѣлать не нужно еще по крайней мѣрѣ нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ хозяинъ навѣрное настолько поправится, что будетъ въ состояніи сдѣлать его самъ. Одинъ Морозовъ волновался всѣхъ меньше. Онъ слушалъ и съ ожесточеніемъ сосалъ въ это время одну за одной папиросы, точно гимназистъ, тайно насыщающій себя табачнымъ дымомъ у печной трубы гдѣ-нибудь въ каморкѣ сторожа.

— Да, задача нелегкая,—сказалъ конторщикъ, покачивая головой и не безъ смущенія поправляя на носу очки,—приходится угадывать мнѣніе хозяина.

Чѣмъ дольше вслушивался въ ихъ разговоръ Александръ Павловичъ, тѣмъ тяжелѣе становилось у него на сердцѣ. Онъ сознавалъ, что никогда не былъ и не будетъ въ состояніи такъ интересоваться торговыми дѣлами, какъ интересуются они, если бы даже эти дѣла были его собственныя.

Въ Москву пріѣхалъ онъ съ женой наканунѣ съ вечернимъ поѣздомъ. Зная изъ его разговоровъ, что ему нужно быть въ конторѣ хозяина рано утромъ,

Digitized by Google

она разбудила его, распорядилась самоваромъ и достала ему изъ дорожнаго сундука платье. Когда онъ, напившись чаю, отправился въ контору, она тотчасъ же принялась приводить въ порядокъ комнату. Черезъ нѣсколько времени всѣ ихъ дорожныя вещи, остававшіяся съ вечера разбросанными по стульямъ и столамъ, были, по возможности, размѣщены такъ, что комната стала походить на жилую. Часъ спустя, она уже сидѣла съ перомъ въ рукѣ предъ листомъ почтовой бумаги. Нѣсколько въ сторонѣ отъ нея лежали уже два письма, одно къ матери, другое къ сестрѣ Лизѣ, учительницѣ пѣнія въ институтѣ, съ которой она всегда была въ большой дружбѣ. Матери она написала, что доѣхали благополучно, оба, слава Богу, здоровы и чувствуютъ себя въ бодромъ душевномъ состояніи. Чтобы эта бодрость духа не была подвергнута со стороны матери сомнѣнію, и чтобы чуткое ея сердце не уловило изъ тона письма нѣчто такое, о чемъ она не хотѣла ей сообщить, — было прибавленно въ концѣ письма нѣсколько строкъ о томъ, какое впечатлѣніе произвела на нее дорога отъ Петербурга до Москвы, какого былъ вида вагонъ, въ которомъ они ѣхали, на какихъ именно станціяхъ они пили чай, завтракали, обѣдали и т. п. Но письмо къ сестрѣ Лизѣ было совсѣмъ другого содержанія. О дорогѣ въ немъ почти ни слова не было сказано, пріѣхали—и только. За то о мужѣ, о его возрастающей съ каждымъ днемъ мрачности было написано много.

«Я уже тѣмъ довольна,—писала она сестрѣ,—что мы изъ Петербурга выѣхали. Можетъ быть, этотъ переѣздъ на новое мѣсто, встрѣча съ новыми людьми, новыя занятія оживятъ его и придадутъ ему вновь силы. Въ послѣднее время (я только никому объ этомъ ничего не говорю) онъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе тяготился своей службой. Сколько разъ я заставала его сидящимъ въ унылой позѣ около письменнаго стола за бумагами, которыя бывали иногда крайне срочны. Ты знаешь, я всегда помогала ему, повѣряла

Digitized by Google

итоги, снимала копіи со счетовъ и т. п. Боже мой! какъ это все хорошо начиналось, какъ мы радостно съ нимъ работали въ первыя недѣли его службы, даже почти цѣлыхъ два мѣсяца, и какая теперь перемѣна! Грустно мнѣ, Лиза, и страшно.» Такъ заканчивалось письмо къ сестрѣ.

Третье письмо она захотѣла написать Ивану Павловичу, но написала только двѣ строчки и потомъ, тщательно зачеркнувъ ихъ, рѣшила письма къ нему не посылать. Мысль о письмѣ все-таки безпокоила ее и, сидя у стола, она продолжала держать перо въ рукѣ и не отводила глазъ отъ зачеркнутыхъ строкъ. Она желала открыть ему все то, что до сихъ поръ тщательно скрывала относительно душевнаго состоянія мужа, высказать, что онъ, Иванъ Павловичъ, очарованный любовью къ брату, хочетъ видѣть въ немъ будущаго торговаго дѣльца — и чуть ли въ этомъ не ошибается.

— Ахъ, къ чему это!—рѣшила она,—наконецъ, можетъ быть во всѣхъ этихъ моихъ подозрѣніяхъ много преувеличеннаго... Кто знаетъ, что дальше будетъ,—можетъ быть, все еще обойдется...

Стараясь себя успокоить и отвлечь отъ тяжелыхъ думъ, она бойко поднялась изъ-за письменнаго стола, озабоченно поправляя передъ зеркаломъ свою прическу, надѣла шляпу, пальто и ушла изъ комнаты. Обойдя два-три квартала и ознакомившись съ лавками, она возвратилась съ связками покупокъ — сыра, ветчины, сливочнаго масла и т. п. Когда Александръ Павловичъ возвратился въ номеръ съ извѣстіемъ о внезапной болѣзни хозяина, она поблѣднѣла и почувствовала, что полъ подъ ея ногами вдругъ точно заколыхался, но тотчасъ же овладѣла собой и стала разспрашивать о немъ, о служащихъ,—вообще, о впечатлѣніи, которое онъ вынесъ изъ свиданія съ ними. Она же ему потомъ, часа два, три спустя, посовѣтовала еще разъ сходить въ этотъ день въ контору. Ко времени его возвращенія самоваръ уже былъ на столѣ и

Digitized by Google

тихонько пѣлъ свою старинную пѣсенку, чайникъ былъ прикрыть салфеткой и всѣ покупки, сдѣланныя ею утромъ, хозяйственно разставлены на столѣ въ ожиданіи его прихода. Сама она уже успѣла достать изъ дорожнаго сундука какое-то шитье и сидѣла за нимъ, прислушиваясь время отъ времени къ шагамъ, раздававшимся по корридору.

— Ахъ, Саша, какъ ты долго!—сказала она встрѣчая его въ дверяхъ комнаты.

Онъ молча поцѣловалъ ее въ щеку и только рукой махнулъ въ отвѣтъ на ея вопросъ о здоровьѣ хозяина.

— Но зачѣмъ ты такъ мраченъ? Что за бѣда такая, что хозяинъ захворалъ... Успокойся. Садись вотъ сюда, поближе къ столу, и будемъ пить чай. Я тебя ждала и такъ проголодалась...

Онъ, не садясь, началъ расхаживать по комнатѣ, заложивъ руки за спину и тяжело по временамъ вздыхая.

— Садись. Я тебѣ налила... Что же ты меня не благодаришь? Посмотри, какъ я и комнату прибрала и для тебя твои любимые сухарики купила, нашла ихъ и здѣсь...

Онъ оторвался отъ своихъ думъ, подошелъ къ столу, чтобы поцѣловать ее, и вдругъ, склонившись головой къ ея плечу, затрепеталъ, сдерживаясь отъ рыданій.

— Саша! Саша! Что съ тобой?..

— Нѣтъ... нѣтъ... ничего. Это такъ... нервы.

XVII.

Къ утру Поликарпъ Поликарповичъ не поправился ни къ ранней обѣднѣ, ни въ контору не приходилъ. Онъ лежалъ въ кровати и на этотъ разъ уже не поперекъ ея, а какъ слѣдуетъ лежать больному. Пріѣзжали два доктора вскорѣ одинъ за другимъ. Первый, высокаго роста, съ крупными чертами лица и грубыми манерами, ввалился въ комнаты, не снимая шляпы, и,

Digitized by Google

презрительно прищурясь, спросилъ: «гдѣ больной?» Къ Поликарпу Поликарповичу онъ отнесся безъ всякой почтительности и на жалобы его, что «вотъ въ энтомъ мѣстѣ очень больно», многозначительно кашлянулъ и сказалъ: «А ты молчи больше». При другихъ обстоятельствахъ Поликарпъ Поликарповичъ сумѣлъ бы его осадить за это «тыканье», а теперь только стрѣльнулъ на него гнѣвнымъ взглядомъ и застоналъ отъ боли. Докторъ написалъ рецептъ, взялъ пятьдесятъ рублей,— сумму имъ самимъ назначенную за визитъ, и, уходя, добавилъ:

— Когда будетъ хуже — пришлите за мной экипажъ.

Этотъ докторъ, какъ сказано, не понравился. Второй оказался значительно любезнѣе, въ комнату вошелъ осторожно, на цыпочкахъ, съ больнымъ разговаривалъ ласково, внимательно относясь къ каждому его слову, и грустно почему-то покачивалъ по временамъ головой, крѣпко сжимая при этомъ губы. Онъ написалъ тоже рецептъ и на вопросъ Матрены Яковлевны о цѣнѣ его визита съ улыбкою сказалъ:

— Объ этомъ пока... знаете... не время...

— Что же съ нимъ такое?—шепотомъ спросила она, сразу почувствовавъ къ нему довѣріе.

— Объ этомъ тоже пока... знаете... нельзя ничего сказать... Опаснаго, положимъ, не видать еще... Время покажетъ,—добавилъ онъ и улыбнулся.—Извините... хе, хе!.. Этотъ мой отвѣтъ напоминаетъ случай съ знакомымъ дьякономъ, который лѣчился отъ запоя какими-то травами и о пользѣ ихъ тоже говорилъ, что «время покажетъ»...

Время, однако, хорошаго ничего не показало. Ночь Поликарпъ Поликарповичъ провелъ безъ сна, день тоже, и все жаловался и хныкалъ, что ему теперь никакъ нельзя хворать: «по торговымъ дѣламъ большая можетъ произойти заминка». Наступившая за тѣмъ ночь опредѣлила, по словамъ улыбавшагося доктора, какое-то осложненіе. Несмотря на то, что докторъ не при-

Digitized by Google

давалъ болѣзни Поликарпа Поликарповича серьезнаго значенія, Матрена Яковлевна все-таки струсила порядочно и, уединившись съ нимъ въ кабинетѣ мужа, настоятельно требовала отвѣта,—есть опасность или нѣтъ. Докторъ твердилъ свое: «объ этомъ, знаете... пока»... и прописывалъ рецепты. Матрена Яковлевна съ своей стороны тоже не теряла напрасно времени и принимала свои мѣры. Она отправила депешу въ тотъ монастырь на притокѣ Волги, который своимъ существованіемъ былъ обязанъ торговому дому «Поликарпъ Подберезинъ съ сыновьями» и просила «во избавленіе отъ недуга раба Божія Поликарпа прочитать въ одну ночь сорокъ псалтырей». На телеграфѣ чиновникъ, принимая депешу, сосредоточенно посмотрѣлъ на артельщика, ее подававшаго, потомъ подсчиталъ слова депеши, дѣлая подъ каждымъ словомъ черту, и, опредѣливъ сумму, слѣдовавшую къ уплатѣ, не удержался отъ замѣчанія, сказаннаго, впрочемъ, тихо, себѣ подъ носъ:

— Однако... гм... гм... порядочно!

Послѣ ухода артельщика, когда листокъ депеши уже ушелъ «по назначенію», между телеграфистами возникъ вопросъ, почему именно заказано сорокъ чтеній, а не тридцать и не пятьдесятъ. Въ отвѣтъ на это старшій чиновникъ, московскій старожилъ, узкоплечій и костлявый старикъ съ сѣдыми косичками волосъ, гладко причесанныхъ на вискахъ, авторитетнымъ тономъ сказалъ:

— Васъ не спросили! Да! Молоды вы очень и, какъ видно, не хворали еще. Вотъ что!..

Прошелъ еще день и два, и цѣлая недѣля. Поликарпу Поликарповичу легче не было. Докторъ уже ересталъ улыбаться и, пожимая плечами, заявилъ, го хотя болѣзнь опредѣлилась и имѣетъ правильное ченіе, но все-таки не мѣшало бы пригласить еще ого-нибудь изъ докторовъ. Матрена Яковлевна, уже азстроившая себѣ нервы безсонными ночами, при рвомъ же намекѣ доктора затряслась, какъ въ ли-

Digitized by Google

хорадкѣ, и зажала себѣ ротъ обѣими руками, силясь заглушить рыданія.

— Понимаю, понимаю,—прошептала она,—значитъ, нѣтъ никакой надежды!..

— Да нѣтъ, знаете ли, не то... Я, знаете, больше для вашего спокойствія...

— Ахъ, не говорите, не говорите...

Были приглашены «на совѣтъ» другіе доктора и сказали тоже, что болѣзнь имѣетъ правильное теченіе, и если Поликарпъ Поликарповичъ умретъ отъ нея, то умретъ, такъ сказать, на законномъ основаніи.

Дошло, наконецъ, дѣло до того, что у постели больного появился уже священникъ съ Святыми Дарами. Въ комнатахъ, въ конторѣ, во дворѣ и у воротъ подъ сводами флигеля ни о чемъ другомъ не было между служащими разговора, какъ только объ опасномъ положеніи больного. Дворъ, прежде казавшійся тѣснымъ отъ множества телѣгъ, въѣзжавшихъ и выѣзжавшихъ съ товарами, теперь превратился въ огромное поле, густо заваленное соломой. Движеніе грузовъ, по общему согласію довѣренныхъ и старика-конторщика, было «на нѣкоторое время» ограничено. Къ Поликарпу Поликарповичу давно уже, можно сказать, съ перваго часа болѣзни его, никого по торговымъ дѣламъ не допускали. Въ важныхъ случаяхъ, при разрѣшеніи неотложныхъ вопросовъ, довѣренные и конторщикъ пробовали было обращаться за совѣтомъ къ Матренѣ Яковлевнѣ, но она отмахивалась обѣими руками, плакала и говорила въ отвѣтъ одно:

— Ахъ! дѣлайте, что хотите!..

Въ конторѣ уже перешептывались о томъ, что въ случаѣ смерти Поликарпа Поликарповича изъ лицъ, имѣвшихъ участіе въ доходахъ торговаго дома, некому стать во главѣ дѣла, такъ какъ всѣ эти лица были еще несовершеннолѣтнія, и уже высказывалось мнѣніе о томъ, что надо заготовлять бумаги съ проектами объ учрежденіи опеки. Словомъ—дѣло въ теченіе какихъ-нибудь десяти дней приняло крутой поворотъ и такъ неожи-

Digitized by Google

данно, что всѣ служащіе въ домѣ растерялись и при встрѣчѣ другъ съ другомъ перебрасывались тревожными вопросами:

— А вѣдь пожалуй умретъ...

— Очень возможно... Жаль! Хо-ро-о-шій человѣкъ... добродѣтельный...

— Что жъ!.. и цари умираютъ... Всѣ помремъ!..

Спустя часъ послѣ того, какъ Поликарпъ Поликарповичъ уже причастился Святыхъ Тайнъ и лежалъ безъ движенія, можно сказать почти, уже на смертномъ одрѣ,—въ комнату, гдѣ онъ лежалъ, случайно заглянулъ мальчикъ съ депешей, разыскивавшій по всему дому кого-то изъ довѣренныхъ. Пріотворивъ дверь и вдругъ увидѣвъ хозяина, лежавшаго въ кровати, онъ настолько растерялся, что остановился въ дверяхъ, не сводя глазъ съ его блѣднаго и исхудалаго лица. Поликарпъ Поликарповичъ лежалъ съ открытыми глазами и, замѣтивъ, что мальчикъ держитъ въ рукахъ конвертъ, поманилъ его къ себѣ, едва-едва имѣя силы приподнять для этого руку. Мальчикъ робко подошелъ къ нему и подалъ депешу.

— Иди,—прошепталъ Поликарпъ Поликарповичъ.

Когда потомъ вошла въ комнату Матрена Яковлевна и увидѣла, что онъ держитъ въ рукахъ какую-то бумагу,—изумилась.

— Что это такое... Господи!..

Онъ и ее поманилъ къ себѣ рукой. Когда она подошла, онъ слабо, едва слышно, прошепталъ:

— Изъ Рыбинска извѣщаютъ... Хлѣбъ продали...

Она молча взяла изъ рукъ его депешу, не понимая, кто могъ ее къ нему принести, и едва сдерживалась отъ душившихъ ее рыданій, а онъ опять сталъ манить ее къ себѣ.

Она подошла и наклонилась къ его лицу.

— Что ты желаешь, Поля, сказать?..

Онъ ничего не отвѣтилъ и долго лежалъ съ закрытыми глазами. Она опустилась на колѣни у изголовья кровати и съ замираніемъ сердца прислушивалась къ

Digitized by Google

его дыханію, которое такъ было тихо, что по временамъ ей казалось, что оно прекратилось. Потомъ онъ опять открылъ глаза и слабо прошепталъ:

— Дешево продали...

XVIII.

Чѣмъ болѣе расхварывался Поликарпъ Поликарповичъ, тѣмъ тяжелѣе становилось положеніе Александра Павловича. Въ первые дни по пріѣздѣ въ Москву, онъ съ утра уходилъ въ контору Подберезина, молча расхаживалъ тамъ по комнатамъ изъ одной въ другую или сидѣлъ гдѣ-нибудь въ болѣе или менѣе тихомъ углу, томясь своими думами. Розговоры довѣренныхъ о болѣзни хозяина, о торговыхъ вопросахъ, осложнявшихся вмѣстѣ съ нею, о неизбѣжныхъ въ случаѣ его смерти перемѣнахъ въ ходѣ дѣлъ,—все это ему наскучило въ первые же дни посѣщенія конторы. Идя по лѣстницѣ въ контору, онъ каждый разъ упрекалъ себя за то, что идетъ туда, и все-таки шелъ, повинуясь какому-то внутреннему чувству, господствовавшему надъ нимъ. Не разъ случалось такъ, что, поднявшись на верхнюю площадку лѣстницы и остановясь у дверей конторы, онъ колебался при мысли о томъ, не лучше ли уйти куда-нибудь подальше отъ этихъ довѣренныхъ, отъ ихъ разговоровъ, отъ всего этого склада жизни, съ каждымъ днемъ становившагося ему все болѣе и болѣе чуждымъ.

— Будь я одинъ,—думалъ онъ,—никогда и борьбы никакой не было бы: хочу отъ вѣрнаго куска хлѣба идти на нужду, даже на холодъ и голодъ—и иду, и никто мнѣ въ этомъ мѣшать не можетъ. А теперь? Бѣдняжка, Маша! Развѣ я не замѣчаю! какъ безпокойно прислушивается она къ каждому моему слову, какими тревожными взглядами встрѣчаетъ и провожаетъ меня? Но какъ же я долженъ поступить? О, Боже мой! Какой ложный шагъ я сдѣлалъ... Ну, возможно ли представить, что рыба въ состояніи ходить

Digitized by Google

по землѣ, а звѣри летать по воздуху? Не такъ же ли нелѣпо было вообразить, что изъ меня можетъ выйти торговый человѣкъ, практикъ и дѣлецъ, душевная дѣятельность котораго заключается лишь въ однихъ только исканіяхъ доходовъ и барышей? Теперь мнѣ съ неотразимою достовѣрностью ясно, что я сбился съ прямого пути и нигдѣ, ни въ чемъ не найду себѣ покоя, пока не буду въ состояніи снова вернуться назадъ. Но какъ вернуться—вотъ задача! Нужно рѣшительно и сразу, однимъ взмахомъ, разрубить узелъ... На это я способенъ—и, увы!—горькія послѣдствія такой своей способности теперь переживаю. Да, если судить меня, такъ сказать, по всей строгости законовъ, то, конечно, я самъ всего болѣе виноватъ: бросилъ дѣло, на которое столько было потрачено силъ, схватился за другое, и вотъ всего полгода — и отъ него хочу бѣжать... Какими глазами я теперь взгляну на товарищей, съ которыми даже не простился, которыхъ намѣренно не узналъ при встрѣчахъ... Ахъ, все это частности, мелкія, не заслуживающія того, чтобы о нихъ думать. Есть вопросъ важнѣе...

При встрѣчѣ съ этимъ вопросомъ, размышленія его сразу запутывались, и милый образъ любимой женщины вдругъ точно изъ-подъ земли выросталъ передъ нимъ съ грустнымъ выраженіемъ глазъ, въ которыхъ онъ ясно видѣлъ тревогу, сомнѣніе, боязнь за близкое будущее и точно слышалъ ея столь милый и дорогой ему голосъ:

— Саша! Неужели?

Такъ томился онъ не разъ, возвращаясь изъ дома Подберезина или идя туда и останавливаясь чуть не на каждой ступенькѣ лѣстницы, ведущей въ контору. Войдя въ комнаты, онъ безучастно спрашивалъ о томъ, въ какомъ положеніи больной хозяинъ, и почти не придавалъ отвѣту никакого значенія. Въ немъ, такъ сказать, само собою сложилось опредѣленное понятіе о томъ, что все равно, выздоровѣетъ ли хозяинъ, или умретъ—въ обоихъ случаяхъ ему отъ этого легче не

Digitized by Google

будетъ. Старикъ-конторщикъ подмѣтилъ его тяжелое душевное состояніе. Онъ разъ присѣлъ къ нему поближе и сказалъ:

— Вы очень заскучали, какъ вижу...

Александръ Павловичъ даже вздрогнулъ, услышавъ его голосъ, и встрепенулся, почувствовавъ необходимость говорить не то, что думаетъ.

— Да, мое положеніе... сами видите, неопредѣленное.

— Ничего, все обойдется и оботрется. Мнѣ, скажу вамъ,—продолжалъ старикъ,—жаль, конечно, нашего Поликарпа Поликарповича, все-таки онъ человѣкъ хорошій... Ну, даже хотя бы и съ недостатками... Въ комъ ихъ нѣтъ, подумайте,—во грѣхахъ родимся, во грѣхахъ живемъ и въ нихъ же умираемъ... О, Господи помилуй! Да-съ, такъ вотъ какъ! Жаль! Жаль!.. А все-таки, если и скончается, чего, конечно, упаси Господи,—большой перемѣны въ ходѣ дѣлъ не произойдетъ... Сегодня отъ братца вашего,—продолжалъ старикъ, понизивъ тонъ,—получилъ я при дѣловыхъ бумагахъ записочку, вамъ поклонъ посылаетъ. Да что вы какой задумчивый?

— Я? — переспросилъ Александръ Павловичъ и опять, какъ бы пробудившись, отвѣтилъ:

— Голова тяжела... Плохо спалъ...

XIX.

Марья Ярославна каждый разъ ожидала его возвращенія изъ конторы Подберезина съ тревожною озабоченностью. И болѣзнь хозяина, поставившая ихъ въ неопредѣленное положеніе, и мрачная задумчивость мужа, и опасеніе за будущее—все это безпокоило ее. Сидя за какой-нибудь женской работой или за книгой, она часто оставляла то и другое, прислушиваясь къ раздававшимся по корридору шагамъ.

Въ первые дни по пріѣздѣ въ Москву, онъ возвращался изъ конторы чрезъ часъ, много чрезъ два и

Digitized by Google

потомъ вмѣстѣ съ нею читалъ, ходилъ гулять, даже присматривался иногда къ квартирамъ, какъ бы въ виду предполагаемаго жительства въ Москвѣ. Вечеромъ тоже если и уходилъ въ контору, то лишь для того, чтобы спросить, въ какомъ положеніи больной хозяинъ, и вскорѣ возвращался обратно. Потомъ онъ сталъ запаздывать, несмотря на то, что погода становилась съ каждымъ днемъ хуже, и холодная осенняя пора, съ темносѣрымъ небомъ и продолжительными дождями, уже давала себя знать.

Однажды онъ возвратился позднѣе, чѣмъ когда-либо, мокрый, какъ говорится, съ головы до пятъ, и притомъ съ какимъ-то большимъ сверткомъ, который, войдя въ комнату, бережно положилъ на стулъ. Марья Ярославна всплеснула руками, встрѣтивъ его въ такомъ видѣ, забыла даже спросить о томъ, что это такое онъ принесъ въ сверткѣ, и стала помогать ему переодѣваться.

— Какъ это ты, Саша, ухитрился... Что это? Промокъ до рубашки!.. Ахъ! Ты даже безъ калошъ и, вѣроятно, ноги промочилъ!.. Пожалуйста не клади шляпу на столъ, съ нея текутъ ручьи... Ахъ, ахъ!.. гдѣ это тебя такъ окатило?

Она озабоченно разспрашивала его и на всѣ вопросы слышала только тяжелые вздохи, вѣрнѣе сказать, не вздохи, а какія-то уханья и пыхтѣнье, и короткіе отрывистые отвѣты:

— Погоди... Сейчасъ... Потерпи минутку.

Онъ видимо чувствовалъ большую усталость, но духомъ былъ бодръ, и взглядъ его впалыхъ глазъ былъ живѣе, чѣмъ прежде. Спустя нѣсколько времени, когда онъ, уже переодѣтый, сидѣлъ на диванѣ и пилъ чай, Марья Ярославна вспомнила, наконецъ, о сверткѣ.

— Что это ты, Саша, принесъ?

— Ахъ, да, да!—почти радостно заговорилъ онъ, — это бристольская бумага...

Выраженіе лица ея рѣзко измѣнилось, и сама она вся вдругъ какъ-то осунулась и сразу понизила тонъ рѣчи.

— Бристольская бумага, — повторила она тихо,

Digitized by Google

почти шепотомъ, — это, Саша, зачѣмъ же тебѣ бристольская бумага?

— А я, знаешь, что надумалъ,—продолжалъ онъ, съ тѣмъ же радостнымъ настроеніемъ,—это въ самомъ дѣлѣ счастливая мысль... Скука здѣсь, сама видишь, невыразимая,—ну, вотъ пока я и побалуюсь — и вотъ что, Машенька, ей Богу, слушай, — это отлично будетъ,—я напишу съ тебя портретъ... Отчего въ самомъ дѣлѣ не написать, грѣхъ что-ли какой въ этомъ? Маша, видишь, я теперь безъ дѣла и страшно скучаю, потому, конечно, и скучаю, что безъ дѣла. Знаешь что, если въ самомъ дѣлѣ откровенно говорить, я давно долженъ былъ написать съ тебя портретъ и надо бы даже красками... Но, конечно, мнѣ это неудобно... Гм... гм... неудобно... то-есть, я хочу сказать, что ужъ если я далъ зарокъ не браться никогда за кисти, то, разумѣется, не слѣдуетъ... А карандашами отчего же не писать... карандашами, даже если бы и цвѣтными—разумѣется, это, все равно, цвѣтными или черными,—карандашами по-моему можно. Главное то хорошо, что карандашами можно работать при вечернемъ освѣщеніи...

Такъ разсуждая, онъ по временамъ умолкалъ, отхлебывалъ изъ стакана чай и потомъ то откидывался всѣмъ корпусомъ къ спинкѣ дивана, то клалъ на него ноги и вытягивался вдоль его, посматривая на свѣжіе надѣтые чулки и новенькія туфли, подаренныя ему Марьей Ярославной наканунѣ ихъ выѣзда изъ Петербурга. Вообще въ немъ замѣтно было нѣкоторое оживленіе, видимо вызванное пріятными мечтами. И чѣмъ дольше онъ имъ отдавался, тѣмъ развязнѣе дѣлались его движенія и тѣмъ короче были промежутки времени между лежаньемъ на диванѣ и откидываньемъ ногъ подъ столъ. Оживленіе его, наконецъ, достигло такихъ предѣловъ, когда онъ уже не могъ оставаться на диванѣ и, сорвавшись съ него, съ необыкновенною поспѣшностью направился къ свертку бумаги, до сихъ поръ лежавшему на стулѣ.

Digitized by Google

— Немножко того,—продолжалъ онъ, развертывая бумагу,—прохватило ее. Ну и разстояніе тоже, версты, пожалуй, четыре отсюда. Впередъ-то я, положимъ, пѣшкомъ шелъ, и все спрашивалъ у городовыхъ, ладно ли иду. Думаю себѣ, мнѣ бы только на Кузнецкій выбраться, а тамъ ужъ — на извозчикѣ. Признаюсь, всю дорогу съ нимъ ругался, — ѣдетъ, точно горшки везетъ. И сюда-то мнѣ хочется поскорѣе, и на дождь-то досадно, — хлещетъ, точно изъ ведра. Думаю, Господи помилуй, подмочу... Дѣйствительно... Ишь ты, чортъ его побери. А вѣдь какъ бережно везъ... Впрочемъ, только чуть-чуть съ краюшка... Это ничего, живо просохнетъ... А вотъ и карандаши, и растушка, и резинка, вся, значитъ, снасть, какъ слѣдуетъ. Ну, это слава Богу, въ порядкѣ и сухо, и потому, конечно, сухо, что положено было внутрь свертка.

Онъ разложилъ листы бумаги на столѣ и на диванѣ и, увлеченный своей покупкой, не замѣчалъ, какія душевныя муки переживала въ это время Марья Ярославна.

— Вечерами мы отлично будемъ проводить время,— продолжалъ онъ.—Отчего въ самомъ дѣлѣ не порисовать немного... Такъ для развлеченія, не долго, разумѣется, часикъ, два — и довольно... И себѣ большое удовольствіе, и потомъ, кромѣ того, все-таки получится портретъ, пріятное воспоминаніе. Разумѣется, глупо я дѣлалъ, что до сихъ поръ избѣгалъ этого, точно въ самомъ дѣлѣ это преступленіе. Если безпристрастно разсудить, то, разумѣется, какое же въ этомъ преступленіе... Машенька! Правду вѣдь я говорю? Ты, конечно, согласна со мной. А какія эти растушки смѣшныя, видишь? Да гдѣ ты, Машенька, послушай, куда ты спряталась?..

Марья Ярославна была въ это время за занавѣской кровати и съ замираніемъ сердца прислушивалась ь его оживленнымъ рѣчамъ. На глазахъ у нея были лезы. Услышавъ его обращеніе къ ней, она поспѣшно терла ихъ и отвѣтила:

— Что тебѣ? Я сейчасъ...

Digitized by Google

XX.

Онъ взглянулъ на нее и смутился. Оживленіе, съ которымъ онъ минуту тому назадъ говорилъ, вдругъ куда-то исчезло и голосъ сразу упалъ на низкія ноты.

— Я говорю, Машенька, — началъ было онъ, стараясь овладѣть своимъ смущеніемъ, — я говорю, что карандашами... вообще... и вечеромъ... въ свободное, напримѣръ, время... Но ты плачешь... Маша... Скажи, что съ тобой?..

— Ахъ, Александръ Павловичъ!—прошептала она сквозь слезы и закрыла лицо руками.

— Скажи... Что это... Ты нездорова?..

Она долго не отвѣчала на его вопросы, смотря куда-то въ уголъ комнаты, и по временамъ снова закрывала лицо, стараясь удержаться отъ рыданій. Онъ было совсѣмъ упалъ духомъ и сталъ уже коситься на разложенные на столѣ и диванѣ листы бумаги, какъ на дѣйствительныхъ виновниковъ слезъ Марьи Ярославны, но потомъ, когда она, наконецъ, заговорила, что теряетъ въ него вѣру, что боится за ближайшее будущее, что видитъ въ этомъ его сегодняшнемъ поступкѣ подтвержденіе тѣхъ подозрѣній, какія уже давно ее мучатъ, — онъ, по мѣрѣ ея рѣчи, сталъ оживляться, потирать себѣ руки, сначало тихо, едва замѣтно, потомъ сильнѣе и сильнѣе и наконецъ не выдержалъ.

— Покорно васъ благодарю, Марья Ярославна,— заговорилъ онъ, сверкнувъ на нее гнѣвнымъ взглядомъ, — утѣшили! Гм... гм... Такъ вотъ вы какъ... разсуждаете! Признаюсь, не ожидалъ. Хорошо-съ. Это въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, открытіе... Чудесно! Будемъ по крайней мѣрѣ знать, какъ о насъ думаютъ близкіе люди. Такъ! Васъ мучатъ подозрѣнія, вы боитесь за будущее... Но позвольте спросить,— гуляка я, что-ли, мотъ, ненадежный, вообще человѣкъ?..

— Къ чему ты такъ говоришь?—возразила она,—

Digitized by Google

не играй пожалуйста роли. Ты очень хорошо знаешь, чего именно я боюсь...

Онъ возразилъ ей, сильно возвысивъ голосъ, но, замѣтивъ, что она при этомъ вздрогнула и испуганно взглянула на дверь, сдержалъ себя и круто оборвалъ разговоръ. Минуту спустя онъ, самъ не зная для чего, сталъ опять пересматривать листы принесенной имъ бумаги, разглаживать ихъ, несмотря на то, что они и безъ того были гладки, и опять уложилъ ихъ одинъ на одинъ. Марья Ярославна пересѣла къ окну и стала смотрѣть, какъ капли дождя сливаются по стеклу на переплетъ рамы. Онъ по временамъ исподлобья взглядывалъ на нее, но молчалъ. Растушки, карандаши, резинка, кусочки угля, кнопки для прикрѣпленія листовъ во время работы,—все это, разложенное на кругломъ столикѣ въ углу комнаты и составлявшее, повидимому, предметъ его большихъ заботъ и большого удовольствія, въ то же время безпокоило его и наводило на грустныя мысли.

Прошло нѣсколько минутъ тяжелаго молчанія. Онъ вздыхалъ или, вѣрнѣе сказать, отпыхивался, чесалъ себѣ затылокъ и искоса повременамъ взглядывалъ на тотъ стулъ, на которомъ, спиной къ нему, сидѣла Марья Ярославна.

— У васъ, у женщинъ, всегда такъ,—заговорилъ онъ потомъ, тихо и не спѣша,—у васъ такъ во всемъ: разъ что-нибудь заберете въ голову—ничѣмъ изъ васъ не выбьешь... Согласись, что это правда. Вотъ, напримѣръ, и теперь... Ну, подумай, ради Бога, сообрази, что я такое непозволительное сдѣлалъ или хочу сдѣлать?.. Ты должна, напротивъ, радоваться, что я нашелъ, наконецъ, выходъ изъ моего тяжкаго положенія, а ты стараешься меня разстроить, отравить минуту, самую крошечную минуту моего душевнаго утѣшенія.

Онъ говорилъ сначала спокойно и почти не волнуясь, но когда Марья Ярославна, не поворачивая къ нему головы, сказала что-то насчетъ своихъ опасеній за

Digitized by Google

продолжительность его крошечной минуты, онъ заволновался, сталъ говорить быстрѣе и громче. Она сдѣлала еще какое-то замѣчаніе въ томъ же смыслѣ,—и онъ еще болѣе возвысилъ голосъ.

— Послушай... Александръ Павловичъ, нельзя же такъ громко: мы не дома,—возразила она.

— Пожалуйста безъ замѣчаній! Я очень хорошо знаю, гдѣ мы...

— Ахъ, Боже мой!.. Насъ могутъ слышать...

— Пусть слушаютъ. Какое мнѣ дѣло до кого бы то ни было.

Однако, онъ хотя и разошелся и уже сыпалъ словами такъ, что не всякій стенографъ могъ бы успѣвать ихъ записывать, но все-таки тонъ рѣчи значительно понизилъ.

— Вы въ самомъ дѣлѣ вообразили, — продолжалъ онъ, то быстро шагая по комнатѣ, то останавливаясь передъ ней, продолжавшей попрежнему сидѣть у окна,—вы вообразили Богъ знаетъ что. Я прямо и не стѣсняясь вамъ скажу, вы испугались за себя, за свое личное благополучіе. Да! Вы думаете, я васъ не понимаю. Ошибаетесь. Очень хорошо понимаю... Удивляюсь даже, гдѣ у меня была голова, когда я въ первый разъ съ вами встрѣтился: и тогда было видно по выраженію вашихъ глазъ, какія мысли васъ занимали. Тогда, разумѣется, я былъ опьяненъ своими чувствами и не видѣлъ, не хотѣлъ видѣть — и теперь мнѣ за это воздаяніе.

— Что же именно вы не видѣли?— спросила она, быстро повернувшись къ нему лицомъ.

— А именно то, что вы не любили меня... Вы никогда не любили меня и теперь не любите, и любить вы не способны. Самое понятіе о любви, истинно безкорыстной, самоотверженной, вамъ недоступно...

— И вамъ не стыдно, Александръ Павловичъ!— упрекомъ возразила она.

— Разумѣется, вы никогда меня не любили,— продолжалъ онъ, не обращая вниманія на ея упрекъ.

Digitized by Google

Вы любили только себя, свою судьбу устраивали, выходя за меня замужъ. Да! Еслибы вы дѣйствительно меня любили, то не обусловливали бы своего замужества тѣмъ, что я долженъ ради вашего благополучія бросить живопись. Вы въ своихъ личныхъ интересахъ вызвали меня на это, вы истерзали, измучили меня...

Чѣмъ дольше онъ говорилъ, тѣмъ больше волновался и размахивалъ руками, глаза его сверкали гнѣвомъ, губы дрожали и кривились, придавая его красивому лицу непріятное и злобное выраженіе. Голосъ его, однако же, не возвышался до крика, напротивъ, упалъ внизъ и повременамъ доходилъ даже до шепота, рѣзкаго, раздражительнаго, напоминавшаго шипѣнье змѣи.

Марья Ярославна не смѣла уже болѣе возражать, замѣчая, что онъ раздражается отъ каждаго ея слова. Она хотѣла уйти за занавѣсъ, надѣясь, что онъ, не видя ея, перестанетъ, наконецъ, волноваться, но онъ загородилъ ей дорогу.

— Нѣтъ, позвольте... Нѣтъ, вы дослушайте, сударыня, до конца... Ужъ если пить мнѣ чашу скорби, такъ я выпью ее всю до дна и всю душу свою истерзаю воспоминаніями о моемъ утраченномъ прошломъ...

— Саша! — наконецъ возразила она, въ слезахъ склоняясь на его плечо.

Онъ почувствовалъ, какъ она вздрагивала въ его объятіяхъ, и не могъ уже оставаться въ той степени гнѣва, какимъ до сихъ поръ сверкали его глаза. Онъ зашепталъ, но теперь этотъ шепотъ не имѣлъ уже ничего общаго съ его недавнимъ шипѣньемъ.

— Прости меня... дорогая... Я страшно виноватъ... я наговорилъ тебѣ столько обиднаго... Прости...

Голосъ его дрогнулъ.

XXI.

Примиреніе между ними состоялось, примиреніе, скрѣпленное взаимными слезами, но вопросъ, вызвавшій

Digitized by Google

такую крупную размолвку, не былъ, однако же, рѣшенъ. Случайно взглянувъ на листы бумаги, онъ вдругъ почувствовалъ, что его кто-то опять хватаетъ за сердце, и умоляющимъ взглядомъ посмотрѣлъ на жену.

Она поняла этотъ взглядъ. Въ эту минуту ей даже страннымъ показалось, чего, въ самомъ дѣлѣ, она такъ испугалась. Онъ, ея Саша, такой добрый и честный, не будетъ же онъ вредить самому себѣ и увлекаться своей страстью въ ущербъ служебнымъ занятіямъ. Теперь онъ дѣйствительно не знаетъ, что съ собою дѣлать отъ тоски и неопредѣленнаго положенія—и пусть порисуетъ.

— Но, Саша, послушай... — робко проговорила она, взявъ его за плечи и всматриваясь ему въ глаза,— мнѣ все-таки... немножко страшно...

Онъ горячо обнялъ ее и прервалъ на полусловѣ.

— Не долго... часъ, два — и только... Ну, понимаешь, отдохнуть, забыться...

Въ глазахъ его, недавно еще полныхъ слезъ, уже появились вновь проблески радостнаго душевнаго настроенія.

— Но ты увлечешься...

— Ахъ, перестань... Машенька... Ты знаешь меня, слава Богу, не первый день...

— О, да, конечно...

Но, помолчавъ, она еще разъ, не безъ колебанія, сказала:

— Ты, Саша, даешь мнѣ слово...

— Ахъ, Боже мой!—снова заволновался онъ.

Она замѣтила это и поспѣшила его успокоить.

Вечеромъ, усаживая ее «на натуру», онъ былъ оживленъ и веселъ, и если не заливался хохотомъ, то именно только потому, что старался по возможности скрывать и умалять свое радостное душевное настроеніе. У него даже руки дрожали при мысли о томъ, что вотъ-вотъ сейчасъ онъ сядетъ за работу. Будучи уже въ значительной степени опытнымъ въ своемъ

Digitized by Google

дѣлѣ, онъ не спѣшилъ насколько возможно скорѣе начать рисунокъ, напротивъ, намѣренно медлилъ и подолгу всматривался «въ натуру», выбирая точку, съ которой лучше всего будетъ для нея освѣщеніе. Онъ то переставлялъ лампу со стола къ простѣночному зеркалу, то снова ставилъ ее на прежнее мѣсто и зажигалъ для усиленія свѣта четыре стеариновыя свѣчи, то отходилъ потомъ отъ стола и, прищуривъ лѣвый глазъ, всматривался въ свѣтъ и тѣни на лицѣ жены, на ея плечахъ и платьѣ, и во все это время не переставалъ оживленно говорить.

— Нѣтъ, Машенька, такъ не хорошо, мой другъ... Знаешь, что я тебѣ скажу, сядь-ка ты лучше вотъ здѣсь, на этомъ концѣ дивана, а лампу и свѣчи я переставлю вотъ сюда. Вотъ такъ. Это будетъ несравненно лучше. На креслѣ и потому тебя невозможно оставить, что спинка у него высока и отъ нея тѣнь падаетъ на щеку. Это нехорошо. Вотъ теперь, вотъ именно такъ, превосходно. Самъ я помѣщусь вотъ здѣсь. Отлично!

Онъ еще разъ прищурилъ лѣвый глазъ и сдѣлалъ, такъ сказать, общій осмотръ «натуры».

— Вотъ именно съ этой точки и начнемъ. Самое выгодное освѣщеніе. Можешь шевелиться сколько хочешь. Ну-ка, Господи благослови...

Намѣреваясь, наконецъ, сѣсть за работу и уже разложивъ около своего стула всю, какъ онъ выразился, снасть, онъ вдругъ опять нашелъ что-то неудобнымъ.

— Во что, Машенька, погоди-ка. Не лучше ли будетъ, если тебя немножко передвинуть вотъ сюда и дать головѣ поворотъ въ двѣ-трети?..

— Ахъ, Боже мой!.. Да ты, Саша, измучишь меня, прежде чѣмъ усядешься, наконецъ, за работу...

— За это ужъ пожалуйста извини. Это дѣло такое, что нельзя какъ-нибудь. Знаешь пословицу: семь разъ отмѣряй... Ну, вотъ, теперь превосходно — и больше пальцемъ не трону.

Digitized by Google

Когда онъ, наконецъ, углубился въ работу, Марья Ярославна, взглянувъ на него, изумилась: предъ ней сидѣлъ не прежній Александръ Павловичъ, мрачный и тревожно озабоченный, а спокойный человѣкъ съ яснымъ взглядомъ, и повременамъ легкая улыбка пробѣгала по его лицу.

Вѣчный свѣтъ истиннаго творчества, отъ котораго онъ такъ настойчиво старался уйти, снова коснулся его души, какъ бы согрѣвая ее и открывая ей смыслъ жизни, въ ея же сокровенныхъ глубинахъ сокрытый.

Онъ едва оторвался отъ работы и то лишь потому, что Марья Ярославна стала жаловаться на усталость.

— Минуту... голубушка, родная, одну минуту еще! — молитвенно просилъ онъ, жаднымъ взглядомъ всматриваясь въ ея лицо.

И если бы она сама не прервала сеанса, рѣшительно поднявшись съ дивана, онъ просидѣлъ бы за работой пожалуй хоть до утра. Начатый портретъ не давалъ ему покоя даже ночью. Онъ рисовался въ его воображеніи со всѣми мельчайшими подробностями. То казалось, что на немъ гдѣ-то тѣни положены грубо и не въ той силѣ, въ какой ихъ слѣдовало положить, то гдѣ-то линія не такъ взята, и хотѣлось въ этомъ удостовѣриться. Онъ долго боролся съ этимъ желаніемъ, боясь разбудить жену, которая съ вечера тоже долго не могла заснуть, будучи озабочена своими думами. Наконецъ-таки онъ не вытерпѣлъ и, осторожно поднявшись, вышелъ изъ-за занавѣски въ одномъ бѣльѣ, зажегъ свѣчу и поставилъ ее за спинку кресла. Длинныя тѣни отъ мебели легли по полу, его фигура отразилась на стѣнѣ и изломанной линіей протянулась по потолку. Чрезъ нѣсколько времени, когда онъ приловчился со свѣчей въ уголкѣ за спинкой кресла и началъ что-то поправлять въ своей работѣ, выглянула изъ-за занавѣски Марья Ярославна и, не понимая, что такое онъ дѣлаетъ, сидя на полу, въ испугѣ спросила:

— Саша! что случилось?

Digitized by Google

Онъ, какъ ужаленный, вскочилъ на ноги.

— Я, Машенька, такъ... ничего... ты не безпокойся...

Онъ не договорилъ, замѣтивъ, какъ широко были раскрыты ея глаза.

— Боже,—прошептала она, понявъ, наконецъ, въ чемъ дѣло,—какъ тебѣ не грѣхъ, Александръ Павловичъ. Ты точно ребенокъ!..

— Я не буду больше... Я только такъ, чтобы взглянуть... только вотъ одну минуту...

— Ахъ! Ахъ! Ты говоришь неправду! Никогда этого прежде за тобой не было!..

— Ну, положимъ, не минуту... Это я такъ отъ разсѣянности. Можетъ быть дѣйствительно нѣсколько больше... Но согласись, не все ли равно?

XXII.

Утромъ, пока жена была еще въ постели, онъ уже снова засѣлъ за ея портретъ и все, что можно было сдѣлать безъ натуры, сдѣлалъ ранѣе, чѣмъ она проснулась. Продолжать работу дальше «на память» было нельзя, и волей-неволей приходилось ее отложить до вечера, то-есть до того времени, когда «натура» будетъ снова находиться въ томъ же освѣщеніи, въ какомъ была вчера. Желаніе работать между тѣмъ разгоралось въ немъ, можно сказать, съ каждой минутой, и къ тому времени, когда Марья Ярославна вышла къ утреннему чаю, онъ уже успѣлъ набросать эскизъ ночной сцены, нарисовалъ ее въ бѣлой кофтѣ съ распущенными волосами, небрежно перекинутыми черезъ лѣвое плечо, и съ изумленіемъ оглядывающую комнату. Этой сценѣ онъ придалъ драматическій характеръ, испугъ изобразилъ въ болѣе сильной степени противъ того, какимъ его уловилъ въ дѣйствительности, и всей ея фигурѣ, освѣщенной луннымъ свѣтомъ, придалъ такое выраженіе, точно она вдругъ увидала что-то необычайно ее поразившее. Въ поясненіе того, что

Digitized by Google

именно могло такъ ее поразить, онъ начертилъ на дальнемъ планѣ отворенную дверь и тамъ, далѣе за нею, двѣ мужскія фигуры съ обнаженными шпагами. Словомъ—изъ маленькой домашней сцены въ его воображеніи выросла уже картина, сложная по изображенію чувствъ: сожалѣніе, любовь и страхъ въ лицѣ женщины, злоба и жажда мщенія въ лицахъ мужчинъ.

Когда Марья Ярославна вышла къ утреннему чаю, онъ успѣлъ упрятать куда-то въ темный уголъ свой эскизъ и смирненько усѣлся около самовара, какъ подобало сидѣть благонравному мужу, имѣвшему служебныя обязанности.

Съ этого дня онъ уже не могъ болѣе владѣть своею страстью и, окончивъ портретъ жены, принялся за рисунокъ комнаты, начертилъ видъ изъ окна, потомъ нашелъ новую «натуру», какую-то старушку, случайно встрѣченную на улицѣ и согласившуюся «сидѣть» за самое малое вознагражденіе. Вечера стали казаться такими короткими, что онъ уже началъ подумывать о томъ, нельзя ли и утромъ часика по два удѣлять на пріятное занятіе и сначала вздыхалъ при этомъ желаніи, представляя себѣ неизбѣжность новыхъ, по этому случаю, разговоровъ съ женой, повидимому, уже примирившейся съ его вечерними рисунками; но потомъ нашелъ возможность осуществить свое желаніе не только «безъ домашнихъ сценъ», но даже и безъ всякихъ затрудненій. Оказалось, что стоило только принести нѣсколько новыхъ листовъ бумаги и карандаши въ контору Подберезина—и работа обезпечена на цѣлое утро.

Въ конторѣ, въ одной изъ болѣе уединенныхъ комнатъ, онъ пріютился около окна, и пока Поликарпъ Поликарповичъ расхварывался, нарисовалъ больше десятка головъ съ натуры, не считая другихъ набросковъ, которые зачерчивалъ, глядя въ окно. Въ папкѣ его, съ каждымъ днемъ дѣлавшейся все толще, оказался чуть не цѣлый альбомъ: фигуры ломовыхъ извозчиковъ съ ихъ телѣгами и лошадьми; внутренность двора, завален-

Digitized by Google

наго грудами товарныхъ тюковъ; привратникъ въ огромныхъ войлочныхъ валенкахъ и въ бараньемъ тулупѣ съ высоко-поднятымъ воротникомъ, похожій на каменнаго идола доисторическихъ временъ; темная арка подъ флигелемъ — мрачная пасть, открывавшая выходъ изъ подберезинскаго тюремнаго замка на вольный свѣтъ, и т. д.

Въ комнату къ нему по временамъ заглядывали служащіе въ конторѣ, старшіе снисходительно улыбались, смотря на его занятіе, что жъ, молъ «отъ бездѣлья и то рукодѣлье», младшіе съ завистью смотрѣли, какъ онъ водилъ карандашемъ по бумагѣ, и старались дышать при этомъ сдержаннѣе, изъ опасенія, не помѣшать бы своими вздохами его работѣ. Заходилъ иногда и старикъ-конторщикъ и задумчиво покачивалъ головой, удивляясь, какъ онъ можетъ сидѣть за рисунками по нѣскольку часовъ сряду. Онъ молча уходилъ потомъ въ свое отдѣленіе, унося съ собою невысказанныя думы о томъ, что «добромъ это дѣло не кончится».

И утро, и день стали казаться Александру Павловичу тоже короткими, какими казались вечера. Увлекаясь работой, онъ сталъ забывать о своемъ неопредѣленномъ положеніи, какъ-будто въ самомъ дѣлѣ его настоящее дѣло въ конторѣ Подберезина заключалось только въ томъ, чтобы какъ возможно больше рисовать съ натуры. Возвращаясь къ женѣ, онъ не разъ на вопросы ея о болѣзни хозяина отвѣчалъ невпопадъ, думая совсѣмъ о другомъ, и когда Марья Ярославна упрекала его за неумѣстную разсѣянность, онъ смѣялся, весело потиралъ руки, расшаркивался по военному, стуча каблуками, и просилъ позволенія «приложиться къ ручкѣ»—вообще шалилъ, обнаруживая беззаботное настроеніе духа. Однажды, на вопросъ Марьи Ярославны о здоровьѣ хозяина, не безъ досады раза два повторенный, онъ сказалъ:

— Здоровье?.. Гм... гм... Вѣрныхъ свѣдѣній въ конторѣ нѣтъ. На дняхъ говорили, что очень будто-

Digitized by Google

бы плохъ, даже всѣ пріуныли и заговорили таинственнымъ шепотомъ, а теперь опять нѣсколько оживились...

— Но чѣмъ ты тамъ занимаешься?—спросила она.

— Чѣмъ придется... Теперь ходъ дѣлъ вообще нѣсколько пріостановленъ... Жалованье мнѣ перевели пока изъ петербургскаго отдѣленія...

Марья Ярославна не безъ пытливости всматривалась въ его лицо, чувствуя, что есть что-то въ тонѣ его отвѣтовъ невѣрное, но приставать съ вопросами не рѣшалась. Когда онъ, по обыкновенію, уходилъ въ контору, она подолгу сидѣла у стола, склонивъ голову на руки, и думала:

— Боже мой! Чѣмъ все это кончится?

XXIII.

Изъ отдаленныхъ комнатъ большого дома, гдѣ лежалъ приговоренный къ смерти Поликарпъ Поликарповичъ, стали доходить въ контору нѣкоторыя, хотя и весьма неясныя, свѣдѣнія о томъ, что ему «какъ-будто лучше». Потомъ, спустя нѣсколько дней, свѣдѣнія эти стали передаваться болѣе увѣренно. Таинственный шепотъ, которымъ до этого времени разговаривали во флигелѣ и во дворѣ о болѣзни хозяина, замѣнился уже совершенно свободною рѣчью, и старыя жалобы служащихъ, въ особенности тѣхъ, которые занимали маленькія должности, снова стали слышаться въ разныхъ углахъ дома.

— Похворалъ бы еще недѣльки хотя три,—говорили артельщики, — а то, того и гляди, вскочитъ и опять начнетъ гонять насъ по Москвѣ съ утра до ночи и не спроситъ—ѣлъ ли человѣкъ.

Старшій кучеръ, тучный и красный, съ заплывшими жиромъ глазами, недавно еще восхвалявшій Поликарпа Поликарповича за его безпримѣрную, будтобы, доброту и заботу о служащихъ, теперь сталъ припоминать прежнія обиды и огорченія, перенесен-

Digitized by Google

ныя имъ отъ Поликарпа Поликарповича, и уже по временамъ ропталъ.

— Опять начнетъ чудить. Мученье съ нимъ одно,— жаловался онъ, сидя на скамеечкѣ у воротъ и посасывая трубочку. — Запрягай карету! а потомъ отмѣна: — перепряги въ коляску. — Запрягай гнѣдую! а потомъ отмѣна: — не хочу на гнѣдой ѣхать, подавай сѣрую! Нѣшто это порядокъ? Обстоятельному купцу такой фасонъ не годится!..

На кухнѣ и въ людскихъ понемногу стали опять слышаться жалобы на невозможныя требованія и придирки Матрены Яковлевны, дѣлавшейся, по мѣрѣ возстановленія силъ Поликарпа Поликарповича, такою же безсердечной и чванной, какою она была до болѣзни мужа. И въ докторѣ, лѣчившемъ Поликарпа Поликарповича, тоже замѣчалась перемѣна: онъ утратилъ свою недавнюю сгорбленность, сталъ молодцовато подергивать плечами, и прежняя склонность разсказывать анекдоты вновь къ нему возвратилась. Пѣшій адъютантъ, Морозовъ, бывшій во время труднаго періода болѣзни хозяина на посылкахъ у хозяйки, ежедневно пересказывалъ въ конторѣ его анекдоты: объ оперномъ басѣ, который водочныя рюмки раздѣлялъ по нотнымъ ключамъ и про самую большую говорилъ, что она «въ басовомъ ключѣ»; о протодіаконѣ, который прежде чѣмъ отвѣтить на вопросъ о томъ, сколько можно выпить водки у купца на именинахъ и при приличной закускѣ, долго что-то соображалъ, какъ бы дѣлая какія-то для этого вычисленія, и потомъ утвердительнымъ тономъ отвѣтилъ: «сколько угодно»! и т. д.

Словомъ, весь домъ Подберезина оживалъ, принимая прежній характеръ. Солому со двора собрали, впрочемъ, не столько потому, что въ ней, по ходу болѣзни Поликарпа Поликарповича, не было уже больше надобности, сколько по той причинѣ, что осенняя погода круто повернула на зиму и въ одну ночь выпалъ такой обильный снѣгъ, что сразу образовался санный путь.

Digitized by Google

Во все это время Александръ Павловичъ продолжалъ свое дѣло и съ такимъ притомъ успѣхомъ, что въ уединенной комнатѣ конторы уже появился ящикъ съ масляными красками, кисти, муштабель, холсты, натянутые на подрамники, стало попахивать скипидаромъ, и самъ онъ уже началъ по временамъ исчезать куда-то за городъ съ подрамникомъ въ одной рукѣ и съ ящикомъ въ другой. Появились потомъ въ его временной мастерской этюды съ натуры, приколотые къ штукатуркѣ стѣны: сосны, занесенныя снѣгомъ, ели, еще болѣе осыпанныя и окутанныя имъ, липы и березы, обнаженныя, безлистыя, съ голыми сучьями, точно жалующіяся на свою беззащитность отъ зимняго холода. Это онъ, разумѣется, тайно отъ Марьи Ярославны, успѣлъ смахать въ Сокольники, гдѣ у Поликарпа Поликарповича была дача, и очарованный зимнимъ пейзажемъ, не могъ удержаться отъ удовольствія написать нѣсколько этюдовъ красками.

Отъ разспросовъ Марьи Ярославны онъ уклонялся, то ссылаясь на усталость, то на головную боль.

— Скажи пожалуйста, отчего ты сталъ такъ запаздывать?—спрашивала она,—самъ же ты говорилъ, что по болѣзни хозяина дѣла пріостановились.

— Какая ты, право, Машенька!.. Это удивительно! Дѣла... Гм... гм... Развѣ могутъ дѣла совсѣмъ остановиться! Я не понимаю, къ чему такіе разговоры!.. Ну дѣла — и только. Мало ли какія дѣла... Вообще тебѣ этого не понять...

— Какъ не понять! Что-за мудрость такая недоступная уму? Отчего ты не приносишь сюда своихъ бумагъ? Я могла бы что нужно и подсчитать и переписать. Съ чего это ты, наконецъ, выдумалъ такую манеру—отмалчиваться?

— Ну, Машенька, будетъ... Хочется тебѣ о такихъ пустякахъ говорить. Я усталъ.

Она не безъ пытливости на него посматривала, чуя сердцемъ что-то недоброе.

Однажды какъ-то она озадачила его такимъ вопро-

Digitized by Google

сомъ, что онъ растерялся, забылъ и про усталость, и про головную боль, подъ спасительную защиту которыхъ часто прятался отъ ея пытливости, и стоялъ передъ ней, какъ провинившійся школьникъ.

— Что же, Саша, ты не отвѣчаешь,—повторила она, — я спрашиваю, отчего отъ тебя такой запахъ скипидаромъ?

— Скипидаромъ?—проговорилъ онъ, наконецъ, потомъ глубоко вздохнулъ, понюхалъ себѣ руки, еще разъ вздохнулъ и сказалъ,—да, это скипидаръ.

— Но откуда онъ?

— Гм... Откуда? Кто жъ его знаетъ... то-есть я хочу сказать, что...

Онъ вдругъ оборвалъ свой отвѣтъ и посмотрѣлъ на жену тоже не безъ пытливости. Его осѣнила счастливая мысль о томъ, что хотя жена и услыхала запахъ скипидара, но видимо она еще не знаетъ о томъ, что художники имъ чистятъ свои палитры и кисти, и слѣдовательно, безпокойство ея не имѣетъ ничего угрожающаго его тайнѣ. Онъ оправился отъ смущенія и отвѣтилъ ей, что запахъ скипидара, конечно, непріятенъ, но что для здоровья онъ не вреденъ, а даже иногда очень полезенъ.

— Погоди, погоди, Саша, — ты не о томъ говоришь, о чемъ я спрашиваю.

— Какая ты, право... Ну—запахъ, запахъ... Чортъ съ нимъ, откуда бы онъ ни взялся.

Стараясь тономъ своего отвѣта разсѣять возможныя ея подозрѣнія, онъ повременамъ не безъ робости косился на свое платье, на руки, на шляпу, которую положилъ, войдя въ комнату, на столъ,—вдругъ представивъ себѣ, что можетъ быть на немъ гдѣ-нибудь случайно остался слѣдъ масляной краски.

— Какой-нибудь,—мелькнуло у него въ головѣ,—кобальдтъ, чортъ его побери, или флеръ д'оранжъ засѣлъ на самомъ видномъ мѣстѣ, и вотъ сейчасъ Маша его замѣтитъ и тогда—«прощай, сыръ дремучій боръ!»

Она, въ самомъ дѣлѣ, что-то замѣтила и съ необы-

Digitized by Google

чайною озабоченностью наклонилась къ локтю его руки.

— Что это такое, Саша?

— Тону!—подумалъ онъ,—на самое дно опускаюсь.

— Я?.. то-есть... извини... я не знаю, о чемъ ты спрашиваешь?—проговорилъ онъ по возможности равнодушнымъ тономъ.

Оказалось, что гроза прошла мимо, и вниманіе жены привлекли не слѣды краски на его платьѣ, а разорванный по шву локоть сюртука.

При всей своей серьезности онъ былъ въ эти минуты до того комиченъ, что Марья Ярославна расхохоталась и стала его тормошить, схвативъ за руки и увлекая за собой изъ одной стороны комнаты въ другую.

— Да развеселись же ради Бога! Отчего ты сегодня такъ неприступно строгъ и важенъ, точно мой братецъ, будущій дѣйствительный статскій совѣтникъ...

Въ послѣднее время онъ въ самомъ дѣлѣ сталъ часто хмуриться и именно по той причинѣ, что его тоже, какъ и Марью Ярославну, стали тревожить безпокойныя мысли, и онъ, подобно ей, сталъ задавать себѣ со вздохомъ вопросъ:

— Боже мой! Чѣмъ все это кончится?

XXIV.

Здоровье Поликарпа Поликарповича настолько поправилось, что онъ уже началъ обнаруживать попытки снова лечь поперекъ кровати и дрягать ногами.

— Хочу пирога съ капустой,—хныкалъ онъ, подѣтски капризничая.

Улыбающійся докторъ уговаривалъ его потерпѣть, напоминалъ о томъ, что «теперь, знаете, пока еще неудобно», а онъ твердилъ свое: «хочу», и когда докторъ пересталъ, наконецъ, улыбаться и твердымъ тономъ сказалъ: «нельзя», онъ долго всматривался въ него изумленнымъ взглядомъ, имѣвшимъ тоже что-то дѣтское, и потомъ проговорилъ:

Digitized by Google

— Ну,—грибочковъ...

Онъ былъ настолько слабъ силами, что ему можно было безбоязненно возражать, но силы его возстановлялись съ каждымъ днемъ, и дошло, наконецъ, до того, что онъ сѣлъ на кровати и, безцеремонно спустивъ голыя ноги на коверъ, заворчалъ на сестру милосердія:

— Да что это такое? Съума вы сошли, что ли, не слушаетесь меня? Что я, по-вашему,—не хозяинъ здѣсь?

Голосъ его уже настолько сталъ твердъ, что Матрена Яковлевна, тоже замѣтно похудѣвшая во время его болѣзни, услыхала его изъ сосѣдней комнаты.

— Поликарпъ Поликарповичъ! Сокровище мое золотое!—молитвенно воскликнула она, всплеснувъ обѣими руками,—зачѣмъ ты такъ? Ахъ, ахъ!

— Ну тебя, вотъ пристала! Такъ хочу!

— Радость ты моя райская, этого не полагается ни въ какомъ разѣ! Обязательно должонъ ты въ лежачемъ положеніи находиться. Такъ докторъ наказывалъ.

— Ну его къ чорту!..

Въ немъ обнаруживался тотъ же самовластный восточный владыка, какимъ его считали всѣ служащіе. Было потомъ дня два-три такихъ, что онъ опять, по словамъ Матрены Яковлевны, сталъ «какъ шелковый» и лежалъ смирно, посматривая по временамъ на ногти своихъ исхудалыхъ рукъ. Онъ когда-то слыхалъ, что передъ смертью у больныхъ ногти темнѣютъ, и теперь не безъ боязни наблюдалъ за ними, будучи такъ же твердо увѣренъ въ этомъ, какъ увѣренъ былъ въ пользѣ, напримѣръ, лѣченія «водицей съ уголька».

Въ общемъ хотя и медленно и съ отступленіями назадъ онъ все-таки поправлялся. Къ нему уже стали допускать довѣренныхъ для дѣловыхъ разговоровъ. Бѣлоглазый Пахомъ Алексѣевичъ получилъ даже «дуака» за какое-то непонравившееся Поликарпу Поликарповичу распоряженіе и въ отвѣтъ на это привѣт-

Digitized by Google

ствіе поклонился, сказавъ: «На все есть ваша воля!»— Морозовъ тоже услышалъ какой-то рѣзкій и грубый упрекъ, но поклона въ отвѣтъ на него не сдѣлалъ и только вспыхнулъ до ушей и подумалъ про себя. «Мало ты, чортъ проклятый, хворалъ! Надо бы тебя, дурака, года на три уложить въ постель!..»

Дошло, наконецъ, дѣло до того, что Александра Павловича, смирненько посиживавшаго за мольбертомъ въ уединенной комнатѣ конторы, потревожили предложеніемъ пожаловать къ Поликарпу Поликарповичу.

— Какъ это?—въ недоумѣніи спросилъ онъ, неохотно поднимаясь изъ-за мольберта.

— Поликарпъ Поликарповичъ требуетъ васъ къ себѣ.

— Требуетъ? гм... гм... съ чего это такъ онъ?.. то-есть, виноватъ... я хотѣлъ сказать, за чѣмъ онъ меня можетъ требовать...

— Это уже его дѣло.

Въ первую минуту Александръ Павловичъ совершенно растерялся и смутился до того, что не зналъ, что съ собой дѣлать, сталъ было оправлять на себѣ платье, галстукъ, а потомъ вдругъ съ некрываемою поспѣшностью началъ складывать мольбертъ, прибирать краски, кисти...

— Вы съ этимъ не спѣшите,—сказалъ ему старикъ-конторщикъ, бывшій свидѣтелемъ его смущенія,— сюда въ контору Поликарпъ Поликарповичъ еще навѣрное не скоро доберется...

— Да, да, конечно... Это я дѣйствительно не сообразилъ... Спасибо. Руки вотъ надо вымыть...

Онъ говорилъ безсвязно, оглядывалъ себя, брался опять, самъ не зная за чѣмъ, то за кисти, то за палитру; взглянувъ потомъ на свою работу, отъ которой его такъ неожиданно оторвали, онъ остановилъ было на ней вниманіе и хотѣлъ даже немножко «чуть-чуть» гдѣ-то тронуть «карминцемъ», но удержался, вспомнивъ, что надо идти къ Поликарпу Поликарповичу.

Когда онъ пошелъ по корридору въ большой домъ

Digitized by Google

старикъ-конторщикъ долго стоялъ въ дверяхъ, смотря ему въ слѣдъ. Его твердая походка, нѣсколько откинутая назадъ голова, встряхиванье по временамъ волосами, успѣвшими замѣтно отрости во время болѣзни Подберезина,—все это указывало на то, что онъ уже въ достаточной степени оправился, овладѣлъ своимъ смущеніемъ и идетъ на свиданіе съ Поликарпомъ Поликарповичемъ совсѣмъ уже не тѣми шагами, какими шелъ когда-то и по этому же корридору, въ тотъ роковой день, въ который Подберезинъ слегъ въ постель.

Старикъ-конторщикъ, усѣвшись потомъ за свой письменный столъ, долго и медленно перебиралъ зачѣмъ-то лежавшіе передъ нимъ карандаши, осматривалъ ихъ съ обоихъ концовъ и потомъ, какъ-бы въ заключеніе своихъ думъ, проговорилъ вслухъ:

— Не ко двору онъ намъ...

Кто-то изъ его подчиненныхъ, сидѣвшій сгорбившись за бумагами, приподнялся при этихъ словахъ со своего мѣста и спросилъ:

— Вамъ, Михаилъ Михайловичъ, что угодно?

Старикъ посмотрѣлъ на него сверхъ очковъ и сказалъ:

— Нѣтъ, это я такъ... Дайте-ка мнѣ счетъ отъ Богородско-Глуховской мануфактуры...

XXV.

По корридору до передней большого дома Александръ Павловичъ шелъ болѣе скорымъ шагомъ, чѣмъ обыкновенно ходилъ, но, войдя въ залъ, онъ вмѣсто того, чтобы идти дальше, остановился и сталъ разсматривать висѣвшія въ немъ картины. Сначала при первомъ взглядѣ на нихъ онъ былъ озабоченъ сознаніемъ, что идетъ къ хозяину и по весьма важному дѣлу, которое надо непремѣнно и немедленно рѣшить, но потомъ какъ-то незамѣтно засмотрѣлся на картины и сталъ въ задумчивости, покусывая себѣ при этомъ губы, переходить отъ одной къ другой. Въ залѣ въ

Digitized by Google

углу стояла мраморная статуя, купленная Поликарпомъ Поликарповичемъ не столько потому, что была работа знаменитаго мастера и стоила большихъ денегъ, а больше, какъ онъ говорилъ, «для видимости». Александръ Павловичъ, смотря на нее, укоризненно покачалъ головой и пожалѣлъ, что такое образцовое произведеніе попало въ такое захолустье, къ Спасу на Крутыя горки, и поставлено при томъ въ темный уголъ; именно только для того, чтобы занять въ комнатѣ пустое мѣсто. Изъ зала перешелъ онъ въ гостиную, изъ гостиной въ слѣдующую за нею комнату, гдѣ тоже, какъ и въ гостиной, стѣны были увѣшены картинами. По мѣрѣ того, какъ онъ переходилъ отъ одной картины къ другой, мысль о Подберезинѣ и о предстоящемъ съ нимъ разговорѣ настолько хорошо забылась, что, дойдя до третьей комнаты, въ которой висѣла большая жанровая картина одного изъ выдающихся русскихъ художниковъ, онъ сѣлъ на первый подвернувшійся подъ руку стулъ и сталъ опять покусывать себѣ ногти, не отрывая глазъ отъ картины.

— Да, не дурно! Хлыщевато, положимъ, но все-таки съ большимъ мастерствомъ! а вѣдь нельзя сказать, —разсуждалъ онъ самъ съ собою, —что вещь вполнѣ законченная. Выразительность, напримѣръ, въ лицахъ, взята грубо и условно... Вкусу много и въ тонахъ, и въ общей композиціи... Вообще же здѣсь жанровыя картины слабѣе пейзажей. Гм... Гм... Пейзажъ! Развѣ пейзажъ можно ставить наравнѣ съ жанромъ. Шалишь: далеко кулику до Петрова дня!..

Такъ размышляя, онъ оглянулъ потомъ комнату съ видимымъ недоумѣніемъ, точно удивляясь, отчего же на другихъ ея стѣнахъ нѣтъ картинъ, и висятъ на нихъ не то татарскіе щиты какіе-то, не то тазы отъ мѣдныхъ рукомойниковъ; потомъ оглянулъ полъ, устланный коврами, мебель, и когда, наконецъ, взглядъ его упалъ на передній уголъ, гдѣ въ кіотѣ палисандроваго дерева были разставлены и развѣшены образа въ серебряныхъ ризахъ съ горящими передъ ними лам-

Digitized by Google

дами, онъ понялъ, что оставаться ему въ этой комнатѣ вовсе не слѣдуетъ, а надо немедленно идти дальше, именно направо, какъ сказано ему было при выходѣ изъ конторы, и пройти по маленькому корридору въ буфетную, откуда лакей проведетъ его къ Поликарпу Поликарповичу.

Въ то время, когда онъ вошелъ къ больному хозяину, выраженіе лица его вдругъ сдѣлалось робкое, почти испуганное, онъ даже нѣсколько поблѣднѣлъ при мысли о томъ, что вотъ сейчасъ долженъ рѣшиться важнѣйшій вопросъ въ его жизни и рѣшиться уже безповоротно, разъ навсегда.—«Сожгу корабли!»—подумалъ онъ, и какъ-бы въ подтвержденіе этого рѣшенія въ головѣ его мелькнула мысль о томъ, что всѣ его неудачи и ложные шаги происходили до сихъ поръ именно онъ того, что онъ, если говорить по чистой совѣсти, еще не сжигалъ кораблей, что все еще по временамъ оглядывался назадъ, не упуская изъ виду дорожки къ отступленію.—«Сожгу!»—повторилъ онъ, основательно забывъ на этотъ разъ о женѣ, о возможной ея скорби, о братѣ, такъ горячо желавшемъ удержать его на прочной житейской дорогѣ. И какъ-бы опять въ потвержденіе избраннаго имъ рѣшенія вспомнились ему слова поэта: «удѣлъ прекрасный—иль пасть, иль побѣдить!»

Выраженіе лица его произвело на Поликарпа Поликарповича необыкновенное пріятное впечатлѣніе и именно потому, что польстило его самолюбію. Онъ подумалъ, что Александръ Павловичъ такъ робко смотритъ отъ сознанія своего ничтожества предъ его степенствомъ, столь богатымъ и знатнымъ въ своемъ купеческомъ муравейникѣ.

Въ это утро Поликарпъ Поликарповичъ былъ въ благодушномъ настроеніи, доктора къ чорту не посылалъ и пирога съ капустой не просилъ. Онъ, покрытый шелковымъ одѣяломъ, лежалъ на широкой кровати, на которой въ дни его здравія и благоденствія вмѣстно почивала съ нимъ его «Матреша»,—и раз-

Digitized by Google

говаривалъ съ сестрой милосердія, одѣтой въ темно-малиноваго цвѣта платье съ бѣлоснѣжнымъ фартукомъ во всю грудь.

— Ты у меня,—говорилъ онъ, обращаясь къ ней,— безъ денежной награды, матушка, не будешь! Да! Сверхъ положеннаго получишь. И безъ подарковъ ты отъ меня не уйдешь. Это я тебѣ говорю вѣрно, какъ Богъ святъ. Да! И кромѣ всего иного прочаго перстень тебѣ пожертвую съ агромаднымъ камнемъ. Такъ ты и знай!

Сестра милосердія озабоченно перебирала что-то на столѣ, заставленномъ различными склянками и пузырьками. Когда вошелъ Александръ Павловичъ, она вопросительно взглянула на него, потомъ на Поликарпа Поликарповича и, минуту спустя, ушла въ сосѣднюю комнату къ Матренѣ Яковлевнѣ съ жалобой на то, что къ Поликарпу Поликарповичу опять кто-то пришелъ съ дѣловыми разговорами, тогда какъ докторъ строго наказывалъ удерживать его отъ этого. Она говорила съ Матреной Яковлевной шепотомъ, вздыхала, пожимая плечами, и уныло качала головой. Матрена Яковлевна тоже пожала плечами въ отвѣтъ на ея сообщеніе и потомъ сказала:

— Поймите!.. Что же я могу съ нимъ сдѣлать? Не видите развѣ, каковъ онъ у меня соколъ. Господи! Царица небесная!—прошептала она, всплеснувъ обѣими руками,—давно ли человѣкъ умиралъ, былъ, какъ говорится, тише воды, ниже травы, а теперь уже началъ ругаться и не въ примѣръ хуже прежняго!..

— Зашли бы вы къ нему и напомнили...

— Ну, и что же?

— Можетъ быть послушается.

— Да, какъ же! Забыли вы, какъ онъ вчера на меня закричалъ... Ахъ!

Матрена Яковлевна сдѣлала рѣшительный жестъ правой рукой, какъ бы желая сказать этимъ, что нечего понапрасну говорить о томъ, чего ничѣмъ поправить нельзя.

Digitized by Google

XXVI.

Александръ Павловичъ сидѣлъ около кровати больного Поликарпа Поликарповича и молчалъ, выжидая удобной минуты для того, чтобы сказать ему о своемъ рѣшеніи. Поликарпъ Поликарповичъ между тѣмъ продолжалъ говорить о себѣ, говорилъ медленно и недостаточно еще окрѣпшимъ послѣ болѣзни голосомъ, но безостановочно, почти не умолкая. Александръ Павловичъ попробовалъ было начать разговоръ о своемъ дѣлѣ, но онъ прервалъ его, и прервалъ не спѣша, не раздражаясь, даже не говоря ни слова, а только приподнявъ нѣсколько правую руку и сдѣлавъ раскрытою ладонью движеніе въ воздухѣ. Изъ этого движенія ясно было, что онъ желаетъ, чтобы слушатель велъ себя скромно и держалъ языкъ за зубами.

— Вотъ оно дѣло-то какое!—продолжалъ Поликарпъ Поликарповичъ,—съ ногъ свалила меня эта самая хворь и денегъ сколько унесла—не скоро сочтешь. Да! Ну, теперь, кажись, пошло на поправку, а все что-то нѣтъ-нѣтъ, да и прихватитъ и силами какъ будто ослабну, и на ѣду не тянетъ. Даже обидно. Впрочемъ, жаловаться грѣхъ. Слава Богу! Чувствую все же, что начинаю въ силу входить... Было вѣдь мнѣ плохо, охъ, какъ плохо, и правду надо говорить, чуть не перекувыркнулся верхнимъ концомъ внизъ. Вотъ она, жизнь человѣческая! Сказано—яко трава. Да! Такъ вотъ какъ. Братъ вашъ, Иванъ Павловичъ, старинный нашъ служака, служилъ еще при покойномъ родителѣ моемъ, дай ему Господи царство небесное.

Поликарпъ Поликарповичъ при этихъ словахъ перекрестился и со вздохомъ взглянулъ на образа, предъ которыми тоже теплилась въ переднемъ углу лампада.

— Да, второй десятокъ лѣтъ онъ служитъ и не только безъ ошибокъ, а съ похвалами... году не проходитъ безъ того, чтобы, въ отличіе отъ другихъ, не наградить его... онъ мнѣ, признаться, много говорилъ

Digitized by Google

о васъ... я ему вѣрю, ему даже больше, чѣмъ себѣ вѣрю. Ей Богу! Потому именно и вѣрю, что его слово все равно что царское: на вѣтеръ не броситъ. Ежели онъ сказалъ, это значитъ все равно, что топоромъ отрубилъ, — кончено! Вотъ по этому по самому я и въ васъ большую вѣру черезъ него получилъ и теперь хочу вамъ предоставить мѣсто кассира здѣсь въ моей главной конторѣ.

Александръ Павловичъ хотѣлъ что-то возразить, но Поликарпъ Поликарповичъ опять приподнялъ руку, какъ бы говоря: «Помолчи, твоя очередь впереди».

— Кассиръ у меня здѣсь тоже вѣрный человѣкъ,— продолжалъ онъ,— тоже, пожалуй, второй уже десятокъ при мнѣ, но для него я имѣю другое назначеніе... Итакъ, вотъ вамъ занятіе. Содержаніе ваше будетъ теперь три тысячи.

Поликарпъ Поликарповичъ, наконецъ, замолчалъ, и на лицѣ его вдругъ появилось выраженіе недоумѣнія. Онъ ждалъ, что Размашиловъ сейчасъ поднимется со стула и выскажетъ ему свои благодарственныя чувства, но оказалось, что Размашиловъ остается на своемъ мѣстѣ, смотритъ въ полъ, мнетъ зачѣмъ-то пальцы своихъ рукъ и молчитъ. Поликарпъ Поликарповичъ не безъ изумленія сталъ всматриваться въ его лицо и потомъ спросилъ:

— Что же это такое?.. я не понимаю... я говорю вамъ, а вы молчите. Отчего вы молчите?

— Позвольте,—заговорилъ Александръ Павловичъ, видимо собравшись съ силами, — извините... я очень цѣню ваше вниманіе... и повѣрьте, если бы я только могъ...

Голосъ его былъ глухой и обрывался почти на каждой фразѣ.

Справляясь по возможности со своимъ смущеніемъ, онъ началъ было говорить о томъ, какую борьбу съ самимъ собой пришлось ему выдержать, прежде чѣмъ рѣшиться вновь отдаться живописи, но не договорилъ и оборвалъ рѣчь чуть не на полусловѣ, вдругъ пред-

Digitized by Google

ставивъ себѣ, что до этого Поликарпу Поликарповичу нѣтъ никакого дѣла, и сталъ опять извиняться.

— Погодите,—возразилъ ему Поликарпъ Поликарповичъ,—вы о чемъ? О живописи? Я же объ этомъ все знаю: Иванъ Павловичъ мнѣ говорилъ, знаю, что вы сожгли картину и такъ далѣе. Теперь зачѣмъ же объ этомъ? Значитъ—конецъ и Богу слава!

— Но я тогда поступилъ необдуманно... въ порывѣ... я не зналъ себя и только вотъ теперь убѣдился, что ни на какое другое дѣло не гожусь. Теперь уже я рѣшился окончательно и навсегда отдаться своему призванію...

— Да-а! Вотъ оно какое дѣло!—задумчиво проговорилъ Поликарпъ Поликарповичъ.

Прошла минута тяжелаго молчанія. Александръ Павловичъ сидѣлъ, смотря въ полъ, и думалъ о томъ, что именно теперь ему слѣдуетъ сдѣлать, подняться ли съ своего мѣста и раскланяться съ хозяиномъ, или лучше подождать, такъ сказать, отпуска, заключительнаго слова, которое, какъ думалось Александру Павловичу, еще не сказано Поликарпомъ Поликарповичемъ.

— Средства денежныя имѣете? — спросилъ Поликарпъ Поликарповичъ.

— Нѣтъ... то-есть почти нѣтъ... но это меня не удерживаетъ... я рѣшился...

Опять наступила тяжелая минута молчанія, послѣ котораго Поликарпъ Поликарповичъ, не сводя глазъ съ лица Александра Павловича, спросилъ о томъ, съ какого времени онъ сталъ заниматься въ петербургскомъ отдѣленіи его конторы и сколько получалъ жалованья. Услышавъ отвѣтъ, сказалъ: «да, жаль!» и потомъ еще сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ, сколько ему лѣтъ, когда женился, и т. п. Александръ Павловичъ отвѣчалъ коротко, почти отрывисто, съ нѣкоторымъ даже оттѣнкомъ не то неудовольствія, не то недоумѣнія, какъ бы спрашивая его мысленно, — да зачѣмъ тебѣ это все знать?

Послѣ нѣкотораго молчанія Поликарпъ Поликарпо

Digitized by Google

вичъ попросилъ его подать ему съ сосѣдняго стола бумагу и чернила. Написавъ что-то на поданной бумагѣ, онъ передалъ ее Александру Павловичу.

— Вотъ вамъ!—не безъ нѣкоторой значительности въ тонѣ голоса, проговорилъ онъ.

На бумагѣ было написано: «Немедленно выдать Александру Павловичу Размашилову тысячу рублей и записать ихъ по статьѣ расходовъ на награды служащимъ».

Александръ Павловичъ не зналъ, что говорить. Смущеніе, не оставлявшее его во все время разговора съ Поликарпомъ Поликарповичемъ, теперь еще болѣе усилилось и до того понравилось Поликарпу Поликарповичу, что онъ подумалъ было, а не прибавить ли еще тысячу, но тотчасъ же самъ себѣ возразилъ, что и тысячи «за глаза довольно».

Спустя нѣкоторое время, когда Размашиловъ былъ уже въ конторѣ, удовольствіе, полученное имъ отъ его смущенія, уже разсѣялось, и онъ подумалъ, что можно было дать ему половину того, что дано, потомъ изъ половины убавилъ половину, потомъ ее раздѣлилъ пополамъ и пришелъ къ такому заключенію, что не слѣдовало вовсе ни одной копѣйки давать.

— Ну, да пусть пользуется: съ возу упало—пропало. Братъ у него дѣловой человѣкъ, собственно за заслуги брата я ему и далъ,—рѣшилъ онъ, наконецъ, обманывая самъ себя.

XXVII.

Александръ Павловичъ, обрадованный неожиданно выпавшимъ на его долю счастьемъ, поспѣшно собралъ свои подрамники, этюды, ящикъ съ красками и т. д., поспѣшно простился съ сослуживцами, провожавшими его, конечно, не безъ зависти, и поѣхалъ въ гостиницу на извозчикѣ. Въ первыя минуты, когда онъ былъ еще подъ впечатлѣніемъ неожиданно полученной награды, его совсѣмъ не безпокоили мысли о томъ,

Digitized by Google

что на это скажетъ Марья Ярославна. Ему казалось, что она тоже обрадуется такому неожиданному счастію и будетъ вмѣстѣ съ нимъ обсуждать дальнѣйшіе планы ихъ жизни, то-есть, гдѣ поселиться, какую начать прежде всего работу, историческій ли жанръ съ двумя фигурами, въ видѣ, напримѣръ, эпизода изъ битвы на Куликовомъ полѣ въ 1380 году (отлично можно обработать!), или заняться какой-нибудь другой темой. Но по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ гостиницѣ, свѣтлыя мысли его все болѣе и болѣе тускнѣли, фигуры въ шлемахъ и кольчугахъ, уже начавшія выступать въ его воображеніи въ видѣ воиновъ на полѣ битвы, тоже стали блѣднѣть, и когда онъ, наконецъ, остановился у подъѣзда гостиницы, отъ нихъ и слѣда не осталось. Онъ вышелъ изъ саней уже хмурый и озабоченный и съ недоумѣніемъ оглянулъ все то, что привезъ съ собою изъ конторы Подберезина. Два этюда на подрамкахъ, довольно порядочныхъ размѣровъ, почти по аршину длины каждый, ящикъ съ красками, большой картонъ съ рисунками съ натуры, муштабель и т. д. — все это теперь смутило его, и онъ невольно оглянулся на дверь гостиницы, вдругъ представивъ себѣ Марью Ярославну, неожиданно появившуюся у саней. Теперь только онъ понялъ, что дѣйствительность идетъ совершенно въ разрѣзъ съ его мечтами, и что въ самомъ дѣлѣ есть нѣкоторыя неудобства въ томъ, чтобы сразу идти къ цѣли со всѣми этими вещами.

— Гм... гм... въ самомъ дѣлѣ пожалуй неловко... столько сюрпризовъ... да, отчасти это неудобно,—подумалъ онъ.

Онъ рѣшилъ было оставить пока все привезенное у швейцара гостиницы и идти въ номеръ только съ однимъ сюрпризомъ — съ полученными въ награду деньгами. Но мысль о томъ, что эти деньги даютъ совершенно новое и необыкновенно пріятное освѣщеніе всей картинѣ его свиданія съ женой, придала ему бодрости. Захвативъ подъ мышку и забравъ въ руки

Digitized by Google

все свое добро, онъ смѣло сталъ подниматься по лѣстницѣ въ третій этажъ гостиницы. Твердое настроеніе духа не покидало его до тѣхъ поръ, пока онъ, наконецъ, не растворилъ двери своего номера.

— Что это такое? — въ недоумѣніи проговорила Марья Ярославна, увидя его,—что это?..

— Ничего, ничего, Машенька!.. Все, слава Богу, хорошо и благополучно... очень даже счастливо... ты только погоди, не волнуйся, я тебѣ все разскажу... и денегъ у меня теперь много...

— Ахъ, ахъ!.. Я начинаю догадываться... силы небесныя! Какое несчастіе!..

— Ради Бога, не волнуйся!..

Онъ говорилъ, нельзя сказать, чтобы очень твердымъ голосомъ, но все же не такъ робко, какъ можно было ожидать, судя по выраженію его лица.

— Имѣй только терпѣніе... чуточку терпѣнія... вотъ видишь ли, вотъ тысяча рублей денегъ... это я уже получилъ... тысяча! Понимаешь, какая это большая сумма!..

Освобождая себя отъ принесенныхъ вещей, онъ главнымъ образомъ спѣшилъ показать женѣ деньги, надѣясь, что онѣ своимъ видомъ произведутъ на расположеніе ея духа благопріятное впечатлѣніе, но онъ ошибся: Марья Ярославна, увидя деньги, презрительно отъ нихъ отвернулась.

— Боже мой! Я, кажется, съума схожу!.. — прошептала она, схватившись обѣими руками за голову.

Дальше разговоръ продолжать было нельзя. Въ комнатѣ послышалось сначала легкое всхлипываньe Марьи Ярославны, потомъ какіе-то странные вздохи, какихъ Александръ Павловичъ никогда еще до сихъ поръ не слыхивалъ, вздохи перешли потомъ во что-то похожее на стоны больного, она стала вздрагивать всѣмъ тѣломъ и наконецъ упала на полъ. Съ ней сдѣлался сильнѣйшій нервный припадокъ, съ визгомъ, крикомъ и громкими рыданіями.

Digitized by Google

Этотъ день, такъ жестоко исковеркавшій душевное настроеніе Александра Павловича, грозилъ ему новыми огорченіями, которыхъ онъ, конечно, не могъ не ожидать. Онъ зналъ, что они непремѣнно будутъ, и весьма скоро, но только не могъ опредѣлить, въ какой силѣ проявятся. Готовясь къ нимъ, онъ держался бодро и обдумывалъ тѣ доводы, которыми можно ихъ, если не совсѣмъ уничтожить, то по крайней мѣрѣ ослабить въ болѣе или менѣе значительной степени. Хотя выраженіе лица его было озабоченное и брови хмурились, но не потому, что онъ боялся предстоящихъ огорченій а именно потому, что Марья Ярославна послѣ нервнаго припадка оставалась въ постели и тѣмъ задерживала развязку дѣла, которое, какъ онъ думалъ, должно было имѣть въ концѣ концовъ благопріятный исходъ.

Войти за занавѣску для того, чтобы узнать, спитъ ли Марья Ярославна или только лежитъ съ закрытыми глазами, онъ не рѣшался. Если спитъ, думалъ онъ, то это хорошо: проснется съ свѣжими силами и будетъ болѣе разсудительной, но если она не спитъ, а только притворяется спящей—худой знакъ... По временамъ онъ прислушивался къ ея дыханію и нѣсколько разъ порывался пойти за занавѣску, представляя себѣ, что она уже проснулась, но пойти не рѣшался: разбудишь — и опять нервы расходятся. Онъ готовился даже къ тому, чтобы попросить, если нужно, прощенія, признать себя виновнымъ въ скрытности, въ преднамѣренномъ обманѣ, даже вообще, въ чемъ угодно, лишь бы только покончить съ этимъ непріятнымъ выжидательнымъ положеніемъ и идти поскорѣе нанять квартиру. Онъ рѣшилъ остаться въ Москвѣ, находя это болѣе удобнымъ по многимъ причинамъ, по отношенію, напримѣръ, къ брату, къ роднѣ жены и къ своимъ прежнимъ товарищамъ по искусству. Поработаю здѣсь пока,—думалъ онъ,—а потомъ можно будетъ и въ Питеръ возвратиться. Онъ мысленно уже остановилъ свой выборъ на одной изъ тѣхъ квартиръ, которыя совмѣстно съ женой осматривалъ, когда еще

Digitized by Google

былъ въ званіи купеческаго приказчика. Остановка была теперь только за Марьей Ярославной.

Наконецъ онъ услышалъ за занавѣской ея кашель и, какъ-то вдругъ встрепенувшись, точно сбрасывая съ себя какую-то тяжесть, пошелъ къ ней.

— Машенька... Дорогая моя! Ты проснулась? А? Машенька.... Другъ мой... Я спрашиваю...

— Оставьте меня!

— Прости... Умоляю... Выслушай ради Бога... Машенька! Преступники и тѣ даже пользуются правомъ защиты... Неужели я... неужели ты меня лишаешь этого права...

— Оставьте...

Она закрыла лицо руками.

XXVIII.

Онъ видѣлъ, какъ снова стали вздрагивать ея плечи, и замолчалъ, боясь, какъ бы опять не вызвать въ ней своими разговорами нервнаго припадка. Такъ прошло время до полдня въ неопредѣленномъ положеніи: она оставалась въ кровати, а онъ расхаживалъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ, не зная, на что рѣшиться,—идти ли нанять квартиру, или подождать, пока между нимъ и ею окончатся недоразумѣнія и возстановится миръ. Желаніе выйти изъ непріятнаго положенія, наконецъ, до такой степени въ немъ усилилось, что онъ, уже не заботясь о томъ, спитъ ли Марья Ярославна или только лежитъ съ закрытыми глазами, вошелъ за занавѣску и, безцеремонно подвинувъ ея ноги нѣсколько въ сторону, сѣлъ къ ней на кровать.

— Послушай, Машенька, нельзя же такъ безчеловѣчно терзать меня... — заговорилъ онъ твердымъ, почти строгимъ тономъ, — ты вспомни, что вѣдь я тоже человѣкъ и тоже имѣю нервы... нельзя же забывать, что всякому терпѣнію есть границы...

— Ка-а-къ?—вдругъ неожиданно гнѣвнымъ тономъ возразила она, вызывающе взглянувъ на него.

Digitized by Google

Онъ поспѣшилъ отодвинуться, видя, что она хочетъ встать съ кровати, но не успѣлъ еще сдѣлать этого, какъ она уже была на ногахъ и, быстро оправляя свои волосы и платье, сказала:

— Вы говорите, всякому терпѣнію есть границы? Да? Это вы говорите по отношенію къ себѣ? И у васъ достало совѣсти это сказать?

— Я... Машенька... такъ вообще...

— Довольно, Александръ Павловичъ... Благодарю васъ. Я могла вамъ сказать эти слова, а не вы мнѣ... Замолчите. Довольно, повторяю вамъ.

Она вышла уже изъ-за занавѣски и стала дѣлать что-то совершенно непонятное Александру Павловичу, а именно: раскрыла гардеробъ, сняла съ вѣшалки платья и стала складывать на стулъ одно на другое, безцеремонно свертывая и комкая ихъ, потомъ выдвинула комодные ящики и оттуда тоже стала выкладывать на столъ и стулья бѣлье.

— Машенька! Зачѣмъ это ты?—спросилъ онъ, не безъ удивленія слѣдя за тѣмъ, какъ она порывисто выдвигаетъ одинъ за другимъ комодные ящики.

— Послушай... Другъ мой! Не сердись... Скажи мнѣ, что это такое ты дѣлаешь?

Она ни слова ему не отвѣтила, даже не взглянула на него, продолжая свое дѣло.

Ему никакъ не могло придти въ голову, что она собирается отъ него уѣхать, до того онъ былъ далекъ отъ этой мысли. Напротивъ, видя, что гардеробъ и нѣкоторые ящики комода уже опустѣли, онъ вдругъ представилъ себѣ, что Марья Ярославна, подобно ему, сознаетъ необходимость скорѣйшаго переѣзда изъ гостиницы на частную квартиру, и эта раскладка вещей о столамъ и мебели ничего другого не предвѣщаетъ предвѣщать, конечно, не можетъ. Но когда, спустя сколько времени, онъ увидѣлъ, что въ дорожный ндукъ, выдвинутый ею изъ угла на середину комты, она стала укладывать только свои платья и лье, на него напало необыкновенное смущеніе.

Digitized by Google

— Неужели? Да нѣтъ, не можетъ быть! Этого даже и представить нельзя,—возразилъ онъ самому себѣ.

— Маша!.. Машенька, послушай... Ну, я виноватъ, я невѣрно выразился,—ну, прости меня!..

Онъ подошелъ къ ней и хотѣлъ взять ее за руку, но она порывисто отвернулась отъ него.

— Прости!—повторилъ онъ шепотомъ, молитвенно опускаясь передъ ней на колѣни и порываясь снова взять ее за руку.

— Оставьте!—проговорила она и такимъ твердымъ и рѣшительнымъ тономъ, что онъ вдругъ почувствовалъ, что зябнетъ.

Она продолжала свое дѣло, повидимому, не обращая на него никакого вниманія. Укладывая въ дорожный сундукъ свои вещи и комкая ихъ при этомъ не только безъ сожалѣнія, но даже съ нескрываемымъ пренебреженіемъ, точно желая этимъ сказать, что все это потеряло теперь въ ея глазахъ всякое значеніе, — она, наконецъ, устала и безпомощно опустилась на полъ тутъ же около сундука. Александръ Павловичъ снова пытался съ ней заговорить и снова безуспѣшно; растерялся, наконецъ, до того, что не зналъ, гдѣ ему встать, гдѣ сѣсть, куда смотрѣть. Онъ заглянулъ раза два за занавѣску, въ сущности самъ не зная для чего, потомъ подошелъ къ двери, выходящей въ корридоръ, пріотворилъ ее и взглянулъ туда тоже безъ всякой надобности, затѣмъ остановился у окна и сталъ смотрѣть на улицу, едва-ли сознавая, гдѣ стоитъ и на что смотритъ.

Марья Ярославна намѣренно не обращала на него никакого вниманія, не видѣла и не хотѣла видѣть того тревожнаго душевнаго состоянія, которое онъ въ это время переживалъ и отраженіе котораго чувствовалось во всѣхъ его движеніяхъ. И если бы даже намѣренно, въ силу только доводовъ разума, а не по сердечному влеченію, она захотѣла обратить на него вниманіе, хотя бы только для того, чтобы опредѣлить, насколько

Digitized by Google

велики его душевныя муки и, слѣдовательно, опредѣлить силу его любви къ ней, то и въ такомъ случаѣ она ничего бы не замѣтила и ничего бы не опредѣлила, будучи охвачена мыслями и чувствами совсѣмъ иного значенія. Въ ея глазахъ теперь онъ былъ совсѣмъ другой человѣкъ, совсѣмъ не тотъ, честный, справедливый, добрый и любящій другъ, вѣрный спутникъ жизни, а лукавый обманщикъ, притворщикъ, безсовѣстный эгоистъ, недостойный ни любви ея, ни сожалѣнія и именно потому, что самъ, какъ ей казалось въ эти минуты, не имѣетъ къ ней ни любви, ни сожалѣнія. Всѣ тѣ опасенія и сомнѣнія, которыми въ послѣднее время она такъ безпокойно томилась, боясь за то, чтобы онъ не сбился опять на старую, ложную, по ея мнѣнію, дорогу, теперь сразу оборвались, подавленныя однимъ чувствомъ и одною мыслью.

— Все кончено—надо разойтись!

XXIX.

Ея имущество, скомканное кой-какъ въ дорожный сундукъ, лежало въ немъ грудой, выпятившейся высоко сверхъ его краевъ. Сидя на полу и склонясь на эту груду головой, она долго оставалась въ такомъ положеніи, пока физическія ея силы не возстановились настолько, чтобы снова встать на ноги и приняться за сборы. Сборовъ уже оставалось не много, зато и силы у ней было такъ мало, что кончить ихъ и, главное, какъ возможно скорѣе, она не могла. Стараясь умять то, что непокорно вылѣзало изъ ящика сверхъ его краевъ и не давало крышкѣ закрыться, она, наконецъ, нарушила свое продолжительное молчаніе и, топнувъ ногой, почти крикнула Александру Павловичу:

— Да помогите же мнѣ... Ахъ, Боже мой...

Заслышавъ ея голосъ, онъ, сидѣвшій въ это время на диванѣ съ поникшей головой, вдругъ встрепенулся, точно очнувшись послѣ сна, изумленно взглянулъ на нее, не понявъ сразу, какой именно помощи она отъ

Digitized by Google

него ожидаетъ, и потомъ, когда она снова, уже болѣе сдержаннымъ и холоднымъ тономъ высказала свое желаніе, онъ поднялся съ дивана и помогъ ей закрыть крышку сундука.

Теперь онъ уже не пытался ее уговаривать и просить прощенія. Говорилъ, извинялся, объяснялъ причины, молилъ понять, вдуматься—не хочетъ, значитъ, нечего больше унижаться. Такъ онъ рѣшилъ и нѣсколько разъ мысленно давалъ себѣ слово прекратить съ нею всякія объясненія, — пусть въ самомъ дѣлѣ уйдетъ отъ него, если у нея такое жестокое сердце. Но слова этого онъ не въ силахъ былъ сдержать и послѣ того, когда уже окончательно, по его мнѣнію, убѣдился, что она «злая женщина», снова съ ней заговорилъ:

— И тебѣ не грѣхъ, Маша... Послушай. Ну, положимъ, ты меня не жалѣешь — Богъ съ тобой! Пожалѣй по крайней мѣрѣ себя... Подумай: уходя отъ меня, ты все-таки теряешь опору, какая ни на есть, хотя бы слабѣйшая изъ слабѣйшихъ, а все-таки опора,—мужъ... Ну, представь себѣ, что я буду неудачно работать, буду терпѣть нужду, но вѣдь все-таки я на твою, такъ сказать, шею не свалюсь, жить на твои трудовыя деньги не буду и свободы твоей, въ смыслѣ выбора дѣятельности, отъ тебя не отниму...

— Ахъ, ахъ!.. Господи! Когда, наконецъ, все это кончится!—нетерпѣливо возразила она, высоко поднявъ руки и какъ бы взывая къ небесамъ о помощи.

Онъ замолчалъ, стиснувъ зубы и такъ порывисто отодвинулъ въ сторону кресло, около котораго въ это время стоялъ, что оно затрещало и подпрыгнуло на обѣ передніе ножки.

Сборы свои она, наконецъ, кончила, осмотрѣла даже дорожную шляпку, зонтикъ, перчатки, и все это положила на столъ; оставалось только надѣть верхнее платье и уѣхать.

Въ эти послѣднія минуты чувство ея гнѣвной раздражительности и чувство его горько оскорбленнаго

Digitized by Google

самолюбія начали было ослабѣвать и гаснуть, и оба они до нѣкоторой степени какъ будто стали уже сознавать, какъ тяжела будетъ для нихъ разлука; но въ эту минуту она сказала неосторожное слово и, какъ говорится, прибавила масла въ огонь.

— Вы были легкомысленнымъ человѣкомъ, мечтателемъ, фантазеромъ,—сказала она,—и это я знала, видѣла и прощала; а теперь вы не только мечтатель, вы—лжецъ, притворщикъ, и этого я вамъ никогда не прощу...

— Марья Ярославна!—возразилъ онъ строгимъ тономъ,—не оскорбляйте меня...

— Вы притомъ жадны къ деньгамъ,—продолжала она, не обращая вниманія на его слова,—вы обрадовались, что вамъ попалась въ руки тысяча рублей и бросили службу...

Она говорила злобно, торопясь и глотая слова и не давая ему возразить. Послѣ упорнаго молчанія, которымъ она до сихъ поръ отвѣчала на всѣ его доводы, ее, какъ говорится, вдругъ прорвало. Она называла его тщеславнымъ и страсть его къ живописи объясняла однимъ только тщеславіемъ, желаніемъ забраться на подмостки, чтобы быть на виду у другихъ, забавлять ихъ, услаждать ихъ сытую, праздную жизнь. Досталось при этомъ и самой живописи, и всѣмъ другимъ видамъ искусства, которое она называла ничтожною забавою, только по недоразумѣнію пользующеюся въ обществѣ какимъ-то значеніемъ. При этомъ въ ея рѣчахъ, безсвязныхъ и, нельзя сказать, чтобы достаточно грамотныхъ, то-есть въ основѣ ихъ чувствовалось отраженіе тѣхъ взглядовъ на искусство, которые до извѣстной степени всегда держатся не только въ полуобразованной и экономически обездоленной средѣ, но даже и въ литературныхъ кружкахъ такъ называемаго либеральнаго направленія.

Чѣмъ дальше она говорила, тѣмъ болѣе волновалась, пока слезы опять не подступили у ней къ горлу и не заставили ея замолчать. Александръ Павловичъ,

Digitized by Google

слушая ее, по временамъ схватывался обѣими руками за голову и закрывалъ глаза. Когда она стала упрекать его въ жадности къ деньгамъ, онъ вынулъ изъ бокового кармана тотъ пакетъ съ тысячью рублями, которые получилъ отъ Подберезина, и положилъ его передъ ней на столъ.

— Возьмите!—сказалъ онъ.

— Что это? Деньги?—въ недоумѣніи спросила она.

— Да. Возьмите всѣ...

Она вдругъ смолкла. Такое его великодушіе было для нея неожиданностью. Нѣсколько времени она сидѣла потупившись и смотрѣла въ полъ, потомъ приподняла голову, взглянула на лежавшій на столѣ пакетъ и, взявъ его въ руки, медленно стала вынимать изъ него деньги. Она какъ будто даже сомнѣвалась, дѣйствительно ли въ ея рукахъ находится теперь такая большая, по ея мнѣнію, сумма. Молча пересчитала она, перебирая одну за одной сторублевыя бумажки, молча положила ихъ въ конвертъ, сначала всѣ десять, потомъ отдѣлила изъ нихъ одну, но, должно быть, нашла, что это очень малая часть, и прибавила еще одну, и оставила ихъ на столѣ, а остальныя восемь положила въ свою ручную сумочку. Все это было сдѣлано молча, съ какою-то странною медлительностью.

Александръ Павловичъ стоялъ въ это время у окна, внутренно волнуясь отъ злобы на то, что она такъ вдругъ притихла и присмирѣла. Онъ хотѣлъ оборвать ее, кольнуть въ самое больное мѣсто, и кольнуть именно однимъ только намекомъ на то, какъ она вдругъ прикусила язычекъ при видѣ денегъ, но удержался отъ этого.

Въ ея медлительности и задумчивости была, казалось, опять минута колебанія и, заговори въ это время Александръ Павловичъ прежнимъ ласковымъ и пр сительнымъ тономъ, можетъ быть, она и сдалась б на примиреніе, но онъ продолжалъ стоять у окна, говоря ни слова. Она даже покосилась на него испо любья, но этотъ взглядъ, видимо, возбудилъ въ н

Digitized by Google

прежнія непріязненныя къ нему чувства. Быстро поднявшись съ кресла, она стала одѣваться.

Когда на зовъ ея вошла прислуга и стала выносить вещи, Александръ Павловичъ вспомнилъ, что у ней нѣтъ отдѣльнаго вида на жительство.

— А паспортъ?—спросилъ онъ, воспользовавшись тѣмъ временемъ, когда въ комнатѣ не было никого посторонняго.

— Паспортъ?—повторила она и смутилась.

Казалось, вновь была минута, благопріятная для того, чтобы сдѣлать попытку къ примиренію; но ни онъ, ни она ею не воспользовались.

— Я думаю, что вы все-таки еще не настолько утратили совѣсть,—проговорила она, вспыхнувъ до ушей,—не настолько, чтобы поставить меня въ затруднительное положеніе. Пришлите мнѣ паспортъ съ почтой по адресу мамаши...

Онъ не сказалъ ни слова, и, когда она, не сдѣлавъ даже легкаго кивка головой въ знакъ послѣдняго прощанія, вышла изъ комнаты, онъ съ гнѣвомъ захлопнулъ за ней двери.

Такъ они разошлись.

XXX.

Отойдя отъ дверей, онъ долго стоялъ по срединѣ комнаты, къ чему-то прислушиваясь и точно ожидая, не вернется ли назадъ Марья Ярославна. Чувство гнѣва, досады, оскорбленнаго самолюбія и даже ненависти, минуту тому назадъ господствовавшее въ его душѣ, теперь вдругъ и почти тотчасъ же послѣ ухода жены утратило свою силу.

— Что же это такое? Какъ это я не сумѣлъ ея удержать? Зачѣмъ я не поѣхалъ вмѣстѣ съ ней въ Петербургъ, не все ли равно мнѣ работать, здѣсь ли, или тамъ?—уже въ недоумѣніи спрашивалъ онъ самъ себя.—Какая же, наконецъ, возможна теперь работа?.. На что она?.. и куда я... о, Боже мой! Куда я теперь дѣнусь?

Digitized by Google

Наблюдая за тѣмъ, съ какимъ выраженіемъ взглядывалъ онъ по временамъ на раскрытыя двери гардероба, на выдвинутые ящики комода и на разбросанныя по столамъ и стульямъ одежды, можно было подумать, что вотъ-вотъ сейчасъ онъ схватитъ верхнее платье и помчится на станцію желѣзной дороги за женой. Но проходила минута — и имъ овладѣла, видимо, другая мысль, и прежнее чувство обиды и гнѣва опять возрождалось въ его душѣ съ новою силою.

Прошло въ такомъ томленіи и борьбѣ чувствъ столько времени, что уже поздно было колебаться: поѣздъ давно ушелъ, и на дворѣ уже были сумерки.

По временамъ онъ смотрѣлъ на часы, переносясь мысленно въ тотъ вагонъ, въ которомъ была Марья Ярославна, на подрамники, сиротливо стоявшіе на полу прислоненными къ стѣнѣ, на ящикъ съ красками, который въ горячности своихъ сборовъ Марья Ярославна сбросила со стола на полъ, и вздыхалъ продолжительными, глубокими вздохами, точно чувствуя непомѣрную тяжесть, навалившуюся на его плечи.

— Да, кажется, теперь все кончено... даже и съ искусствомъ!..—думалъ онъ.

Лицо его стало какъ будто темнѣе, глаза впали, не было уже въ нихъ того блеска, которымъ они горѣли часъ тому назадъ. Онъ ходилъ въ раздумьѣ по комнатѣ, медленно и вяло передвигая ноги, садился къ столу, положивъ на него локти, и склонялъ на ладони рукъ отяжелѣвшую голову. Мысль о томъ, съ какими чувствами ѣдетъ Марья Ярославна, томила и терзала его сердце. То онъ думалъ, что она плачетъ, сидитъ гдѣ-нибудь въ самомъ дальнемъ и темномъ углу вагона и терзается раскаяніемъ, упрекаетъ себя за горячность и готова возвратиться къ нему. «Навѣрное возвратится!» увѣрялъ онъ самъ себя. То, напротивъ, она рисовалась въ его воображеніи веселой, улыбающейся, довольною тѣмъ, что вырвалась на свободу.

— Да развѣ я стѣснялъ ее чѣмъ? Развѣ въ самомъ

Digitized by Google

дѣлѣ я лютый звѣрь какой, что со мною даже жить нельзя?

Онъ задавалъ самому себѣ одинъ вопросъ за другимъ и призывалъ въ свидѣтели «самого Господа Бога», что никогда ничѣмъ не подалъ повода женѣ къ тому, чтобы такъ странно, неожиданно и вдругъ покинуть его. При той силѣ и впечатлительности воображенія, какимъ онъ былъ надѣленъ отъ природы, онъ видѣлъ ее передъ собой со всѣми тончайшими оттѣнками душевныхъ движеній на ея лицѣ, ея мыслей и чувствъ. Та минута колебанія, когда она перебирала сторублевыя бумажки и отложила для него сначала одну, потомъ двѣ, теперь, возродившись вновь въ его воображеніи, дала, по отношенію къ этому обстоятельству, совсѣмъ иное направленіе его думамъ. Тогда онъ возмутился ея задумчивостью надъ деньгами, ея колебаніемъ при мысли, сколько оставить ему:—одну сотенную или двѣ,—теперь смотрѣлъ на это совсѣмъ иначе и хватался за ея колебанія, какъ хватается утопающій за брошенную ему веревку, даже поднялся съ дивана и бодрѣе, чѣмъ прежде, зашагалъ по комнатѣ.

— Если колебалась,—думалъ онъ,—значитъ, подъ вліяніемъ чувства заботы о томъ, съ чѣмъ я останусь. Если она, при всей ея благоговѣйной любви къ деньгамъ, какъ основѣ, по ея словамъ, человѣческаго благополучія и счастія, рѣшилась оставить мнѣ эти деньги, то не значитъ ли это, что сердце ея еще не охладѣло ко мнѣ, что она думала о моемъ положеніи, жалѣла меня, а если жалѣла, то, значитъ, и любила и любитъ. Любить и жалѣть—это, по-моему, одно и то же.

Остатки завтрака, сыръ, масло, ветчина и чайная посуда, неубранные съ полудня и сунутые при сборахъ Марьи Ярославны на подоконникъ, привлекли къ себѣ его вниманіе, когда онъ почувствовалъ, наконецъ, что голоденъ. День уже кончился, и на улицѣ зажглись фонари. Темнота въ комнатѣ съ каждой минутой усиливалась, и всѣ предметы, находившіеся въ ней, все болѣе и болѣе утрачивали свои очертанія,

Digitized by Google

стушевываясь и сливаясь съ надвигающеюся тьмою. Рамы въ окнахъ, наконецъ, совершенно исчезли, превратившись въ мрачныя, черныя отверстія, за которыми, казалось, была страшная пучина, открывавшая дорогу если не въ самый адъ, то, по крайней мѣрѣ, въ его преддверія. Только едва замѣтный отблескъ свѣта отъ уличнаго фонаря чуть-чуть отражался на одномъ изъ оконныхъ стеколъ. Онъ вздрагивалъ, колеблемый вѣтромъ, точно дрожалъ отъ осенняго холода. Александръ Павловичъ долго сидѣлъ на диванѣ, слѣдя за его слабыми отраженіями и томясь своими думами.

— Да, какъ ни обманывай себя, какъ ни утѣшай, отыскивая въ женѣ небывалыя добродѣтели, заботу обо мнѣ, сожалѣніе, любовь—все это будетъ одинъ только самообманъ. Она ушла, безжалостно покинула меня—это фактъ. Она убила не только меня, ея мужа, убила художника — это тоже фактъ. Погасъ свѣтъ души моей, разбито сердце — надо умирать! Да, нѣтъ спасенья! Какъ ни склеивай переломленную пополамъ палку—не возвратишь ей прежней цѣлости.

— Погасъ свѣтъ! Затушила она его, святотатственно затоптала грязными ногами!..—шепталъ онъ, начиная, наконецъ, дремать и, склонившись на ручку дивана головой, заснулъ.

XXXI.

Но свѣтъ не погасъ. Такъ онъ говорилъ только подъ вліяніемъ мучившей его тоски. Съ утра слѣдующаго дня онъ уже нѣсколько пріободрился и хотя гнѣвно закричалъ на лакея, когда тотъ началъ было приводить его комнату въ порядокъ, но не болѣе какъ чрезъ пять минутъ самъ позвалъ его и не безъ смущенія сказалъ:

— Извините, голубчикъ... гм... гм... я, видишь ли, не совсѣмъ хорошо себя чувствую... и погорячился...

— То-есть это вы, сударь, насчетъ чего же?—въ недоумѣніи спросилъ лакей.

Digitized by Google

— Да вотъ давеча тебя обругалъ...

Лакей встрепенулся, особенно какъ-то подернулъ плечами, быстро переступивъ съ ноги на ногу, отвѣтилъ, улыбаясь во весь ротъ:

— Хи... хи!.. Помилуйте-съ... Важное дѣло! Развѣ это намъ, сударь, въ первой...

До полудня онъ все еще какъ будто недомогался, лежалъ на диванѣ, смотрѣлъ задумчиво въ потолокъ, сидѣлъ въ креслѣ, уныло поникнувъ головой, но потомъ, какъ-то нечаянно, не отдавая себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, сталъ пересматривать свои рисунки, пересматривая, взялъ въ руки карандашъ, сдѣлалъ черту, другую, а потомъ уже приловчился съ рисункомъ около окна вплотную и занялся работой.

Въ комнатѣ было уже кое-что прибрано, гардеробъ закрытъ, ящики въ комодѣ задвинуты, краски, подрамники, бристольская и ватманская бумага, чистая и зарисованная, уже не валялась по разнымъ угламъ комнаты, а лежала на одномъ изъ стульевъ въ общей кучкѣ, на столѣ стоялъ чайный приборъ съ сыромъ и булками.

Онъ просидѣлъ за рисункомъ до сумерекъ и только потому оставилъ его, что—нельзя уже болѣе работать.

— Да, темно!—проговорилъ онъ, поднимаясь, наконецъ, отъ окна и потягиваясь отъ усталости.

Въ эту минуту онъ вспомнилъ, что онъ одинъ въ комнатѣ, что словъ его некому слышать, и никто ему на нихъ никакого отвѣта не скажетъ,—и опять лицо его какъ будто потемнѣло и брови нахмурились. Воспоминанія сразу, точно морская волна во время бури, нахлынули на него, и онъ проворно заметался по комнатѣ, то хватаясь обѣими руками за голову, то складывая ихъ на груди и молитвенно поднимая взглядъ къ небу.

— Боже мой! Что же это такое? Ужасъ! Ужасъ!..

Мысль о томъ, что Марья Ярославна уѣхала безъ паспорта, эта мысль, пробивавшаяся чрезъ всѣ горькія его воспоминанія, укоризны и угрозы, высказы-

Digitized by Google

ваемыя въ душѣ по адресу жены, настолько, наконецъ, его озаботила, что онъ отправился въ контору нотаріуса и исполнилъ всѣ требовавшіяся по этому дѣлу формальности.

— Уѣхала—Богъ съ ней,—думалъ онъ,—пусть, по крайней мѣрѣ, на меня не жалуется!.. Господи! Да неужели она не образумится? Неужели, наконецъ, мать, братья, сестры ея не вразумятъ... Ахъ!.. О чемъ я думаю? Это глупо,—упрекалъ онъ самъ себя,—какой помощи мнѣ отъ нихъ ждать, когда они всѣ всегда смотрѣли на меня, какъ на волка?.. А она... она, которую я считалъ умницей, способной оцѣнить мою любовь, она — глупая и безсердечная женщина!..

На другой день послѣ отправки паспорта онъ снова сидѣлъ за работой, и на этотъ разъ выраженіе лица его было значительно спокойнѣе. По временамъ онъ уже подумывалъ о томъ, что надо какъ-нибудь выбрать свободный часъ, передъ сумерками, напримѣръ, и переѣхать на частную квартиру.

Но вмѣсто того, чтобы съ утра идти нанять себѣ комнату съ большимъ окномъ и чистымъ свѣтомъ на сѣверъ, онъ снова просидѣлъ за работой далеко за полдень.

Въ это время по лѣстницѣ гостиницы поднималась Марья Ярославна. Усталая отъ дороги и измученная невыносимой тоской, начавшей ее терзать съ первой же минуты разлуки съ нимъ, она шла медленно и часто останавливалась, чтобы отдышаться. Гостиничная прислуга съ изумленіемъ смотрѣла на нее, не узнавая въ ней той дамы, которая три дня тому назадъ такъ поспѣшно и такъ подозрительно странно уѣхала отъ мужа.

— Вамъ, сударыня, въ какую цѣну угодно номеръ?— спросилъ ее лакей, потерявшій, наконецъ, терпѣніе ждать, когда она сама заговоритъ.

— Я къ мужу... Не узнаете?

Digitized by Google

— Извините...

— Онъ дома? Здоровъ?..

— Здоровъ... какъ же... дома-съ... Все время дома-съ...

Ей было и страшно при мысли о томъ, какъ онъ ее встрѣтитъ, и совѣстно, что она такъ много наговорила ему рѣзкаго въ день разлуки, и за то, что сдѣлала такой необдуманный и обидный для него шагъ. Ощупывая тотъ карманъ, въ которомъ, по совѣту матери, зашила деньги, чтобы возвратить ему ихъ въ неприкосновенной цѣлости, она теперь припоминала ея правдивыя слова о святости брака, о терпѣніи, прощеніи обидъ, о томъ, какъ несчастны всѣ женщины, бросившія мужей, и когда подошла къ двери комнаты мужа, остановилась, чтобы не упасть, такъ какъ чувствовала, что полъ подъ ея ногами качается.

— Саша! прости меня! — едва могла она проговорить, войдя въ комнату.

Онъ сидѣлъ въ это время у окна и, увидѣвъ ее, бросился къ ней такъ порывисто, что уронилъ на полъ и работу свою, и стулъ, на которомъ сидѣлъ.

— Маша! Машенька! — крикнулъ онъ, кинувшись къ ней на шею.

Такъ состоялось ихъ примиреніе.

XXXII.

Изъ Москвы они въ эту же зиму переѣхали въ Петербургъ. Онъ нашелъ удобную квартиру съ мастерской, имѣвшей не только чистый свѣтъ на сѣверную сторону, но даже еще и окно въ потолкѣ, такъ что въ этомъ отношеніи лучшаго и желать было нельзя. Стѣны мастерской вскорѣ запестрѣли этюдами, приколотыми кнопками къ штукатуркѣ, вновь пріобрѣтены были мольберты, манекены, гипсовыя головы, руки и т. д. Теперь на всемъ этомъ уже не было той пыли, какая всевластно господствовала въ жилищѣ Александра Павловича въ тѣ давнопрошедшіе дни,

Digitized by Google

когда онъ, малодушно отступая съ поля битвы, предалъ сожженію всѣ свои работы.

Теперь заботливая рука Марьи Ярославны видна была на всемъ, и со времени ихъ примиренія не проходило ни одного дня безъ того, чтобы она собственноручно не вымыла ему кисти до безукоризненной чистоты. Словомъ, она убѣдилась, наконецъ, что онъ неисправимъ, что нѣтъ ему иной дороги, кромѣ той, по которой онъ такъ настойчиво хотѣлъ идти — и покорно пошла за нимъ. Братъ его, Иванъ Павловичъ, вскорѣ оставилъ службу въ торговомъ домѣ «Полікарпъ Подберезинъ съ сыновьями» и переселился въ Туркестанскій край, гдѣ завелъ свое торговое дѣло, такъ что для Александра Павловича и съ этой стороны уже не было болѣе поводовъ ни къ какимъ сомнѣніямъ и колебаніямъ.

Прошло лѣтъ восемь.

Скорби, радости, неудачи, успѣхи — все досталось на ихъ долю и въ такой именно мѣрѣ, въ какой обыкновенно бываетъ въ жизни. Неудачи были часты, успѣхи рѣдки, скорби продолжительны, а радости кратковременны. Онъ писалъ и картины, и образа, и рисовалъ на пальмовыхъ доскахъ для иллюстрированныхъ изданій, исполнялъ портреты съ фотографій и съ натуры и т. п. Иногда работы очень хорошо удавались и хорошо вознаграждались, но въ общемъ большого успѣха онѣ не имѣли.

Теперь въ его картинахъ уже не было тѣхъ сюжетовъ, которые когда-то занимали его въ дни первой молодости—ни семейныхъ ссоръ, ни злобныхъ лицъ, ни избитыхъ лошадей въ его воображеніи уже не рисовалось болѣе. Духовнымъ взоромъ своимъ онъ какъ бы проникалъ въ глубь сердца и пытался уловить въ выраженіи лицъ тѣ чувства, которыя таятся в сокровенныхъ его глубинахъ, и эти попытки въ по слѣдніе годы стали ему уже замѣтно удаваться. Н злобивый отецъ, старый уже и истомленный жизнь но умудренный житейскимъ опытомъ, принимаетъ с

Digitized by Google

грустной улыбкой въ свои объятія сына, видимо сбившагося съ пути, но сознавшаго свою ошибку, мать, воздѣвшая руки къ небу предъ смертнымъ ложемъ больной дочери и съ глазами, полными слезъ, просящая помощи Бога въ своей непосильной скорби; Христосъ, идущій по водамъ на помощь апостолу Петру,— вотъ сюжеты, которыми питалась его душа въ послѣднее время.

Старый товарищъ, Несмѣловъ, заходилъ иногда къ нему и по обыкновенію помалчивалъ и задумчиво покачивалъ головой, смотря на его работы. Однажды онъ пригласилъ его въ компанію по открытію гдѣ-то «на бойкомъ мѣстѣ» лавки для продажи образовъ.

— Ты пойми,—говорилъ онъ,—тутъ, на этомъ самомъ углу, улица идетъ на четыре стороны, самое юркое мѣсто, и товаръ будетъ у всѣхъ на виду. Мы окна сдѣлаемъ огромнѣйшія, вывѣску закатимъ аршинными буквами: «Художественный иконописный магазинъ артистическихъ произведеній первокласныхъ мастеровъ». Публикаціи будемъ такія накаливать—мое почтеніе. Ходко пойдетъ дѣло, ей Богу!

Александръ Павловичъ отъ этого предложенія уклонился и Марьѣ Ярославнѣ о немъ ни слова не сказалъ,—пожалуй, молъ, еще смутитъ ее бѣсъ стяжанія...

Были у нихъ дѣти, сынъ и дочь. Росли, учились, вызывали много заботъ о себѣ, поднялись, наконецъ, на ноги, радуя отца и мать, и потомъ вскорѣ другъ за другомъ умерли. Много было слезъ и горя, и жалобъ на несправедливость судьбы,—и все пережилось и, казалось, забылось, но на лицахъ отца и матери легли новыя морщины и волосы ихъ засеребрились сѣдиною... Онъ искалъ утѣшенія отъ скорбей въ своей работѣ, она—въ заботахъ о его спокойствіи и здоровьѣ.

Иногда, сидя около мольберта въ холщевой блузѣ, перепачканной красками, или расхаживая по мастерской съ заложенными за спину руками, въ особенности съ сумерки, когда уже не было возможности работать,

Digitized by Google

онъ любилъ отдаваться воспоминаніямъ и говаривалъ съ Марьей Ярославной о прошломъ.

— Помнишь, Машенька, какъ ты боялась, что я опять увлекусь живописью, какъ плакала, бранила художниковъ, что они самый безпутный народъ?

— И теперь скажу то же...—отвѣчала она.

— Значитъ, и я—безпутный?

— Ты-то еще, какъ говорится, туда-сюда,—хорошъ ли, худъ ли, по крайней мѣрѣ труженикъ и отъ зари до зари за работой. А много ли васъ такихъ-то?

— Нѣтъ, погоди, ты не обижай,—улыбаясь, возражалъ онъ,—нельзя говорить: «хорошъ ли, худъ ли», а надо точно опредѣлить, хорошъ или худъ; ну, отвѣчай.

— Ахъ, опять за то же! Сто разъ я тебѣ говорила, что для меня ты хорошъ, для меня ты—лучше всѣхъ...

— Погоди, Машенька, и для другихъ буду хорошъ. Я еще, Богъ дастъ, напишу кое-что... Подожди,—въ носъ всѣмъ бросится!..

— Ахъ, Саша! Саша!—вздыхая, говорила она,—къ чему гоняться за извѣстностью... Все это вздоръ, мишура... Слава Богу, прожили жизнь и уже старѣемъ... Дай Богъ такъ до конца дотянуть...

— Нѣтъ! Погоди!.. Я не согласенъ!.. Старѣемъ!.. Ха, ха!..—громко возражалъ онъ, размахивая руками,—я только еще въ силу начинаю входить, я еще покажу себя!.. Нѣтъ, чортъ возьми... Я не сдамся!.. Пока могу держать кисти въ рукахъ—не сдамся!..

Онъ волновался и трагически потрясалъ руками, высоко поднявъ ихъ надъ головой.

XXXIII.

Зимою 189... года на художественной выставкѣ въ Петербургѣ была его картина «Разсвѣтъ», состоявшая всего изъ одной фигуры старика, скромно и даже почти бѣдно одѣтаго. Онъ былъ изображенъ у рѣшетки террасы на берегу моря въ то время, когда изъ-за

Digitized by Google

горизонта только что показалась первая ярко-золотая точка восходящаго солнца, лучи котораго уже разсыпались повсюду, отражаясь и въ облакахъ, и на гладкой, блестящей стали безпредѣльнаго моря, и на мачтѣ рыбацкой лодки. Выраженіе лица, наклонъ обнаженной головы, задумчивый, нѣсколько грустный и усталый взглядъ, вся фигура старика, взятая въ тотъ моментъ, когда онъ, подавленный охватившимъ его возвышеннымъ чувствомъ, хочетъ склониться на колѣна, наконецъ, самое море, воздухъ, тихо набѣгающія на берегъ волны, отражающія блескъ восходящаго солнца,—все было такъ закончено и полно такой выразительности и гармоніи во всемъ, что обращало на себя всеобщее вниманіе.

Молодые художники группами собирались у картины и перешептывались, высказывая одинъ другому восторженные о ней отзывы, кто восхищался выраженіемъ душевнаго движенія въ фигурѣ; кто хвалилъ облака, рефлексы свѣта въ нихъ, удивительную жизненность въ движеніи морской волны и т. п. Разнорѣчій въ отзывахъ о достоинствѣ картины не было. Даже знаменитый художникъ Енотовъ, на обрюзгшее лицо котораго годы и спиртные напитки уже положили свою печать, даже и онъ, подойдя къ картинѣ, не произнесъ ни одного браннаго слова въ родѣ: «дрянь, мерзость», и простоялъ около нея въ молчаніи минутъ десять.

Несмѣловъ, издали и не безъ нѣкоторой робости слѣдившій за нимъ, рѣшился, наконецъ, подойти къ нему и спросилъ:

— Какъ, Григорій Гавриловичъ, находите... вѣдь не того?.. вѣдь нельзя сказать, что слабо?

Григорій Гавриловичъ недружелюбно покосился на него, изумляясь, какъ онъ смѣлъ съ нимъ заговорить, но, замѣтивъ, съ какою почтительностью и съ какою подобострастною улыбкою онъ говоритъ, промычалъ въ отвѣтъ:

— Да! Ничего... Хорошо, чортъ его побери!..

Digitized by Google

Дѣйствительно хорошо... Этакая талантливая скотина!..

— Но вѣдь и то надо сказать, Григорій Гавриловичъ, вѣдь не дешево она ему и стоитъ...

— То-есть, въ какомъ смыслѣ?

— Да такъ-съ... Теперь возьмите во вниманіе,— три лѣта онъ ѣздилъ на южный берегъ Крыма, подумайте, во что это обойдется, даже хотя бы и въ третьемъ классѣ, а кромѣ того, знаете, гостиница, извозчики, багажъ, то, другое... Много расходу!

Енотовъ почему-то сосредоточенно и съ необыкновенною серьезностью сталъ смотрѣть ему прямо въ глаза и вдругъ совершенно неожиданно спросилъ:

— Ты водку пьешь?

— Я? то-есть... такъ иногда, при случаѣ употребляю... во благовременіи...

— И чудесно! Пойдемъ-ка лучше въ «Лондонъ»,— ну его къ чорту и съ картиной-то... Да что ты морщишься! Не безпокойся въ убытокъ не введу. Я знаю, ты парень разсчетливый: пропустимъ по двѣ собачки и довольно...

— Что-жъ... пожалуй...—согласился Несмѣловъ.— А вѣдь не продана еще!—не безъ злорадства шепнулъ онъ Енотову, уходя съ выставки.

— Объ этомъ нечего говорить! — вздохнулъ Енотовъ, — продастъ, собака, и хорошо продастъ! Такія вещи, братъ, на рукахъ у художника не остаются...

Въ числѣ посѣтителей выставки былъ и Поликарпъ Поликарповичъ Подберезинъ. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ по торговымъ дѣламъ и расхаживалъ по выставкѣ въ сопровожденіи своего пѣшаго адъютанта, Морозова. И самъ онъ, и Морозовъ—оба замѣтно постарѣли, но годы, положивъ морщины на ихъ лицахъ, не придали, однако, имъ болѣе серьезнаго и осмысленнаго выраженія. Морозовъ, прежде когда-то статный и легкій во всѣхъ своихъ движеніяхъ, теперь значительно раз-

Digitized by Google

бухъ и тяжело отпыхивался, стараясь не отставать отъ хозяина, торопливо, съ прежнею ничѣмъ не оправдываемою суетливостью переходившаго изъ одной залы въ другую.

Остановясь у картины Размашилова, Поликарпъ Поликарповичъ пошептался о чемъ-то съ своимъ адъютантомъ и послалъ его справиться насчетъ цѣны картины. Получивъ отвѣтъ, онъ пожалъ плечами и сказалъ:

— Дорого! Такой цѣны ему никто не дастъ Самъ посуди, развѣ онъ знаменитый художникъ?

— Да-а! Какъ возможно! — проговорилъ Морозовъ, —у васъ въ конторѣ служилъ — какая же онъ знаменитость!

— И сдѣлано не важно: трава-то около террасы, гляди, какая,—нѣшто это трава?..

— Да! Совсѣмъ непохоже!

— Напрасно я тогда далъ ему вспомоществованіе. Сколько я ему далъ? Эй, ты, слышишь,—сколько?

Морозовъ въ это время засмотрѣлся на какую-то даму и не слыхалъ вопроса хозяина.

— Тебя спрашиваю,—оглохъ, что ли?

— Что такое?—испуганно встрепенулся Морозовъ, поспѣшно повернувшись лицомъ къ Поликарпу Поликарповичу.

— Сколько было выдано Размашилову, помнишь, тогда, я былъ боленъ?

— Я... не помню...

— Ну, стало быть, дуракъ.

Морозовъ вспыхнулъ до ушей и закусилъ губы, удерживаясь отъ возраженій.

Поликарпъ Поликарповичъ помолчалъ нѣсколько времени и потомъ добавилъ:

— Три тысячи рублей я ему тогда далъ. Вспомнилъ теперь, именно три... Напрасно далъ, зря,—все равно что въ печку бросилъ: ничего изъ него путнаго не вышло. И въ прошломъ году, и въ запрошломъ или на выставкахъ его картины—все дрянь! Лучше

Digitized by Google

бы я на позолоту церковнаго купола отдалъ эти деньги, по крайней мѣрѣ для души польза!..

Онъ говорилъ, нельзя сказать, чтобы очень громко, но однако жъ и не настолько тихо, чтобъ другіе не могли слышать. Напротивъ, говоря о трехъ тысячахъ, выданныхъ на вспомоществованіе Размашилову, онъ намѣренно повысилъ тонъ, и на лицѣ его появилось противное выраженіе самодовольнаго чванства.

Вечеромъ онъ услыхалъ отъ кого-то восторженные отзывы о картинѣ Размашилова, и на слѣдующій день опять пришелъ на выставку, на этотъ разъ уже не съ Морозовымъ, а съ другимъ, болѣе авторитетнымъ въ оцѣнкѣ художественныхъ произведеній лицомъ Остановись у картины, онъ долго смотрѣлъ на нее въ кулакъ, изображая изъ себя знатока, и потомъ спросилъ:

— Такъ, по-твоему, хороша картина?

— Очень!

— Гм... Гм... Дѣйствительно, того... недурно. Ну, только цѣна неподходящая!..

Потомъ походилъ нѣсколько времени по другимъ заламъ и опять подошелъ къ картинѣ Размашилова.

— Такъ хороша, говоришь? — спросилъ онъ еще разъ, снова смотря на нее въ кулакъ.

— Очень хороша... Даже, можно сказать, образцовая!..

— Шедевра, стало быть... Гм... Гм... И самъ я, признаться, тоже нахожу... Но дорога! Окончательно дорога!.. А ты знаешь ли, — спросилъ онъ чрезъ нѣсколько времени, — вѣдь онъ у меня въ приказчикахъ служилъ? Да!.. Когда это?.. дай Богъ память... Такъ, надо полагать, лѣтъ десятокъ тому назадъ... Служилъ!.. Тогда я ему три тысячи рублей вспомоществованія далъ. Ты слышалъ?

— Нѣтъ!

— Какъ же это ты, братецъ мой, не слышалъ? Неужели онъ не говорилъ? Удивительно. Да. Три тысячи далъ. И не жалѣю, вотъ сейчасъ мнѣ на семъ

Digitized by Google

мѣстѣ умереть, не жалѣю. Самъ вижу, что въ прокъ пошли. Надо съ нимъ увидаться, безпремѣнно надо,— онъ парень хорошій и мнѣ уступитъ... Братъ у него, я тебѣ скажу, дѣловой человѣкъ, Иванъ Павловичъ... У, башка! У меня тоже служилъ, восемь тысячъ получалъ, теперь свое дѣло завелъ и деньги хорошія имѣетъ, тысячъ сто, если не всѣ двѣсти. Говорокъ такой, сдѣлай милость! Забросаетъ словами кого угодно: ужъ на что моя покойница жена насчетъ разговора была—бритва, горло, бывало, готова была перегрызть каждому, кто хоть одно слово супротивъ скажетъ, а передъ нимъ и она пасовала...

— Такъ ваша супруга скончалась?

— Да, скончалась... Царство ей небесное...

— Матрена Яковлевна, кажется?..

— Такъ звали. Нравная была женщина, правду надо говорить... Однако, между прочимъ, умерла хорошо, тихую кончину ей Господь послалъ и съ покаяніемъ. Очень, можно сказать, по-христіански... Я вкладъ сдѣлалъ на поминъ ея души основательный, большой вкладъ...

Онъ вздохнулъ и потомъ, помолчавъ, рѣшительнымъ тономъ добавилъ:

— Въ раю будетъ—это вѣрно!

Къ картинѣ Размашилова, около которой они стояли, подошелъ въ это время кто-то изъ распорядителей выставки, знакомый спутнику Поликарпа Поликарповича. Поздоровавшись съ нимъ, онъ сказалъ, что картина Размашилова продана.

— Ка-а-къ?—изумленно воскликнулъ Поликарпъ Поликарповичъ, — кто купилъ? Позвольте... Тутъ, въ этомъ, значитъ, дѣлѣ недоразумѣніе. Я хотѣлъ купить, ей Богу! Съ мѣста мнѣ не сойти, ежели вру. За сколько же продана? Позвольте... Я накину сверхъ цѣны еще... Я тысячу рублей накину...

Онъ говорилъ торопливо и громко, не замѣчая, что обращаетъ на себя общее вниманіе, даже схватился за бумажникъ, намѣреваясь немедленно раскошелиться

Digitized by Google

«для шадевры», но, когда распорядитель выставки сказалъ, кѣмъ пріобрѣтена картина, онъ поспѣшно застегнулъ сюртукъ на всѣ пуговицы, и лицо его приняло испуганное выраженіе.

— Но когда же это?—шепотомъ спросилъ спутникъ Поликарпа Поликарповича, обращаясь къ распорядителю.

— Сейчасъ, вотъ всего какихъ-нибудь четверть часа тому назадъ изволили отбыть съ выставки...

— То-то я смотрѣлъ у подъѣзда такъ много полицейскихъ.

Поликарпа Поликарповича уже и слѣдъ простылъ: онъ испугался, какъ бы не попасть въ отвѣтъ за некстати высказанное намѣреніе «накинуть» тысячу сверхъ цѣны.

Возвратился онъ въ номеръ сердитый и сталъ придираться къ Морозову.

— Ты вчера чего смотрѣлъ, мужикъ?

— Что такое? Гдѣ?

— Гдѣ? На выставкѣ,—разумѣется! Проворонили картину-то. Оселъ! Какъ есть самый настоящій сѣрый оселъ! Говорилъ тебѣ, дураку, купить надо... Теперь лови: улетѣла она высоко!..

Морозовъ упорно отмалчивался, точно воды въ ротъ набралъ.

XXXIV.

На выставкѣ Александръ Павловичъ не былъ и успѣха, какимъ пользовалась его картина, не видалъ, хотя могъ съ полною достовѣрностью судить объ этомъ по отзывамъ газетъ, по письмамъ лицъ, желавшихъ ее купить, и по посѣщеніямъ надоѣвшихъ фотографовъ, искавшихъ права сдѣлать съ нея снимки. Онъ былъ боленъ и собирался ѣхать на югъ Италіи. Марья Ярославна уже получила для него и для себя заграничные паспорта и изъ выданныхъ ей за картину мужа трехъ тысячъ рублей уже размѣняла одну тысячу, а двѣ положила въ банкъ на храненіе.

Digitized by Google

Квартира ихъ уже утратила ту уютность, чистоту и порядокъ, которые всегда были предметомъ постоянныхъ заботъ Марьи Ярославны. Въ мастерской всѣ гипсы, мольберты, подрамники, манекены и т. п.— все было составлено въ одинъ уголъ и тщательно закрыто полотномъ. Занавѣсы съ оконъ и портьеры съ дверей сняты, на мебель надѣты чахлы, рояль тоже укутанъ клеенкой и запертъ. Въ зальцѣ посрединѣ комнаты стоялъ дорожный сундукъ, тотъ самый, въ который когда-то давно-давно въ Москвѣ Марья Ярославна, огорченная страстью мужа къ живописи, сваливала въ груду свои платья, комкая ихъ при этомъ безъ всякаго сожалѣнія. Теперь, озабоченная его болѣзнью и значительно утратившая прежнюю свѣжесть и красоту, она ходила по комнатамъ уже въ сѣромъ суконномъ платьѣ, сшитомъ для дороги, и смотрѣла на все окружающее добро, скопленное трудами многихъ лѣтъ, взглядомъ полнымъ грусти, тоски и страха за будущее. Случайно взглянувъ на сундукъ, она вспомнила размолвку съ мужемъ въ Москвѣ, потомъ примиреніе—и цѣлая жизнь промелькнула въ ея памяти:—дѣти, ихъ игры, радости, заботы о нихъ, потомъ нѣчто страшное, невыразимое по своей нестерпимой скорби...

— И вотъ мы одни...—подумала она и вдругъ еще больше затосковала, вспомнивъ о болѣзни мужа.

Она точно такъ же безпомощно опустилась на полъ около дорожнаго сундука, какъ было это въ Москвѣ, и закрыла лицо руками. Потомъ, вспомнивъ, что слезы ея и печальное выраженіе лица могутъ произвести на здоровье Александра Павловича неблагопріятное впечатлѣніе, поспѣшно отерла глаза и оправила платье.

Около сундука на полу лежали нѣсколько книжекъ, альбомы въ холщевыхъ переплетахъ, ящикъ съ красками, все уже связанное и приготовленное для дороги. Квартиру они оставляли за собой и на время ихъ поѣздки въ ней оставалась жить старушка, няня Марьи

Digitized by Google

Ярославны, осиротѣвшая послѣ смерти ея матери, дававшей ей безплатно пріютъ у себя.

Въ той комнатѣ, въ которой помѣщался самъ Александръ Павловичъ, пока еще сохранился нѣкоторый порядокъ, хотя на окнахъ тоже не было занавѣсей и на диванѣ лежали какіе-то узелки, дорожныя подушки, саквояжъ, пледы и т. п. На полу еще оставался коверъ и то только потому, что Марья Ярославна признавала это необходимымъ для здоровья Александра Павловича.

— Что же это, Машенька, коверъ-то,—напомнилъ онъ вечеромъ наканунѣ отъѣзда, — надо бы убрать... Какъ это, ей Богу, вы все дѣлаете не ладно...

— Ахъ, Саша! стоитъ ли о такихъ пустякахъ безпокоиться,—грустно возразила она,—уберемъ, разумѣется...

Но онъ продолжалъ свое:

— У васъ всегда такъ: что не нужно прятать—прячете, а что нужно, то валяется не прибраннымъ. Пустяки! Нѣтъ, не пустяки!.. Просилъ оставить мнѣ тотъ этюдъ, который на темномъ подрамникѣ—не оставила... Этюдъ... Какъ его?.. Ну, тотъ... помнишь? ахъ, Боже мой!.. какая ты странная... Неужели не помнишь?.. Это, наконецъ, чортъ знаетъ что такое,—заволновался онъ вдругъ ни съ того ни съ сего.

Марья Ярославна подошла къ нему, поцѣловала его въ голову и замѣтила, какъ дрожатъ его горячія руки.

— Сашечка, голубчикъ! Не волнуйся, знаешь—тебѣ вредно...—ласково прошептала она.

— Ну, хорошо, хорошо... Только пожалуйста, безъ слезъ...

— Я не плачу! Что ты выдумываешь!..

Голосъ ея былъ, однако же, не твердъ.

Утромъ въ день выѣзда онъ сидѣлъ въ большомъ креслѣ около стола, одѣтый въ ватный халатъ и теплые сапоги. Стклянки съ лѣкарствами, давно уже

Digitized by Google

скучившими ему, были на этотъ разъ отодвинуты нѣсколько въ сторону, уступивъ мѣсто кучкѣ золота, которое Марья Ярославна только что принесла къ нему и положила на столъ.

— Да, вотъ это лѣкарство будетъ подѣйствительнѣе всѣхъ этихъ хлоралъ гидратовъ и бромистыхъ натровъ... Усталъ я, разумѣется... давно, конечно, усталъ, но отдохну... Теперь Богъ дастъ и сонъ вернется, и сердцебіеніе пройдетъ. Да! Вотъ онъ успѣхъ,— думалъ онъ, смотря на золото, на газетныя листы, на груды писемъ, разбросанныхъ по столу,—вотъ онъ и пришелъ... Немножко какъ будто запоздалъ и лишенъ уже той прелести, какою очаровывалъ когда-то молодое воображеніе... Это ничего! Еще жизни впереди много, и еще поработаемъ всласть... Отдохну, Богъ дастъ, и напишу еще кое-что... Напишу пейзажъ съ далью, лѣсокъ съ догорающими на вершинахъ деревьевъ лучами солнца, облачка, тающія на синевѣ неба и тоже тронутыя багрянцемъ заката. На первомъ планѣ группа дѣтей, веселыхъ и беззаботныхъ, около нихъ старушка... усталый взглядъ, морщины на лицѣ... задумчивость и грусть... Да! Надо выразить отношеніе этого вечера къ вечеру ея собственной жизни. Венера уже блеститъ яркой точкой на синевѣ неба... небесная лампада, символъ вѣчности свѣта. Надо написать такъ, чтобы во всемъ чувствовалась мысль поэта:

«И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять».

Такъ мечтая, онъ закашлялся, схватился обѣими руками за столъ и потянулъ къ себѣ скатерть, золото скатилось на полъ и разсыпалось по ковру. Марья Ярославна, бывшая въ сосѣдней комнатѣ, прибѣжала, изумленная странными звуками.

— Саша!—испуганно спросила она,—что съ тобой?

— Какъ это... удивительно!..—слабо проговорилъ

Digitized by Google

онъ, широко раскрывъ глаза и смотря куда-то въ даль.

— Ахъ!.. Боже мой! Что такое? Что удивительно?

Онъ вдругъ глубоко и порывисто вздохнулъ, откинувшись всѣмъ корпусомъ къ спинкѣ кресла, руки какъ-то странно вздрогнули и глаза стали тускнѣть, на губахъ застыла не выразившаяся вполнѣ улыбка не то сожалѣнія, не то грусти. Онъ какъ будто хотѣлъ сказать словами Іонаѳана, сына Саулова: «Вкушая, вкусихъ мало меду, и се азъ умираю» (1 книга Царствъ, XIV, 43).

Digitized by Google

ТИШЬ ДА ГЛАДЬ

РАЗСКАЗЪ

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

Извините, я озабоченъ и колеблюсь. Меня смущаетъ, чтобы какъ-нибудь по недоразумѣнію не дать вамъ повода къ ложнымъ выводамъ относительно идеи разсказа, и потому предупреждаю, что не имѣю никакихъ намѣреній обличать или порицать, а просто хочу разсказать о двухъ-трехъ заинтересовавшихъ меня лицахъ—и только, и больше ничего.

Итакъ, позвольте вамъ представить Іадора Сергѣевича Захарченко-Миролюбова, человѣка почтеннаго, женатаго, аккуратнаго служаку. Іадоръ Сергѣевичъ статенъ и высокъ, держится такъ прямо, какъ будто одѣтъ въ корсетъ, глаза у него большіе и темные, какъ спѣлыя вишни, лицо матоваго темнаго цвѣта, носъ горбатый и длинные, значительно уже посѣдѣвшіе, усы, которые онъ носитъ по-малорусски, концами внизъ. Іадоръ Сергѣевичъ въ городѣ П. лицо немаловажное. Онъ имѣетъ значительную власть, можетъ связывать городскихъ обывателей группами и по одиночкѣ, во всякое время дня и ночи, можетъ и развязывать, и хватать и не пущать, смотря по вкусу и расположенію духа.

Говоритъ Іадоръ Сергѣевичъ густымъ басомъ, часто даже на такихъ низкихъ нотахъ, что самъ отецъ протодьяконъ мѣстнаго каѳедральнаго собора, человѣкъ обширныхъ размѣровъ и страшнаго голоса, завидуетъ его октавѣ, вовсе, будто бы, не соотвѣтствующей занимаемому имъ служебному посту и пропадающей

Digitized by Google

«втунѣ». Іадоръ Сергѣевичъ и самъ любитъ похвастаться своимъ голосомъ, въ особенности въ обществѣ. Иногда, встрѣтившись съ отцомъ протодьякономъ гдѣнибудь въ гостяхъ, на именинномъ пирогѣ, онъ нарочно подзадориваетъ его своей октавой и, подходя къ закускѣ, возглашаетъ, обращаясь къ нему: «прійдите, поклонимся!»—а тотъ, показывая огромной ручищей на столъ съ закуской, тоже баситъ: «и припадемъ!»—и оба выпиваютъ. Случается, что выпивъ двѣтри, а то и пятокъ рюмокъ англійской или ерофеичу, отецъ протодьяконъ, раскраснѣвшись отъ винныхъ паровъ, замѣчаетъ Іадору Сергѣевичу насчетъ необыкновеннаго его «органа», а Іадоръ Сергѣевичъ, въ отвѣтъ на его замѣчанія, покровительственно посмѣивается, покручиваетъ свои длинные усы и плечами пошевеливаетъ. Пошевеливаетъ онъ плечами для того, чтобы кисточки его густыхъ эполетъ веселѣе играли одна съ другой.

— Голосъ у меня... да... могу сказать, колоссальный, но слуха музыкальнаго не имѣю! — жалуется онъ: — имѣй я слухъ—былъ бы первымъ пѣвцомъ въ итальянской оперѣ въ Петербургѣ.

— Нѣтъ, позвольте-съ,—баситъ на всю комнату о. протодьяконъ: — я съ вами не согласенъ! Рѣшительно не согласенъ! Пѣніе, что! Пустое дѣло! Я самъ пою, и могу сказать, хорошо пою, вполнѣ даже удовлетворительно, а вотъ балетъ—это, я вамъ доложу, статья иная! Я сподобился видѣть, да-съ! Какъ это она станетъ на кончики пальчиковъ, да какъ завертится—это вотъ штука.

— Ахъ, полноте,—почти обижается Іадоръ Сергѣевичъ: — что балетъ! Въ балетѣ ничтожное жалованье.

— Неужели? Скажите, пожалуйста! За такія, можно сказать, необыкновенныя комбинаціи—и вдругъ—малое жалованье! Это даже непостижимо.

— Да-съ, вотъ и разсудите!—продолжаетъ Іадоръ Сергѣевичъ, вдругъ переходя на постоянно занимавшій

Digitized by Google

его мысли о своей службѣ:—я, напримѣръ, что имѣю отъ своихъ, можно сказать, адскихъ трудовъ?

Но о. протодьяконъ такими словами Ѣадора Сергѣевича возмущается. Онъ поднимаетъ свои огромныя руки кверху, причемъ широкіе рукава его шелковой голубой рясы раздуваются, какъ паруса, и укоризненнымъ тономъ возглашаетъ:

— О, великое Божіе милосердіе! Како не снидетъ огнь съ небеси и не пожжетъ васъ за такія рѣчи?

Захарченко-Миролюбовъ обижается.

— За что такіе громы? Освободите, отецъ протодьяконъ!

— А за то, что на Бога ропщете! Вамъ ли нѣтъ счастья? Помилуйте! Можно сказать, полная чаша въ домѣ и вдругъ—уныніе! хо, хо, хо!

Отецъ протодьяконъ гогочетъ и, явно желая извлечь Ѣадора Сергѣевича изъ мрачнаго настроенія духа, опять баситъ, показывая на закуску:

— Дерзай, чадо!

И Захарченко-Миролюбовъ, какъ бы сознавъ съ своей стороны, что въ самомъ дѣлѣ пора перемѣнить минорный разговоръ на другой, болѣе соотвѣтствующій закусочному настроенію, тоже баситъ:

— «Приступите къ нему и просвѣтитеся и лица ваша не постыдятся!..»

И оба довольны, довольны и другіе гости такимъ «веселымъ разговоромъ», и всѣхъ больше, разумѣется, самъ именинникъ.

Живетъ Захарченко-Миролюбовъ въ губернскомъ городѣ П. лѣтъ уже около десятка. Службу свою онъ началъ въ военной. При осадѣ какого-то непріятельскаго укрѣпленія на Кавказѣ, первый забрался на его стѣны и собственноручно лишилъ жизни нѣсколькихъ человѣкъ. За такую храбрость онъ получилъ Георгія и, по выходѣ въ отставку «съ мундиромъ», былъ признанъ способнымъ занять мѣсто блюстителя порядка и благочинія въ городѣ П. Сожалѣлъ ли онъ когда-нибудь о томъ, что судьба такъ самовластно и

Digitized by Google

нѣсколько даже иронически распоряжалась имъ: при голосѣ не дала слуха и при храбрости лишила военной карьеры—неизвѣстно. Онъ иногда говаривалъ, что, конечно, и гражданская служба тоже служба царю и отечеству, и при случаѣ можно быть замѣченнымъ, но что и военная имѣетъ свои прелести. «Вотъ только, — добавлялъ онъ иногда къ своимъ сожалѣніямъ,—колоть непріятеля я не любилъ, въ особенности ежели штыкомъ,—какъ-то неловко: колешь во что-то мягкое, точно въ подушку, и даже совѣстно, въ особенности когда убитый, выпуча глаза, валится на землю».

Это онъ, насчетъ совѣсти-то, вралъ и больше такъ для препровожденія времени. Онъ и теперь, будучи на гражданской службѣ, если бы представился случай «отличиться», и въ особенности если бы начальство пожелало, прикололъ бы, кого прикажутъ, не только штыкомъ въ брюхо, а куда угодно. Вообще, онъ — служака отмѣнный и у начальства «на счету». Но однако-жъ, говоря откровенно и безпристрастно, я не могу сказать, чтобы онъ отличался большою сообразительностью. По моему мнѣнію, онъ—человѣкъ малыхъ способностей и держится долго на мѣстѣ только «усердіемъ къ службѣ». Положимъ, и усердіе—качество похвальное, но если у человѣка только и достоинствъ, что онъ лбомъ объ стѣну не стукается, стекломъ не утирается, сальныхъ свѣчъ не ѣстъ, то какой же прокъ отъ его усердія?

II.

Не въ обиду будь сказано Іадору Сергѣевичу, большая была у него жадность и къ служебнымъ успѣхамъ, и къ богатству — вообще ко всему суетному, чѣмъ такъ красна жизнь для большинства смертныхъ. Онъ имѣлъ удобную казенную квартиру, съ прислугой, отопленіемъ, освѣщеніемъ, и такъ далѣе. Всякаго добра было у него въ домѣ черезъ край; экипажи для

Digitized by Google

всякой погоды и на всѣ четыре времени года, лошади—такія, какихъ мѣстные купцы (ужъ, кажется, имъ ли не имѣть?) и во снѣ не видывали, — кажись, чего бы еще желать, а между тѣмъ Іадоръ Сергѣевичъ скучалъ. Сталъ онъ, впрочемъ, скучать съ недавняго времени, именно послѣ того, какъ достаточно уже оперился, обзавелся всякимъ добромъ и деньжонки кой-какія уже прикопилъ. И вотъ съ этого времени мирная жизнь въ глухомъ губернскомъ городѣ затомила его своимъ однообразнымъ теченіемъ. Онъ, какъ человѣкъ матеріально обезпеченный, сталъ смотрѣть на свое призваніе нѣсколько свысока,—не отъ хлѣба, молъ, единаго живъ будетъ человѣкъ—словомъ, извините за выраженіе, порядочно-таки разопсѣлъ и сталъ томиться жаждою служебныхъ отличій, наградъ и повышеній, чего въ глухомъ городѣ II. нечѣмъ было заслужить. Обыватели вели себя мирно, евреевъ не били, тайныхъ сборищъ не устраивали и ни о какихъ противоправительственныхъ заговорахъ, можно сказать, и понятія не имѣли. При такомъ мирномъ теченіи городской жизни, разумѣется, трудно было «отличиться», а отличиться Іадору Сергѣевичу хотѣлось. Иногда въ сумерки, сидя съ женой въ кабинетѣ, вставъ отъ послѣобѣденнаго сна и въ ожиданіи пока соберется партія въ винтъ, онъ мечталъ о томъ, какъ бы получить повышеніе, положимъ, не въ Петербургъ и не въ Москву (куда ужъ намъ,—думалъ онъ), а хотя бы въ Кіевъ, напримѣръ, Харьковъ, въ Одессу—все-таки университетскіе города и театры тамъ есть. Въ дополненіе своей мысли онъ прибавлялъ: «вотъ тамъ жизнь, тамъ и выслужиться легче, а здѣсь что—прозябаніе».

— Да! Театры хорошо!—вяло и точно въ дремотѣ замѣчала иногда ему жена, въ отвѣтъ на такія «мечтанія»:—мнѣ бы, бездѣтной женщинѣ, очень пріятны театры... Только ужъ я не знаю... Я ужъ думаю, не надо ихъ... Лучше ужъ безъ театровъ, только бы отсюда не переѣзжать...

Она была женщина тихая, спокойная, лѣнивая и

Digitized by Google

расплылась за послѣдніе года такъ, что ей и пальцемъ пошевелить не хотѣлось. Иногда въ отвѣтъ на мечты мужа о переводѣ въ университетскій городъ, она такъ-таки прямо запрещала ему продолжать подобный, раздражавшій ея спокойствіе, разговоръ. Это его сердило. Онъ швырялъ въ сторону дѣловыя бумаги и начиналъ говорить, передразнивая ея тихую, полусонную рѣчь:

— «И здѣсь хорошо. Спокойно... всего вдоволь, здѣсь и рыба дешевая, я очень довольна»... Да чортъ ли въ этомъ?—почти кричалъ онъ, — когда отъ скуки здѣсь можно въ омутъ кинуться? Въ квартирѣ у насъ точно сонное царство... У меня и подчиненные-то всѣ отъ бездѣлья ходятъ какъ въ дремотѣ, точно отравленныя мухи...

— Ну ужъ тоже не весьма пріятно, когда люди мечутся во всѣ стороны, какъ на пожарѣ! Я благодарю Господа Бога, что хоть этого нынче нѣтъ.

— А я именно этого желаю... Желаю, чтобы хоть что-нибудь... хоть бы, наконецъ, пожаръ, что-ли...

— Ты несносенъ! И кричишь... Ахъ, какой у тебя несносный голосъ!

Иногда онъ, разсерженный женою, уѣзжалъ изъ дому въ непоказанные для такихъ отъѣздомъ часы и искалъ развлеченія съ другими особами прекраснаго пола, не столь вялыми, какъ его жена; а иногда весь свой споръ съ нею обращалъ въ шутку и на ея замѣчанія о силѣ его страшнаго голоса разыгрывалъ комическую сцену, подражая одному извѣстному оперному басу, о которомъ, какъ о собратѣ по голосу, кой-что слыхалъ. Этотъ оперный басъ, имѣвшій привычку выпить лишнее, часто избавлялся отъ упрековъ своей жены именно тѣмъ, что, становясь въ королевскую позу и многозначительно поднимая руку кверху, напоминалъ женѣ о страшной силѣ своего голоса такими словами: — «Марія! Ноту дамъ!» Такъ и Іадоръ Сергѣевичъ, мнившій себя тоже большимъ басомъ, про возглашалъ, стоя передъ женой въ королевской позѣ

Digitized by Google

— Умолкни! Ноту дамъ!

— Ахъ, пожалуйста, избавь, не кричи!—отвѣчала жена, заранѣе затыкая уши обѣими руками.

— То-то, испугалась!

Такъ проходили дни за днями мирной жизни Іадора Сергѣевича.

Въ городѣ между тѣмъ нельзя сказать, чтобы царствовало полное спокойствіе и порядокъ. Городскіе банки понемногу обворовывались, общественное хозяйство шло вкривь и вкось, въ земствѣ оказывались хищенія, на желѣзной дорогѣ провалы, увѣчья и гибель пассажировъ, — но все это ничуть не касалось Іадора Сергѣевича, ибо происходило «не въ его вѣдомствѣ» и, слѣдовательно, не давало никакого повода и случая отличиться.

— Нѣтъ, чортъ побери, — досадовалъ онъ, — какъ тамъ жена не говори, а надо хлопотать о переводѣ въ другой городъ; здѣсь заплѣсневѣешь...

III.

Можно ли было дѣйствительно заплѣсневѣть, служа въ такомъ мирномъ городѣ, каковъ былъ П., объ этомъ не весьма удобно говорить, хотя бы даже въ силу того, что самъ же Іадоръ Сергѣевичъ такъ хорошо оперился, служа именно въ П. Но, повторяю, человѣкъ ожирѣлъ и возмечталъ о себѣ Богъ знаетъ что такое. На грѣхъ и газеты еще подбавляли жару и до того разстраивали его спокойствіе, что онъ иногда, бывало, цѣлый день мечется по городу изъ конца въ конецъ звѣрь-звѣремъ, а сядетъ вечеромъ въ винтъ играть—такіе ремизы ставитъ, что партнера его то въ жаръ, то въ холодъ бросаетъ. А все газеты! Бывало, проснется утромъ — человѣкъ какъ человѣкъ и чаю спокойно напьется, и папироски двѣ-три выкуритъ и объ обѣдѣ даже позаботиться — вотъ, молъ, то-то и то-то желаю ѣсть, а начнетъ читать газеты — и пошло все къ чорту, и чай, и папиросы, и обѣдъ,

Digitized by Google

и даже самая газета. Начнетъ онъ читать ее, бывало, всегда такъ: развалится на диванѣ съ ногами, сафьянную подушку положитъ себѣ подъ голову и не торопясь развернетъ листъ. Потомъ спустя нѣсколько времени, ноги его оказываются уже на полу, подушка подъ бокомъ и черные глаза его уже совсѣмъ безпокойно и тревожно бѣгаютъ по строкамъ газетнаго листа. Потомъ, спустя еще нѣсколько времени, газетный листъ уже наполовину смятъ и самъ Іадоръ Сергѣевичъ, оставивъ диванъ, приткнулся гдѣ-то въ кабинетѣ въ углу на стулѣ. Въ концѣ концовъ—листъ бросается на полъ, какъ ни на что непригодная вещь, и Іадоръ Сергѣевичъ оказывается въ раздраженномъ душевномъ состояніи. Богъ его знаетъ, что всего больше волновало его въ газетахъ — извѣстія ли о событіяхъ внутренней жизни страны, въ то время имѣвшихъ мрачный характеръ, или правительственныя распоряженія—трудно сказать.

Говоря откровенно, я бы не сталъ вамъ и разсказывать о томъ, какъ онъ читаетъ газеты, если бы не имѣлъ въ виду его подчиненныхъ. Съ нѣкотораго времени они уже довольно увѣренно стали судить о расположеніи духа Іадора Сергѣевича именно по газетнымъ извѣстіямъ: чѣмъ больше въ нихъ было тревожныхъ извѣстій и правительственныхъ распоряженій о производствахъ и отличіяхъ, тѣмъ вѣрнѣе ожидали они распеканій отъ Іадоръ Сергѣевича. По правдѣ сказать, всѣ они были люди дѣйствительно сонные и довольствовались малымъ. Іадоръ Сергѣевичъ давно уже на нихъ, какъ говорится, рукой махнулъ и если удостоивалъ болѣе или менѣе своимъ вниманіемъ, такъ только одного изъ нихъ, самаго младшаго изъ подчиненныхъ—Погуляева по фамиліи.

На Погуляева онъ часто посматривалъ съ пытливымъ любопытствомъ и именно потому, что въ немъ дѣйствительно было нѣчто, заслуживающее вниманія. Былъ онъ бойкій, смѣтливый и исполнительный человѣкъ. Даже самая фигура его невольно какъ-то обра-

Digitized by Google

щала на себя вниманіе Іадора Сергѣевича, хотя бы только потому, что была не похожа на фигуры его подчиненныхъ. Тѣ были люди рослые, толстые, съ красными жирными лицами, соннымъ взглядомъ оловянныхъ глазъ и мокрыми губами, а Погуляевъ ростъ имѣлъ маленькій и узенькія плечи, головенка была у него крошечная и носикъ маленькій точно пуговка; но глаза, именно глаза, были у него удивительные—острые, бойкіе и препытливые. Они всегда имѣли такое выраженіе, точно выслѣживали, не лежитъ ли гдѣ что-нибудь плохо.

При своей несомнѣнно быстрой сообразительности, Погуляевъ не могъ не замѣтить, что Іадоръ Сергѣевичъ жаждалъ дѣятельности, не могъ не видѣть, что ему, маленькому человѣку, оказывается явное предпочтеніе передъ другими именно за то, что онъ ревностно исполняетъ свое дѣло. Замѣчая такое предпочтеніе, онъ, разумѣется, больше и больше разжигался желаніемъ отличиться передъ Іадоромъ Сергѣевичемъ. Но само собою понятно, онъ зналъ, что на пустякахъ далеко не уѣдешь, зналъ также и то, что крупнаго ничего въ П. ждать не откуда; однако-жъ онъ, повторяю, все-таки не дремалъ подобно другимъ собратамъ.

IV.

Однажды идя по улицѣ ввѣреннаго его наблюденію участка, на одной изъ городскихъ окраинъ, онъ замѣтилъ нѣчто... Но, позвольте. Прежде чѣмъ начать подробный разсказъ о томъ, какъ и что именно онъ замѣтилъ, необходимо сказать нѣсколько словъ о глухихъ улицахъ, находившихся на окраинахъ города П.

Окраина этого города, какъ и вообще окраины каждаго изъ русскихъ городовъ, большихъ и малыхъ, были всегда, и прежде, и теперь, и вѣроятно впослѣдствіи, еще сотню-другую лѣтъ, будутъ мѣстомъ глухимъ и безлюднымъ. На улицахъ этихъ окраинъ нѣтъ ни тротуаровъ, ни шоссированныхъ дорогъ, ни фона-

Digitized by Google

рей. Коровы гуляютъ тамъ по одиночкѣ и группами, ребятишки бѣгаютъ съ высокоподобранными подолами рубашенокъ, вѣчно перепачканные, съ грязными носами. Осенью въ дождливое время тамъ образуется на улицахъ пятая стихія, какою назвалъ Наполеонъ I-й русскую грязь; коровы, продолжая свои прогулки, едва вытаскиваютъ изъ такой грязи ноги, а иногда даже и воютъ въ отчаянномъ сознаніи своего безнадежнаго положенія. Собаки тамъ заливаются дружнымъ хоромъ на каждаго прохожаго, который иначе не смѣетъ показаться туда, какъ только съ надежнымъ орудіемъ въ рукахъ въ видѣ суковатой палки или достаточнаго количества камней. Зимою тамъ посреди улицы преспокойно прогуливаются вороны, тыкаясь носами въ сугробы снѣга, и не тревожатъ ихъ ни пѣшіе, ни конные, потому что ни тѣхъ, ни другихъ не встрѣчается на улицахъ иногда по цѣлымъ часамъ. Домишки на такихъ окраинахъ всегда маленькіе, унылые; живутъ въ нихъ люди бѣдные, и только одинъ Господь Богъ знаетъ, на какія средства они живутъ. Виноватъ: едва было не уклонился въ сторону — ужъ очень интересенъ вопросъ, на какія въ самомъ дѣлѣ средства существуютъ подобные обитатели окраинъ: ни денегъ, ни земли, ни промысловъ, ни ремеслъ, а живутъ и, должно быть, все-таки какъ-ни-какъ кормятся, потому что, согласитесь сами, нельзя же безъ пищи жить.

Въ одномъ изъ такихъ домовъ коротала свой долгій вѣкъ нѣкая старушка, то-есть не то чтобы совсѣмъ старая, ну однако жъ въ лѣтахъ уже почтенныхъ; пожалуй, ей было далеко за полсотню лѣтъ. Вотъ именно она и навела Погуляева на подозрѣнія относительно своей благонадежности. Шелъ онъ однажды по той улицѣ, гдѣ находился ея домикъ. Шелъ онъ своимъ обыкновеннымъ ровнымъ шагомъ и въ совершенно спокойномъ состояніи духа, въ какомъ почти всегда находился за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда бывалъ выпивши, и вдругъ замѣтилъ, что около домика

Digitized by Google

старухи происходитъ что-то такое, чего онъ до сихъ поръ никогда не видывалъ. Именно, онъ замѣтилъ, что горбатая старуха въ сопровожденіи другой, почти такой же горбатой, пріѣхали къ воротамъ упомянутаго домика на извозчикѣ съ какимъ-то ящикомъ, небольшимъ впрочемъ, но однако же казавшимся достаточно большимъ для того, чтобы Погуляевъ, увидя его, задался вопросомъ о томъ, что это за ящикъ и зачѣмъ было этимъ старухамъ ѣхать на извозчикѣ? Былъ Погуляевъ въ минуту ихъ пріѣзда къ воротамъ домика въ значительномъ отъ него разстояніи и не могъ во время спросить старухъ, хотя бы даже мимоходомъ и какъ бы въ видѣ шутки, что это, молъ, вы, старушки Божіи, привезли? Когда онъ подошелъ къ воротамъ домика, извозчикъ, привезшій старухъ, успѣлъ не только отъѣхать отъ него, но даже повернулъ уже за уголъ въ другую улицу. Погуляевъ, не отдавая самому себѣ отчета, съ чего такъ вдругъ охватило его любопытство, остановился у воротъ домика и легонько тронулъ скобку калитки, желая заглянуть внутрь двора, но калитка оказалась запертою. Отворись она свободно, — онъ вѣроятно на томъ бы и покончилъ свои наблюденія, что взглянулъ бы во дворъ и, не видя въ немъ ничего, кромѣ огромнаго, ничѣмъ не застроеннаго пустыря, поросшаго травой, пошелъ бы своей дорогой. Но запертая калитка только раздражила его любопытство. «Съ чего онѣ такъ скоро заперлись и что это за ящикъ?—спрашивалъ онъ самъ себя: — зачѣмъ имъ такой ящикъ, съ чѣмъ, наконецъ, онъ: съ виномъ, со стеариновыми свѣчами, съ конфектами? Но на какія средства будутъ эти двѣ старушонки покупать себѣ ящиками вина, или свѣчи и конфекты? Что-то тутъ не такъ»... Онъ подумалъ было, не постучать ли въ калитку, но самъ же отмѣнилъ свое рѣшеніе, и отмѣнилъ быстро и даже какъ будто съ испугомъ. Ему какъ-то совѣстно стало при мысли о томъ, что онъ ни съ того ни съ сего хотѣлъ ввалиться въ чужой домъ безъ всякаго повода. «И съ чего это мнѣ

Digitized by Google

такое вдругъ подозрѣніе на умъ пришло?»—размышлялъ онъ, идя далѣе. Онъ прошелъ улицу до конца, вошелъ въ другую и добрался, наконецъ, до своей квартиры. Думы о старухахъ и о таинственномъ ящикѣ, казалось, совсѣмъ его оставили. Но спустя два-три дня, когда ему снова пришлось быть въ той улицѣ, гдѣ жила вышеупомянутая старуха, онъ опять вспомнилъ о заинтересовавшемъ его ящикѣ и опять невольно какъ-то задумался о томъ, что въ самомъ дѣлѣ такое могли въ немъ привезти старухи. На этотъ разъ, проходя мимо домика, онъ замѣтилъ, что всѣ три окна его, выходившія на улицу, были закрыты ставнями. Онъ подумалъ было: «должно быть, уѣхала старуха куда-нибудь», но самъ же и отвергъ эту мысль, зная очень хорошо, что старухѣ ѣхать некуда, не зачѣмъ, да и не на что. «Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же ставни такъ рано закрывать?»—подумалъ онъ, опять впадая въ сомнѣніе насчетъ старухъ. На дворѣ въ это время было еще свѣтло, солнце только что спряталось за горизонтъ, разливъ отраженіе своихъ яркихъ лучей въ массѣ облаковъ, скопившихся на западной сторонѣ неба. Погуляевъ подумалъ было: «быть дождю», но тотчасъ же мысль эту вытѣснили опять подозрѣнія насчетъ старухъ и вновь припомнился ящикъ. Онъ однако же не подошелъ къ воротамъ подозрительнаго домика, не остановился даже противъ его оконъ, идя по противоположной сторонѣ, а прошагалъ мимо съ такимъ видомъ, какъ будто бы вовсе и вниманія не обращаетъ ни на что его окружающее. Нужно сказать, что и на этотъ разъ онъ послѣ нѣкоторыхъ размышленій и соображеній призналъ свои подозрѣнія не заслуживающими вниманія и на нѣкоторое время совсѣмъ даже позабылъ о старухахъ. Но случай ли судьба ли имъ руководила, Богъ знаетъ, только он чрезъ нѣсколько времени снова увидѣлъ обѣихъ ста рухъ, ѣхавшихъ на извозчикѣ и опять съ ящикомъ.- «Нѣтъ, чортъ васъ побери, вѣдьмы старыя,—рѣшил онъ,—надо за вами слѣдить!» И сталъ уже намѣрен

Digitized by Google

посѣщать глухую улицу, намѣренно проходилъ лишній разъ мимо домика старухи. И чѣмъ дальше онъ слѣдилъ за нимъ, тѣмъ тверже убѣждался, что по временамъ въ немъ происходитъ что-то необыкновенное. Сталъ онъ замѣчать, что иногда въ глухую улицу заѣзжаетъ на извозчикѣ, и всегда на бойкомъ, и всегда съ большой поспѣшностью и при томъ непремѣнно ночью, какой-то господинъ въ шубѣ (дѣло было уже зимою) съ поднятымъ кверху воротникомъ и съ надвинутой почти на самые глаза шапкой. Извозчикъ останавливаетъ лошадь у воротъ домика старухи, сѣдокъ моментально исчезаетъ въ калиткѣ, а извозчикъ немедленно же и съ прежнею быстротою уѣзжаетъ изъ глухой улицы. Погуляевъ не могъ рѣшить, одинъ ли все тотъ же господинъ въ шубѣ посѣщаетъ домикъ старухи, или разныя лица, не могъ также и извозчика услѣдить, хотя разъ и пустился было догонять его на другомъ намѣренно для этого подготовленномъ извозчикѣ, но потерялъ его изъ виду при первомъ же поворотѣ въ другую улицу. Послѣ этой неудачи онъ не только интересовался подозрительнымъ домикомъ, но былъ уже охваченъ такими думами и сомнѣніями, которыхъ самъ испугался. Онъ сталъ задумываться, что если въ самомъ дѣлѣ во всей этой таинственной исторіи скрывается что-нибудь подозрительное, и если онъ не сумѣетъ во время довести о немъ до свѣдѣнія начальства, то въ такомъ случаю какая его самого постигнетъ участь? — «Можетъ, тамъ составы какіе-нибудь ужасные приготовляютъ, — думалъ онъ, — а можетъ быть даже и фальшивыя бумажки — тоже дѣло такое, за которое мнѣ, если во время не донесу, достанется». Зайти въ домъ старухи и именно тотчасъ же вслѣдъ за таинственнымъ посѣтителемъ и накрыть его тамъ врасплохъ онъ разумѣется не рѣшался, во-первыхъ потому, что такимъ, хотя и смѣлымъ, но безумнымъ шагомъ могъ себѣ повредить, а во-вторыхъ, могъ и все дѣло испортить и потерять случай отличиться (кому же это не желательно?).

Digitized by Google

Однако жъ, опасаясь отвѣтственности, могущей пасть на него за бездѣйствіе, онъ рѣшился донести о своихъ подозрѣніяхъ «по начальству» и просить инструкціи.

Когда онъ явился къ Іадору Сергѣевичу, тотъ читалъ въ это время газеты и только что отшвырнулъ отъ себя листъ на полъ, недовольный тѣмъ, что пришлось ему прочитать. Погуляевъ замѣтилъ его раздраженіе, но нимало не струсилъ, будучи увѣренъ, что ему ни въ какомъ случаѣ не грозитъ опасность. Вѣрнѣе сказать, самъ Іадоръ Сергѣевичъ немножко трухнулъ, изумленный крайне озабоченнымъ видомъ Погуляева.

— Что случилось? — поспѣшно спросилъ Іадоръ Сергѣевичъ.

Въ отвѣтъ на такой вопросъ Погуляевъ вмѣсто обычныхъ рѣчей о тишинѣ и спокойствіи во ввѣренномъ ему участкѣ, сталъ докладывать, что съ нѣкотораго времени замѣчаетъ въ одномъ изъ домовъ своего участка нѣчто крайне подозрительное.

При такомъ его докладѣ Іадоръ Сергѣевичъ даже съ кресла привскочилъ и весь обратился въ слухъ. Погуляевъ, еще болѣе ободренный его вниманіемъ, ускорилъ свою рѣчь. Вытянувъ руки по швамъ и стараясь не мигать, онъ, наконецъ, сталъ сыпать словами такъ скоро, что Іадоръ Сергѣевичъ остановилъ его крикливымъ возгласомъ:

— Тише, чортъ, не спѣши! Говори обстоятельнѣй.

— Слушаю-съ, — отвѣтилъ Погуляевъ, твердо выдерживая упорный взглядъ Іадора Сергѣевича, направленный прямо на его оживленное лицо.

Продолжая стоять въ той же неподвижной позѣ окаменѣлаго человѣка, онъ нѣсколько замедлилъ теченіе своей рѣчи и наконецъ досказалъ до конца все что находилъ нужнымъ.

Не успѣлъ онъ еще рта сомкнуть по окончаніи доклада, какъ Іадоръ Сергѣевичъ уже схватилъ его обѣими руками за плечи и зашепталъ такъ, какъ ше

Digitized by Google

чутъ только трагическіе актеры, да и то лишь въ самыхъ «выигрышныхъ» мѣстахъ своихъ ролей.

— Будь осторожнѣе!

— Слушаю.

— Никому ни слова, ни-ни! Боже сохрани — разражу на мѣстѣ!

Онъ тряхнулъ Погуляева за плечи раза два такъ, что у того голова мотнулась на шеѣ изъ стороны въ сторону и глаза закатились подъ лобъ. Глаза самого Іадора Сергѣевича имѣли въ эту минуту почти звѣрское выраженіе. Погуляевъ даже готовъ былъ отказаться отъ своихъ словъ, лишь бы только избавиться отъ начальническихъ угрозъ. Но вернуться назадъ ему не было уже никакой возможности, такъ какъ Іадоръ Сергѣевичъ, ухватившись за сообщенное извѣстіе, потребовалъ отъ него не только ежедневныхъ, но чуть даже не ежечасныхъ докладовъ о наблюденіяхъ за дѣйствіями замѣченнаго имъ какого-то подозрительнаго лица.

Вышелъ отъ него Погуляевъ нѣсколько даже какъ будто отуманенный тѣмъ впечатлѣніемъ, какое произвелъ на Іадора Сергѣевича своимъ докладомъ. Онъ никакъ этого не ожидалъ; если даже и придавалъ важное значеніе подозрѣніямъ насчетъ домика старухи, то ужъ никакъ не въ тѣхъ размѣрахъ, какіе придалъ имъ самъ Іадоръ Сергѣевичъ.

Въ этотъ же вечеръ почти тотчасъ же послѣ порученія инструкціи, онъ такъ солидно выпилъ, вѣроятно въ предвкушеніи успѣха, что далеко за полночь гонялъ по окраинамъ города на извозчикахъ и все время бормоталъ себѣ подъ носъ:

— Мы тоже не лыкомъ шиты... Мы еще себя покажемъ. Можетъ, такія дѣла обработаемъ — мое почтенье!

И Іадоръ Сергѣевичъ съ своей стороны былъ оживленъ докладомъ Погуляева необыкновенно. Онъ какъ только отпустилъ его «къ исполненію инструкцій», такъ тотчасъ же зашагалъ по комнатѣ и такъ быстро,

Digitized by Google

что любимый его котъ, мирно дремавшій на диванной подушкѣ, въ испугѣ шарахнулся въ двери, какъ будто его окатили холодной водой. Іадоръ Сергѣевичъ даже и побѣга его не замѣтилъ, такъ сильно онъ былъ возбужденъ докладомъ подчиненнаго.

— А-а! Такъ и у насъ послышался этотъ подозрительный запахъ!—злорадно думалъ онъ:—ха-арошо! Па-асмотримъ, что тамъ такое, а-а! такъ вотъ какъ! Чудесно!..

Въ его воображеніи уже рисовалось отличіе и повышеніе по службѣ. Въ порывѣ такихъ пріятныхъ мечтаній, онъ вдругъ запѣлъ своимъ страшнымъ голосомъ что-то будто бы изъ «Жизни за Царя», но пѣніе его не имѣло ничего общаго съ музыкой Глинки, а скорѣе напоминало возгласы отца протодьякона, когда онъ, стоя въ царскихъ дверяхъ храма лицомъ къ народу и весь красный отъ напряженія, басилъ во весь голосъ:

— И о всей па-ла-атѣ!

V.

Нѣсколько дней спустя Погуляева не только посторонніе, но и близкіе знакомые не могли признать за прежняго Погуляева. Онъ обрился, изъ русаго сдѣлался брюнетомъ, изъ чиновника превратился въ штатскаго, пальто на немъ было съ бобровымъ воротникомъ, шапка соболья—ну, купецъ первой гильдіи да и только. Впрочемъ, въ маленькихъ и узенькихъ его глазахъ попрежнему было замѣтно мышиное выраженіе и въ манерахъ оставалась все та же чиновничья вкрадчивость съ ужимочками. Но заподозрить въ немъ прежняго Погуляева было все-таки не легко, въ особенности для старухи, обладательницы подозрительнаго домика. Именно для свиданія съ нею онъ и преобразился такъ, впрочемъ по приказанію самого Іадора Сергѣевича, поручившаго ему «пощупать старуху на мѣстѣ». Іадоръ Сергѣевичъ, разумѣется, не могъ не знать, какъ

Digitized by Google

и всѣ прочіе обитатели города П., что заподозрѣнная старуха есть не кто иная, какъ бѣдная вдова-чиновница, имѣетъ грошовую пенсію и живетъ подачками купцовъ «на бѣдность»; но такихъ данныхъ, при обнаружившихся на счетъ ея подозрѣній, было недостаточно: подозрѣнія ими не устранялись, и потому Погуляеву было поручено посѣтить ее подъ видомъ частнаго человѣка.

Погуляевъ явился къ ней тоже какъ-то подъ вечеръ въ сумерки, подражая тому неизвѣстному лицу, пріѣзжавшему къ ея домику въ нахлобученной по самые глаза шапкѣ. Онъ точно также нахлобучилъ шапку почти на носъ и поднялъ воротникъ пальто кверху; но, подъѣхавъ къ воротамъ дома и сунувшись въ калитку, онъ сразу понялъ, что между нимъ и тѣмъ таинственнымъ посѣтителемъ, котораго онъ замѣчалъ у этой калитки, была огромная разница: тотъ, соскочивъ съ извозчика у воротъ, мгновенно же исчезалъ внутрь двора старухи, а онъ оказался только у воротъ и дальше проникнуть не могъ, такъ какъ калитка была на запорѣ. Онъ подергалъ веревку, висѣвшую черезъ заборъ и прикрѣпленную къ скобѣ калитки, но въ отвѣтъ на это долго почему-то никто не показывался. Пришлось подергать веревку еще нѣсколько разъ. Калитка, наконецъ, открылась и мужикъ довольно мрачнаго вида показался на ея порогѣ.

— Вамъ кого надыть?—враждебно спросилъ онъ.

— Намъ бы Ирину Ипатьевну повидать,—отвѣтилъ Погуляевъ, подражая манерѣ купеческой рѣчи.—Мы пріѣзжіе, и есть, признаться, дѣльце.

Мужикъ, не видя въ такомъ посѣтителѣ ничего подозрительнаго, указалъ ему дорогу въ комнаты.

Старуха встрѣтила нежданнаго гостя низкимъ поклономъ, сморщенныя старыя губы свои она сжала при входѣ его въ комочекъ, костлявыя руки прилокила къ груди и не безъ удивленія спросила:

— Что, батюшка мой, прикажете?

Погуляевъ сталъ ей врать, что находилъ удобнымъ

Digitized by Google

и нужнымъ для отвода ея подозрѣній, а самъ между тѣмъ пытливо стрѣлялъ глазами во всѣ стороны.

Обстановка въ домикѣ была самая обыденная: небольшой диванчикъ, покрытый темненькимъ ситцемъ, старенькій коврикъ на полу, сильно потертый и отцвѣтшій; на узенькихъ подоконникахъ нѣсколько горшковъ съ цвѣтами, бѣлыя кисейныя занавѣски съ желтоватымъ отливомъ, съ дырами неискусно защтопанными, и старинные стѣнные часы съ массивными гирями. Комната, въ которую старуха пригласила Погуляева сѣсть, имѣла всего два окна, а рядомъ съ нею, какъ онъ замѣтилъ въ растворенную дверь, была другая комната въ одно окно, и подойдя къ этимъ дверямъ, какъ бы случайно, онъ увидѣлъ, что изъ этой второй комнаты дверь была тоже растворена, и понялъ, что тамъ за этой дверью находится кухня. Изъ всей быстро имъ окинутой обстановки жилища старухи, онъ совсѣмъ бы не вынесъ подозрительнаго впечатлѣнія, еслибъ не замѣтилъ (еще въ то время, когда шелъ по двору), что черезъ огромный пустырь, составлявшій этотъ дворъ, пролегала по снѣгу тропинка куда-то на задворки сосѣднихъ домовъ. Онъ никакъ не могъ рѣшить, куда велъ этотъ путь. Что путь былъ—въ этомъ онъ никакъ не сомнѣвался, но куда и для какой надобности и кто именно по нему ходилъ—это осталось для него пока не рѣшеннымъ.

Разговоръ его со старухой однако же не вязался. Она, быть можетъ, замѣтивъ, что онъ не въ мѣру любопытенъ и суетъ носъ во всѣ двери, стала на него коситься и стрѣлять исподлобья тусклыми глазами.

— Такъ вы, батюшка мой, я вижу, ошиблись,— отвѣчала она вмѣсто отвѣта на его вопросъ о чемъ-то, касавшемся ея образа жизни, — ошиблись, батюшка никакой земли въ Черепинскомъ уѣздѣ у меня нѣтъ и не было никогда.

— Коли такъ, то, стало быть, я и впрямь ошибся,— отвѣтилъ Погуляевъ.—Прощенья просимъ за безпокойство... Мы, признаться, думали приторговать эту зе-

Digitized by Google

лицу, потому какъ теперича она пропадаетъ зря и безъ всякаго, можно сказать, призору... Хотя и малый кусочекъ, а все же жалко...

— Нѣтъ, батюшка, не моя земля... Нѣтъ у меня земли... Куда мнѣ, я бѣдная вдова, старая и больная... И неможется мнѣ... Извините...

Погуляевъ хотя и чувствовалъ, что во избѣжаніе подозрѣній пора уходить, однако-жъ не очень торопился и все еще «щупалъ» старуху. Всего больше наводили его на сомнѣніе ея жалобы на бѣдность и одиночество. Такихъ лживыхъ по его соображеніямъ жалобъ, онъ, разумѣется, не сталъ опровергать и ушелъ отъ нея, твердо убѣжденный въ томъ, что тутъ «дѣло не чисто».

VI.

На секретномъ докладѣ у Іадора Сергѣевича онъ получилъ вновь строжайшее приказаніе дѣйствовать какъ можно осторожнѣе и ни въ какомъ случаѣ не давать никому повода къ подозрѣніямъ о его дѣятельности, даже своимъ сослуживцамъ. Іадоръ Сергѣевичъ весь разговоръ съ нимъ по этому дѣлу велъ шепотомъ и при запертыхъ на ключъ дверяхъ. Онъ поручилъ ему выслѣдить, куда именно ведетъ подозрительная тропа, проложенная отъ дома старухи по задворкамъ сосѣднихъ съ нею домовъ, и выслѣдить точно такъ же, откуда садится на извозчика подозрительный человѣкъ и куда потомъ уѣзжаетъ отъ дома старухи. Исполненіе этихъ двухъ порученій Іадоръ Сергѣевичъ считалъ дѣломъ первостепенной важности и требовалъ, чтобы они были окончены въ возможно скорѣйшемъ времени.

Выслушавъ приказанія, Погуляевъ затревожился и замигалъ, смущенный грознымъ взглядомъ черныхъ глазъ Іадора Сергѣевича, смотрѣвшихъ на него въ упоръ.

— Ну, что ты... осовѣлъ?..

— Я? Никакъ нѣтъ,—робко отвѣтилъ Погуляевъ,— только я имѣю честь доложить, что скоро нельзя.

Digitized by Google

— Старайся... Перемѣни еще костюмъ. Одѣнься мужикомъ, рваный кафтанъ, топоръ за поясъ... Можешь, наконецъ, бабой: обрѣйся, сарафанишко какой-нибудь, шубенку... понимаешь?

Въ отвѣтъ на такія предложенія, Погуляевъ хотя и учащенно кивалъ головой въ знакъ согласія съ мнѣніемъ Іадора Сергѣевича, но все-таки, какъ видно, не надѣялся на скорое окончаніе своихъ разслѣдованій.

— Позвольте взять помощника,—робко прошепталъ онъ.

— Что такое? Что ты сказалъ?

— Есть у меня надежный человѣкъ... въ помощники бы... Могу положиться.

Іадоръ Сергѣевичъ отъ такихъ его словъ ужасно разволновался и, сжавъ свои могучія руки въ кулаки, затрясъ ими надъ самой головой Погуляева. Погуляевъ сгорбился, съежился и хотя очень хорошо зналъ, что бить его, какъ крайне нужнаго и полезнаго человѣка, Іадоръ Сергѣевичъ не будетъ, однако же мигалъ-таки порядочно.

— Да я тебя, чортъ тебя побери!.. Да т-ты знаешь ли, глу-упая твоя голова,—шепталъ Іадоръ Сергѣевичъ, потрясая кулаками:—да я тебя разнесу на части, если ты еще разъ смѣешь заикнуться... Хоть умри, а узнавай все самъ одинъ!

— Слушаю-съ... Буду стараться.

Іадора Сергѣевича въ это время ждали въ сосѣдней комнатѣ два господина, оба солидныхъ размѣровъ, оба съ круглыми, сильно уже выпятившимися впередъ животами. Одинъ былъ во фракѣ и золотыхъ очкахъ, бритый и съ портфелемъ подъ мышкой, а другой—въ длинномъ сюртукѣ съ рыжеватой бородой. Оба были видимо чѣмъ-то сильно озабочены и во все время, пока Іадоръ Сергѣевичъ шептался въ своей комнатѣ съ Погуляевымъ, нетерпѣливо посматривали на карманные часы. Бородатый при этомъ часто чесалъ затылокъ, а бритый его товарищъ поправлялъ очки.

Digitized by Google

— Каки таки у него тамъ дѣла, что такъ мѣшкотно возится съ ними?—прошепталъ бородатый.

Бритый въ отвѣтъ на это опять вынулъ часы и, пожавъ плечами, вздохнулъ.

— Удеретъ, собака, за это время!.. Чай давеча еще съ поѣздомъ умчалъ!—тоже вздохнувъ, прошепталъ бородатый, и его правая рука снова потянулась къ затылку.

Іадоръ Сергѣевичъ окончилъ въ это время разговоръ съ Погуляевымъ и, выпустивъ его въ другую дверь комнаты, вышелъ къ двумъ толстякамъ.

— А! Здравствуйте!—весело сказалъ онъ, подавая обоимъ руку,—что скажете?

— Да что? бѣда!—разомъ отвѣтили они оба.

— Что случилось?

— У насъ изъ банка сегодня кассиръ скрылся.

— И конечно съ деньгами? — смѣясь спросилъ Іадоръ Сергѣевичъ.

— Пятнадцать тысячъ!

— Ну, что-жъ! Это немного.

— Но, помилуйте.... воровство... Это ужасно, — заволновался господинъ въ очкахъ.

— Ну вотъ еще! Что тутъ ужаснаго?—возразилъ Іадоръ Сергѣевичъ, — такъ ли нынче воруютъ? По нынѣшнему времени такая сумма уже сущіе пустяки. Ха, ха, ха!

Іадоръ Сергѣевичъ былъ веселъ и смѣялся, но когда оба пришедшіе стали просить его содѣйствія, онъ, хмурясь, отвѣтилъ:

— Да я-то причемъ тутъ? Дѣлу этому слѣдуетъ дать направленіе согласно порядку, указанному уставомъ уголовнаго судопроизводства.

— Все уже сдѣлано. Дано знать и сдѣдователю, и прокурору!—заговорили одновременно оба просителя.— Вы только распорядитесь о розыскѣ въ городѣ.

— Что-жъ, извольте, извольте...

Онъ далъ одному изъ своихъ подчиненныхъ приказаніе исполнить «все зависящее» и, выпроводивъ

Digitized by Google

обоихъ просителей, тотчасъ же и забылъ о ихъ дѣлѣ, какъ о весьма обыкновенномъ и дѣйствительно въ наше воровское время уже незаслуживающемъ никакого вниманія.

«Да, какъ же, ищи вѣтра въ полѣ!» — подумалъ онъ и вновь отдался своимъ заботамъ о подозрительномъ домѣ старухи.

Какъ только смерклось и еще не зажглись фонари на главныхъ улицахъ города, онъ самолично покатилъ на своей великолѣпной парѣ рыжихъ, какъ бы для обозрѣнія, вездѣ ли все въ порядкѣ, и проѣхалъ потомъ по глухой улицѣ, гдѣ находился интересовавшій его домъ старухи. Проѣзжая мимо него, онъ однако же не привсталъ въ саняхъ на ноги, какъ часто дѣлывалъ, разъѣзжая по другимъ улицамъ, и не вертѣлъ головой направо и налѣво, а сидѣлъ смирно, не шевелясь, и только глазами поводилъ на каждое встрѣчавшееся ему на пути лицо. Мимо дома старухи онъ проѣхалъ намѣренно тихо и покосился на его ставни, но ничего подозрительнаго не замѣтилъ. Потомъ, повернувъ за уголъ сосѣдней улицы, онъ увидалъ небольшого роста мужичонка въ старомъ полушубкѣ и рваной шапкѣ, подпоясаннаго пестрымъ кушакомъ, за которымъ торчалъ топоръ. Іадоръ Сергѣевичъ стрѣльнулъ на мужика пытливымъ взглядомъ и глубоко вздохнулъ, вспомнивъ, какой огромной, какъ казалось ему, важности дѣло поручено имъ этому оборванцу. Онъ узналъ въ немъ Погуляева.

VII.

При дальнѣйшемъ наблюденіи за домомъ старухи, Погуляевъ открылъ, что тропинка, пролегавшая чрезъ дворъ, выходитъ по задворкамъ на пустопорожнее мѣсто, принадлежавшее городу, и на немъ исчезаетъ сливаясь съ другими тропинками, тянувшимися с разныхъ сторонъ задворковъ и проложенныхъ видим для сокращенія пути на сосѣднюю улицу. Изъ набли

Digitized by Google

денія за направленіемъ этихъ тропъ нельзя было сдѣлать никакого вывода о ихъ связи съ домомъ старухи. Погуляевъ, прошлявшись нѣсколько ночей подъ видомъ пьянаго мужика по разнымъ задворкамъ, не только ушелъ ни съ чѣмъ, но даже едва не получилъ десятка два хорошихъ затрещинъ за то, что пьяный шляется по чужимъ дворамъ. За нимъ уже нѣсколько вечеровъ присматривалъ какой-то мѣщанинъ огромнаго роста и вдобавокъ еще съ дубиной въ рукахъ. Онъ безъ всякаго сомнѣнія подозрѣвалъ въ немъ вора и уже приловчился было хватить его гдѣ-то въ темномъ углу дубиной по головѣ; но, на счастье Погуляева, самъ о что-то споткнулся и далъ ему случай къ бѣгству. Погуляевъ пустился удирать съ такой быстротой, что мѣщанину нечего было и думать о погонѣ за нимъ.

— Бѣги! Удирай! — крикнулъ онъ ему вслѣдъ,—я тебя еще выслѣжу... И чудесно нагрѣю въ шею-то. До новыхъ вѣниковъ не забудешь!

Нужно было по ходу обстоятельствъ опять измѣнить свой образъ. Слѣдуя указаніямъ Іадора Сергѣевича, Погуляевъ преобразился въ старуху и велъ себя значительно осторожнѣе, чѣмъ прежде, часто оглядываясь по сторонамъ и помня угрозы рослаго мѣщанина.

Въ этомъ послѣднемъ образѣ ему посчастливилось. Онъ замѣтилъ, что по таинственной тропѣ изъ дома старухи прошли какія-то три фигуры, закутанныя не то въ шубы, не то въ плащи. Онъ издали слѣдилъ за ними и пожалѣлъ, что въ темнотѣ не могъ услѣдить, какъ одна фигура исчезла тутъ же гдѣ-то на задворкахъ, а гдѣ именно—не замѣтилъ. Пробираясь издали за двумя остальными, онъ видѣлъ, что онѣ нѣкоторое время шли вмѣстѣ, но и изъ нихъ одна тоже какъ-то нечаянно, точно сквозь землю—провалилась, а за третьей ему не удалось слѣдить. Когда онъ, уже забывъ объ осторожности, пустился было ее догонять, какъ ему пересѣкъ дорогу какой-то ночной

Digitized by Google

гуляка и, принимая его за женщину, сталъ приставать съ непрошенными ласками.

— Отвяжись ты, пьяная харя!—пищалъ Погуляевъ, стараясь поскорѣе освободиться отъ него.

Но пьяный цѣпко за него ухватился и лѣзъ цѣловаться. Потерявъ терпѣніе, Погуляевъ наконецъ такъ оттолкнулъ его отъ себя и такимъ вовсе не женскимъ голосомъ ругнулъ его, что пьяный, свалясь на землю, началъ креститься.

— Вѣдьма! Оборотень!—ворчалъ онъ.

Между тѣмъ и третья подозрительная фигура, за которой Погуляевъ хотѣлъ пуститься слѣдомъ, въ это время скрылась въ ночной темнотѣ.

Все-таки онъ наткнулся на кой какіе выводы относительно подозрѣваемой старухи; но только выводы эти были ему самому непріятны. Его стали мучить подозрѣнія насчетъ того, что едва ли они съ Іадоромъ Сергѣевичъ то именно откроютъ въ домикѣ старухи, что ищутъ. Онъ какъ-то разъ при докладѣ о своихъ наблюденіяхъ попробовалъ было издали намекнуть и только еще издали, такъ, едва-едва касаясь предмета, что можетъ быть, молъ, тамъ и не то; но Іадоръ Сергѣевичъ не далъ ему и слова договорить и грубо оборвалъ его рѣзкимъ восклицаніемъ:

— Не разсуждать!

У Погуляева въ головѣ между тѣмъ бродило Богъ знаетъ что. Ему думалось о томъ, нѣтъ ли въ домѣ старухи какой-нибудь сектантской молельни; ужъ очень странными показались ему тѣ три фигуры, которыя онъ встрѣтилъ на тропинкѣ, пролегавшей чрезъ обывательскіе задворки. Онъ больше склоненъ былъ причислить ихъ къ женскому полу, а не къ мужскому.— «Если тамъ дѣйствительно тайная молельня, соображалъ онъ, то вѣдь это вовсе не то, что мы ищемъ— вѣдь нынче насчетъ вѣры гораздо свободнѣе: ну, откроемъ молельную, какая же намъ отъ этого честь? Но вѣдь, можетъ быть, и такъ, — утѣшалъ онъ самъ себя,—что эти встрѣченныя мною женщины изъ тѣхъ,

Digitized by Google

которыя по нынѣшнему времени почище мужчинъ дѣла обрабатываютъ. Мало ли изъ нихъ понахватано въ разныхъ городахъ и съ такими дѣлами, что ума помраченье!»

Такъ онъ и не посмѣлъ передать Іадору Сергѣевичу своихъ колебаній насчетъ подозрѣваемыхъ имъ лицъ.

VIII.

Продолжая попрежнему ревностно наблюдать за домомъ старухи, онъ замѣтилъ однажды, что около одиннадцати часовъ ночи подъѣхалъ къ дому ея легковой извозчикъ безъ сѣдока и, стукнувъ три раза въ закрытую ставню окна, отъѣхалъ отъ воротъ саженъ на сорокъ, потомъ, подождавъ нѣсколько времени, поѣхалъ на другой конецъ улицы, а оттуда опять вернулся обратно и опять остановился не у воротъ, а въ значительномъ отъ нихъ разстояніи. Спустя нѣкоторое время изъ калитки вышелъ съ видимой торопливостью какой-то господинъ въ мохнатой высокой шапкѣ, извозчикъ быстро къ нему подъѣхалъ и еще быстрѣе погналъ потомъ лошадь, когда господинъ въ мохнатой шапкѣ шмыгнулъ въ его сани. Погуляевъ погнался за нимъ на своемъ извозчикѣ, намѣренно для этого поджидавшемъ его на углу. Погоня его на этотъ разъ хотя и была успѣшна, но опять-таки дала странные результаты. Подозрительный сѣдокъ оставилъ своего извозчика на углу одной изъ многолюдныхъ улицъ города, но вмѣсто того, чтобы идти въ ворота того дома, у котораго остановился, пошелъ дальше уже пѣшкомъ. Погуляевъ, издали и, разумѣется, съ должной осторожностью слѣдившій за нимъ, тоже пошелъ пѣшкомъ, почти счастливый сознаніемъ, что наконецъ-то напалъ на слѣдъ звѣря и доберется теперь до самаго его логовища. Но подозрительный человѣкъ вмѣсто того, чтобы продолжать свой путь пѣшкомъ, опять взялъ извозчика. Погуляевъ не сплошалъ и поѣхалъ за нимъ слѣдомъ, и вдругъ оказалось, что подозрительный

Digitized by Google

человѣкъ, съ котораго онъ, можно сказать, глазъ не спускалъ, точно исчезъ куда-то изъ саней и вмѣсто него оказался совсѣмъ другой сѣдокъ: тотъ былъ закутанъ на-глухо въ воротникъ шубы и на головѣ его была мохнатая шапка, а этотъ другой былъ въ купеческомъ ватномъ картузѣ и воротникъ его шубы былъ откинутъ.

— Фу, чортъ побери, что это такое! — изумился Погуляевъ.—Онъ и не онъ. Если не онъ, то куда же въ такомъ случаѣ тотъ дѣвался, въ землю, что ли, провалился?.. А если онъ, такъ какъ же вдругъ вмѣсто мѣховой шапки купеческій картузъ. Чертовщина какая-то!

Онъ пожалѣлъ, что не ограничился первымъ извозчикомъ и не захватилъ его въ ту же минуту, какъ только подозрительный сѣдокъ оставилъ сани. Ему было почти ясно, что и сѣдокъ, и извозчикъ должны знать одинъ другого хорошо. Однако же, не смотря на свои сомнѣнія относительно принадлежности мохнатой шапки и купеческаго съ большимъ козырькомъ картуза одному и тому же лицу, онъ не отставалъ отъ второго извозчика и продолжалъ слѣдить за картузомъ. Но чѣмъ дальше онъ за нимъ ѣхалъ, тѣмъ больше путался въ своихъ сомнѣніяхъ.

Удержаться отъ сомнѣній ему было рѣшительно невозможно: и сидѣлъ обладатель картуза въ саняхъ этого второго извозчика совсѣмъ иначе, не сгорбившись, а прямо, даже откинувъ голову нѣсколько назадъ и свободно посматривая направо и налѣво, и извозчикъ не гналъ лошади, а трухалъ на ней не торопясь шагъ за шагомъ. Чѣмъ тише ѣхалъ преслѣдуемый, чѣмъ лѣнивѣе его извозчикъ помахивалъ кнутомъ надъ костлявой спиной своей лошаденки, тѣмъ сильнѣе волновался Погуляевъ и тыкался въ саняхъ изъ стороны въ сторону. Его соболья шапка сползала и на затылокъ, и на лобъ, и на виски, смотря потому, куда онъ ее сдвигалъ подъ вліяніемъ мучившихъ его сомнѣній.

Digitized by Google

Въ этотъ день ему, какъ видно, суждено было допить чашу своихъ сомнѣній до самаго, такъ сказать, дна. Оказалось, что преслѣдуемый имъ человѣкъ, проѣзжая по той улицѣ, гдѣ находился домъ мѣстнаго богатаго купца Петра Васильевича Орѣшникова, вдругъ нежданно-негаданно остановился у воротъ именно его дома. Оказалось даже, что этотъ преслѣдуемый былъ не кто иной какъ именно самъ Петръ Васильевичъ Орѣшниковъ, степенный и уважаемый купецъ, всему городу П. извѣстный своимъ благочестіемъ. Убѣдившись въ этомъ, Погуляевъ плюнулъ съ досады и готовъ былъ самого себя разорвать на части.

Всѣ подозрѣнія относительно принадлежности шапки и картуза одному и тому же лицу разлетѣлись прахомъ, такъ какъ ни въ чемъ противозаконномъ или просто предосудительномъ Погуляевъ не могъ и не имѣлъ никакихъ основаній заподозрить Петра Васильевича. Кого другого и, если хотите, даже любое лицо изъ обывателей города П. онъ могъ заподозрить, по жалуй, въ чемъ угодно — и въ политической неблагонадежности, и въ сектантствѣ, и во всякихъ противозаконныхъ правонарушеніяхъ и поступкахъ; но заподозрить Петра Васильевича — это было бы просто смѣшно. Петръ Васильевичъ Орѣшниковъ и что-то подозрительное—это невозможно!

Погуляевъ кинулся отъ воротъ его дома все-таки не безъ энергіи и погналъ обратно на уголъ той улицы, гдѣ подозрительный человѣкъ въ мохнатой шапкѣ оставилъ сани перваго извозчика. По примѣтамъ онъ дѣйствительно нашелъ нѣчто на него похожее и, не торгуясь, сѣлъ въ его сани.

— Поѣзжай скорѣй!

Извозчикъ погналъ, ни мало не подозрѣвая той ловушки, какую подготовлялъ ему Погуляевъ.

— Стой здѣсь!.. Сколько тебѣ?

— Два двугривенничка позвольте... Сами видите, какъ гналъ... Старался.

— Хорошо, подожди!

Digitized by Google

Оказалось, что подождать пришлось довольно порядочно времени, да еще съ такими страхами, что о двухъ двугривенныхъ и рѣчи уже не было. Погуляевъ, не смотря на поздній часъ вечера, представилъ его прямо предъ грозныя очи Іадора Сергѣевича и разсказалъ весь ходъ своихъ за нимъ наблюденій. Извозчикъ растерялся, началъ божиться и клясться всѣми святыми, что «отродясь» не возилъ въ глухія улицы города никакого сѣдока въ мохнатой шапкѣ. Іадоръ Сергѣевичъ приналегъ на него и далъ ему почувствовать могучую силу своихъ рукъ на его плечахъ.

— Ты возилъ? Говори, ты возилъ того сѣдока?

— Какого?—переспросилъ извозчикъ.

Іадоръ Сергѣевичъ тряхнулъ его за плечи такъ, что волосы на его головѣ спутались и глаза закатились подъ лобъ.

— Ты возилъ?

— Отродясь...

— А! Ты такъ!..

Извозчикъ наконецъ убѣдился, что упорство ни къ чему доброму не поведетъ и сталъ разсказывать, что дѣйствительно раза два возилъ какого-то закутаннаго человѣка на край города къ дому подозрѣваемой старухи.

— Сѣлъ этотъ человѣкъ, — разсказывалъ онъ,—на углу биржевой площади, валяй, говоритъ, во всю рысь, и потомъ далъ три цалковыхъ, пріѣзжай, говоритъ, въ такомъ-то часу сюда же. Я пріѣхалъ, опять онъ далъ три цалковыхъ и слѣзъ тоже на углу.

— Разговаривалъ онъ съ тобой?

— Нѣтъ...

— Призналъ бы его, еслибъ встрѣтилъ?

— Не призналъ бы: закутанъ былъ...

— И не знаешь, кто онъ такой?

— Не знаю... Да мнѣ зачѣмъ? Ежели такъ хорошо платитъ, чего-жъ мнѣ еще больше?

Іадоръ Сергѣевичъ тряхнулъ было его еще раза два, но оказалось, что изъ него больше уже нечего

Digitized by Google

было вытряхивать: что зналъ, все сказалъ. Будучи отпущенъ потомъ на волю, онъ жаловался своимъ собратамъ. — «Чернолицый больно лютъ, — говорилъ онъ, — трясетъ за плечи страсть шибко и глазищами поводитъ ровно эѳіопъ».

Нужно замѣтить, что Погуляевъ, желая удержать за собою славу ловкаго и способнаго человѣка, попавшись въ руки котораго уже не вывернешься, ни слова не сказалъ Іадору Сергѣевичу насчетъ того, что прозѣвалъ подозрительнаго сѣдока и вмѣсто него натолкнулся на благочестиваго купца Орѣшникова. О своей оплошности онъ передалъ такъ, что будто бы подозрительный сѣдокъ успѣлъ отъ него скрыться на другомъ извозчикѣ съ необычайной быстротой.

Такой невѣрной передачей фактовъ и ихъ извращеніемъ онъ только волновалъ Іадора Сергѣевича и разжигалъ въ немъ напрасную увѣренность, что исчезающій изъ его рукъ человѣкъ въ мохнатой шапкѣ есть дѣйствительно подозрительное лицо, котораго выслѣдить и сцапать «лестно». Подъ вліяніемъ думъ о послѣдствіяхъ этого сцапанья, Іадоръ Сергѣевичъ сталъ довольно частенько потирать себѣ руки и уже почти безъ гнѣва читалъ по утрамъ газеты: дескать, и у насъ подъ рукой есть кое-что, и мы, Богъ дастъ, въ свое время тоже сдѣлаемъ нѣкоторыя небезынтересныя открытія. Иногда, разбирая карты во время игры въ винтъ, онъ вмѣсто того, чтобы произнести что-нибудь въ родѣ «пасъ» или «два бубны», вдругъ мрачно поводилъ глазами на своихъ партнеровъ и что-то бормоталъ себѣ подъ носъ.

— Вамъ что угодно, Іадоръ Сергѣевичъ?—спрашивали его.

— Мнѣ? Да кто сдавалъ?—смущенно спрашивалъ онъ.

— Да вы же сами и сдавали и вамъ говорить.

— Я?.. Я дорою̀сь до самаго корня!—вдругъ, точно противъ воли, произносилъ онъ и поспѣшно добавлялъ:— я пасъ, пасъ...

Digitized by Google

Партнеры и сами уже замѣчали, что Іадоръ Сергѣевичъ давно уже не въ своей тарелкѣ, но не смѣли вмѣшиваться въ его тайныя думы.

IX.

Однажды, какъ-то поздно ночью или, вѣрнѣе сказать, рано утромъ, часа, пожалуй, за два до разсвѣта, Погуляевъ подъѣхалъ къ тому дому, гдѣ была его квартира, сильно выпивши. Когда онъ сталъ выходить изъ саней, то такъ клюнулъ носомъ впередъ, что едва успѣлъ во время сохранить равновѣсіе. Взявшись за ручку звонка у воротъ, онъ съ такою силою и настойчивостью сталъ ее дергать, точно имѣлъ рѣшительное намѣреніе оборвать звонокъ. Пріѣхалъ онъ, или вѣрнѣе сказать, пригналъ откуда-то издалека, о чемъ можно было заключить изъ одного взгляда на извозчичью лошадь, которая была вся въ поту и паръ отъ нея валилъ, какъ изъ жарко натопленной бани. Извозчикъ, получивъ деньги, не безъ страха косился на нее и ворчалъ: — «Ишь, дьяволъ, какъ дышитъ!» Калитка воротъ, наконецъ, растворилась и Погуляевъ скрылся за нею. Когда онъ ввалился въ свою квартиру, то, сбросивъ на полъ и пальто, и фуражку, закричалъ что-то, обращаясь къ женѣ, но что именно, она по безсвязности его рѣчи понять не могла. По его пьяной улыбкѣ она догадывалась, что онъ какъ-будто хочетъ сказать что-то радостное, но что именно — такъ и не добилась. Полураздѣтый и уже въ одномъ только сапогѣ онъ стоялъ опершись спиной о косякъ двери и продолжалъ что-то бормотать, почти лишенный способности произносить членораздѣльные звуки. Въ поясненіе своего бормотанья онъ попробовалъ было что-то выяснить жестами, но обѣ руки его безпомощно повисли и только пальцы ихъ странно какъ-то топорщились во всѣ стороны.

Жена его была, какъ и онъ, малорослая и тщедушная женщина лѣтъ подъ тридцать, съ желтоватымъ

Digitized by Google

оттѣнкомъ кожи на лицѣ и сильно развитыми скулами. Болѣе соотвѣтствующей ему пары трудно было бы подобрать—и глазенки у ней были такіе же, какъ у него, острые, и голова тоже маленькая. Волосы она имѣла свѣтлорусые, всегда дурно причесанные, космами выбивавшіеся изъ-подъ небрежно заплетенной косы. Теперь, ухаживая за пьянымъ мужемъ и подбирая его пальто, шапку, сюртукъ и т. д., она была совсѣмъ растрепанная, съ заспанными глазами, и на его непонятное бормотанье отвѣчала безцеремонной бранью.

— Опять натрескался... Свинья, скотина! Вчера просила пять рублей—пожалѣлъ... въ карманѣ у тебя было, я видѣла, тридцать... а теперь, что осталось!

— Наплевать!.. Не въ этомъ дѣло... Я кое-что знаю... Зара-бо-отаю!

— Ну что ты знаешь! И куда ты годишься!

— Я?.. Да я... Вотъ...

Онъ силился сжать руку въ кулакъ, но пальцы были какъ бы во враждѣ другъ съ другомъ и продолжали топорщиться во всѣ стороны.

— Вотъ!.. — передразнивала она его безсвязную рѣчь.—Эхъ ты, зюзя! Еврей опять приходилъ давеча, за шапку деньги проситъ. Если, говоритъ, деньги не платитъ, такъ пусть, говоритъ, назадъ отдастъ. Я, говоритъ, за такую цѣну всегда найду покупателя.

Онъ, видимо, не понималъ, что она ему разсказываетъ, и продолжалъ бормотать свое:

— Я... что!.. Я найду себѣ мѣсто... вездѣ...

Обстановка его жилища была крайне неприглядная, въ комнатахъ пахло сыростью и не было достаточно тепло. Въ узенькой комнаткѣ въ одно окно, въ которой онъ теперь терся около дверного косяка, не было почти никакой мебели, кромѣ нѣсколькихъ самыхъ необходимыхъ вещей — кровать, комодъ, табуретка. Кровать была изъ неокрашеннаго желѣза, комодъ стоялъ покосившись на бокъ, и всѣ ящики его были плохо задвинуты внутрь, а верхній былъ открытъ почти на половину. На деревянной некрашеной табу-

Digitized by Google

реткѣ стоялъ мѣдный подсвѣчникъ съ огаркомъ пальмовой свѣчи; а на полу за комодомъ лежала куча платья, безпорядочно скомканнаго. Въ этой кучѣ была и сермяга мужицкая, и женская шубенка съ крашенинннымъ сарафаномъ, и топоръ съ кушакомъ—все то, что онъ находилъ нужнымъ сообразно обстоятельствамъ дѣла надѣвать на себя преимущественно по ночамъ.

Эта куча платья случайно ли была имъ теперь замѣчена, или дѣйствительно его озабочивали думы о ней—такъ или иначе, только онъ вдругъ, и совсѣмъ неожиданно для жены, повелъ обѣими руками въ ту сторону, гдѣ лежали его маскарадные костюмы, и пробормоталъ.

— Не надо больше этого... Выбрось вонъ!.. Кончено!

Жена недовѣрчиво взглянула на него и, подозрѣвая, не намекаетъ ли онъ именно на ея щегольскую съ огромнымъ розаномъ шляпку, висѣвшую тоже около комода на гвоздикѣ и не далѣе, какъ наканунѣ вечеромъ, бывшую причиной ссоры между ею и мужемъ, ворчливо заговорила:

— Да, какъ же! Такъ я тебя и послушала, болвана!.. Ты думаешь, я такъ и на улицу покажусь растрепой? Да еще, пожалуй, не захочешь ли, чтобы я платочкомъ повязывалась, какъ мѣщанка—ахъ, ты, негодный! Ложись лучше... Продрыхнешь, авось поумнѣешь!..

Но потомъ она поняла, что онъ желаетъ сказать что-то совсѣмъ не о шляпкѣ, а именно о своихъ костюмахъ, и не возражала ему, надѣясь, что дождется, наконецъ, отъ него чего-нибудь понятнаго.

— Не надо теперь! — бормоталъ онъ, — ни мужикомъ, ни бабой... Прошлый разъ собака за подолъ рвала, рвала. Теперь все кончено, шабашъ!

— Да что кончено? Открыли, что ли? Говори же, открыли? Много ли тебѣ за это дадутъ?

Онъ, казалось, понялъ этотъ послѣдній вопросъ и

Digitized by Google

на пьяномъ лицѣ его выразилось что-то похожее на улыбку.

— Ты смотри, дуракъ! Слышишь? — продолжала жена, грозя указательнымъ пальцемъ предъ самымъ его носомъ: — ты мнѣ новую тальму непремѣнно долженъ купить съ бахромочками и со стеклярусомъ, и башмачки на высокихъ каблукахъ, изъ бронзовой кожи, варшавскіе... Слышишь ты, тебѣ я говорю?

Она опять погрозила ему пальцемъ, и отъ этой ли угрозы, или подъ вліяніемъ грустныхъ думъ, вдругъ имъ овладѣвшихъ, онъ впалъ въ плаксивое настроеніе, сталъ бормотать что-то жалобно и билъ себя кулакомъ въ грудь.

— Я знаю... Скверно... Кой чортъ... Лбомъ въ стѣну... Давно бы раскопать все—не позволяетъ!

Послѣ такого бормотанья онъ, наконецъ, отдѣлился отъ дверного косяка, служившаго опорой его ослабѣвшему тѣлу, и, покачнувшись потомъ на жену, свалился, наконецъ, въ безсиліи на кровать.

На другой день утромъ, проснувшись съ головной болью, онъ долго не могъ сообразить, что такое наканунѣ вечеромъ случилось необыкновенное. Когда, наконецъ, сообразилъ и припомнилъ всѣ подробности впечатлѣній прошедшей ночи, то невольно почесалъ затылокъ и даже плюнулъ съ досады, явно чѣмъ-то недовольный. Черезъ часъ ему нужно было предстать предъ Іадоромъ Сергѣевичемъ съ докладомъ о результатахъ своихъ послѣднихъ наблюденій, а результаты выходили такіе, что онъ и самъ имъ былъ не радъ. Оказывалось, что подозрительное дѣло имѣло странный, не поддававшійся никакимъ выводамъ характеръ. Оказывалось даже (какъ это ни было удивительно), что Петръ Васильевичъ Орѣшниковъ хотя и ни разу не одалъ повода, ни Іадору Сергѣевичу, ни Погуляеву омнѣваться въ своей благонадежности, однако жъ всеаки оказался въ подозрѣніи. Почему? На какомъ основаніи? На эти вопросы трудно отвѣтить сразу. Мнѣ кажется, едва ли не потому онъ оказался въ подозрѣ-

Digitized by Google

ніи, что Погуляевъ, будучи сильно пьянъ, опять встрѣтился съ нимъ, и именно въ то время, когда Петръ Васильевичъ, трухая на извозчикѣ, шагъ за шагомъ возвращался откуда-то поздно вечеромъ домой. Я даже подозрѣваю, что Погуляевъ не потому ли именно и напился такъ «до положенія ризъ», что никакъ не могъ согласить мучившихъ его сомнѣній и противорѣчій. Онъ видимо колебался при мысли о томъ, какъ и въ какихъ именно словахъ будетъ излагать предъ грознымъ Іадоромъ Сергѣевичемъ отчетъ о результатахъ своихъ послѣднихъ изысканій. Его мучило опасеніе, что если вдругъ (чего Боже сохрани) Іадоръ Сергѣевичъ разозлится и не повѣритъ.

«И какая же здоровая мнѣ можетъ быть отъ него встрепка!»—мрачно думалъ онъ, опохмѣляясь поутру.

X.

Но позвольте. Извините. Если ужъ по ходу разсказа я поставленъ былъ въ необходимость упомянуть о Петрѣ Васильевичѣ, какъ о человѣкѣ, оказавшемся прикосновеннымъ къ подозрительному дѣлу, то не меньшая чувствуется необходимость и въ томъ, чтобы познакомить читателя съ почтеннымъ Петромъ Васильевичемъ и снять съ него, если только окажется возможнымъ, хотя нѣкоторую часть тѣхъ подозрѣній, какія на него пали по причинѣ... гм... гм... какъ бы поделикатнѣе выразиться... ну, хотя бы по той причинѣ, что Погуляевъ съ похмѣлья наговорилъ о немъ Іадору Сергѣевичу Богъ знаетъ какихъ невѣроятностей.

Нужно сказать, что Іадоръ Сергѣевичъ былъ до сихъ поръ съ Петромъ Васильевичемъ въ большой дружбѣ и Петръ Васильевичъ всегда величалъ е «благопріятелемъ», даже «достопочтеннымъ благопрі телемъ, уважаемымъ благопріятелемъ», и въ обычн дни отправлялъ ему праздничные и другіе «по пол женію» дары. Іадоръ Сергѣевичъ съ своей сторон можно сказать, любовно относился къ нему, да д

Digitized by Google

гихъ отношеній къ такому тихому, всегда почтительному обывателю и имѣть было нельзя. Если же припомнить еще и то, что въ колоніальномъ магазинѣ Петра Васильевича и въ его винномъ погребѣ были такія прелести, какихъ ни у кого больше во всемъ городѣ П. не было, тогда само собою будетъ понятно, насколько цѣнилъ и уважалъ его Іадоръ Сергѣевичъ. И вдругъ какой-то Погуляевъ, маленькій человѣчекъ, можно сказать, недостойный никакого довѣрія по своему образу жизни, подкапывается подъ тѣ прочные устои, на которыхъ такъ хорошо держались чуть не въ продолженіе цѣлаго десятилѣтія дружескія отношенія между Петромъ Васильевичемъ и Іадоромъ Сергѣевичемъ. Когда онъ, этотъ малорослый и тщедушный Погуляевъ, видимо собравъ всѣ свои духовныя силы, сталъ докладывать Іадору Сергѣевичу о подозрѣніяхъ насчетъ Петра Васильевича и его прикосновенности къ производимому имъ разслѣдованію, Іадоръ Сергѣевичъ вдругъ точно окаменѣлъ и долго хранилъ молчаніе, уставя на перепуганнаго Погуляева грозный взглядъ.

Погуляевъ твердо выдержалъ этотъ взглядъ и, какъ слѣдовало по давно установившемуся обычаю, старался въ это время не мигать.

— Да ты... какъ? Здоровъ?—спросилъ, наконецъ, Іадоръ Сергѣевичъ, привставъ съ кресла и идя прямо на него.

Погуляевъ чувствовалъ, что душа у него уходитъ въ пятки, и хотя отступилъ шагъ назадъ, однако же, взгляда своего не потупилъ.

— Я тебя спрашиваю,—сердито и съ трясущимися губами повторилъ Іадоръ Сергѣевичъ:—ты здоровъ?

— Здоровъ, слава Богу...

— Ты въ своемъ умѣ? Ты понимаешь, какія невозможныя нелѣпости городишь?

— Я въ своемъ умѣ... Богомъ клянусь, что говорю правду!—попрежнему твердо отвѣтилъ Погуляевъ.

Іадоръ Сергѣевичъ хотя и потрясъ его потомъ за

Digitized by Google

плечи, но долженъ былъ, наконецъ, сдаться на то, чтобы выслушать весь докладъ о его послѣднихъ «изысканіяхъ».

По выслушаніи этого доклада, Іадоръ Сергѣевичъ невольно долженъ былъ измѣнить свой взглядъ на характеръ того дѣла, которое онъ такъ страстно желалъ раскрыть. Онъ даже впалъ въ мрачное настроеніе духа и долго не прерывалъ Погуляева, продолжавшаго развивать свои подозрѣнія. Наконецъ, онъ приподнялся съ дивана, на которомъ сидѣлъ, слушая докладъ, и, какъ бы побѣдивъ свою внутреннюю борьбу, строго спросилъ:

— А какіе образа ты тамъ замѣтилъ?

— Образа?—испуганно спросилъ Погуляевъ, видимо пойманный врасплохъ.—Образа? Гдѣ?

— Тамъ, въ домѣ старухи.

— Образа тамъ... гм... гм... насколько помню, кажется...

— Старинные, да? Темные, закопченные?

— Насколько помню, кажется, да, старинные...

— И много? Цѣлый уголъ? Или еще въ другихъ углахъ есть?—настойчиво допрашивалъ Іадоръ Сергѣевичъ и вдругъ, возвысивъ голосъ до громовыхъ, можно сказать, нотъ, закричалъ:—да говори же, чортъ тебя возьми? Говори: молельня тамъ, что ли?

— Не знаю... Не могу пока понять.

— Да какая намъ, глупая ты голова, надобность до молельни?—вдругъ впадая въ укоризненный шепотъ, продолжалъ онъ,—и подумай ты своими глупыми мозгами, зачѣмъ въ такую таинственность онъ будетъ облекать свои туда поѣздки?

— Этого не знаю.

— Но у старухи, ты говоришь, живетъ тоже [illegible] руха и больше никого нѣтъ?

— Это дѣйствительно, что никого... Мужикъ ботникъ есть... Но, можетъ быть, приходятъ.. замѣтилъ или по крайней мѣрѣ мнѣ думается, чт не молодыя ли... женщины...

Digitized by Google

Іадоръ Сергѣевичъ опять заволновался.

— Да развѣ это возможно и такому старику, сообрази, глупый человѣкъ!

— Я не утверждаю и не смѣю подозрѣвать, потому, какъ мнѣ извѣстны и года господина Орѣшникова, и его образъ жизни и вообще... я этого не думаю...

— Такъ что же тамъ, наконецъ, можетъ быть и что же такое ты цѣлый мѣсяцъ тамъ высматривалъ? Вздоръ все, всего скорѣе, что ты врешь!

— Никакъ нѣтъ-съ!..

— Ну, заблуждаешься, значитъ! И, можетъ быть, вовсе не онъ!

— Ни чуть не сомнѣваюсь, какъ угодно, а это онъ, два раза видѣлъ...

— И оба раза могъ ошибиться.

Іадоръ Сергѣевичъ вздохнулъ, задумчиво погладилъ усы, задумчиво опустился опять на диванъ и потеръ ладонями лобъ, а Погуляевъ во все это время стоялъ около дверей на вытяжку и не безъ испуга думалъ о томъ, будетъ ли ему еще встряска, или нѣтъ.

— Ну, пока иди!.. До вечера ничего не предпринимать,—сказалъ Іадоръ Сергѣевичъ.

Погуляевъ, мысленно благодаря Бога за избавленіе отъ бѣдъ, чуть не кувыркомъ скатился съ лѣстницы, спѣша на волю.

Долго ли, коротко ли боролся Іадоръ Сергѣевичъ съ одолѣвшими его думами и сомнѣніями насчетъ своего достопочтеннаго благопріятеля Петра Васильевича, но въ концѣ концовъ пришелъ къ такому заключенію, что безъ огня нѣтъ дыма. Съ грустью убѣдившись, наконецъ, что большая часть его собственныхъ надеждъ на отличіе, на награды, на переводъ въ университетскій городъ и т. д. разсѣиваются прахомъ, онъ призналъ нужнымъ ухватиться по крайней мѣрѣ за то, что само плыло въ руки.

— Можетъ быть, открывается,—утѣшалъ онъ самъ себя,—что-нибудь въ родѣ заготовки кредитныхъ би-

Digitized by Google

летовъ. Съ этой стороны еще есть основанія къ подозрѣніямъ. Ну, что жъ, пощупаемъ!

И онъ рѣшился самолично пощупать благопріятеля, забывъ свою многолѣтнюю съ нимъ дружбу, его хлѣбъ-соль и всякіе дары.

Воистину человѣкъ есть существо эгоистичное.

Ничего подобнаго Петръ Васильевичъ, конечно, и не подозрѣвалъ.

Но позвольте. Если ужъ дѣло дошло до того, что Петра Васильевича хочетъ щупать его ближайшій благопріятель, то прежде чѣмъ онъ успѣетъ достигнуть своей цѣли (и достигнетъ ли—это еще вопросъ), мы лучше самолично познакомимся съ Петромъ Васильевичемъ и узнаемъ, какія въ самомъ дѣлѣ основанія имѣлъ Захарченко-Миролюбовъ подозрѣвать его—и въ чемъ же?—въ уголовномъ преступленіи! Согласитесь, это ужасно, и тѣмъ болѣе ужасно потому, что никогда никому никакого повода къ такому обидному подозрѣнію Петръ Васильевичъ не давалъ.

Итакъ, позвольте вамъ его представить. Впрочемъ, если ужъ знакомиться намъ съ Петромъ Васильевичемъ, такъ надо знакомиться обстоятельно, ибо Петръ Васильевичъ человѣкъ весьма интересный и достойный вниманія.

XI.

Петръ Васильевичъ былъ купецъ степенный, благочестивый и богатый. Поселился онъ въ городѣ П. когда-то давнымъ давно, такъ что ужъ никто не считалъ его пришлымъ человѣкомъ, только рѣдкіе и изъ самыхъ уже древнихъ стариковъ и старухъ помнили то время, когда онъ впервые проявился въ П.; но это было такъ давно и такъ съ тѣхъ поръ Петръ Васильевичъ измѣнился и въ наружности, и въ образѣ жизни, что и древніе старики со старухами способны, пожалуй, были усомниться, тотъ ли это въ самомъ дѣлѣ Петръ Васильевичъ, рыжій, расторопный вязниковецъ,

Digitized by Google

который, бывало, такъ бойко шагалъ изъ двора во дворъ съ коробкой товара за плечами. И дѣйствительно, отъ того Петра Васильевича и слѣдовъ не осталось.

Онъ издавна, тоже пожалуй десятка два-три лѣтъ, велъ жизнь тихую и уединенную. Богатствомъ своимъ онъ не кичился, экипажами не щеголялъ, ни вечеровъ, ни баловъ никогда не дѣлалъ, а карточныхъ собраній даже и терпѣть не могъ. Собирались у него иногда и то только самые близкіе знакомые въ праздники или именины «на пирогъ»—тѣмъ весь и праздникъ ограничивался. Имѣлъ онъ двухъ дочерей-невѣстъ, крупныхъ довольно размѣровъ и румяныхъ, бывшихъ уже говоря его собственными словами, «въ самомъ соку»; но о присматриваньѣ и подыскиваньѣ подходящихъ для нихъ мужей онъ совсѣмъ не заботился. Его жена, почтенная и добродѣтельная старушка, и близкіе изъ родныхъ часто сожалѣли о затворнической жизни такихъ рослыхъ и румяныхъ дѣвицъ и пробовали было высказывать свои сожалѣнія вслухъ при самомъ Петрѣ Васильевичѣ; но онъ въ отвѣтъ на нихъ рукой отмахивался.—«Намъ не къ чему,—отвѣчалъ онъ,—на старости лѣтъ веселья развродить, газъ вышелъ, а что касательно дочерей, то придетъ часъ воли Божіей и женихи найдутся, а ежели бы и не нашлись, такъ и въ дѣвицахъ хорошо остаться, и не въ примѣръ это для Господа Бога пріятнѣе».

Былъ онъ, нельзя сказать, чтобы представительной наружности, то-есть въ смыслѣ благообразія—не въ мѣру мясистъ, не въ мѣру красенъ и полнолицъ. Низенькій, толстый, широкоплечій, сутуловатый, онъ издали напоминалъ... какъ бы помягче выразиться, нѣчто въ родѣ огромной свиной туши, когда ее мороженую передъ Рождествомъ выставляютъ на рынкахъ на заднія лапы, спиной къ покупателю. Сознаюсь, что такое сравненіе для достопочтеннаго Петра Васильевича можетъ быть не безобиднымъ и потому дѣлаю оговорку, что такую тушу напоминалъ собою Петръ Васильевичъ только издали; вблизи же, т.-е. въ разстоя-

Digitized by Google

ніи, позволявшемъ ясно видѣть черты его лица, онъ ни мало на нее похожъ не былъ. По выраженію его бойкихъ карихъ глазъ, хотя и значительно уже потускнѣвшихъ отъ его долговременнаго земного странствованія, можно было судить о немъ, какъ о человѣкѣ ума быстраго и сильнаго, и нрава твердаго, каковыхъ качествъ у свиныхъ тушъ, какъ извѣстно, не обрѣтается. Одѣвался онъ всегда степенно, по-купечески: сюртукъ длинный, ниже колѣнъ, брюки въ сапогахъ, поверхъ сюртука пальто, длинное, представляющее своимъ покроемъ нѣчто среднее между чуйкой и поповскимъ подрясникомъ. Волосы носилъ тоже по-купечески съ прямымъ проборомъ по срединѣ головы, какъ и слѣдовало въ его почтенныя лѣта; но бороду, хотя давнымъ давно не только сѣдую, а даже съ желтизной, т.-е. съ переходомъ въ третій и послѣдній цвѣтъ (дальше котораго цвѣта человѣческихъ волосъ пока не идутъ), — бороду эту Петръ Васильевичъ немножко подстригалъ и вообще высказывалъ по отношенію къ ней нѣкоторую заботливость. Жена его иногда смотритъ, смотритъ, какъ онъ, собираясь въ церковь, заботливо расчесываетъ бороду, и не утерпитъ, скажетъ:—«Ну, расчесался!»—А онъ въ отвѣтъ на такія ея слова иногда прикрикнетъ такъ, что старуха поторопится уйти; всего же чаще на такія замѣчанія о бородѣ онъ вразумлялъ ее кротко и безъ гнѣва:

— Ты помалчивай! Ежели ты, примѣрно, не понимаешь, что такое значитъ борода, то и въ разсужденіе объ этомъ входить не слѣдъ... Знай свое хозяйство и приводи въ дѣйствіе практику.

Не разъ случалось такъ, что къ разговору о бородѣ присоединялся вопросъ, не имѣющій ничего общаго съ нею.

— Ты, что это, матушка, забыла? Сегодня къ р ней обѣднѣ отчего и сама не пошла, и дочерей послала?—сердито спрашивалъ онъ.

И когда на такой вопросъ жена отвѣчала, что бирается вмѣстѣ съ дочерьми къ поздней обѣднѣ, с

Digitized by Google

впадалъ даже въ гнѣвное состояніе духа и упрекалъ ее за явное будто бы неблагоразуміе.

— Да вѣдь ты знаешь, матушка,—волновался онъ,— вѣдь ранняя-то обѣдня наша, вѣдь мы за нее деньги платимъ!

На такіе сильные доводы жена не знала, что и отвѣчать, тѣмъ болѣе, что и сама сознавала, насколько предосудительно поступаетъ, пропуская «свои» обѣдни и снисходя къ дочерямъ, любившимъ подольше поспать.

XII.

Домъ у Петра Васильевича былъ каменный, двухъэтажный, крытый желѣзомъ и окрашенный въ свѣтлорозовый цвѣтъ; онъ былъ похожъ по фасаду на устюжскій сундукъ, изъ тѣхъ, которые поуродливѣе. Прочностью своей домъ этотъ могъ поспорить съ тюремнымъ замкомъ и нижній этажъ его имѣлъ даже съ нимъ нѣкоторое сходство. Въ нижнемъ этажѣ помѣщались лавки и кладовыя, и окна въ немъ были съ желѣзными рѣшетками и съ желѣзными же ставнями. Въ верхнемъ этажѣ, гдѣ жилъ самъ Петръ Васильевичъ съ семействомъ, окна были зеркальныя, занавѣсы на нихъ тюлевыя; горшки съ цвѣтами самыхъ яркихъ колеровъ; клѣтки съ канарейками фигурныя и щеголеватыя, а лампады у иконъ, помѣщавшихся въ углахъ каждой комнаты, были золоченыя, съ малиновыми стаканчиками. По ночамъ огоньки отъ этихъ лампадъ, бросая свой таинственный свѣтъ на улицу, такъ загадочно подмигивали, точно томились какой-то тайной, точно хотѣли сказать зазѣвавшемуся на домъ Петра Васильевича что-то по секрету, какъ будто они знали какіе-то грѣхи достопочтеннаго старца, но передать ихъ никому не могли и по той именно причинѣ, что никто ихъ таинственныхъ миганій понять не могъ.

Въ дѣйствительности, конечно, ничего подобнаго лампадки противъ Петра Васильевича не имѣли и никогда никакими тайнами не томились, — замѣтилъ я

Digitized by Google

объ этомъ лишь мимоходомъ и больше всего потому, что самъ когда-то, въ давно прошедшіе дни моего дѣтства, такъ думалъ, бродя вечерами по пустыннымъ улицамъ города П.

Торговлю Петръ Васильевичъ велъ въ городѣ П тоже съ незапамятныхъ временъ и все одними и тѣми же товарами, а именно фруктами, сластями, чаемъ, сахаромъ и винами. Самъ онъ лично давно уже пересталъ стоять за прилавкомъ и жилъ почти на покоѣ.

Онъ имѣлъ только высшее, такъ сказать, наблюденіе за ходомъ дѣла и давалъ ему надлежащее направленіе изъ своего кабинета. Лично стоялъ онъ у «торговаго дѣла» только въ приходской церкви, которой старостой служилъ уже нѣсколько трехлѣтій. За свѣчной стойкой всего ярче обнаруживался его кроткій и, повидимому, простосердечный нравъ. Говорю «повидимому», такъ какъ имѣю нѣкоторыя основанія подозрѣвать въ достопочтенномъ Петрѣ Васильевичѣ хотя и тщательно скрываемыя, но все-таки доступныя наблюденію кой-какія искуственныя черты добродушія и простосердечности. Всего вѣроятнѣе, онъ напрактиковался въ пользованіи ими еще въ тѣ молодые годы, когда находился въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ покупателямъ и самолично встрѣчалъ и провожалъ ихъ въ своемъ магазинѣ. Тогда, бывало, покупателю онъ и о погодѣ нѣсколько словъ скажетъ, и о здоровьѣ его освѣдомится, и фуражку предъ нимъ раза два-три сниметъ, благодаря за покупку, и въ то же время мысленно обругаетъ его: вотъ, молъ, народъ глупый, купитъ на грошъ, а разговоровъ сколько!

Такъ усвоивъ себя въ продолженіе многихъ лѣтъ наружныя черты добросердечныхъ отношеній къ людямъ, Петръ Васильевичъ уже по привычкѣ былъ внимателенъ къ каждому изъ покупателей церковныхъ свѣчей.

— Вамъ свѣчечку?—спрашивалъ онъ подошедшаго къ свѣчному ящику,—какую вамъ свѣчечку? Пятачную?.. Хорошо-съ... Сейчасъ... Пожалуйте-съ! Покорнѣйше благодарю...

Digitized by Google

И тѣмъ же тономъ, съ какимъ произносились имъ эти слова, онъ подтягивалъ церковному пѣнію и прерывалъ его для новыхъ разговоровъ.

— Вамъ свѣчечку? Какую свѣчечку? Пятачковую? Хорошо-съ... Ра-аспны-ый-ся-же Христе Бо-же... Двѣ свѣчечки? Гривенныхъ? Извольте двѣ. Сдѣлайте одолженіе, пожалуйте... И чре-ево твое простра-аннѣе небесъ!

Но его подпѣваніе и вопросы, обращаемые къ покупателямъ свѣчей, были всегда до того громки, что молящіеся избѣгали останавливаться около свѣчного ящика и тѣснились впередъ подальше отъ него. По близости останавливались только старики да старухи, которымъ гдѣ бы ни стоять, вблизи ли вдали ли, было все равно: они одинаково не слышали ни церковной службы, ни разговоровъ Петра Васильевича съ покупателями свѣчей.

Причины этого послѣдняго обстоятельства хотя и не были никогда въ достаточной степени уяснены Петромъ Васильевичемъ, но однако жъ справедливость требуетъ замѣтить, что близкое сосѣдство съ церковнымъ свѣчнымъ ящикомъ стариковъ и старухъ не доставляло ему особеннаго удовольствія. Онъ иногда уныло и со вздохомъ на нихъ косился, и взглядъ его нерѣдко скользилъ чрезъ ихъ сгорбленныя спины впередъ, именно въ ту лѣвую часть храма, гдѣ по обыкновенію останавливались барыни и барышни. Иногда, засмотрѣвшись въ ту сторону, Петръ Васильевичъ очаровывался красотой какой-нибудь блондиночки или брюнеточки и, подтягивая церковному пѣнію, въ то же время думалъ:

— Хороша! Очень хороша! Можно сказать, штучка на охотника!

XIII.

Но опять-таки считаю нужнымъ оговориться, что въ такихъ художественныхъ восторгахъ нельзя видѣть что-либо предосудительное. Положимъ, мѣсто для

Digitized by Google

такихъ восторговъ и притомъ еще во время богослуженія ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признано подходящимъ; но позвольте замѣтить, что вѣдь Петръ Васильевичъ никому и никогда не давалъ повода подумать что-либо предосудительное насчетъ этого обстоятельства, и любовался онъ женской красотой такъ всегда осторожно и незамѣтно для всѣхъ, даже такъ, какъ будто бы и совсѣмъ не любовался. Посматривая на хорошенькія личики, онъ оставался все въ томъ же религіозномъ настроеніи и продолжалъ подтягивать церковному пѣнію тѣмъ же дрожащимъ старческимъ голосомъ, какимъ подтягивалъ и въ другое время, когда въ церкви, кромѣ старухъ, никого не было. Иногда самыми словами пѣнія онъ выражалъ даже порицаніе самому себѣ, какъ бы сознавая грѣховность своихъ вожделѣній. Такъ, напримѣръ, онъ вдругъ возвышалъ голосъ на словахъ ирмоса: «Бездна послѣдняя грѣховъ обыдемя и исчезаетъ духъ мой»... и въ порывѣ раскаянія, становился на колѣни, касаясь лбомъ холоднаго церковнаго пола.

Не скрываю и не могу умолчать, что иногда Петръ Васильевичъ возвышалъ свой дребезжащій голосъ не только на такихъ словахъ молитвословій, которыя соотвѣтствовали томленіямъ его души, какъ бы искавшей утраченный ею путь къ обители вѣчнаго блаженства; но возвышалъ онъ свой голосъ и на такихъ словахъ церковнаго пѣнія, которыя ясно указывали, что и свѣтскія такъ сказать мысли тоже находили иногда мѣсто въ его старческой головѣ, несмотря на то, что она давнымъ давно уже была покрыта сѣдинами.

Такъ, напримѣръ, когда пѣвчіе во время вѣнчанія какой-нибудь богатой пары громогласно взывали: «Пріиди, голубице моя! Уязвленъ есмь!» Петръ Васильевичъ, подтягивая имъ, невольно какъ-то, даже и сознавая, можетъ быть, грѣховности своихъ взглядовъ косился на ту лѣвую часть церкви, гдѣ обыкновенно стояли представительницы прекраснаго пола.

Повторяю, ничего пока въ этомъ нѣтъ такого пр

Digitized by Google

досудительнаго, чтобы я имѣлъ болѣе или менѣе твердое основаніе дать о Петрѣ Васильевичѣ неодобрительные отзывы. Петръ Васильевичъ оставался и до сихъ поръ остается все тѣмъ же Петромъ Васильевичемъ, степеннымъ и благочестивымъ человѣкомъ, и взгляды его и подпѣваніе церковныхъ стиховъ, все это такъ извинительно, въ особенности въ его почтенныя лѣта.

Но я считаю долгомъ упомянуть, что достопочтенная супруга его иногда, въ особенности въ минуты раздраженія, говаривала о немъ: «ну ужъ тоже, святъ мужъ!» и въ этихъ немногихъ ея словахъ проглядывало что-то подозрительное, говорившее не въ пользу Петра Васильевича. Точно такъ же одинъ изъ приказчиковъ его, состарѣвшійся уже человѣкъ, не разъ подъ веселую руку подмигивалъ при разговорѣ о благочестіи Петра Васильевича, точно хотѣлъ сказать этимъ подмигиваніемъ нѣчто, тоже не въ пользу своего хозяина, но однако же дальше подмигиванья никогда не шелъ.

Я упоминаю объ этихъ уклончивыхъ намекахъ достопочтенной супруги Петра Васильевича и его стараго служаки не столько для того, чтобы полнѣе и ярче обрисовать духовный образъ описываемаго лица, сколько для характеристики его приближенныхъ. Они, какъ видно, знали кой-какіе секреты насчетъ Петра Васильевича, но не разглашали ихъ, придерживаясь давно извѣстнаго изреченія, что рѣчь серебро, а молчаніе золото. Однако жъ не допускаю мысли, чтобы имъ многое было извѣстно «съ подробностями». Если даже и знали они немножко больше того, что могли знать по своимъ близкимъ отношеніямъ къ достопочтенному старику, то все это, безъ сомнѣнія, и въ большинствѣ случаевъ относилось къ давно прошедшимъ временамъ его молодости. Равнымъ образомъ и среди обитателей города П., вѣроятно, тоже кой-гдѣ блуждали мнѣнія о томъ, что Петръ Васильевичъ «не святъ мужъ»; но согласитесь, нельзя же считать такіе случайные, можно сказать, обрывки людскихъ отзывовъ за общественное

Digitized by Google

мнѣніе. Общественное мнѣніе было всегда за Петра Васильевича. Онъ стоялъ подобно свѣтильнику «на верху горы», и вотъ въ этомъ-то его положеніи именно и заключалась вся бѣда, вся, можно сказать, душевная его драма, которую ему пришлось переживать по причинѣ людского вѣроломства.

XIV.

Однажды какъ-то зимою вечеромъ, часовъ этакъ около шести, вышелъ Петръ Васильевичъ изъ своего каменнаго сундука ровною медленною поступью, какъ бы на прогулку. Прошелъ онъ улицу, другую, повернулъ въ третью, идетъ себѣ не торопясь, съ знакомыми раскланивается, на трость свою камышевую опирается; но вотъ онъ дошелъ уже до такой улицы, гдѣ не только трудно встрѣтить кого-либо знакомыхъ, но даже и извозчики попадаются не часто. Идти ему, должно быть, предстояло не близко, такъ какъ онъ при поворотѣ въ какой-то глухой проулокъ, сѣлъ въ извозчичьи сани и строго шепнулъ возницѣ:

— Валяй проворнѣй!

Былъ онъ въ своей обыденной енотовой шубѣ и въ ватномъ купеческомъ картузѣ съ большимъ козыремъ. Ночь была, нужно сказать, довольно темная (да въ лунныя ночи Петръ Васильевичъ почему-то никогда не заходилъ такъ далеко), и трудно было услѣдить, куда именно повезъ его извозчикъ. Но по странной ли случайности, или по заранѣе обдуманному намѣренію, почти въ это же самое время выѣхалъ изъ другого переулка Погуляевъ тоже на извозчикѣ. Онъ, кажется, слѣдилъ за своимъ подозрительнымъ человѣкомъ въ мѣховой шапкѣ, о чемъ можно было заключить изъ того, что извозчикъ дѣйствительно привезъ его въ глухую улицу, гдѣ находился домъ старухи, но не поѣхалъ прямо къ воротамъ ея дома, а остановился въ значительномъ отъ нихъ разстояніи.

Чрезъ нѣсколько времени Погуляевъ дѣйствительно

Digitized by Google

замѣтилъ, что господинъ въ мохнатой шапкѣ подъѣхалъ къ воротамъ подозрительнаго дома и поспѣшно юркнулъ въ калитку. На этотъ разъ Погуляевъ одѣтъ былъ въ свою служебную форму и не пошелъ къ подозрительному дому, чтобы, пріостановившись около запертыхъ оконныхъ ставенъ, прислушаться, что такое тамъ внутри его происходитъ, а снова сѣлъ на извозчика и поѣхалъ куда-то въ другія улицы. Пустился ли онъ разузнавать, куда именно уѣхалъ Петръ Васильевичъ въ своемъ ватномъ картузѣ, или имѣлъ какія другія намѣренія — неизвѣстно. Точно такъ же неизвѣстно, убѣдился ли онъ, наконецъ, что Петръ Васильевичъ Орѣшниковъ и господинъ въ мохнатой шапкѣ есть два совершенно различныя лица, или все еще оставался съ своими заключеніями, что и шапка, и фуражка принадлежатъ Петру Васильевичу. Извѣстно пока только то, что въ этотъ памятный вечеръ Погуляевъ былъ чѣмъ-то сильно взволнованъ и гналъ на извозчикѣ по глухимъ улицамъ города вскачь куда-то къ центру города. Въ это время господинъ, пріѣхавшій въ домъ старухи въ мохнатой шапкѣ, разговаривалъ съ нею о чемъ-то, стоя на крыльцѣ. О чемъ именно разговаривали они, трудно было понять, старуха кланялась и, говоря шепотомъ, приглашала его войти въ комнаты, а онъ почему-то не спѣшилъ и, оставаясь на крыльцѣ, тоже шепотомъ спросилъ:

— Такъ отчего же они замѣшкались?

— Да я еще давеча поутру заходила къ нимъ и, какъ вы приказали, передала, что будете сегодня. Они сказали, что будутъ безпремѣнно, а что-то вотъ нѣту... Заходите.

— Чего жъ такъ-то заходить безъ толку!

— Надо быть, скоро придутъ...

— Подождемъ... А ежели сильно запоздаютъ — разсержусь... Мы теперича такіе расходы несемъ... обидно!

— Можетъ быть, не по винѣ, — продолжала старуха,— можетъ, что и задержало.

Digitized by Google

Сойдя съ низенькаго крылечка, имѣвшаго только всего четыре ступеньки, она стала всматриваться въ темную даль двора, въ ту именно сторону, куда тянулась пролегавшая чрезъ него тропинка.

— Кажись, идутъ!—тихо проговорила она.

И дѣйствительно вскорѣ выдѣлились изъ темнаго фона ночи три фигуры, приближавшіяся одна за одной къ крылечку домика старухи.

Спустя нѣсколько времени дверь на крыльцо оказалась запертою, ворота тоже на запорѣ и на всемъ огромномъ пустырѣ старухина дома больше не было видно уже никакого движенія, только около воротъ съ внутренней стороны двора сидѣлъ на кучкѣ дровъ мужикъ въ овчинной шубѣ съ суковатой палкой въ рукахъ и дремалъ. Дремалъ онъ, должно быть, порядочно долго и раздремался до того, что не замѣтилъ, какъ его вдругъ схватили за руки съ обѣихъ сторонъ и быстро зажали ему ротъ. Не успѣлъ онъ придти въ себя, какъ уже былъ связанъ. Онъ понялъ наконецъ, что противодѣйствовать напавшимъ на него лицамъ не только не имѣетъ силы, но даже и при силѣ не осмѣлился бы. Передъ нимъ стоялъ самъ Іадоръ Сергѣевичъ Захарченко-Миролюбовъ и строгимъ шепотомъ внушалъ:

— Молчи! И если только слово произнесешь—заморю въ острогѣ!

— Ваше благ... смѣю ли!

XV.

Минуту спустя Іадоръ Сергѣевичъ въ мундирѣ и при шпагѣ вошелъ черезъ кухню въ комнаты подозрительнаго дома и увидѣлъ нѣчто невѣроятное, такъ что на нѣкоторое время даже смутился. Онъ никакъ не ожидалъ того, что встрѣтилъ. Его изумленному взору представилась картина... такъ сказать, аѳинскаго вечера, въ полномъ разгарѣ, героемъ котораго былъ самъ Петръ Васильевичъ Орѣшниковъ... Не случись этого

Digitized by Google

неожиданнаго посѣщенія, такъ бы вся эта, соглашаюсь, весьма нескромная, но во всякомъ случаѣ не бурная и ничьего спокойствія не нарушавшая «забава» и окончилась бы «тихимъ манеромъ»; Петръ Васильевичъ, какъ ни въ чемъ не бывало, возвратился бы въ свой сундукъ, не давъ домашнимъ никакого повода къ подозрѣніямъ; но вѣроломство благопріятеля помѣшало ему. Въ то время, когда, казалось, царила полная тишина во всемъ домикѣ и не откуда было даже свѣжей струѣ воздуха пахнуть, вдругъ дверь растворяется и вѣроломный благопріятель вваливается въ комнату, въ сопровожденіи двухъ спутниковъ чуть не съ алебардами. При входѣ ихъ аѳинскій вечеръ крайне непріятно разстроился. Петръ Васильевичъ въ переполохѣ вскочилъ съ ковра, точно его змѣя ужалила, и отъ изумленія слова не могъ произнести, куда и хмѣль его весь дѣвался. Онъ чувствовалъ только, что какъ будто его схватилъ кто-то за горло обѣими руками и хочетъ душить. Взглянулъ онъ на Іадора Сергѣевича и видитъ, «ликъ» его совсѣмъ не прежній, добродушный и ласковый, а начальническій, съ нахмуренными бровями, и потемнѣлъ какъ-то, точно образъ старинаго письма.

— Что такое? Что за безпорядки, — отрывисто спросилъ Іадоръ Сергѣевичъ, окинувъ группу нимфъ, участницъ вечера, молніеноснымъ взглядомъ.

Петръ Васильевичъ попробовалъ-было подобраться къ нему поближе; но онъ ощетинился, точно ёжъ, шпагу свою правой рукой придерживаетъ, а лѣвой волосы на височкахъ приглаживаетъ и усики крутитъ.

— Что за женщины? И зачѣмъ такая... Голландія?

Горбатая старуха ни жива ни мертва, не знаетъ куда смотрѣть, бутылки съ драгоцѣнной влагой валяются по ковру; нѣкоторыя изъ нихъ изливаютъ влагу на коверъ и полъ, нѣкоторыя даже разбиты въ суматохѣ, произведенной приходомъ Іадора Сергѣевича и его спутниковъ.

Digitized by Google

На кухнѣ въ это время, въ темномъ ея углу, какая-то тоже старая старушонка шепталась съ мужикомъ, служившимъ при домишкѣ чернорабочимъ.

— Да какъ ты его впустилъ? Да зачѣмъ ты не забѣжалъ впередъ его?—упрекала она.

Мужикъ чесался, пожималъ плечами, вздыхалъ и оправдывался, говоря тоже шепотомъ.

— Да они задами... Я сначала не разобралъ, хотѣлъ-было его ожечь оглоблей,—не успѣлъ...

Нимфы наконецъ выпущены въ сосѣднюю комнату,—чтобы привести себя въ порядокъ. Іадоръ Сергѣевичъ сидитъ у стола и что-то строчитъ, продолжая сохранять на темномъ своемъ «ликѣ» грозное выраженіе. Петръ Васильевичъ крайне смущенъ, встревоженъ и съ недоумѣніемъ оглядывается во всѣ стороны, не зная, гдѣ искать выхода изъ того ужаснаго положенія, которое коварный благопріятель подготовилъ ему. Длиннополый свой сюртукъ онъ уже давно и съ замѣчательной поспѣшностью накинулъ на плечи и волоса по возможности привелъ въ порядокъ, но никакъ не можетъ сладить съ душевнымъ своимъ состояніемъ. Ему кажется, что темный потолокъ комнаты опускается все ниже и ниже, стѣны сдвигаются одна къ другой и грозятъ раздавить его, а горшки на окнахъ съ геранiумомъ и фуксіями подпрыгиваютъ и постукиваютъ другъ друга по краямъ, заранѣе торжествуя побѣду коварнаго благопріятеля. Благопріятель настрочилъ цѣлую страницу (и бумага, и чернильница и перья точно по щучьему велѣнью, Богъ вѣсть откуда, появились передъ нимъ). Быстро перевернувъ листъ на другую сторону, онъ принялся строчить дальше.

— Такъ неужли-жъ ты, Іадоръ Сергѣичъ, въ заправду?.. Побойся Бога! — просилъ Петръ Васильевичъ: — это за что же такъ-то? Іадоръ Сергѣевичъ послушь...

Благопріятель упорно молчалъ и только изрѣдка отрываясь отъ письма, кидалъ извѣстные взгляды двери комнаты, какъ бы удостовѣряясь, достаточно

Digitized by Google

они надежны для того, чтобы не выпустить изъ рукъ добычи.

— Я, кажется, всегда... — продолжалъ Петръ Васильевичъ понизивъ тонъ: — и чаю, и сахару... и изъ погреба... Ежели желаешь, я могу и деньгами... Хочешь даже теперь... расписку дамъ...

— Па-азвольте! — внушительно прервалъ Іадоръ Сергѣевичъ,—здѣсь не мѣ-ѣсто!

— Да что же это... въ умѣ ли ты, Іадоръ Сергѣичъ? Неужли жъ не чувствуешь... окажи милость!..

— Па-азвольте! Повторяю вамъ...

Іадоръ Сергѣевичъ наконецъ кончилъ свое черканье и, откинувшись на спинку стула, заговорилъ начальническимъ тономъ:

— Прошу успокоиться... Васъ это касается только частью, потому какъ законъ допускаетъ... понимаете, то-есть, говоря точнѣе, законъ снисходитъ и терпитъ... Но, милсть... г-с-ударь, нельзя же такъ...

— Яви милость!—прервалъ Петръ Васильевичъ.

— Прошу васъ не прерывать.—Я составилъ протоколъ на законномъ основаніи, ибо сей пріютъ существуетъ безъ разрѣшенія власти, въ родѣ того, какъ бы производство торга безъ патента; во-вторыхъ, я имѣю данныя подозрѣвать, что въ числѣ сихъ трехъ, бывшихъ въ вашемъ обществѣ особъ, одна не достигла еще законнаго совершеннолѣтія...

Петръ Васильевичъ попробовалъ было еще разъ приблизиться къ уху Іадора Сергѣевича и шепнулъ ему о какой-то суммѣ; но благопріятель, хотя и имѣлъ терпѣніе дослушать его шепотъ до конца, однако жъ почему-то не поддался ему и снова принялъ грозное выраженіе.

— Извольте расписаться! — сказалъ онъ ему въ отвѣтъ на его шепотъ.

— Адоръ Сергѣичъ! Слышишь, я еще накину...

— Извольте расписаться, — повторилъ благопріятель.

— Для какой такой надобности мнѣ, напримѣръ, рукоприкладство?..

Digitized by Google

— Безъ возраженій, милстый гсдарь! Впредь до разсмотрѣнія этого дѣла въ установленномъ порядкѣ васъ не потревожатъ... А тамъ судъ разберетъ, какая, и въ чемъ, и въ какой мѣрѣ ваша прикосновенность къ этому тайному пріюту.

— Какъ хочешь, Адоръ Сергѣичъ, а я расписываться не буду.

Іадоръ Сергѣевичъ пожалъ плечами.

— Если не распишетесь—хуже будетъ. Я прикажу взять васъ подъ стражу.

Петръ Васильевичъ вздыхалъ, охалъ, смотрѣлъ въ полъ, точно отыскивая, нѣтъ ли по близости мѣста, гдѣ бы можно было провалиться сквозь землю. Но какъ ни отнѣкивался, какъ ни упрашивалъ, обѣщая еще «накинуть», все-таки былъ принужденъ подчиниться власти Іадора Сергѣевича—и подписалъ протоколъ.

Отпущенный послѣ подписанія этого акта на свободу, онъ вылетѣлъ изъ домика старухи съ такимъ краснымъ лицомъ и съ такимъ тяжелымъ учащеннымъ дыханіемъ, точно его въ пять вѣниковъ парили въ жарко натопленной банѣ.

XVI.

Какъ онъ пріѣхалъ домой, какъ провелъ долгую зимнюю ночь и насколько тревоженъ былъ его сонъ—объ этомъ достовѣрно ничего сказать невозможно. Извѣстно было только одно, что онъ съ вечера «прихворнулъ», былъ гдѣ-то по дѣламъ въ дальней части города и «надо быть, вѣтромъ продуло». Такое мнѣніе сложилось въ обитателяхъ каменнаго сундука Петра Васильевича на основаніи сообщеній достопочтенной его супруги, передавшей за утреннимъ чаемъ дочерямъ, что «самъ» всю ночь ворочался съ боку на бокъ и охалъ, а заснулъ только предъ разсвѣтомъ, когда зазвонили къ заутрени.

Однако-жъ, Петръ Васильевичъ прохворалъ не-

Digitized by Google

долго, только до восьми часовъ утра. Онъ вскочилъ съ постели такъ быстро, точно опять увидѣлъ предъ собою зловѣщую фигуру Іадора Сергѣевича. Достопочтенная супруга его никакъ этого не подозрѣвала и въ большомъ недоумѣніи отшатнулась отъ дверей спальни, когда, войдя въ нее, увидѣла мужа сидящимъ за столомъ съ пачками кредитныхъ билетовъ въ рукахъ.

— Петръ Васильевичъ, ты что же это?—въ смущеніи спросила она: — вѣдь ты не умытый, развѣ можно такъ?.. Хоть бы халатъ накинулъ, что ли... а то срамъ!.. И безъ сапогъ!

— Фу ты напасть!.. Даже позабылъ! Господи помилуй!—смутился онъ.

Супруга была утѣшена уже тѣмъ, что онъ «отлежался», и не стала разспрашивать о причинѣ его безпокойнаго пересчитыванія денегъ, да и не смѣла бы сдѣлать такого вопроса ни въ какомъ случаѣ. Онъ пересчиталъ деньги, со вздохомъ уложилъ ихъ обратно въ несгораемый шкафъ, стоявшій какъ разъ у его кровати и у самаго его изголовья. Понятно, что лучшаго помѣщенія для шкафа съ деньгами невозможно было найти во всемъ домѣ. Петръ Васильевичъ до сихъ поръ былъ насчетъ этого совершенно спокоенъ и спалъ всегда безмятежнымъ сномъ, имѣя возможность не только видѣть, но даже осязать возлѣ себя свое казнохранилище. Теперь вдругъ, послѣ вчерашняго вечера, на него напалъ страхъ и не столько за безопасность шкафа, какъ надежнаго казнохранилища, сколько за его содержимое. «Охъ, злодѣй, эеіопъ! Ограбить хочетъ, видимое дѣло!—думалъ онъ, наскоро умываясь, — вчера отъ тысячи рыло воротитъ... Но сколько же? Неужели больше двухъ заломитъ! Пожалуй, отъ него станется... Да вѣдь послѣ этого можно ли вести торговыя дѣла. Вѣдь ежели такими кусками рвать будутъ, вся торговля упадетъ!» Терзаясь такими мрачными думами о судьбахъ русской торговли и не безъ страха заглядывая, такъ сказать, въ глубину той

Digitized by Google

ужасной пропасти, которая готова была поглотить его доброе имя, Петръ Васильевичъ, однако же, сознавалъ, что положеніе его не настолько безнадежно, чтобы отдать себя съ головой въ руки врага. «Вретъ, эеіопъ, что дастъ дѣлу законный ходъ, — думалъ онъ, — разсчету нѣтъ. Неужли-жъ ему пріятнѣе меня топить безплатно?.. Ну, а ежели онъ больше заломитъ, а я буду упорствовать — озлится и, пожалуй, безплатно утопитъ. Ему что! Не съ меня, такъ съ другого сорветъ—и все равно протранжиритъ, а подохнетъ—похоронить будетъ не на что, и семья съ грошевой пенсіей останется»...

Такъ разносторонне обсуждая положеніе своего дѣла, Петръ Васильевичъ терялся, не зная, въ которую сторону могутъ склониться вѣсы его судьбы, оказавшейся вдругъ въ рукахъ Іадора Сергѣевича. Не могу не замѣтить, что въ это время его ни мало не томило раскаяніе или угрызеніе совѣсти отъ сознанія собственной грѣховности. Я не смѣю утверждать, чтобы потомъ, впослѣдствіи, когда наступило болѣе или менѣе подходящее для раскаянія время, Петръ Васильевичъ отвергъ его. Напротивъ, я сильно склоненъ вѣрить, что онъ, будучи искреннимъ сыномъ церкви, несомнѣнно раскаялся въ своихъ старыхъ грѣхахъ, какъ только удалось ему освободиться изъ тисковъ коварнаго друга, и даже отъ новыхъ грѣховъ былъ не прочь. Но не могу умолчать, что въ описываемое время онъ думалъ вовсе не о грѣхахъ, а былъ весь поглощенъ вопросомъ: «уступитъ ли Іадоръ Сергѣевичъ, и сколько?»

Комната все это время оставалась не прибранной, на кровати въ безпорядкѣ валялись подушки, одѣяло, сдернутое на сторону, и принадлежности туалета Петра Васильевича—помочи, манишка, галстукъ и т. п.

— Да что же ты, Богъ съ тобой, Петръ Васильевичъ! — заворчала жена, снова входя въ комнату:— что же ты чай-то не идешь пить? Самоваръ давно остылъ...

Digitized by Google

— Вотъ приспичило!—гнѣвно отвѣтилъ онъ,—авось не замерзнетъ...

Наскоро напившись чаю, онъ собрался идти «по дѣламъ». Лѣвый бокъ его сюртука подозрительно топырился отъ солидной пачки кредитныхъ билетовъ, захваченныхъ имъ съ собою. Но немного прошло времени, всего часъ какой-нибудь, и онъ былъ уже снова дома и въ прескверномъ расположеніи духа, несмотря на то, что всѣ пачки кредитныхъ билетовъ привезъ обратно въ цѣлости. Впрочемъ онъ, кажется, потому и былъ не въ духѣ, что привезъ ихъ обратно.

За обѣдомъ даже и пирогъ съ свѣжей бѣлорыбицей не привлекъ на себя его вниманія. Онъ только взглянулъ на него грустнымъ взглядомъ и подавилъ тяжелый вздохъ, быть можетъ, вспоминая то спокойное время, когда добрая треть такого пирога безмятежно поглощалась его утробою. Жена по этому случаю даже оскорбилась и не безъ злорадства замѣтила, что, можетъ быть, «въ чужихъ людяхъ вкуснѣе готовятъ». Петръ Васильевичъ не нашелъ нужнымъ ее вразумлять, только рукой отмахнулся отъ ея замѣчанія и сказалъ сквозь зубы:

— Мели больше! За это пошлины нѣтъ!

Онъ хотѣлъ послѣ обѣда уйти въ кабинетъ и уединиться тамъ отъ жены и дочерей, видѣть которыхъ ему было невыносимо; но въ этотъ день точно нарочно со всѣхъ сторонъ ожидали его непріятности: приказчикъ пришелъ съ какими-то вопросами о дѣйствіяхъ по неудачному взысканію долга, двѣ старухи ныли въ передней, прося «на бѣдность», и только что онъ проводилъ ихъ, какъ въ передней появилась монахиня. Низко поклонившись, она тоненькимъ голоскомъ проговорила:

— Царицѣ небесной отъ щедротъ вашихъ соблаговолите...

— Ахъ, матушка, не могу... не время...

— Обитель бѣ-ѣдная! Храмъ пришелъ въ ве-етхость...

Digitized by Google

— Послѣ, послѣ когда-нибудь. Не до васъ мнѣ теперь.

— Терпимъ большія лише-енія...

Петру Васильевичу было дѣйствительно не до нея, и онъ, конечно, имѣлъ свои основанія отказать ей, но будучи въ сильномъ гнѣвѣ, выразилъ свой отказъ такимъ непростительнымъ движеніемъ, что монахиня, какъ клубокъ, скатилась съ лѣстницы. Однако же она вмѣсто того, чтобы, поднявшись на ноги, уйти отъ обидѣвшаго ее благодѣтеля, опять низко поклонилась ему и жалобно пропищала:

— Ну это, батюшка, ты мнѣ подалъ, а Царицѣ-то небесной что же?

Отъ такой постановки вопроса Петръ Васильевичъ окончательно смутился и сунулъ монахинѣ крупное пожертвованіе.

— Грѣхи, грѣхи! — думалъ онъ, уединившись, наконецъ, въ кабинетѣ: — а все изъ-за него, изъ-за разбойника! Вѣдь этакую сумму заломилъ... Да лучше убѣжать куда-нибудь отъ стыда, чѣмъ разоряться!

Такъ размышляя, онъ пришелъ потомъ къ такому заключенію, что въ подобныхъ дѣлахъ лучше всего дѣйствовать чрезъ надежнаго посредника, который бы примирилъ интересы обѣихъ сторонъ и привелъ дѣло къ благопріятному окончанію.

Такимъ посредникомъ избралъ Петръ Васильевичъ нѣкоего ловкаго человѣка, Ефима Ѳедоровича Голоножкина, о которомъ, по ходу нашего повѣствованія, необходимо сказать нѣсколько предварительныхъ словъ. Знакомство съ Ефимомъ Ѳедоровичемъ не только не отдалитъ насъ отъ прямого пути къ окончанію разсказа объ исходѣ душевныхъ мукъ Петра Васильевича, но, напротивъ, такъ-таки прямехонько и приведетъ къ этому окончанію.

XVII.

Ефимъ Ѳедоровичъ Голоножкинъ былъ мелкій торговецъ москотильными товарами. Онъ имѣлъ лавчонку

Digitized by Google

гдѣ-то на задахъ гостинаго двора и хотя самъ лично торговлю въ ней почти не производилъ, но запахъ скипидара и другихъ пахучихъ веществъ носилъ съ собой повсюду. Пріятели, бывало, только и просятъ: «сдѣлай милость, не подходи близко, не рази». Его такъ и звали—«Скипидаръ», и нужно замѣтить, такое названіе дано было ему не потому только, что онъ весь провонялъ москотильными товарами, но и по нѣкоторымъ другимъ соображеніямъ, болѣе, такъ сказать, духовнаго свойства. Былъ онъ человѣкъ ловкій, цѣпкій и изворотливый, и если ужъ за какое дѣло ухватится, то ужъ крѣпко, обѣими руками, и если къ чему захочетъ подобраться тихо, то подберется такъ, что и самое чуткое ухо не услышитъ. Товары ли попортившіеся сбыть подальше, пробраться ли куда съ задняго крыльца по начальству, пронюхать ли о какомъ-нибудь дѣлѣ на биржѣ или въ банкахъ—для этого Ефимъ Ѳедоровичъ былъ самый подходящій человѣкъ. Небольшого роста, тщедушный, сутуловатый, съ сѣроватымъ цвѣтомъ лица и притомъ еще кривой, видѣвшій только лѣвымъ глазомъ, онъ былъ, какъ говорится, на всѣ руки. Въ лавчонкѣ своей онъ потому именно и не торговалъ самолично, что цѣлые дни носился по городу по какимъ-то дѣламъ, больше, впрочемъ, по чужимъ. Однако-жъ, нужно замѣтить, что собственная его торговля отъ такихъ отсутствій ничуть не страдала: онъ успѣвалъ и съ нею справляться, и такъ ловко, что въ одинъ какой-нибудь часъ напитывался москотильнымъ запахомъ на цѣлые дни.

Иногда и Петру Васильевичу онъ кой-чѣмъ прислуживалъ, но отъ платы за это настойчиво отказывался: дескать, что говорить о пустомъ дѣлѣ, случится, молъ, когда-нибудь и вы, Петръ Васильевичъ, мнѣ пригодитесь. Петръ Васильевичъ, конечно, это цѣнилъ. Главное, онъ зналъ, что на Ефима Ѳедоровича можно положиться какъ на каменную стѣну. Бывало, когда ни пошлетъ за нимъ, въ ночь, въ полночь или раннимъ

Digitized by Google

утромъ — Ефимъ Ѳедоровичъ тутъ какъ тутъ. Пройдетъ, бывало, въ кабинетъ, тряхнетъ головой въ видѣ поклона, а самъ уже шныряетъ пытливымъ своимъ глазомъ по всѣмъ угламъ кабинета и въ одну секунду все высмотритъ. Петръ Васильевичъ всегда дивился, какъ это онъ проворно все подмѣчаетъ.

Послалъ онъ за нимъ въ описываемыя трудныя минуты своей жизни. Но когда посланный вернулся съ извѣстіемъ о томъ, что Ефимъ Ѳедоровичъ сейчасъ явится, Петръ Васильевичъ заколебался. Ему стало и неловко, и досадно при мысли о томъ, что волей-неволей придется посвятить Ефима Ѳедоровича въ тайны своего щекотливаго положенія. Когда у дверей кабинета послышались шаги приближавшагося къ нимъ Голоножкина, Петръ Васильевичъ, такъ сказать, сердцемъ почуялъ, что непріятная минута наступаетъ, и еще болѣе смутился.

Ефимъ Ѳедоровичъ вошелъ, взглянулъ по обычаю прежде всего въ передній уголъ на образъ, предъ которымъ мигалъ малиновый огонекъ въ лампадѣ, и потомъ, послѣ троекратнаго крестнаго знаменія, мотнулъ головой Петру Васильевичу.

— Добраго здоровья!—сказалъ онъ, остановившись у перваго стула около дверей.

Петръ Васильевичъ вздохнулъ, исподлобья посмотрѣлъ на него и молча потеръ себѣ лобъ обѣими руками. Ефимъ Ѳедоровичъ тоже вздохнулъ, какъ бы за компанію съ хозяиномъ, но лба руками не потеръ, а стрѣльнулъ вмѣсто этого своимъ однимъ глазомъ на угрюмое лицо Петра Васильевича.

«Не въ себѣ старичекъ-то!»—подумалъ онъ.

— Садись, Ефимъ, поближе!

Въ тонѣ этого предложенія слышалось что-т грустное и досадливое, еще болѣе убѣдившее Ефим Ѳедоровича въ его предположеніи насчетъ разстроен наго душевнаго состоянія Петра Васильевича. Согласн его предложенію онъ пересѣлъ стула на два поближ. и замѣтилъ при этомъ:

Digitized by Google

— Я вѣдь, Петръ Васильевичъ, сами знаете — съ москателью...

— Охъ! Что москатель! Теперь не до москатели...

«Не въ себѣ старичекъ, да!.. Но что за исторія такая съ нимъ?»—соображалъ Ефимъ Ѳедоровичъ.

Онъ замѣтилъ, что Петръ Васильевичъ смотритъ не то волкомъ, попавшимъ въ засаду, не то бараномъ, котораго связали и хотятъ стричь, и никакъ не могъ понять, которое сравненіе больше подходитъ къ нему. Дернувъ себя раза два-три за шаршавую, пепельнаго цвѣта бороденку, онъ явно указалъ этимъ движеніемъ на то, что его безпокоитъ какой-то не поддающійся разрѣшенію вопросъ.

— Садись, говорю тебѣ, ближе! — почти гнѣвно сказалъ Петръ Васильевичъ.

— Ежели вамъ угодно... я съ великимъ удовольствіемъ,—отвѣтилъ Ефимъ Ѳедоровичъ.

Онъ пересѣлъ еще поближе и занялъ мѣсто на кончикѣ стула, выражая такой почтительной позой свою готовность немедленно же летѣть туда, куда будетъ угодно Петру Васильевичу назначить ему полетъ. Прежде, бывало, такое выраженіе готовности Ефима Ѳедоровича къ услугамъ нравилось Петру Васильевичу и вызывало его на шутливыя замѣчанія насчетъ скипидара; теперь же о немъ и помина не было. Теперь Петръ Васильевичъ не только не шутилъ, но былъ мраченъ такъ, какъ не бывалъ до сихъ поръ никогда. Сидѣлъ онъ въ креслѣ около своего письменнаго стола и вздыхалъ, не говоря ни слова.

— Что будетъ угодно приказать, Петръ Васильевичъ?—спросилъ, наконецъ, Ефимъ Ѳедоровичъ, сознавъ безполезность ихъ обоюднаго молчанія.

Вмѣсто прямого отвѣта на такой вопросъ Петръ Васильевичъ молча подманилъ его къ себѣ пальцемъ правой руки и кивнулъ при этомъ головой на дверь. Ефимъ Ѳедоровичъ немедленно же понялъ, что о москотильномъ запахѣ при такомъ положеніи дѣлъ думать

Digitized by Google

больше не приходится, и, тщательно притворивъ дверь, близко подсѣлъ къ Петру Васильевичу.

— Вотъ что, братъ Ефимъ... грѣшенъ я, великій я грѣшникъ...

Петръ Васильевичъ при этихъ словахъ набожно взглянулъ на малиновый огонекъ лампадки. Ефимъ Ѳедоровичъ тоже покосился туда, однако-жъ вовсе безъ религіознаго вздоха, скорѣе съ недоумѣніемъ насчетъ того, что за странное такое вдругъ раскаяніе напало на Петра Васильевича.

— Грѣховъ у меня,—плачевно продолжалъ Петръ Васильевичъ,—что песку морского. Немощенъ я, слабъ!.. И каюсь тебѣ, Ефимъ Ѳедоровичъ, слабъ!

Ефимъ Ѳедоровичъ, боясь смутить его пытливымъ взглядомъ, косился на полъ и думалъ, что для такого разговора всего бы лучше пригласить священника. Однако-жъ онъ сознавалъ въ то же время, что изъ приличія нужно что-нибудь сказать въ отвѣтъ на покаянныя рѣчи Петра Васильевича, и, воспользовавшись его вздохомъ, проговорилъ:

— Всѣ мы грѣшны и толковать нечего.

— Такъ, голубчикъ, такъ! Это вѣрно, грѣшны... Только вотъ что, ты смотри, помалчивай...

Ефимъ Ѳедоровичъ притаилъ дыханіе и весь обратился въ слухъ.

— Случилась у меня такая, признаться... Охъ!. Непріятная исторія...—продолжалъ Петръ Васильевичъ, сильно понизивъ тонъ.—Я ужъ и не знаю, голубчикъ мой, какъ тебѣ и передать. Человѣкъ ты, конечно, надежный...

Ефимъ Ѳедоровичъ по свойственной ему быстротѣ сообразительности уже понялъ, что ему предстоитъ услышать нѣчто секретное, и поспѣшилъ увѣрить что онъ «насчетъ тайны—могила».

— Знаю, знаю, другъ... охъ!.. Припри-ка дверь поплотнѣе!—прошепталъ Петръ Васильевичъ.

Ефимъ Ѳедоровичъ быстро, но тихими шагами ступая только на концы сапогъ, подошелъ къ две

Digitized by Google

и заперъ ее на ключъ. Когда онъ снова рядомъ сѣлъ съ Петромъ Васильевичемъ, тотъ даже улыбнулся, въ поощреніе такой его догадливости, и покровительственно потрепалъ его по плечу.

— Умный ты человѣкъ, съ разумѣніемъ!—сказалъ онъ и послѣ такого ласковаго вступленія сталъ шепотомъ разсказывать ему о своей бѣдѣ. Ефимъ Ѳедоровичъ отъ этого разсказа смутился. Его единственный лѣвый глазъ, справлявшій службу и за себя и за своего потускнѣвшаго товарища, горѣлъ неестественнымъ блескомъ.

— Такъ вотъ, братъ Ефимъ, каковы дѣла!—вздохнувъ, сказалъ Петръ Васильевичъ въ заключеніе своего грустнаго объясненія.

— Да-съ, оно точно что... Не аккуратно вышло.

— Тотъ пройдоха подвелъ, — продолжалъ Петръ Васильевичъ,—видимое дѣло, искалъ случая накрыть.— Петръ Васильевичъ помолчалъ и потомъ, глубоко вздохнувъ, добавилъ:—срамъ!

— Вамъ бы на мировую!—вкрадчиво замѣтилъ Ефимъ Ѳедоровичъ.

— Да вѣдь онъ, окаянный, на это и метитъ...

— Ну такъ не зѣвайте, Петръ Васильевичъ, миритесь...

— Легко сказать! Пятнадцать тысячъ заломилъ.

— Цѣна несообразная! — рѣшительно замѣтилъ Ефимъ Ѳедоровичъ.

— А какъ-никакъ надо, Ефимъ, дѣйствовать.

— Уступитъ чай...

— Въ томъ-то и причина, что ломается.!. Понимаетъ, что такъ оставить мнѣ дѣло нельзя... мораль...

— Да... Некрасиво...

Ефимъ Ѳедоровичъ крѣпко сжалъ губы и уставилъ ой единственный глазъ на разстроенное лицо Петра асильевича. Въ его головѣ копошились разные планы йствій по пріисканію благополучнаго ему выхода зъ затруднительнаго положенія. Подергивая свою сѣ-

Digitized by Google

ренькую бороденку, онъ вдругъ оживился и поспѣшно поднялся со стула.

— А знаете, что, Петръ Васильевичъ,—зашепталъ онъ,—вѣдь можно ваше дѣло оправить не въ примѣръ дешевле?

— Какъ это? — недовѣрчиво спросилъ Петръ Васильевичъ.

— Такъ-съ... Иными путями, окольными. Надо только осторожнѣе, чтобы не оступиться.

— Да ты говори проще, чего узоры-то разводишь!

— Я безъ узоровъ. Я говорю, что ежели господину Захарченкову ввалиться прямо, т.-е. значитъ, не подготовивъ дѣла, все равно какъ, напримѣръ, безъ разсудку, то какой же изъ этого выйдетъ прокъ? Вѣдь господинъ Захарченковъ, можно сказать, довольно явственно понимаетъ, что въ его рукахъ вся сила.

— Да ты о чемъ?

— Я на счетъ того, нельзя ли какъ дешевле. Сначала сторонкой, проселочкомъ, тихими стопами, а потомъ ужъ можно будетъ съ нимъ и поторговаться... Тогда ужъ навѣрняка пойдемъ и онъ безпремѣнно уступитъ.

Ефимъ Ѳедоровичъ еще понизилъ тонъ своего шепота и, склонившись почти къ самому уху Петра Васильевича, продолжалъ:

— Вѣдь, согласитесь, все дѣло въ протоколѣ, не будь его, окаяннаго,—и все тогда ни почемъ: безъ протокола и дѣло поднять нельзя...

— Ну, такъ что же изъ этого?

— А тоже,—продолжалъ Голоножкинъ откашливаясь,—нельзя ли его—гм-гм—этотъ самый протоколъ какъ-нибудь неосторожно чернилами, напримѣръ, залить, да такъ, что и словъ не разобрать?.. Или вотъ тоже бываетъ... шкафъ какъ-нибудь случайно загоритъ... Понимаете?..

— Охъ, Ефимъ, не знаю...

— Дѣло чистое. Ежели Богъ дастъ, обработаемъ, тогда господинъ Захарченковъ значительно поотмякнетъ

Digitized by Google

и можно будетъ торговаться съ нимъ сколько угодно.

Прошептались они съ полчаса, и когда Голоножкинъ собрался уходить, Петръ Васильевичъ проводилъ его въ переднюю и глубоко вздохнулъ.

«Боже, Боже мой, вонми ми!»—мысленно взывалъ онъ.

XVIII.

Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ вечера, почему-то надѣясь, что Ефимъ Ѳедоровичъ зайдетъ къ нему по крайней мѣрѣ съ вѣстью о ходѣ дѣла; но «кривой Ефимъ» не зашелъ. Утро слѣдующаго дня прошло тоже въ томительномъ ожиданіи его прихода. Прождавъ часа два, Петръ Васильевичъ послалъ за нимъ приказчика съ запиской слѣдующаго содержанія: «Гдѣ ты?.. Чего дѣлаешь?.. Прискорбно!..»—но приказчикъ никакого извѣстія ни о Голоножкинѣ, ни о его дѣятельности не привезъ, такъ какъ дома его не засталъ и записки ему не передалъ. Петръ Васильевичъ за это время даже похудѣлъ. Хотя онъ старался держаться попрежнему въ спокойномъ состояніи духа, но стоило только дрогнуть звонку въ передней, какъ тотчасъ же взглядъ его принималъ тревожное испуганное выраженіе. Прислушиваясь къ доносившимся въ его комнату звукамъ извнѣ, Петръ Васильевичъ не разъ представлялъ себѣ, какъ кривой Ефимъ войдетъ въ переднюю, заныряетъ своимъ единственнымъ глазомъ во всѣ стороны, и по угламъ, и по стѣнамъ, и потомъ, сдержанно покашливая, пройдетъ тихими шагами въ его кабинетъ.

«А что если ему не удастся?..» томился Петръ Васильевичъ и не зналъ куда уйти отъ своихъ сомнѣній и ожиданій.

Вечеромъ появился наконецъ Ефимъ Ѳедоровичъ въ его кабинетѣ. Войдя, онъ притворилъ дверь, обдернулъ свой потертый сюртучишко, на которомъ недоставало нѣсколькихъ пуговицъ, и, присѣвъ поближе къ хозяину,

Digitized by Google

сталъ ему о чемъ-то нашептывать, оглядываясь по временамъ на дверь.

— Ничего, Петръ Васильевичъ, Богъ не безъ милости,—сказалъ онъ въ заключеніе своего шепота.

Пробылъ онъ на этотъ разъ у него въ кабинетѣ всего минутъ съ десятокъ. Потомъ Петръ Васильевичъ ушелъ зачѣмъ-то въ спальную и грустный, съ нескрываемыми вздохами, возвратился въ кабинетъ, держа въ рукахъ солидную пачку билетовъ. Ефимъ Ѳедоровичъ принялъ отъ него деньги счетомъ, бережно положилъ ихъ въ карманъ и застегнулъ сюртукъ на всѣ оставшіяся цѣлыми пуговицы.

— Ежели, Ефимъ, все благополучно,—тебѣ пятьсотъ особо.

— Объ этомъ, Петръ Васильевичъ, что говорить, только бъ Богъ помогъ, а тамъ сочтемся...

Съ деньгами онъ отправился въ одинъ изъ плохенькихъ трактировъ. На улицѣ было уже совсѣмъ темно, фонари догорали и только рѣдко-рѣдко кое-гдѣ еще меркали ихъ слабые потухающіе огоньки.

Оказалось, что въ трактирѣ поджидалъ Голоножкина не кто другой, а тотъ же самый Погуляевъ, который такъ усердно разыскивалъ тайные пути Петра Васильевича на городскія окраины. Въ ожиданіи прихода Ефима Ѳедоровича, онъ сидѣлъ въ отдѣльной комнатѣ трактира и мирно распивалъ чай. На столѣ передъ нимъ стоялъ чайный приборъ, графинчикъ съ коньякомъ и блюдце съ кусочками тонко нарѣзаннаго и посыпаннаго мелкимъ сахаромъ лимона. Сообразивъ по времени, что Голоножкину пора быть, онъ вышелъ изъ комнаты и сталъ расхаживать тихими и неторопливыми шагами около буфета, посматривая на входную съ улицы дверь.

Буфетчикъ, мясистый, краснолицый парень лѣтъ подъ тридцать, съ маленькой черной бородкой и напомаженными волосами, стоялъ за стойкой въ фартукѣ зеленаго цвѣта и, потягивая изъ тусклаго стакана жиденькій чай, взглядывалъ по временамъ на входную

Digitized by Google

дверь. Дверь была на блокѣ. Кирпичъ, окутанный въ тряпки и привязанный на-крестъ веревкой, поднимался и опускался на ней при входѣ каждаго посѣтителя съ визгомъ и шипѣніемъ. Съ улицы при этомъ въ комнату врывалось цѣлое облако воздуха и мгновенно разсѣивалось въ сыромъ туманѣ затхлой и пахнувшей плѣсенью буфетной комнаты. Окна въ ней были тусклыя, грязныя, съ мокрыми подоконниками и ледяными наростами на нижнихъ перекладинахъ рамъ, и лампа, висѣвшая надъ стойкой, установленной бутылками и графинами, давала тусклый желтоватый свѣтъ.

Погуляевъ тоже не безъ пытливости заглядывалъ на входную дверь, поджидая Голоножкина.

— Тиха нонѣче у насъ торговля! — замѣтилъ буфетчикъ, обращаясь къ нему.

— Отчего такъ?—мрачно спросилъ Погуляевъ, не удостоивъ его даже и взглядомъ.

— Дѣловъ мало, потому... Теперича, какъ дѣла пошли все въ заминку, и неурожаи, и вообще... отъ этого отъ самаго...

Погуляевъ промолчалъ и покосился на завизжавшую въ это время дверь. Вошелъ мужикъ съ обледенѣвшими отъ холода усами и заиндивѣвшей бородой. Онъ былъ одѣтъ въ дубленый полушубокъ и овчинную сверхъ него шубу. Выпивъ стаканъ водки, онъ крякнулъ и, отмахнувъ мѣховыя полы одежды, полѣзъ правой рукой куда-то въ самую глубь своихъ штановъ за деньгами, и при этомъ долго сопѣлъ и пыхтѣлъ, пока досталъ оттуда нѣсколько мѣдныхъ монетъ. Выпивъ второй стаканъ, онъ опять крякнулъ, отеръ рукой губы и, не закусывая, ушелъ обратно.

— Вотъ и вся торговля! По гривнамъ собираемъ,— мрачно сказалъ буфетчикъ, когда дверь съ визгомъ и шумомъ затворилась за ушедшимъ мужикомъ.—А что какъ,—вдругъ оживляясь спросилъ онъ,—поймали?

Погуляевъ тревожно на него оглянулся, изумленный его громкимъ вопросомъ.

— Кого?—спросилъ онъ.

Digitized by Google

— А того самаго, помните, кассира-то?

Погуляевъ промолчалъ.

— Гдѣ поймать,—продолжалъ буфетчикъ,—удралъ, чай, по чугункѣ. Теперь надо ждать, пока самъ обозначится.

— Кто?—сердито спросилъ Погуляевъ.

— Да этотъ самый кассиръ-то! Мать у него, сказываютъ, здѣсь и двѣ сестренки, въ бѣдности будто бы значительной и плачутъ.

Погуляевъ пересталъ ходить, и, явно выведенный изъ терпѣнія лживостью фактовъ, сообщаемыхъ буфетчикомъ, остановился противъ стойки и гнѣвно сказалъ:

— Что вы вздоръ городите! Кассиръ давно вернулся.

— Какъ такъ? Что такое это значитъ?

— Да такъ! Онъ только до сосѣдняго города и доѣхалъ и тамъ всѣ деньги въ карты спустилъ.

— Что-жъ теперь, въ кутузкѣ? — радостно спросилъ буфетчикъ.

— Нѣтъ, не въ кутузкѣ,—возвышая голосъ и даже какъ бы съ торжествомъ возразилъ Погуляевъ, — не въ кутузкѣ, а у насъ въ управленіи, по вольному найму за красненькую въ мѣсяцъ строчитъ.

— Какъ же это такъ?—изумился буфетчикъ:—вѣдь онъ долженъ бы находиться въ тюремномъ заключеніи?

— Мало ли что! Эка обрадовался, сейчасъ и въ тюрьму!—А на поруки развѣ нельзя? Его самъ же директоръ банка на поруки взялъ, да еще и пособіе выдаетъ.

— Грѣхи!..

— То-то вотъ и есть. Грѣхи!—ворчливо передразнилъ Погуляевъ,—а еще толкуешь, когда самъ ничего не знаешь. У директора-то банка давно хвосты позапачканы, а кассиръ-то, видно, знаетъ кое-что. Ну вотъ онъ ему до поры до времени и платитъ, пока самъ не убѣжитъ куда-нибудь, ужъ, разумѣется, подальше сосѣдняго города...

— Такъ что же начальство смотритъ?

Digitized by Google

— Ну вотъ еще, какое начальству до нихъ дѣло: у нихъ свой уставъ.

— Да развѣ уставъ для того, чтобы обворовывать?

— Да ужъ это не твое дѣло. Ты знай свою стойку.

Погуляевъ замѣтно былъ въ гнѣвномъ настроеніи, впрочемъ не оттого, что буфетчикъ говорилъ «несообразное», а по той простой причинѣ, что Ефимъ Ѳедоровичъ Голоножкинъ такъ долго просрочилъ противъ назначеннаго имъ самимъ времени прихода въ трактиръ.

Дверь, наконецъ, растворилась и Ефимъ Ѳедоровичъ вошелъ.

— Ахъ, здравствуйте!—весело привѣтствовалъ онъ Погуляева,—вотъ случай-то... Давненько мы съ вами не видались!

И Погуляевъ въ такомъ же тонѣ отвѣчалъ ему, явно для того, чтобы не дать повода буфетчику къ какимъ-либо подозрѣніямъ насчетъ ихъ свиданія.

Они ушли въ отдѣльную комнату и потребовали себѣ «кипяточку».

— Ну что? Какъ?—шепотомъ спросилъ Погуляевъ.

— Привезъ, — тоже шепотомъ отвѣтилъ Ефимъ Ѳедоровичъ.

И опять оба громко заговорили, что долго не видались, что рады случайной встрѣчѣ.

— Чудесно!—восторженнымъ тономъ сказалъ Погуляевъ и шепотомъ добавилъ:—тысячу, да?

— Да, — прошепталъ Ефимъ Ѳедоровичъ и тоже восторженно произнесъ въ слухъ:—Превосходно! Великолѣпный случай!.. Ну, какъ супруга ваша? Каково здравствуетъ?

— Ничего, прыгаетъ!

— Эй, господинъ буфетный начальникъ!—крикнулъ Голоножкинъ, — соблаговолите еще графинчикъ этого самаго снадобья, да и алимончику подсыпьте, сколько слѣдуетъ, по препорціи.

Буфетчикъ оживился и забѣгалъ съ подносомъ проворно, переваливаясь съ ноги на ногу.

Digitized by Google

Однако же, несмотря на второй опорожненный графинчикъ коньяку, Голоножкинъ и Погуляевъ оставили трактиръ въ самомъ спокойномъ и приличномъ настроеніи духа. Ефимъ Ѳедоровичъ, впрочемъ, немножко заплеталъ языкомъ, но Погуляевъ и тѣни опьянѣнія не имѣлъ. Для него, какъ для привыкшаго солидно выпивать, требовалась уже не такая малая доза выпивки, чтобы быть пьянымъ.

Возвратясь домой, онъ и виду не подалъ женѣ, что получилъ деньги, и только уже утромъ, когда она ушла на рынокъ, онъ, оставшись одинъ въ комнатѣ, вновь пересчиталъ пачку кредитныхъ билетовъ, полученныхъ имъ отъ Голоножкина. Билеты все были сотенные и числомъ ровно десять штукъ; но увы! они были разорваны пополамъ; одна половина ихъ осталась пока у Голоножкина и по условію должна была перейти въ руки Погуляева только тогда, когда онъ поможетъ смягчить несоразмѣрныя требованія Іадора Сергѣевича.

XIX.

На другой день послѣ описанной встрѣчи Голоножкина съ Погуляевымъ, Іадоръ Сергѣевичъ на парѣ своихъ быстроногихъ лошадей укатилъ куда-то за городъ верстъ за десять въ татарскую деревню, гдѣ поджидали его пріятели, отправившіеся туда же и затѣмъ же, за чѣмъ и онъ самъ отправился; т.-е. просто для развлеченія.

Тамъ въ одномъ изъ татарскихъ домовъ они пили чай, закусывали, шутили съ татарками, заставляли ихъ пѣть пѣсни и сами пѣли. Іадоръ Сергѣевичъ гремѣлъ своимъ страшнымъ голосомъ и нѣсколько ра провозглашалъ многолѣтіе всему царствующему до и христолюбивому воинству. Татарки зажимали уш жмурились и жались одна къ другой, пугаясь его г лоса; но когда затихалъ, наконецъ, звукъ послѣдни его словъ «на многа-ая лѣ-ѣта», онѣ хихикали, толка

Digitized by Google

одна другую локтями и что-то лепетали по своему, показывая на него взглядами.

Черезъ нѣсколько времени, когда вся компанія, бывшая съ Іадоромъ Сергѣевичемъ, собралась уѣзжать, самая старшая изъ татарокъ подошла къ нему и, легонько тронувъ его раза два по плечу, сказала:

— Пожалуйста еще... громъ пущай мало-мало...

Польщенный такимъ вниманіемъ, Іадоръ Сергѣевичъ еще разъ провозгласилъ многолѣтіе, да такъ громко, что бывшіе во дворѣ татары всѣ вдругъ забормотали что-то по своему и замахали руками.

Успѣхъ, такимъ образомъ, не подлежалъ сомнѣнію. Находясь подъ благотворнымъ его вліяніемъ, Іадоръ Сергѣевичъ возвращался домой въ прекрасномъ расположеніи духа.

Такъ какъ онъ выѣхалъ изъ города уже въ сумерки и пробылъ въ деревнѣ добрыхъ часа три, то ко времени возвращенія его въ городъ часы показывали уже около девяти и нужно было спѣшить, чтобы не опоздать къ карточному столу. Гналъ онъ на своихъ быстроногихъ коняхъ такъ, что комья снѣгу летѣли отъ конскихъ копытъ направо и налѣво и снѣжная пыль густымъ облакомъ вздымалась надъ санями точно во время метели. Веселъ и радостенъ былъ Іадоръ Сергѣевичъ, и не только потому, что такъ хорошо и вволю «прокричался», а главнымъ образомъ по той понятной причинѣ, что прозрѣвалъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ полученіе отъ Петра Васильевича солиднаго куша. Поглаживая свои длинные усы и не безъ удовольствія взглядывая по временамъ на мелькавшія въ снѣжной пыли ноги пристяжныхъ, онъ думалъ о томъ, что Петръ Васильевичъ крѣпко сидитъ въ его тискахъ и волей-неволей развяжетъ для него свою тугую мошну.

Но давно уже старые люди замѣтили, что жизнь наша полна превратностей и скорбей, обманутыхъ надеждъ и такъ далѣе, что въ ней за минутами радостей и удовольствій непремѣнно слѣдуетъ или скука,

Digitized by Google

или новыя огорченія—и въ этомъ пришлось убѣдиться Іадору Сергѣевичу не болѣе какъ черезъ часъ послѣ его многогласныхъ провозглашеній многолѣтія русскому царю въ татарской деревнѣ. Только что примчался онъ къ воротамъ своей квартиры, какъ былъ встревоженъ докладомъ представшаго предъ нимъ на вытяжку дежурнаго.

— Ты что... сычемъ смотришь?—гнѣвно спросилъ Іадоръ Сергѣевичъ.

— Честь имѣю донести вашему высокоблаг...

— Чо-оррть! Говори короче!

— Въ канцеляріи едва не случился пожаръ, но былъ во время захваченъ.

— Отчего? Когда? Въ которомъ часу?

— Полчаса назадъ... По неосторожности...

— Скоты! Ослы!.. Я васъ всѣхъ переберу!..—закричалъ Іадоръ Сергѣевичъ, поспѣшно идя въ комнаты канцеляріи.

Оказалось, что тотъ самый бѣглый кассиръ, которому Іадоръ Сергѣевичъ изъ снисхожденія къ директору банка далъ временныя занятія въ канцеляріи, нечаянно разбилъ керасиновую лампу и чуть не сжегъ всего управленія со всѣми его шкафами, столами и бумагами. Сгорѣлъ только одинъ шкафъ, но къ огорченію Іадора Сергѣевича именно тотъ, въ которомъ хранился запертый имъ самимъ на ключъ протоколъ о Петрѣ Васильевичѣ и его «голландіи». Оказалось притомъ, что только благодаря находчивости Погуляева пожаръ былъ во время потушенъ, и, не случись его въ это время въ канцеляріи, бывшій кассиръ не сумѣлъ бы такъ сравнительно благополучно справиться съ огнемъ.

Іадоръ Сергѣевичъ, разумѣется, распекъ по этому случаю весь свой штатъ, какъ говорится, на всѣ корки. Перетресъ онъ за плечи всѣхъ, кто только подвертывался къ нему въ это время подъ руку, не исключая и самого Погуляева. Бывшему кассиру досталось, разумѣется, тоже не меньше чѣмъ другимъ — и въ

Digitized by Google

винтъ въ этотъ вечеръ Іадоръ Сергѣевичъ уже не игралъ.

Точно нарочно вскорѣ послѣ того, какъ онъ, совсѣмъ уже разстроенный и ослабѣвшій отъ продолжительнаго гнѣва, свалился на диванъ, проклиная день своего рожденія, его снова потревожили извѣстіемъ о пожарѣ.

— Ну его къ чорту, потухнетъ самъ! — мрачно отвѣтилъ онъ и послалъ вмѣсто себя одного изъ подчиненныхъ.

Часа два спустя ему донесли, что сгорѣлъ только одинъ домишко, въ которомъ жилъ кузнецъ съ женою и ребенкомъ. Кузнецъ былъ сильно пьянъ, жена больна, ребенокъ малъ и они едва сами не сгорѣли.

— Чортъ съ ними!—злобствовалъ по этому случаю Іадоръ Сергѣевичъ, озабоченный думами объ исходѣ предстоящихъ ему переговоровъ съ Петромъ Васильевичемъ.

На другой день утромъ нѣмецъ аптекарь, передавая кому-то изъ своихъ покупателей о ночномъ пожарѣ, сообщилъ:

— О, я! пожарь билъ очень довольна порядочни и чуть-чуть не сгорѣлъ и кузнецъ, и его больная кузница и ихъ маленькій кузнечикъ...

XX.

Но извините. Мой разсказъ подходитъ къ окончанію. Вы, можетъ быть, желаете знать дальнѣйшія подробности объ отношеніяхъ Петра Васильевича къ Іадору Сергѣевичу, Погуляева къ Голоножкину и такъ далѣе. Я ничего не могу вамъ о нихъ передать. Я знаю только, что директоръ городского банка дѣйствительно скрылся изъ П. неизвѣстно куда и банковская кладовая, гдѣ хранились деньги, оказалась пустою. Бѣглаго кассира судили и признали невиновнымъ, такъ какъ онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ какого-то «аффекта» и безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія. Разумѣется,

Digitized by Google

какая же обдуманность была въ его дѣйствіяхъ, когда украденныхъ пятнадцати тысячъ хватило всего чуть-ли не на два дня. Петръ Васильевичъ должно быть «сторговался» съ Іадоромъ Сергѣевичемъ, потому что никакого дѣла ни о немъ, ни о его «голландіи» въ судѣ не возникало, да и самъ онъ съ нѣкотораго времени замѣтно повеселѣлъ и преблагодушно разговариваетъ въ церкви съ покупателями свѣчей.

— Вамъ что? Свѣчечку?—спрашиваетъ онъ,—какую вамъ свѣчечку? Пятачковую? Хорошо-съ... Чаю воскре-се-нія мертвыхъ!.. Такъ пятачковую? Сейчасъ! Пожалуйте! Покорнѣйше благодарю...

Тонъ его до такой степени пріятенъ и благодушенъ, что я, невольно поддаваясь ему, скажу и вамъ тоже:

— Вамъ что, разсказецъ? Какой вамъ разсказецъ? Веселенькій? Хорошо-съ! Извольте, пожалуйте!.. Покорнѣйше благодарю за вниманіе. До свиданія!

Digitized by Google

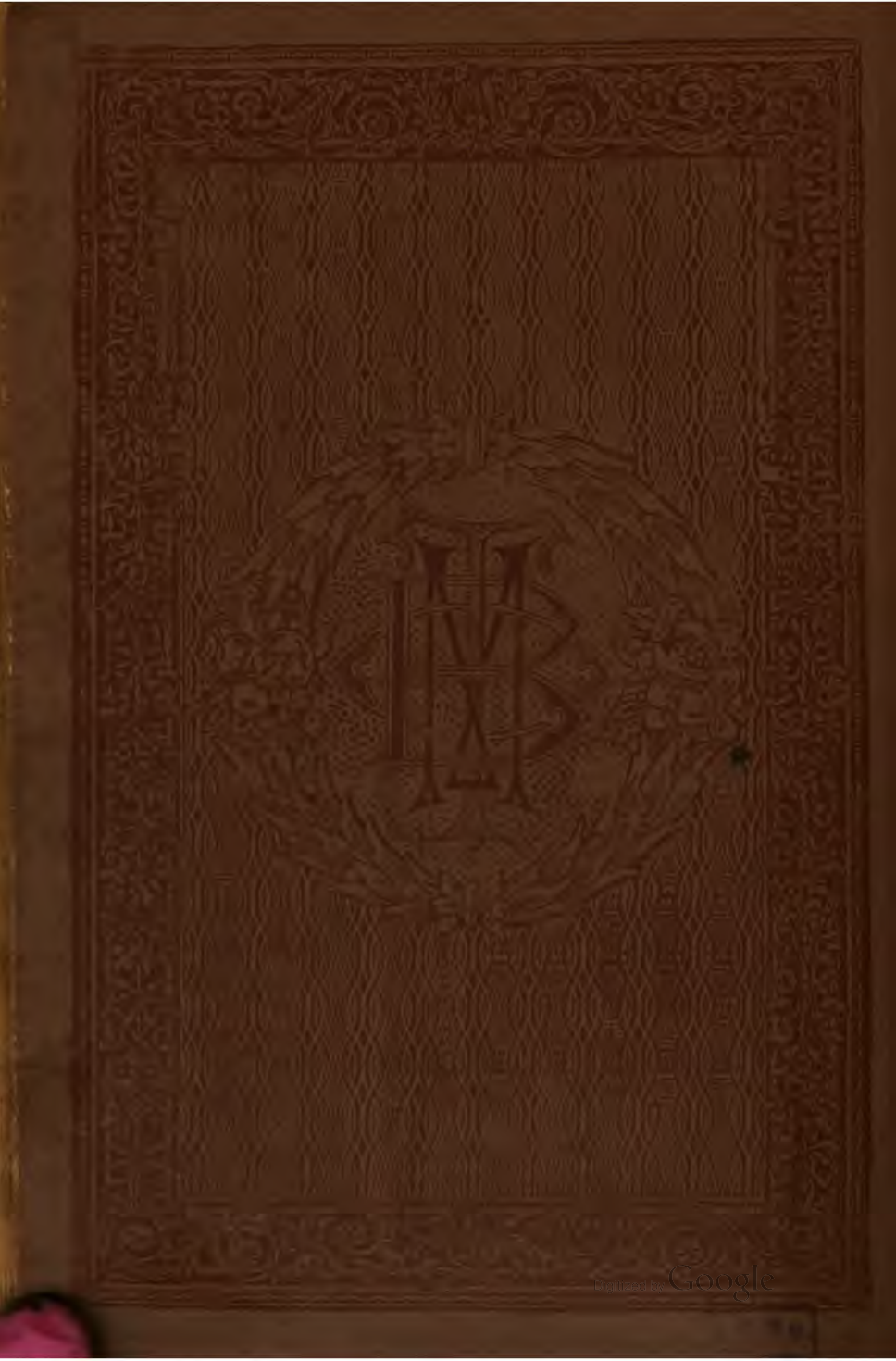
СОДЕРЖАНІЕ ВОСЬМОГО ТОМА

	стр.
НЕУГАСАЮЩІЙ СВѢТЪ.—Романъ	1
ТИШЬ ДА ГЛАДЬ.—Разсказъ	231

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google


Digitized by Google